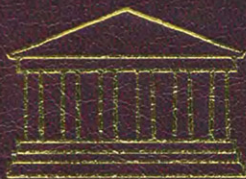

В. И. ГЕРЬЕ

История римского народа

«Просвещение»

Исторія

РИМСКАГО НАРОДА

Курсъ лекцій, читанныхъ Ордин. Профессоромъ

ВЛ. ИВ. ГЕРЬЕ.

1887 г. МОСКВА

*Титульный лист литографированного
издания лекций В. И. Герье*

Владимир Иванович Герье

В.И.ГЕРЬЕ

История римского народа

Курс лекций,
читанных ординарным профессором
В.И.Герье на Московских высших
женских курсах в 1887 году

Москва «Просвещение» 2002

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32
Г42

Федеральная целевая программа
«Интеграция науки и высшего образования России
на 2002–2006 гг.»

Учебно-научный центр высшего педагогического образования

Предисловие — В. Л. Матросов
Вводные статьи — А. В. Лубков, П. Ю. Савельев, А. В. Юдин
Подготовка текста и комментарии — А. В. Юдин

Редакционная коллегия: В. Л. Матросов (председатель), А. В. Лубков,
Д. А. Мельников, И. А. Дворецкая, П. Ю. Савельев,
А. В. Юдин (ответственный редактор)

Герье В. И.

История римского народа : Курс лекций, читанных ординар.
Г42 проф. В. И. Герье на Моск. высш. жен. курсах в 1887 г. / В. И. Герье; Предисл. В. Л. Матросов; Ввод. ст. А. В. Лубков и др.; Подгот. текста и коммент. А. В. Юдин; Редкол.: В. Л. Матросов и др. — М. : Просвещение, 2002. — 349с. — ISBN 5-09-011658-X.

Лекции В. И. Герье по истории Древнего Рима, читанные на Московских высших женских курсах в 1887 году, были изданы способом литографии в том же году. Они представляют собой не только важный источник по истории отечественного антиковедения, но также исключительную библиографическую редкость. Теперь эти лекции публикуются в настоящей книге, подготовленной к 130-летию Московского педагогического государственного университета. Они содержат большой фактический материал, интересные бытовые экскурсы, ценные рассуждения ученого.

Книга представляет интерес для исследователей, преподавателей истории, студентов и широкого круга читателей.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 5-09-011658-X

© Издательство «Просвещение», 2002
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2002
© Предисловие. Вводные статьи.
Примечания. МПГУ, 2002
Все права защищены

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ	12
ПРЕДИСЛОВИЕ	
Владимир Иванович ГЕРЬЕ: человек, ученый, педагог и общественный деятель	14
Научная деятельность В. И. Герье и развитие отечественного антиковедения в конце XIX — начале XX века	28
ОБЩИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РИМА	37
ЧАСТЬ I Рим в начале республиканского периода	42
Римская территория	42
Постройки древнего Рима	43
Население Рима	45
Политическая организация римского народа в начале республиканского периода	48
Консулат	49
Квестура	52
Диктатура	52
Interrex	52
Senatus	53
Народное собрание	53
ЧАСТЬ II Борьба патрициев и плебеев	59
Причины борьбы	59
Политическая сторона	60
Экономическая сторона	61
Должники в Риме	63
Nexum и Nexus	69
ПЕРВЫЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ	72
Трибунат	72

Развитие значения трибунов	74
Трибы	80
Comitia tributa	83
История трибут-комиций	84
Деятельность трибут-комиций	91
Подача голосов в трибут-комициях	93
Децемвират	94
Цель децемвирата. Двойное представление	94
Постепенные успехи плебеев в борьбе против патрициев . .	96
Гипотеза Нибура	98
Причины падения децемвиров	100
Сомнительный процесс Виргинии	101
Аппий Клавдий	103
Законодательная деятельность децемвиров	105
Leges Valeriae-Horatiae	114
ВТОРОЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ	115
Connubium. Lex Canuleia	116
Консуляр—трибуны	117
Цензоры	118
Leges Liciniae-Sextiae	120
Претура	122
Курульный эдилитет	122
Последние уступки патрициев	124
ЧАСТЬ III Краткий обзор развития внешнего могущества Рима в Италии	127
Результаты примирения сословий	127
Общий обзор. Два периода завоевания Римом Италии	127
Первый период завоевания Римом Италии	128
Враги Рима	128
Второй период завоевания Римом Италии	132

Самнитские и Латинские войны	135
Первая Самнитская война	135
Латинские войны	135
Колонии	137
Вторая Самнитская война	138
Третья Самнитская война	140
Объединение Центральной Италии под властью римлян	141
Столкновение римлян с народами Северной Италии	142
Тарентинская война	142
Колонии	146
Римские колонии	147
Латинские колонии	148
Ager Romanus	153
Nomen Latinum	157
Socii	157
Военные силы римлян	161
ЧАСТЬ IV Духовная сторона жизни Древнего Рима	164
Римская религия	164
Культ предков	165
Поклонение силам природы	165
Отношение римлян к богам	166
Формализм религии	168
Значение древней религии для римлян	168
Римские жрецы	170
Предпосылки падения роли религии в римской жизни	170
Семейный быт	172
Fas и mos	174
Организация семьи	175
Положение раба в семье	176

Положение сыновей	180
Положение женщины	180
Значение римской семьи для государства	182
Отношение древнего римлянина к государству	183
Римский патриотизм	183
Идеалы римского патриотизма	185
Характер римской демократии	186
Влияние завоевания Италии на быт римлян	186
Обогащение римлян	186
Упадок нравственности	188
Заимствования у греков	188
Образованность	189
Изменения политической организации Рима	189
Tribus urbanae et rusticae	190
Мера Алпия Клавдия	190
Преобразование центуриат-комиций	191
Нобилитет	193
Новый антагонизм в Риме	194
ЧАСТЬ V Завоевание Рима вне Италии	196
Первая Пуническая война	196
Повод к столкновению	197
Государственная организация Карфагена	198
Причины успеха римлян в первой Пунической войне	199
Присоединение Сицилии	200
События между первой и второй Пуническими войнами	200
Наемническая война в Карфагене и занятие римлянами Сардинии и Корсики	200
Баркиды и завоевание Испании карфагенянами	201
Завоевание римлянами Ривьеры и Иллирийская война	202
Завоевания римлян в Северной Италии	202

Lex Claudia	203
Вторая Пуническая война	204
Поход Ганнибала из Испании в Италию	204
Победы Ганнибала над римлянами в Цизальпинской Галлии	205
Ганнибал в Центральной и Южной Италии	206
Наступательные действия римлян	207
Организация завоеванной Сицилии. Провинции	208
Publicani	209
Завоевания Рима на Востоке и третья Пуническая война	210
Первая Македонская война	211
Война с Антиохом Сирийским	211
Вторая Македонская война	212
Третья Пуническая война и покорение Греции	213
ЧАСТЬ VI Влияние завоеваний вне Италии на внутреннюю жизнь Рима	215
Управление провинциями	215
Преторы	215
Lex Baebia	217
Появление проконсулов и пропреторов	217
Проконсульство	218
Отчетность провинциальных магистратов	221
Ответственность провинциальных магистратов	222
Поведение римских магистратов в провинциях	223
Политические процессы против провинциальных магистратов	224
Lex Calpurnia	229
Quaestio perpetua de repetundis	231
Leges Acilia et Servilia	232
Судьи в Quaestio perpetua de repetundis	233
Влияние завоеваний на общественный строй римлян	233

Всадническое сословие	234
Римское крестьянство	236
Пролетариат	239
Обогащение Рима	239
Борьба государства против упадка нравов	242
Влияние завоеваний на общественную жизнь	244
Влияние завоеваний на частную жизнь	245
Влияние завоеваний на религию	246
Влияние завоеваний на образованность римлян	249
Влияние завоеваний на политический строй Рима	251
Искание должностей	254
Отношение римлян к общественному недугу	258
ЧАСТЬ VI Эпоха реформ и смут	260
Аграрный вопрос	260
Тиберий Гракх	261
Аграрный закон Тиберия Гракха	264
Борьба за закон	270
Смерть Тиберия Гракха	274
Кай Гракх	276
Законы Кая Гракха	278
Смерть Кая Гракха	285
Положение Рима в конце II — начале I в. до Р. Х.	287
Кай Марий	288
Апулей Сатурнин и Сервилий Главция	289
Ливий Друз	293
Союзническая война	297
Сулла	299
Отношение к Сулле. Его организация управления	306
ЧАСТЬ VIII Зарождение империи	309
Помпей	309

Помпей и Юлий Цезарь	314
Цезарь	314
Первый триумвират	315
Юлий Цезарь	321
Права Цезаря	322
Почести Цезаря	323
Внутренние дела	324
Убийство Цезаря и его последствия	326
УКАЗАТЕЛЬ	328
ПРИМЕЧАНИЯ	335

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

130 лет назад, в 1872 году профессор Московского императорского университета В. И. Герье получил разрешение от министра народного просвещения графа Д.А. Толстого открыть в Москве Высшие женские курсы «в виде опыта, на четыре года». Детище Герье продолжает существовать и развиваться и поныне. Если бы Владимир Иванович не сделал больше в жизни ничего, всё равно его имя осталось бы в памяти, ибо он основал учебное заведение, которому было суждено внести весомую лепту в подготовку российского учительства.

Крупные события в культурной жизни, подобные открытию МВЖК, всегда отражают своеобразие эпохи. Далеко не случаен факт, что новое учебное заведение было основано в начале 70-х годов XIX столетия. Это было время Великих реформ, когда Россия вступила на путь обновления, когда преобразовывались все структуры общества — от экономики и политических институтов до культуры и образования. В истории реформ в России, пожалуй, только реформаторская деятельность правительства Александра II увенчалась, в основном и существенном, успехом. Он был достигнут благодаря тому, что реформаторы смогли обеспечить естественный, эволюционный характер реформ. На процесс реформирования самое благотворное влияние оказали такие обстоятельства, как учет исторических традиций России и забота о сохранении ее самобытности и неповторимого облика, обеспечение достойного места в мировой цивилизации. Успех реформ во многом обуславливался и тем, что не были забыты наука и культура: им дали возможность не только свободно развиваться, но и обеспечили серьёзную государственную поддержку.

Высшие женские курсы по замыслу их организаторов должны были дать слушательницам университетское образование. Об этом свидетельствует программа, составленная на основе методического опыта, накопленного учёными Московского университета в области преподавания истории, литературы, философии, физики, математики и других дисциплин. Университетский уровень подготовки выпускниц обеспечивался и составом преподавателей, многие из которых представляли цвет и славу отечественной научной мысли.

На долю курсисток выпало счастье слушать знаменитый и уникальный по научной глубине и художественной выразительности «Курс русской истории» Василия Осиповича Ключевского. На лекциях по философии с ними делились раздумьями выдающиеся русские философы Владимир Сергеевич Соловьёв и Лев Михайлович Лопатин. Для тех, кого привлекала литература, учителями стали талантливые литературоведы — Алексей Николаевич Веселовский, Николай Ильич Стороженко и Николай Саввич Тихонравов. В стенах МВЖК преподавал основатель отечественной школы географов — ученый-энциклопедист Дмитрий Николаевич Анучин. Так с первых дней существования Высших женских курсов складывались лучшие традиции нашего вуза — ос-

новательность научной школы, высокий профессионализм и научный авторитет профессорско-преподавательского состава, приоритет науки и глубоких знаний. Эти черты были характерны для нашего учебного заведения и в дальнейшем — в начале XX века, во времена 2-го МГУ, в период существования МГПИ имени В.И. Ленина и сегодня. Достаточно сказать, что университетом руководили такие крупные учёные, как Владимир Иванович Вернадский, Сергей Алексеевич Чаплыгин, Сергей Семёнович Намёткин.

В XIX веке не существовало вузовских учебников. Лекционные курсы были авторскими и представляли собой, как правило, уникальные научные исследования. Студенты их тщательно конспектировали, затем литографировали и распространяли. В некоторых случаях эти записи потом публиковались, как это было с лекциями Т. Н. Грановского, В. О. Ключевского, А. А. Корнилова, ставшими достоянием нескольких поколений наших соотечественников. Большая же часть литографированных курсов лекций с течением времени оказалась в спецхранах библиотек, стала библиографической редкостью. Это произошло и с лекциями В. И. Герье. Весьма эрудированный профессор всеобщей истории, как бы мы сказали сегодня, специалист широкого профиля, читал лекции по истории античности, средневековья и нового времени. Для данной публикации избраны лекции по истории Древнего Рима, которые Владимир Иванович читал курсисткам первого года обучения. Возможно, что по научной глубине, яркости изложения, воздействию на общество они и уступают знаменитым лекциям Ключевского, но тем не менее представляют собой образец тщательно продуманного лекционного курса, основанного на богатейшем фактическом материале и глубоком осмыслении ряда теоретических проблем древней истории. В лекциях Герье читателю импонирует особое внимание ученого к вопросам духовности, морали, человеческих взаимоотношений, быта рассматриваемой эпохи. Воспроизведение их текста в настоящем издании восстанавливает историческую справедливость по отношению к крупному общественному деятелю, организатору народного образования, незаурядному педагогу и учёному.

*Ректор МПГУ, Председатель Совета по педагогическому образованию
при Министерстве образования РФ,
член-корреспондент РАН,
академик РАО В. Л. Матросов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Иванович ГЕРЬЕ: человек, учёный,
педагог и общественный деятель

Публикуемые ниже лекции В. И. Герье читаны им на Московских высших женских курсах. Их основание в 1872 году положило начало российскому высшему женскому образованию. Это было поистине epochальное событие. К началу 70-х годов XIX века единственной страной в мире, где женщины имели равные права с мужчинами в получении образования, была Швейцария. Таким образом, тогда в разрешении «женского вопроса» Россия опередила многие западноевропейские демократические государства.

Процесс развития женского образования в нашем Отечестве протекал весьма неровно и противоречиво, в противоборстве его энтузиастов и противников. К 1888 году все женские курсы в стране, кроме Бестужевских в Санкт-Петербурге, были закрыты. Лишь в начале XX века началось возрождение этой системы. Одними из первых возобновили свою работу Московские курсы, стоящие у истоков крупнейшего педагогического вуза МГПИ — МПГУ.

История МВЖК и в целом высшего женского образования неразрывно связана с именем профессора всеобщей истории Московского университета В. И. Герье. Поэтому вполне закономерен наш интерес к его личности, его научному и педагогическому наследию.

Владимир родился в семье управляющего помещичьим имением в 1837 году. Его предки происходили из Лотарингии, откуда перебрались в Гамбург, а затем в Россию. Владимир рано осиротел. В 1845 году его отец умер, а семья осталась без средств к существованию, пользуясь помощью благотворительных организаций¹. Он никогда не забывал об этом. В зрелом возрасте, добившись прочного общественного положения и материального достатка, Владимир Иванович очень часто выступал жертвователем, оказывал поддержку нуждающимся, считая своим долгом отдать то, что когда-то получил сам. Он был членом ряда московских городских попечительств — «О бедных», «О домах трудолюбия».

Высокий, худой, с вытянутым лицом, самой выдающейся чертой которого был длинный и тонкий нос; очень тщательно причёсанный на косой пробор, со столь же тщательно расчёсанной на две стороны окладистой бородой; одетый в простой сюртук, он всей своей фигурой напоминал протестантского пастыря. Самая его внешность не располагала в его пользу: он как будто боялся уронить свое достоинство и от-

¹ Подробнее см.: Воспоминания В. И. Герье: Детство. Учение до получения кафедры // История и историки. — М., 1990. — С. 416–437.

делял себя от всех неприступной стеной. Многие считали его суровым, сухим и скупым человеком. На самом деле он просто никогда не афишировал своей помощи людям. Было бесчисленное количество лиц, которым он оказывал материальную помощь. О его сердечной теплоте свидетельствует такой случай. В семье его ученика профессора М. С. Корелина родилась дочь. В ночь на пятый день после рождения ребенка в соседнем доме случился пожар. Когда началась тревога, живший недалеко Герье встал, оделся и пришёл к дому Корелиных. Там дворник сказал ему, что сейчас будет звонить по квартирам, будить жильцов. Владимир Иванович запретил ему это делать и обещал стоять на подъезде, пока не минует опасность, и простоял более часа². Будучи глубоко лично обижен профессурой МВЖК, отстранившей его от руководства курсами в 1905 году, Герье ассигновал из своего капитала 4 тысячи рублей ежегодных выплат в качестве премий окончившим курс (три по 1 тысяче рублей), стипендий слушательницам (две по 400 рублей) и одного пособия на случай тяжёлой болезни³.

Характерной чертой его природы была потребность трудиться. «Личный труд есть великое условие и главный рычаг человеческой культуры», — считал В. И. Герье⁴. В детстве и юности он упорно учился, несмотря на бедственное материальное положение и отсутствие высоких покровителей. В 1858 году Герье окончил историко-филологический факультет Московского университета с двумя золотыми медалями «первым кандидатом» и был оставлен при кафедре всеобщей истории для написания диссертации и приготовления к учёному званию профессора. Столь же целеустремлённо и самоотверженно он занимался научной работой, оставив значительное историографическое наследство, педагогической деятельностью, воспитав многочисленных учеников, организацией образования, создав Московские высшие женские курсы, общественной деятельностью, являясь одним из лидеров либеральной московской профессуры.

Судьба В. И. Герье непростая и в чем-то трагична. «Сам западноевропеец, он требовал от русской действительности западноевропейских форм и действий, — писал академик Ю. В. Готье. — Стремясь к «разумному» компромиссу между обществом и тогдашним правительством, он всю жизнь оставался строгим конституционалистом и, понимая жизнь страны как договор о правах и обязанностях между обществом и правительством, слыл до 1905 года опасным либералом, а после — заядлым черносотенцем. В сущности, он не был ни тем ни другим, и ни одна из сторон его не понимала»⁵. Политическая программа Герье отличалась умеренностью и аккуратностью. Поэтому его отношения с либералами развивались крайне неровно. Тому же способст-

² ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед.хр. 16. Л. 4.

³ Там же. Ед.хр. 3. Л. 38.

⁴ Герье В. И. Теории и практика женского образования // Вестник Европы. — 1877. Апрель. — С. 670.

⁵ Московский университет в воспоминаниях современников. — М., 1989. — С. 560—561.

вовали и некоторые черты его характера. Делая прямые, нелицеприятные и очень язвительные замечания о людях, он создавал о себе мнение как о крайне самолюбивом, мнительном и вздорном человеке⁶. В ходе конфликта по поводу процедуры баллотировки на Учёном совете между старой частью профессуры, поддержанной редакторами «Московских ведомостей» М. Н. Катковым, П. М. Леонтьевым и Министерством народного просвещения, и новой, во главе с такими величинами, как профессора Б. Н. Чичерин и С. М. Соловьев, он принял сторону первых. Сложившееся о нем мнение как о консерваторе стало причиной его провала при избрании в первый раз на должность профессора Московского университета в 1868 году. И хотя министр народного просвещения граф Д. А. Толстой назначил его по высочайшему повелению сверхштатным ординарным профессором, Герье почитал невозможным продолжать работу, взял отпуск и уехал в двухлетнюю научную командировку за границу⁷.

Его политическая благонамеренность послужила одним из главных оснований при решении вопроса об открытии в Москве Высших женских курсов. На роль организаторов такого учебного заведения активно претендовала группа феминисток во главе с М. В. Трубниковой, Н. В. Стасовой и А. П. Философовой и фрондирующая профессура Санкт-Петербурга. Министерство предпочло удовлетворить прошение не политического кружка, а частного лица, к тому же предлагавшего открыть курсы «в виде опыта» только на четыре года⁸. В ходе этого «опыта» Владимир Иванович отстаивал право на существование своего детища, саму целесообразность высшего женского образования, ратовал за расширение учебной программы курсов и увеличение сроков обучения на них, по-отечески защищал слушательниц, нередко ставивших его в сложное положение своим участием в политических акциях. Все это, с одной стороны, осложнило его отношения с министерством, тем более, что ко второй половине 70-х годов эпоха реформаторских увлечений правительства подходила к концу, начинали набирать силу консервативные тенденции в политике. С другой стороны, позитивно изменялось отношение к Герье либерально настроенной общественности. Не случайно в 1876 году он был избран гласным Московской городской думы и Московского губернского земства, а затем его полномочия неоднократно подтверждались новыми выборами вплоть до 1906 года. В течение 30 лет он участвовал в работе 14 земских комиссий и возглавлял думскую комиссию «О пользах и нуждах общественных»⁹.

Важным этапом общественно-политической деятельности Герье было его участие в обсуждении вопроса об университетской реформе. В

⁶ Там же. — С. 495, 583.

⁷ ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед.хр. 3. Л. 3—4.

⁸ Там же. — Л. 1.

⁹ Подробнее см.: Воспоминания В. И. Герье о Московской городской думе // Московский архив. — Кн. 1. — С. 421—438.

1872/73 академическом году комиссия Министерства народного просвещения начала собирать материалы для составления нового университетского устава — Советов университетов. Профессор физики Московского университета Н. А. Любимов без согласования с Советом университета довёл до сведения комиссии своё личное негативное мнение относительно основных принципов, положенных в основание Устава 1863 года, и порядков, существующих в университете. Свою точку зрения он обнародовал в статье, опубликованной в «Русском вестнике». С ответом, отражавшим коллективную позицию профессорской корпорации, в авторитетном либеральном журнале «Вестник Европы» выступил Герье. Он считал, что для процветания русских университетов необходимо соблюдение двух принципов: их почётное и независимое положение и выбор профессоров Советом. Оба эти принципа предусмотрены Уставом 1863 года. Поэтому если он и нуждается в пересмотре, то только чисто редакционного характера. При этом Владимир Иванович подчёркивал, что речь не идёт о том, чтобы изолировать университеты, «оторвать от государственной почвы», создать в них привилегированную корпорацию, а о том, где провести черту между централизацией и автономией. Университеты нельзя противопоставлять министерству, ибо профессора, утвержденные правительством, представляют собой также органы Министерства народного просвещения, как и чиновники этого ведомства, не имеющие учёных степеней или оставившие занятия, которые доставили им эти ученые степени. Весь вопрос в целесообразном разделении труда: что предоставить коллективному обсуждению или, пожалуй, решению профессоров, а что — администрации¹⁰.

Н. А. Любимов продолжал сотрудничать с министерской комиссией и выступать в печати с «особым мнением». В. И. Герье неоднократно отвечал на эти статьи¹¹. Кульминацией этой полемики стало чрезвычайное заседание Совета Московского университета 13 января 1877 года. Выступления Любимова на нём были квалифицированы как ложные и оскорбительные для университета. В. И. Герье стал одним из инициаторов составления письма к Любимову, подписанного 35 профессорами, в котором ему высказывалось «нравственное осуждение», заявлялось о разрыве с ним всяких отношений, даже простого знакомства¹². События в Московском университете получили широкий общественный резонанс. Министерство народного просвещения расценило

¹⁰ См.: Герье В. И. Университетский вопрос. По поводу мнения профессора Любимова о пересмотре университетского устава // Вестник Европы. — 1873. — Апрель. — 825, 836.

¹¹ См.: Герье В. И. Письма об университетских письмах Любимова // Вестник Европы. — 1874. — Май; Он же. Наш Аргонавт (По поводу новых статей и новых идей г. Любимова) // Вестник Европы. — 1875. — Август; Он же. Свет и тени университетского быта // Вестник Европы. — 1876. — Февраль; Он же. По поводу статьи в «Русском вестнике» // Вестник Европы. — 1876. — Октябрь; Он же. К университетскому вопросу // Вестник Европы. — 1876. — Ноябрь.

¹² ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед.хр. 30.

действия Совета университета как «неправильные», а профессора В. И. Герье и С. А. Усов получили выговор. Ректор университета академик С. М. Соловьёв был вынужден подать в отставку. В 80–90-х годах Герье воспринимался общественностью как один из видных лидеров московской либеральной профессуры. Тогда обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев писал о нём с осуждением как об «известном московском агитаторе и ораторе»¹³.

Политический кризис, который переживала Россия в начале XX столетия, вновь меняет взаимоотношения Герье с властными структурами и общественностью. Сторонник конституционной монархии, Владимир Иванович не мог одобрять радикальных увлечений молодежи того времени. Выступая перед слушателями 15 сентября 1900 года — в день возобновления работы МВЖК после почти двенадцатилетнего перерыва, главный акцент в своей речи Герье делает на предостережении курсисток от участия в студенческом движении¹⁴. Однако надежды его оказались тщетными. Массовые студенческие волнения начала века вызвали правительственное распоряжение об отдаче в солдаты 183 студентов Киевского университета. Это решение вызвало ответные акции студентов по всей стране. На протяжении всего 1901 года университетские города России были похожи на растревоженный улей. Либеральное общество симпатизировало студентам.

В феврале 1901 года Совет Московского университета создал комиссию, призванную разобраться в причинах беспорядков. Ее возглавил доктор медицины Д. Н. Зернов, а в состав ее вошли В. И. Герье, В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, Н. А. Умов, В. К. Цераский, А. Б. Фохт и другие профессора. В докладе комиссии студенческие выступления рассматривались как явление, «связанное со всем бытом страны», с «особенностями исторического момента, переживаемого Россией». Авторы доклада видели главными причинами волнений Университетский устав 1884 года и административный произвол в отношении студентов, который «порождает сознание несправедливости и злобу». С другой стороны, констатировалось, что университет становится «отдушиной, через которую люди всех рангов и сословий стараются пропустить свое недовольство, будет ли то недовольство политическое, экономическое, социальное». Профессора призывали студентов прекратить беспорядки, продолжить занятия, отдать решение «университетского дела» в руки ученой корпорации, не позволять университетский вопрос «раздуть в общий пожар»¹⁵. Репрессии правительства лишь подливали масла в огонь. После зимних каникул 1901/1902 академического года студенческое движение развернулось с новой силой, приобретая все более яркую антиправительственную и антимонархическую окраску.

¹³ Письма Победоносцева к Александру III. — М., 1925. — Т. I. — С. 319.

¹⁴ См.: ОР РГБ. Ф. 70. К. 33. Ед.хр. 49 и 51.

¹⁵ Щетинина Г. И. Идеальная жизнь русской интеллигенции. Конец XIX — начало XX в. — М., 1995. — С. 151, 193.

Крайне напряженной была обстановка в Москве. Каждую ночь с 30 января по 9 февраля 1902 года полиция производила обыски и аресты. Оставшиеся на свободе студенты 9 февраля устроили в актовом зале университета сходку, забаррикадировав все входы. Сходка продолжалась с 12 часов дня до глубокой ночи. Полиции пришлось брать университет штурмом, а задержанных собрать в манеже, поскольку ни один полицейский участок их бы не вместил. Приказом министра народного просвещения генерала П. С. Ванновского все арестованные в зданиях университета в ночь на 10 февраля были исключены из вузов, где они учились, и высланы в разные пункты Российской империи под гласный надзор полиции. Хотя массовые аресты участников студенческого движения уменьшили ряд внешних его проявлений, болезнь не была излечена, а лишь «загнана внутрь». Студенты были запуганы и озлоблены, недоверчиво стали относиться к администрации своих вузов.

Герье писал в своих воспоминаниях о постоянных подозрениях слушательниц, что именно он составлял списки на исключение курсисток. Скорее всего, это было не так. Но неодобрительное отношение директора к участию курсисток в политических акциях, постоянные воспитательные беседы, которые он с ними вел на эту тему, лишь способствовали углублению подозрений и озлоблению по отношению к Владимиру Ивановичу в их среде. В конце 1903 года слушательница Свиридова в помещении курсов нанесла пощечину В. И. Герье, во всеуслышание обвинив его в сотрудничестве с полицией. Учитывая публичный характер нанесенного оскорбления пожилому заслуженному профессору и известному общественному деятелю, дело дошло до суда. В. И. Герье считал неудобным слушание такого рода дела по причинам морального и педагогического характера и обратился с прошением в Правительствующий Сенат о его прекращении¹⁶.

К концу четырехлетнего цикла работы МВЖК у Герье обострились отношения не только с определенной частью слушательниц, но и с либерально настроенной профессурой. Многие из преподавателей, настроенных в политическом отношении радикально, вели на курсах открытую революционную агитацию, в том числе и на лекциях. Особенно в этом отличились видные в будущем деятели партии конституционных демократов историк А. А. Кизеветтер и экономист А. А. Мануйлов. Герье упрекал их за «игру в революцию», в жертву которой приносятся «молодёжь и ее интересы». Конфликт распространился на Учёный совет курсов. Пытаясь найти выход из ненормального положения, когда часть Совета отказывала в поддержке директору по политическим мотивам, он обратился с предложением к Попечителю учебного округа и Министру о сужении состава Совета¹⁷. Кизеветтер позднее вспоминал, что в действиях Герье не было злой воли, «он просто не мог поступать

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 70. К. 35. Ед.хр. 50.

¹⁷ Там же. К. 71. Ед.хр. 11.

иначе, не родившись заново»¹⁸. В следующем году радикалы жестоко ему отомстили.

Весной 1905 года В. И. Герье выехал за границу к семье, находившейся на лечении. Заболев в дороге, он испросил продления отпуска. Разрешение было дано, поскольку, в связи с революционным кризисом, в российских вузах занятия приостановились. Между тем приглашённые Герье к преподаванию на курсах профессора стали хлопотать о распространении на МВЖК действия Временных правил 1905 года, принятых для университетов. Этот закон предусматривал право Учёного совета избирать ректора. Генерал В. Г. Глазов, незадолго до того назначенный министром народного просвещения, оценил просьбу депутации с военной прямотой: «куда конь с копытом, туда и рак с клешней», но ходатайство удовлетворил. 6 октября 1905 года в отсутствие Герье Совет МВЖК избрал директором курсов профессора В. И. Вернадского. Он отказался занять этот пост в связи с избранием на должность помощника ректора Московского университета. Тогда 29 октября директором был избран профессор С. А. Чаплыгин. В. И. Герье полностью отошел от преподавательской деятельности на курсах.

По мере охлаждения к Герье московской профессуры росло расположение к нему со стороны правительства. С 1906 года Герье был видным деятелем партии «Союз 17 октября» (более известной под названием «октябристы»), представлявшей собой правый фланг российского либерализма и занимавшей промежуточное положение между конституционными демократами и крайне правыми. Работая в московской организации этой партии, Владимир Иванович находился в окружении таких общественных деятелей, как братья А. И., Ф. И. и Н. И. Гучковы, Д. Н. Шипов, граф П. А. Гейден, деятеля культуры Л. Н. Бенуа, историк В. И. Сергеевич, адвокат Ф. Н. Плевако, представители торгово-финансовых кругов Э. Л. Нобель, братьев В. П. и П. П. Рябушинские, глава известной ювелирной фирмы К. Г. Фаберже. Политическая позиция Герье в этот период сводится к почти безусловной поддержке правительственных начинаний.

Полоса реформ, открывавшаяся знаменитым Манифестом царя от 17 октября 1905 года, приводила в соответствие с взглядами Герье российские реалии: складывался конституционно-монархический строй с сильным монархом. Его выступления в печати с критикой деятельности I Государственной думы и особенно кадетов в ней были замечены¹⁹. И когда императором Николаем Александровичем решался вопрос о пополнении состава Государственного совета, о нем вспомнили. Преобразование Государственного совета было одной из важнейших ре-

¹⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881—1914. — Прага, 1929. — С.69.

¹⁹ См.: Герье В.И. О конституции и парламентаризме в России. — М., 1906; Он же. О программе партии «Народной свободы». — М., 1906; Он же. Первая русская Государственная дума: Политические воззрения и тактика ее членов. — М., 1906; Он же. Чего же хочет конституционно-демократическая партия? От «Союза 17 октября». — М., 1906.

форм того времени. Этот орган превращался в законодательное учреждение, по сути верхнюю палату парламента. Половина его избиралась, другая назначалась. После первой сессии Госсовета (апрель—июль 1906 года) встал вопрос о замещении вакантных мест в назначаемой его части. За несколько дней до нового, 1907 года государь рассмотрел представленные списки и включил в них шесть новых членов, в том числе и В.И. Герье, назначив ему годовое содержание в 10 тысяч рублей. В Госсовете к тому времени сложилось три партийных фракции — малочисленные «левые» (кадеты) и крайне правые и многочисленный проправительственный «центр», представленный главным образом «октябристами». В последнюю группу вошел Герье. Он участвовал в 11 сессиях Госсовета (февраль 1907 — июнь 1916 года), на которых обсуждались вопросы аграрной реформы, преобразования местного суда, земства, волостных органов управления и реформа народного образования. Пожилой и часто болевший профессор не мог, конечно, быть активным политическим бойцом. Поэтому во время так называемой «чистки» Госсовета в декабре 1916 года император наряду с другими вычеркнул из списков «призванных к присутствию» и 79-летнего В. И. Герье²⁰.

Активная общественно-политическая деятельность не мешала Владимиру Ивановичу Герье заниматься фундаментальными научными исследованиями. Авторитет его в этой области был столь высок, что в 1890—1917 годах он был неизменным участником исторического отдела «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, основателем и руководителем Исторического общества при Московском университете. Его научные интересы в полной мере отражены в лекционных курсах, многие из которых были изданы.

В то время не существовало вузовских учебников в том виде, как сейчас. Лекционные курсы были авторскими и в зависимости от личности автора уникальны, неповторимы, в сжатом виде содержали итог научных исследований лектора. Такими были знаменитые лекции В. О. Ключевского, ставшие классикой отечественной исторической науки. Высоким качеством отличались и лекции В. И. Герье. На протяжении своей полувековой преподавательской деятельности он читал курсы истории Рима, средних веков и западноевропейской новой истории. Свой первый лекционный курс в 1865 году он начал с введения, в котором пытался осмыслить философию истории Гегеля²¹, вступив в

²⁰ См.: Бородин А. П. Государственный Совет России (1906—1917). — Киров, 1999. — С. 116—117, 164, 234, 254; Герье В. И. Первые шаги бывшей Государственной Думы. — М., 1907; Он же. Второе раскрепощение: Общие прения в 3-й Государственной Думе по указу 9 ноября 1906 г. — М., 1910; Он же. Второе раскрепощение (19 февраля 1861 г. — 14 июня 1910 г.) в Государственной Думе и в Государственном Совете. — М., 1911; Он же. Значение Третьей Думы в истории России. СПб., 1912. — ч. I.

²¹ См.: Герье В.И. Очерк развития исторической науки. — М., 1865. В конце жизни он подвел итог своим размышлениям в этой области: Герье В.И. Философия истории от Августина до Гегеля. — М., 1915.

спор с одним из ведущих в то время методологических направлений в исторической науке — позитивизмом.

Соглашаясь с тем, что история должна изучать закономерности в развитии социальных явлений, профессор Герье отвергал позитивистскую интерпретацию идеи исторического закона как повторяющейся связи между явлениями, проявляющейся в истории различных народов. Он обвинял позитивистов в недооценке индивидуального своеобразия в исторических судьбах разных стран, в умалении значения свободного выбора индивидов, участвующих в исторических событиях. В. И. Герье считал, что историческая закономерность существует в виде цепи причинно-следственных связей между явлениями, каждое из которых имеет причины в прошлом и оказывает влияние на будущее. По его мнению, целью исторической науки является генетический синтез фактов, показ их во взаимообусловленности. Однако исторический синтез носит субъективный характер, поскольку в отличие от естествоиспытателя историк не может исходить из теоретической схемы, отражающей законы исторического процесса.

На становление научной концепции Герье решающее влияние оказали работы Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева и С. М. Соловьева. В центре внимания Герье находились проблемы политического и духовного развития общества, в том числе роль государства как консолидирующего, объединяющего начала общественной жизни.

В. И. Герье являлся крупным отечественным антиковедом конца XIX века²². Как медиевист он разрабатывал малоисследованную в России тему истории западноевропейского монашества²³.

Герье являлся одним из основателей русской научной школы в области исследований по новой истории. Продолжив традиции авторов первых систематизированных лекционных курсов по европейской истории XVII—XIX веков М. Н. Петрова и В. В. Бауэра, Герье стал родоначальником монографических разработок в этой области. Уже первая его крупная работа — магистерская диссертация «Борьба за польский престол в 1733 году»²⁴, была неординарна. Это исследование, на первый взгляд, было посвящено вопросам, не выходящим за рамки локального эпизода дипломатической истории XVIII века. Но в эпопее польского династического кризиса и «войны за польское наследство» Герье усматривал прежде всего противостояние двух разных моделей государственности, двух политических систем. Одна из них — польская, основанная на раздроблении общества, ведущая к ослаблению и дискредитации правительства, поставила нацию на грань духовного краха, привела польское общество в XVIII веке к утрате национального

²² Подробнее см. с. 32—45 наст. изд.

²³ См.: Герье В.И. Веллигиз, архиепископ Майнцкий. 975—1011. — М., 1869; Он же. Франциск из Ассизи, апостол нищеты и любви. — М., 1908; Он же. Блаженный Августин. М., 1910; Он же. Западное монашество и папство. — М., 1913—1915. — Т. 1—2. ; Он же. Расцвет западной теократии. — М., 1916.

²⁴ См.: Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 году: Историческая диссертация. — М., 1862.

суверенитета. Альтернативу, с точки зрения Герье, представляла послепетровская Россия, сумевшая встать в ряд великих европейских держав, олицетворяя единство государственного духа и силу национального самосознания.

Герье был первым русским историком, попытавшимся анализировать историю нового времени как единый поступательный процесс развития европейского общества. Будучи противником материалистического понимания истории, отвергая попытки обнаружить в истории некие объективные законы, Герье полагал тем не менее, что в развитии европейского общества существовала вполне определенная магистральная линия — великий духовный переворот, отказ от корпоративной ограниченности средневековья, торжество национальной идеи. Анализируя события раннего периода новой истории, Герье обратил внимание прежде всего на роль ведущих идеологов и философов, сделавших решающий вклад в изменение духовного состояния европейского общества. Это предопределило и выбор темы для докторской диссертации учёного — «Лейбниц и его время»²⁵. В этом исследовании проявилась и еще одна важная особенность исторической концепции Герье — ее умеренно-либеральная политическая ориентация. Монография о Лейбнице была воспринята русской общественностью как своеобразная антитеза книге Н. Г. Чернышевского «Лессинг», отражавшей революционно-демократическую интерпретацию общественных процессов нового времени.

Идеалистическая методология и либеральная политическая концепция предопределили подход Герье к наиболее важной для него теме — истории Франции XVIII века. Само обращение к истории Французской революции, переход к систематическому изучению этой проблематики в рамках университетского образования является заслугой Герье. Его концептуальные позиции, отраженные в трудах «История Франции XVIII века», «Аббат Мабли: моралист и политик», «Политические теории XVIII века», «Идея народовластия и Французская революция 1789 года», «Французская революция 1789—1795 годов в освещении И. Тэна»²⁶, оказались близки к схеме анализа, предложенной ещё С. М. Соловьёвым и развитой впоследствии представителями государственной исторической школы К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным. События Французской революции рассматриваются Герье преимущественно в контексте политической истории французского общества. Но, пожалуй, впервые русский историк попытался представить историю дореволюционной Франции и революцию как взаимосвязанные

²⁵ См.: Герье В.И. Лейбниц и его время. — СПб., 1868—1871. — Т. 1—2. Он же. Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. — СПб., 1873.

²⁶ См.: Герье В.И. История Франции XVIII в., последнее десятилетие. Лекции. — М., 1888; Он же. L'abbé le Mably, moraliste et politique. — Paris, 1886; Он же. Политические теории XVIII в. — М., 1890; Он же. Идея народовластия и Французская революция. — М., 1904; Он же. Французская революция 1789—1795 годов в освещении И. Тэна. — СПб., 1911.

звенья единого процесса. Для Герье революция стала закономерным итогом распада изжившей себя государственности, гибелью монархической власти, не сумевшей встать во главе нации и противопоставившей себя прогрессу. Революция стала не крахом Французского государства, а его возрождением, соединением Французского государства и французской нации под знаменем идеи народовластия. Революция была порождена фатальной ошибкой французских королей, не сумевших предотвратить конфликт монархической и национальной идей. Политический пафос концепции Герье очевиден — благословенна та страна, которая сумеет избежать крайностей слепого консерватизма и стихии народного бунта, обретет спокойную уверенность и гордое достоинство под сенью сильной и прогрессивной государственной власти. Революционному опыту Франции он противопоставлял путь преобразований «сверху», свойственный, с его точки зрения, России. Жизнь показала как ошибался в этом пункте Герье. Но нет ученых, не делавших ошибок. Последние же отнюдь не всегда перечёркивают достижения.

Более полувека В. И. Герье занимался педагогической деятельностью. Он относился к своим профессорским обязанностям как к высокому служебному долгу и «стадо первокурсников-разгильдяев» (по выражению Ю.В. Готье) пытался воспитывать и дисциплинировать в таком же духе. Профессором он был прекрасно подготовленным — прошедшим школу крупных историков середины XIX века П. Н. Кудрявцева и С. В. Ешевского, слушавшим лекции Т. Н. Грановского и немецких профессоров, хорошо знавшим новые языки и мастерски владевшим критическим методом анализа источников. Однако, как считал видный русский историк, юрист и социолог М. М. Ковалевский, у него не было ни научной терпимости, ни широты взглядов в сфере общественной и политической. Его глаза были закрыты шорами узкого западничества, которое заставляло его отрицательно относиться к русским общественным устоям постольку, поскольку они противоречили его доктринёрству²⁷. Когда князь А. И. Васильчиков издал свою известную книгу об аграрных отношениях в России, в которой отстаивал общинные порядки, Герье в соавторстве с Б. Н. Чичериным ответил брошюрой, где с олимпийским величием утверждал недоказуемый факт, что Западная Европа никогда не знала общинного землевладения²⁸.

Занятия, которые проводил В. И. Герье, были содержательны, студенты литографировали конспекты прочитанных им лекций. Он считал своим долгом относиться к ученикам строго, но по-отечески. Из личных средств он помогал материально нуждающимся, ездил по полицей-

²⁷ Московский университет в воспоминаниях современников. — С. 495; Милюков П.Н. Воспоминания. — М., 1991. — С. 69.

²⁸ См.: Герье В.И., Чичерин Б.Н. Русский дилетантизм и общинное землевладение: Разбор книги князя А. Васильчикова «Землевладение и земледелие». — М., 1878.

ским участкам вызволять арестованных участников студенческих беспорядков. Однако этот крупный университетский и общественный деятель, честно служивший всю свою долгую жизнь русской науке и просвещению, никогда не был популярен среди студентов. Они его занятия не любили и по возможности избегали. И дело было не только в строгости, сухости и холодности профессора. У П. Н. Милюкова первая же встреча с ним в аудитории оставила резко отрицательное впечатление. Лектор будто бы задался целью прежде всего унижить своих слушателей, доказать им, что они дураки и невежды. Вообще он боялся, чтобы кто-нибудь не узнал того, чего он не рекомендовал и не знает. Когда студент проявлял самостоятельность и делал выводы, не соответствовавшие мнению Герье, он обрушивался на несчастного с язвительной и уничижительной критикой. Хотя его занятия были полезны и содержательны, они не приучали студентов к самостоятельной исследовательской работе²⁹.

Будучи директором Женских курсов, В. И. Герье во многом отличался от других профессоров. Обыкновенно сдержанный, почти суровый, он редко шутил со слушательницами. Ни одна мелочь из жизни курсисток не ускользала от него. Он не любил неопрятных платьев, стриженных причесок. Его боялись как строгого экзаменатора, которого нельзя было обойти громкой фразой или смягчить красивой женской улыбкой. На других это действовало, но на экзамене у Герье требовалось только знание предмета и больше ничего. Курсистка С. К. Тимонова вспоминала, как Герье, присутствуя на экзамене по истории искусства, был свидетелем её позорного провала при ответе по этому предмету. «Ставьте двойку, единицу», — сказал экзаменатору Герье. «Он строго глядел на меня, — вспоминала Тимонова, — а я вся съёжилась под эти взглядом и совсем замолчала»³⁰.

Воспитав блестящую плеяду историков, среди которых были Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, М. С. Корелин, Р. Ю. Виппер и др., он не был близок со своими учениками, разошелся даже с Виноградовым, которому дал так много, обеспечив его блестящую научную карьеру. Исключение, может быть, составлял лишь М. С. Корелин, но он умер молодым.

Объясняя причины непопулярности В. И. Герье, Ю. В. Готье указывал на то, что считавший всегда себя русским, несмотря на свое иностранное происхождение, строго следовавший русским обычаям в быту, он был не способен понять «нецивилизованную» душу русского студента. Будучи по природе сдержанным и в глубине души застенчивым человеком, Герье был постоянно внутренне раздражен недобросовестностью, внешней неопрятностью и внутренней «раздерганностью» студенчества³¹.

²⁹ Московский университет в воспоминаниях современников. — С. 561; Милюков П. Н. Указ. соч. — С. 69, 70.

³⁰ ОР РГБ. Ф. 70. К. 72. Ед.хр. 21. Л. 10—11.

³¹ Московский университет в воспоминаниях современников. — С. 560.

Средством сблизиться с аудиторией и влиять на нее Владимир Иванович считал практические занятия. Он был инициатором введения в университете систематических семинаров. На них он разбирал со студентами источники. Новшество прививалось с трудом. Герье вспоминал, как на первом семинаре после вводного слова он передал сидевшему против него студенту текст «Германии» Тацита и предложил прочесть и перевести указанную фразу. Студент Лебедев в ответ на это протяжно возразил: «Я не желаю». Наступило тягостное молчание, ставившее профессора в неловкое положение, которое он прервал словами: «Ну так пожелайте». Это было рискованно, но привело к благополучной развязке. Лебедев стал впоследствии магистром средневековой истории³².

Главным делом жизни Герье было создание Высших женских курсов. Вспоминая о начале своей педагогической деятельности, он писал, что уже тогда «вопрос о содействии высшему образованию русских девушек сделался одним из интересов моей жизни и я предался ему всецело»³³. Владимир Иванович очень чутко реагировал на запросы времени. В этом была его сила. Он был чужд фантазёрству и подходил к проблеме высшего женского образования весьма прагматично³⁴. В целом в «женском вопросе», усиленно тогда обсуждавшемся общественностью, он видел две взаимосвязанные проблемы: как расширить сферу применения женского труда и как развивать женское образование. Без обеспечения женщинам возможности получить надлежащее образование не может расшириться сфера применения их труда.

При этом В. И. Герье считал, что главный, преобладающий труд женщины будет труд в семье. Однако условия городской жизни, а также рост числа женщин, которые не смогли устроить свою семью, повышает значимость профессионального образования. Владимир Иванович не преувеличивает значение таких экономических и практических побуждений к учению. Прошло то время, писал Герье, когда труд считался только тяжёлой необходимостью, от которой избавлены более счастливые люди, и когда на людей трудящихся смотрели свысока. Уважение к труду укоренилось в цивилизованном обществе. Стремление быть полезными обществу, участвовать в созидательной деятельности также является побудительным мотивом к учению. Естественное право женщин прилагать свой труд к воспитательной деятельности, указанной им природой, и требования рациональной педагогики начальной и женской школы, наконец, численный недостаток учителей, полагал Герье, требуют расширения поля деятельности женщин в области преподавания и устранения существующих в этом деле препятствий. Теперешний уровень женского образования недостаточен для

³² См.: Воспоминания В.И. Герье: Детство. Учение до получения кафедры // История и историки. — М., 1990. — С. 432–433.

³³ ОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Ед. хр. 13. Л. 2 об.

³⁴ См.: Герье В.И. Теории и практика женского образования // Вестник Европы. — 1877. — Апрель. — С. 646–700.

подготовки к педагогической деятельности в старших классах. Однако открытие доступа женщинам в университет не нужно и вредно, поскольку входит в противоречие со строго научным направлением университетских курсов. Требуется создание особых учебных заведений для женщин. Они должны решать две задачи. Во-первых, поднять уровень общего образования среди женщин, быть «источником, разливающим свет и знание в общество». Тем из слушательниц, которые особенно к этому способны, курсы должны дать возможность усовершенствоваться в избранных ими науках, чтобы быть учительницами. Именно такого типа учебным заведением были созданные профессором В.И. Герье Московские высшие женские курсы.

Владимир Иванович Герье умер в 1919 году. С тех пор прошло почти столетие. Это достаточный срок для того, чтобы спокойно и непредвзято подвести итоги его многогранной деятельности. Ушли в прошлое времена, когда он был фигурой умолчания либо объектом поругания за недостаток революционности. Теперь Герье как человек и педагог, общественный деятель и историк выходит наконец из мрака забвения.

Это была богато одарённая от природы, очень деятельная и легко-ранимая натура. В нём были причудливо перемешаны доброта, сострадательность и внешняя сухость и суровость, внутренняя застенчивость и надменность, саркастическая насмешка и затаённая грусть. В портрете Герье игра света и тени, как на полотнах старых мастеров, поражает своими нестандартными, уникальными комбинациями, и любые схемы грозят превратить его в карикатуру.

Политическая позиция Герье была неизменной на протяжении полувека, а современники воспринимали его то как «правого», то как «левого», и мало кто понимал его. Он был горячим патриотом России, страны, ставшей его Отечеством, но при этом стремился «подогнать» российские порядки к западноевропейским меркам. Он был «государственник», вооружённый фактами из истории Франции, писал об ужасах и недопустимости революции, а на его книгах воспитывались революционеры. Отдав себя всецело делу народного образования, он не пользовался любовью своих учеников. Тем не менее жизнь и деятельность Герье—это не только ошибки, драмы и разбитые иллюзии, но и урок потомкам. Урок принципиальности, честности, трудолюбия, подлинного подвижничества на педагогической ниве.

В одном из документов, который Герье готовил для министра народного просвещения, он написал, что «никогда не забудутся те, кто способствовал основанию первого Женского Университета в России»³⁵. Владимир Иванович имел в виду представителей власти, но в первую очередь это утверждение справедливо по отношению к нему самому.

А.В. Лубков, П.Ю. Савельев

³⁵ ОР РГБ. Ф. 70. К. 71. Ед. хр. 7. Л. 4.

Научная деятельность В. И. Герье и развитие отечественного антиковедения в конце XIX — начале XX века

Изучению истории Древнего Рима В. И. Герье посвятил многие годы своей научной деятельности. Многие вопросы римской истории нашли отражение в лекционных курсах ученого, в пособии к лекциям «Основы римской истории» и в работе «Август и установление Римской империи».

В своих лекциях В. И. Герье не просто излагал события древней истории, но осуществлял серьёзные научные поиски, ставил перед собой и слушателями интересные вопросы, на которые невозможно дать ответ быстро и однозначно. Поэтому курсы лекций учёного являлись результатом его глубоких научных изысканий.

Курс лекций В. И. Герье по римской истории («История римского народа»), читанный на МВЖК в 1887 году, является одним из наиболее полных его лекционных курсов по истории античности. В нем В. И. Герье поднял и рассмотрел широкий круг вопросов истории Римской республики, а также по-новому взглянул на их изучение.

События с 510 г. по 31 г. до н. э. В. И. Герье называет историей римского народа, которой предшествовала эпоха царей, когда римляне фактически не имели доступа к власти. Затем наступил период Империи, когда император взял на себя властные функции *populi Romani*.

Изложение событий истории римского народа в данном курсе лекций построено в соответствии с развитием борьбы различных групп населения в Риме, внешними войнами римлян и обусловленными ими преобразованиями политического строя римской *civitas*.

Интересна структура данного лекционного курса. «История римского народа» состоит из восьми частей, изложение которых в свою очередь распределяется по 41 лекции. Необходимо отметить, что сами лекции подчас не совпадают точно со смысловыми единицами (условно говоря, главами) текста лекций. Зачастую новая часть лекционного курса не начинается с новой лекции, а продолжается той лекцией, которая завершала предшествовавшую часть. И лекции, и сами части лекционного курса различаются между собой по объёму учебного материала. Например, вторая часть курса обнимает 11 лекций, а пятая и восьмая части — всего по три каждая.

Курс лекций В. И. Герье начинается с краткого введения, в котором излагается «Общий очерк истории Рима» (первая лекция). Здесь учёный раскрывает тезис о «вечности» Рима, указывая на глубокую древность его истории. По мнению исследователя, история римлян уходит в глубь веков, далеко за общепринятую в античной традиции точку её отсчета (753 г. до н. э.), и продолжается до современности (до времени борьбы римского папы Пия XI и властей Итальянского королевства). Особенностью римской истории В. И. Герье считал рост Рима от размеров небольшого города до огромного мира, что составляло предмет лекций и их канву.

В первой части лекций (лекции 2—4 /две полных лекции и одна неполная/) В. И. Герье знакомил аудиторию с территорией древнейшего Рима, с памятниками материальной культуры того времени, относящимися к эпохе Республики, излагал систему магистратур и функции органов власти раннего Рима.

Во второй части курса (лекции 4—11 /девять полных лекций и две неполные/) В. И. Герье подробно останавливался на причинах, сущности и результатах борьбы патрициев и плебеев, а также на полномочиях новых должностных лиц, появившихся в процессе этой борьбы. Борьбу патрициев и плебеев В. И. Герье подразделял на два периода. В течение первого периода (от первой сессии и учреждения плебейского трибуната в 494 г. до н. э. до принятия законов Валерия и Горация в 449 г. до н. э.) плебеи выступали как жертва, боролись за свои права и интересы. Во время второго периода борьбы (от законов Валерия и Горация 449 г. до н. э. до законов Огульния в 300 г. до н. э.) плебеи уже играли, по выражению лектора, наступательную роль, пока полностью не уравнились в правах с патрициями.

В третьей части лекций В. И. Герье (лекции 14—19 /четыре полных лекции и две неполных/) освещает войны Рима с соседями на Апеннинском полуострове. Первый период завоевания Римом Италии охватывал время с 510 (установление республики) по 393 г. до н. э. (падение Вей, векового соперника римлян). Учёный характеризовал его как оборонительный для Рима. Незначительные внешние успехи римлян затрудняли распространение их власти над соседями. Второй период В. И. Герье называл наступательным. Он охватывал промежуток времени с 393 по 272 г. до н. э. (взятие римлянами Тарента). Тогда Рим быстро подчинил себе одну область Италии за другой и в итоге стал полным господином всей страны. В этой части курса В. И. Герье уделял особое внимание правовому положению населения Рима и Италии, структуре римско-италийского союза, военной организации римлян, системе поощрения воинов в римской армии, а также такому важному инструменту распространения римской власти на покорённых территориях, как колонии.

Четвёртая часть курса (лекции 19—23 /три полных лекции и две неполных) посвящена изучению духовной культуры римлян: римской религии, жреческим коллегиям, особенностям мировоззрения древних римлян, семье (браку, положению детей и рабов), восприятию древним римлянином государства. В этой же части говорится о причинах и результатах падения нравов в римском обществе в эпоху Поздней Республики, о преобразовании римских триб и комиций в эпоху средиземноморских войн «вечного города».

В пятой части лекционного курса (лекции 23—25 /две полных и одна неполная/) рассматривались вопросы италийской и средиземноморской политики Рима, говорилось о войнах римлян с соперниками на севере Апеннинского полуострова, с карфагенянами, эллинами и другими народами Средиземноморья. В этой части курса было уделено особое внимание результатам завершения процесса подчинения Римом всей Италии. Кроме того, здесь изучались управление римлянами про-

винциями (преимущественно на примере Сицилии), сложные и противоречивые отношения римлян и провинциалов.

Шестая часть «Истории римского народа» (лекции 26–32 /семь полных лекций и одна неполная/) посвящена устройству римских провинций, провинциальным магистратурам, а также влиянию завоеваний Рима в Средиземноморье на социальную структуру, политическую организацию и духовную культуру римского общества. В данной части курса В. И. Герье акцентировал внимание на принципиальных различиях магистратур самого города Рима и провинциальных должностей, отмечая, что последние меньше всего соответствовали исконным традициям римского политического устройства, способствовали постепенному слому механизма управления Римской республики. Здесь же В. И. Герье отметил различия в понимании причин и свойств «общественного недуга» римской *civitas* самими римлянами и историками нового времени.

В седьмой части курса лекций В. И. Герье (лекции 32–39 /шесть полных лекций и две неполные/) рассматривает эпоху смут в Римской республике конца II — середины I века до н. э. Исследователь анализирует деятельность братьев Гракхов (в том числе мероприятия Гая Гракха, не связанные непосредственно с попыткой разрешения аграрного вопроса), Мария, Ливия Друза и Суллы. Особое внимание В. И. Герье обращает на заметное усиление влияния армии в целом и отдельных полководцев на политическую жизнь Рима эпохи Поздней Республики. Важную роль в данном историческом процессе учёный отводит Союзнической войне в Италии 91–88 годов до н. э.

В восьмой, заключительной части данного лекционного курса (лекции 39–41 /одна неполная лекция и две полных/) освещены проблемы периода первого триумvirата и диктатуры Юлия Цезаря в 45–44-х годах до н. э. Особое место в последних лекциях было отведено итогам правления Цезаря. Его время оценивалось как переходная ступень от эпохи Республики к эпохе Принципата.

В завершение последней лекции В. И. Герье излагает и обосновывает мысль о значении «вечного» Рима в дальнейших судьбах народов Европы, отмечая, что великое политико-правовое и культурное наследие античного Рима было воспринято и усвоено сначала византийцами, а потом и другими народами. Таким образом, В. И. Герье закончил чтение лекций по истории Древнего Рима той же мыслью, которая открывала данный курс, придавая «Истории римского народа» вполне стройный вид и логическое завершение.

В. И. Герье дал научную критику многих исторических источников по истории Древнего Рима. В данном лекционном курсе учёный подробно освещал многие вопросы источниковедения, обращая внимание на степень их сохранности, на их достоверность, структуру и содержание. Так, профессор отмечал, что законы XII таблиц до нас дошли не полностью и только благодаря цитатам из работ древних авторов. В. И. Герье подвергал сомнению достоверность сведений, приводимых греческими и римскими писателями. По его мнению, Дионисий Галикарнасский и Тит Ливий не имели достаточно сведений по истории Ри-

ма первых веков его существования, вследствие чего их повествование нельзя считать в полной мере истинным отражением имевших место событий. В. И. Герье ставил вопрос о первичных источниках, которые легли в основу дошедших до нас произведений античных авторов. Именно разнообразием первоисточников, которыми пользовались римские историки, учёный объяснял противоречия в их трудах. Более того, В. И. Герье в своих лекциях предлагал подвергнуть сомнению не только достоверность излагаемых древними писателями фактов, но и данные хронологии. Так, он указывал, что Валерий Максим, приводя много важных фактов, не указывал на время, к которому они относились. Учёный также отмечал особенности стиля античных авторов. По его мнению, труд Дионисия Галикарнасского выдержан в строгой манере повествования, а Ливию свойственна живость описания событий. В. И. Герье подчеркивал влияние политической ориентации древних авторов на характер освещения ими событий. Исследователь считал, что в суждениях Цицерона о Тиберии Гракхе нельзя искать беспристрастности и полноты сведений ввиду того, что великий оратор принадлежал к оптиматам, которые не любили этого реформатора.

Кроме того, В. И. Герье в «Истории римского народа» популяризировал некоторые данные археологии, проливающие свет на ряд вопросов римской истории, делая их известными отечественным ученым и учащейся молодёжи. В частности, В. И. Герье рассказывал об изысканиях итальянских учёных по вопросу о местонахождении древней крепостной стены Рима и храма Юпитера.

Большая часть вопросов, которые получили широкое освещение в отечественном антиковедении во многом благодаря деятельности В. И. Герье, относится к сфере военной истории и внешней политики Рима VI—I веков до н. э. Особое значение исследователь придавал изучению взаимоотношений римлян и итальянцев. В лекциях учёный детально разработал такой аспект данной проблемы, как структура римско-италийского союза. Он полно раскрыл сущность этого объединения, доказывая, что римско-италийская федерация была в первую очередь инструментом поддержания господства римлян над покоренными землями. Построенная по принципу строгой иерархии входивших в неё общин, федерация являлась воплощением римского принципа «*divide et impera!*» («разделяй и властвуй!»). В. И. Герье предложил классификацию общин, составлявших римско-италийский союз. Господствующее положение в нём занимали города полноправных римских граждан. За ними следовали общины латинского гражданства, которые обладали лишь частью римских прав. Следующую категорию общин составляли так называемые *socii*, которые не имели никаких прав в Риме, но пользовались внутренним самоуправлением. В соответствии с правовым статусом разных общин Италии В. И. Герье классифицировал разные территории этой древней страны: земля римлян (*ager Romanus*), земля латинов (*pomen Latinum*) и земля «чужих» (*ager peregrinus*). В. И. Герье своей преподавательской деятельностью в немалой степени способствовал закреплению в отечественном антиковедении ясного представления о структуре самого *ager Romanus*; земля

римлян состояла не только из территории самого Рима, но и из земель колоний римского права, римских муниципий (*municipia foederata*), территорий небольших городков, называвшихся *conciiliabula*, и небольших местечек, где были устроены рынки (*foa*).

Другой вопрос, изучению которого В. И. Герье уделял повышенное внимание, касался взаимоотношений римлян и провинциалов III—I веков до н. э. В данном лекционном курсе учёный подробно проанализировал характер взаимоотношений римлян и жителей покоренных средиземноморских стран и его изменения со временем. В. И. Герье выделил наиболее характерные черты римского провинциального управления в период Республики: существование только формального, но не фактического ограничения срока полномочий проконсулов, практическое отсутствие влияния других римских магистратов на деятельность провинциальных наместников, сосредоточение в руках проконсулов и пропреторов функций различных римских должностных лиц. По мнению учёного, римский провинциальный магистрат времени Республики являлся по сути полновластным правителем и обладателем фактической царской власти. В. И. Герье убедительно доказывал, что сначала римские магистраты фактически занимались грабежом провинций и только в дальнейшем происходило установление контроля над их деятельностью со стороны римского сената и народного собрания. Ограничение произвола проконсулов и пропреторов, как обосновывал учёный, было напрямую связано с процессом генезиса Римской империи.

Подробная разработка В. И. Герье проблем римской колонизации стала новым направлением в отечественном антиковедении. В. И. Герье ввёл в широкий научный оборот классификацию римских колоний периода Республики, критерием которой являлось различие правового статуса поселенцев. Все римские колонии он разделил на две категории: поселения римских граждан и латинские колонии. Учёный отметил не только специфику правового положения жителей того или иного типа римских колоний, но также указал норму земельного надела, численность тех или иных поселений и их назначение. В. И. Герье подробно раскрыл стратегические цели основания как отдельных римских поселений, так и римских колоний вообще. Римские колонии рассматривались в качестве одного из средств установления и поддержания римского господства над покорёнными народами и племенами. Среди многих поселений, выведенных римлянами в Италию, В. И. Герье назвал главные в стратегическом отношении. Учёный также уделил специальное внимание колонизации Римом Южной Италии, в частности, подчеркнув особую стратегическую важность римского поселения в Ветузии (основанного в 291 году до н. э.). Кроме того, В. И. Герье отметил влияние войн Рима со странами Средиземноморья III—II веков до н. э. на процесс колонизации. Так, по мнению исследователя, в результате побед над Антиохом III и его союзниками римляне получили средства для выведения поселений в северную Италию. Говоря об основании Римом колоний за пределами Апеннинского полуострова, В. И. Герье высоко оценивал деятельность Гая Гракха по организации римского поселения на месте Карфагена. Исследователь полагал, что

колониционная деятельность этого реформатора предвосхищала политику римских императоров по основанию римских колоний в провинциях, что способствовало превращению Рима в мировую державу.

В. И. Герье детально разработал вопрос о влиянии римских завоеваний второй половины III — середины I века до н. э. на трансформацию социальной структуры, политической организации и духовной культуры римского общества. Учёный в лекциях развивал тезис о том, что завоевания Рима в Средиземноморье привели к обнищанию крестьянства Италии, появлению городского плебса («пролетариата»), большая часть которого вела паразитический образ жизни, существуя за счёт государственных раздач, и укреплению слоя всадников, которые начинали играть всё более и более важную роль как в экономике, так и в политике римской державы. В. И. Герье глубоко обосновал положение о том, что войны Рима со странами Средиземноморья постепенно приводили к синтезу римской, греческой и восточной культур в единое целое, цементирувавшее здание огромной Римской империи в течение последующих столетий.

В. И. Герье дал оригинальную трактовку деятельности римских политиков и выдвинул на первый план несколько великих личностей: Тиберия Гракха, Гая Гракха, Мария, Суллу, Помпея и Цезаря¹. Тиберий Гракх, по его мнению, первым из римлян стал проводить в жизнь принцип «абсолютизма» власти римского народного собрания. Гай Гракх, как полагал ученый, был первым римлянином после эпохи Царей, занимавшим «монархическое положение». Во время трибуната Гая Гракха, по мнению В. И. Герье, начался переход Рима от городского строя к государственному. С именем Гая Мария учёный связывал начало активного вмешательства армии в политику Рима, заметного усиления влияния на общество отдельных полководцев. Самого же победителя нумидийцев, кимвров и тевтонов В. И. Герье называл «первым римским императором», подразумевая под термином «император» не просто военачальника, возглавлявшего триумфальное шествие, а фактического властелина Рима, чья власть во многом зависела от легионов. Во время деятельности Суллы, как думал ученый, произошел еще один «поворотный момент» в истории Рима, когда не просто отдельный полководец, опиравшийся на преданных ему солдат, влиял на политическую жизнь Рима, а уже войско в целом стало определять судьбы многих сограждан. Именно тогда наиболее ясно проявилась сила римского лагеря, а влияние народного собрания все более ослабевало. Со времени диктатуры Суллы начался постепенный распад республиканских учреждений. Деятельность Гнея Помпея Великого В. И. Герье оценивал как начало «зарождения империи». Исследователь отмечал, что в условиях бесконечных гражданских смут и превращения народного собрания в «поле сражения» Помпей фактически занял положение мо-

¹ Оценка В. И. Герье роли данных личностей в римской истории имеется также в других трудах ученого. См.: Герье В. И. Август и установление Римской империи // Вестник Европы. — 1877. — № 7. — С. 25—32; Герье В. И. Основы римской истории. Пособие к лекциям. — М.: Т-ство «Печатная С. П. Яковлева», 1899. — С. 52—63.

нарха, хотя сам отчетливо не осознавал своих возможностей, обусловленных сосредоточенной в его руках властью; он не желал изменить учреждений своего отечества, не хотел создавать новый механизм управления государством. Но истинным основателем Римской империи ученый называл Юлия Цезаря, который ясно осознавал необходимость создания нового механизма управления Римом и его обширными владениями во всем Средиземноморье и прилагал немало усилий к созданию римского государства, основанного на новых, монархических, началах. Создание неограниченной монархии, по мнению В. И. Герье, и было конечной целью деятельности Цезаря.

В.И. Герье назвал также «характерные черты» истории Древнего Рима².

Во-первых, территориальный рост Рима совершался в трёх concentрических кругах, соответствующих его государственным формам. Первый круг представлял собой Рим как общину, территория которой определялась естественными границами между Тибром и Альбанскими горами. Вторым concentрическим кругом являлась Италия. Третий круг представлял собой «расширение римского города в странах, прилегающих к Средиземному морю». Внешнему росту Рима соответствовала «внутренняя история римского народа» — изменение состава населения и отношений между различными «элементами» населения.

Во-вторых, существовал дуализм социальной и политической структуры Древнего Рима, его духовной культуры³. Сама концепция дуализма в конце XIX — начале XX в. уже не была новой. Ещё немецкий историк Нибур подчеркивал, что в Риме изначально существовал «дуализм» населения, заключавшийся в делении общества на патрициев и плебеев (на полноправных и бесправных), в делении земли на родовую и народную. Российский ученый Д. Л. Крюков находил дуализм в римской религии, так как у патрициев были одни божества и обряды, а у плебеев другие. В.И. Герье видел дуализм в отношениях между римлянами и покоренными ими народами, в политических учреждениях Рима (особенно на примере противостояния плебейских трибунов консулам), в отношениях зажиточных слоев и «пролетариата», в делении империи на греческую и римскую части (в культурном аспекте), в соперничестве христианства и язычества. По мнению исследователя, «дуализм» социальной структуры, политической организации, духовной жизни Рима проходил через все этапы существования римского государства.

В. И. Герье обосновал взаимосвязь между территориальным ростом римского государства и эволюцией административной системы «Вечного города». С ростом Рима вырабатывались и новые «формы обла-

² Главные черты истории Древнего Рима В. И. Герье четко сформулировал в пособии к своим лекциям, увидевшим свет после прочтения «Истории римского народа». См.: Герье В. И. Основы... — С. 16–17.

³ О концепции дуализма римской истории см. также: Герье В. И. Август... // Вестник Европы. — 1877. — № 7. — С. 42–48.

стного управления», происходило изменение отношения римлян к провинциалам, инкорпорирование последних в единый организм римского государства.

Далее В. И. Герье подчеркивал, что рост Рима и «экономические потребности» (прежде всего земельная) взаимно обуславливали друг друга.

Научно-исследовательская и преподавательская деятельность В. И. Герье продолжалась и после чтения ученым курсов лекций по истории Древнего Рима на МВЖК. Однако именно подготовка курса «История римского народа» в значительной степени определила сферу научных интересов ученого, который внёс заметный вклад в изучение истории Древнего Рима в России.

Специальные исследования В. И. Герье и материалы его лекционных курсов взаимно дополняли друг друга. Сама структура лекций и характер отобранного для них материала подвели к мысли о продолжении и более углубленном изучении деятельности императора Августа, освещение которой выходило за пределы лекционного курса. О ней в «Истории римского народа» В. И. Герье упоминал лишь вкратце. В некоторых других лекционных курсах ученого эпоха Августа была освещена лишь в общих чертах. Поэтому сам историк в некоторых случаях советовал аудитории ознакомиться с его исследованием «Август и установление Римской империи».

По мнению В. И. Герье, император Август являлся ключевой фигурой в римской истории, так как с его именем связано завершение эпохи Республики и начало Империи. Кроме того, как обосновывал ученый, с именем Августа связано завершение складывания римского государства, которое началось еще в эпоху Царей. По образному выражению В. И. Герье, к фигуре Августа ведут все нити республиканской истории и от него берут начало все нити императорской эпохи⁴.

Истоки власти императора исследователь находил в республиканском времени. Именно завоевания римлян в Средиземноморье в последние века Республики привели к значительному расширению римской территории, к выдвижению на историческую сцену всевластных магистратов и военачальников, оказывавших весьма сильное влияние на политическую жизнь Рима, к синтезу культур западной и восточной половин римской державы. Кроме того, власть императора имела элемент монархии, уже знакомой римлянам по эпохе царей, а также заключала в себе функции римских республиканских магистратов⁵. Первые императоры для укрепления своей власти не стремились надеть корону, а использовали фразеологию и символы хорошо знакомой римлянам власти трибунов и некоторых других должностных лиц.

В. И. Герье считал, что характер власти Августа лучше всего называть принципатом (с элементами монархии). Это не была в чистом виде монархия или диархия. «Римское государство при Августе переста-

⁴ Герье В. И. Август... // Вестник Европы, 1877. — № 6. — С. 446.

⁵ Там же. — № 7. — С. 10.

ло быть республикой, однако, оно не было и монархией или деспотией; оно представляет собой совершенно индивидуальный характер, и образ правления, установленный Августом, правильнее всего называть принципатом»⁶.

Курс лекций по истории Древнего Рима В. И. Герье завершает тезисом о том, что, просуществовав после Августа еще свыше четырёх столетий и погибнув под мечами варваров, Рим не исчез; его присутствие видно во всей европейской культуре: в господстве христианской религии, в правовых нормах, в легендах и преданиях.

Итак, занимаясь специальными научными изысканиями и преподавательской деятельностью, В. И. Герье по-новому и с большей полнотой осветил многие события и факты истории Древнего Рима, детально разработал некоторые особенно интересовавшие его проблемы. Труды учёного и его научно-преподавательская деятельность внесли значительный вклад в развитие отечественного антиковедения.

В основу настоящей публикации положена стенограмма лекций В.И. Герье по истории Древнего Рима, читанных на МВЖК в 1887 году и изданных тогда же курсистками способом литографии. Ныне эти лекции представляют исключительную библиографическую редкость. Один экземпляр этих лекций хранится в библиотеке МПГУ.

Учитывая особенности академического языка XIX века, публикаторы «Истории римского народа» внесли в текст лекций редакторскую правку, не затрагивающую существа мыслей ученого.

Примечания, помеченные астериском (*) и помещенные постранично, принадлежат В. И. Герье. Пронумерованные примечания, расположенные в конце текста лекций, сделаны составителем. Орфография и пунктуация текста приведены в соответствие с современными правилами русского литературного языка.

А. В. Юдин

⁶ Там же. — С. 11.

ОБЩИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РИМА

Лекция 1

Предметом наших лекций в предстоящее полугодие будет история Рима. Но какого Рима? В истории нет другого имени, которое занимало бы такое обширное место, производило бы такие разнообразные впечатления. Если мы обратимся к этому великому имени, то нам прежде всего представляется образ древнего, классического Рима, с его Капитолием, с его курией, форумом, консулами и с его державным народом. Капитолий составляет центр жизни всего народа. Капитолий — это узкая гора на берегу реки Тибра, с двумя вершинами. На одной из этих вершин* (южной) находился храм Юпитера Капитолийского¹, на другой — агх², оплот жителей, поселившихся у подошвы. У подошвы Капитолия простирается низменное место; там находились курия, форум и комиции — священные имена для римлян. Курия — место, где собирался римский сенат, представлявший собой, по впечатлению, производимому на иностранцев, собрание царей. Форум и комиции — места, где римский народ, строго распределённый по куриям и трибам, подает голоса. На Капитолий с форума ведёт *via Sacra*³, по которой тянется ряд триумфальных шествий⁴. Вся история Рима наглядно изображается в этих триумфальных шествиях. На колеснице едет консул или триумфатор в триумфальной царственной одежде, за ним идут победоносные легионы, а впереди несут добычу. Это было в древнейшую эпоху оружие, латы, жертвенные животные, рабы, иногда масса грубой, необделанной меди. Мало-помалу добыча становится ценнее. Скоро появились в триумфальных шествиях богатства греческих городов Южной Италии. Вместо грубой меди несут громадные сосуды с серебряной монетой. Затем сюда являются богатства Карфагена, потом прекрасные произведения искусства Греции; наконец, дары Востока. Все народы спешат принести в храм Юпитера Капитолийско-

* Итальянские археологи и во главе их Канина полагают, что агх был на месте нынешнего дворца Кафарелли, т. е. на южной вершине, а храм Юпитера на северной. Большинство же немецких, а главное, Иордан, в своей последней работе утверждают противное.

⁴⁴ Триумфальное шествие свершалось в таком порядке: В день, назначенный сенатом для триумфа, полководец во главе своего войска и в сопровождении всего народа, торжественным шествием вступал в город чрез *porta triumphales* и направлялся к Капитолию. Сам он ехал в позолоченной колеснице, запряжённой четвернёю белых коней; часто окружённый своими детьми. Остальные его родственники или клиенты шли возле колесницы в белых тогах, а сам триумфатор представлялся в облачении Юпитера в *tunica palmata* и *toga picta*, с лавровым венком на голове. Государственный раб помещался позади его на колеснице, поддерживая над его головою золотую корону и громко напоминая ему, чтобы он не зазнался в своём счастье. Впереди самого шествия везли на колесницах военную добычу, имена побеждённых народов и изображения покорённых стран и городов. Затем следовали знатнейшие пленные в оковах, сопровождаемые своими родственниками; они, однако, не входили в Капитолий, но, коль скоро колесница триумфато-

го как бы результаты своей жизни. Но не один Восток являлся в Капитолий за триумфаторами, скоро появляется добыча, взятая с народов Запада. Это были уже не старые, отживавшие свой век народы, но молодые, полные начинающейся жизни, которые думали победить Рим. За триумфатором следуют галлы, которые некогда были так страшны для возникающей мировой власти, белокурые германцы и британцы. Но вот проходит время и на место этого народного Рима является Рим императорский. Наше внимание в Риме не останавливается на одном Капитолии. Рядом с Капитолием находится Палатинский холм, и он становится центром: на нём утвердился император, здесь находится императорский дворец — Palatium. Этот дворец заменяет собою и курию, и форум. Он стал центром тогдашней вселенной; от него тянутся, как нити, ко всем пределам империи крепкие каменные дороги, — это руки, которыми Рим охватывает и держит в подчинении завоёванные им земли. По этим крепким дорогам идут крепкие римские легионы, чтобы охранять государство от врагов; Легионы, закованные в железо, действующие как один человек благодаря усовершенствованной военной науке и строгой дисциплине. Они состоят сначала из самих римлян, потом из покорённых, которые в легионах сами становятся как бы римлянами⁴. Вдоль этих дорог строятся города, римские колонии, которые служат и оплотом для римской власти, и очагами распространения римской культуры. Чрез них римский народ ассимилирует себе всё покорённое, по крайней мере, в западной половине.

Но наступает время, когда легионы не выдерживают натиска народов, самый Рим становится добычей варваров. Богатство его рассыпано, величие его пало, но он снова восстаёт из пепла к новой жизни. Наступает эпоха средневекового христианского Рима. Среди развалин древнего языческого Рима, его храмов, дворцов, театров поднимаются христианские церкви. Опять дороги к Риму кишат народом, спешащим туда и обратно, — но это смиренные богомольцы, а не легионы железных солдат. И место римских цезарей занимают священники. В Латеранском дворце живёт старец⁵, который носит тройную корону, означающую, что власть его простирается на небо, землю и преисподнюю. Он имеет ключи неба, имеет власть открывать ими небо для грешни-

ра достигала форума, тотчас отводились в темницу, где часто немедленно предавались смерти. За пленными велись жертвенные животные, предназначенные для приношения Юпитеру Капитолийскому, а непосредственно перед триумфальной колесницей шли ликторы с fasces laureati; их окружали cognicines и певцы, распевавшие триумфальные песни. За колесницею шло победоносное войско; каждый солдат в лаврах и в блеске заслуженных им наград и знаков отличия, восклицая: Io triumphe! А сопровождающие их и бушующие вокруг них толпы народа беспрерывно повторяли этот возглас. Солдаты также пели похвальные песни в честь своего полководца, прославляя его подвиги, а притом, иногда, подсмеивались над ним. В таком виде торжественное шествие направлялось к Капитолию, где уже заранее собрался сенат в белых одеждах. Здесь триумфатор приносил Юпитеру благодарность и жертвы и слагал свою золотую корону и часть добычи. Затем отпускалось войско, получившее свою часть добычи. Всё празднество заключалось торжественным приемом, на который и консулы получали приглашение, но не являлись, чтобы никто из присутствующих не имел высшей власти — impregium, чем триумфатор, который получал impregium на день триумфа.

ков; он властвует над чистилищем и имеет право избавлять душу от этих мук в нём. Но он властвует и на земле, и его власть идёт ещё дальше, чем власть римских императоров. Правда, не тем же самым оружием поддерживается эта власть, но и у этого старца есть свои легионы⁶, которые поддерживают его власть в различных концах Европы, в смиренном виде, в тёмных рясах⁷. Папские легаты, однако, не уступают в своём высокомерию императорским проконсулам. Этот новый властитель не разрушает царства и редко срывает короны с голов царей, он создаёт царства и раздаёт короны, и эти цари смиренно целуют ему руку, держат ему стремя, когда он садится на коня.

Но наконец, и у этого нового властителя Рима иссякают силы. Бой опять разгорается. Как некогда против Рима выступил из лесов Средней Германии Арминий на победоносную борьбу, так теперь оттуда же выступает саксонский монах Лютер и сокрушает новую римскую власть⁸. С этого времени светская власть римских пап постепенно слабеет, а духовная власть теряет в значительной степени своё влияние. Но тем не менее Рим остаётся великим историческим центром. Современный Рим значительно изменился: он стал столицей нового итальянского государства, но он все-таки остался центром для многих миллионов людей. Это двойное значение Рима изображается в антагонизме между Квириналом и Ватиканом⁹. Квиринальский холм и Ватиканский дворец указывают на современное значение Рима. Для Италии дорог дворец на Квиринале как залог будущего возрождения нации; для многих миллионов дорог Ватикан. Потребность в непогрешимом авторитете в религиозных делах глубоко коренится в человеке, вот где отгадка величия папского Рима. Когда «*Roma locuta est*»¹⁰, многие миллионы преклоняются пред этим властным словом.

Предметом наших лекций будет только древнейший период из всей этой великой истории — история римского народа. В этом собственно эпитете и обозначается характер нашего предмета: история Рима, т. е. римского народа. Впервые выступает на исторической сцене народ в лице римского народа. И греки представляют собой народ, но в совершенно другом смысле, в смысле культурном. История Востока не есть собственно история самих народов: история Египта есть история фараонов, Вавилонии и Ассирии — царей. История же Древнего Рима есть история народа от его рождения до самой его естественной смерти. И в этой истории народа важное место занимают отдельные лица, но помимо их деятельности мы видим народ, который является могучим деятелем в истории.

Когда же начинается история римского народа? Конечно, в памяти держится 753 г. до Р. Х.¹¹. Это год основания Рима, т. е. когда, по римскому преданию, сын Марса Ромул основал город и создал римский народ, собрав около себя людей и дав им политическую организацию. Но современная наука не может представлять себе так происхождение народа. И действительно, этот пункт давно наблюдается на историческом горизонте; по ближайшем рассмотрении оказывается, что источники для этой первоначальной истории настолько смутны, что прихо-

дится отвергнуть всякий определённый хронологический порядок. Научная критика не могла оставить без исследования это древнее время римской истории. Пользуясь преданием, римские историки старались в красноречивых повествованиях представить всю историю Рима от основания города. Современная наука иначе относится к римской старине, старается с помощью критического исследования отделить достоверное от недостоверного, она старается определить значение и смысл сохранившихся преданий. В этом отношении древняя история римского народа является поучительной школой для исторической критики, потому что нигде более период недостоверной истории не простирается так долго, имея несомненно историческую почву. Древнейшая история других народов не может здесь идти в сравнение. Индусы свою древнейшую историю считают десятками тысячелетий, но никто и не трудится над их группировкой, над отделением действительно исторических данных от вымыслов в этой истории. Римский народ считает свою историю всего несколькими веками, но эти века соответствуют действительной истории, поэтому стоит труда проникнуть в эту даль. Но мы теперь не будем останавливаться на этом, так как это было предметом лекций прошлого года. Историю Рима я начну с того момента, когда на историческую сцену выступает римский народ.

В истории этого народа нас будет занимать всего более его рост. Как в жизни человека судьба в течение многих лет выражается в росте, так и в жизни народа рост играет важную роль, но это особенно видно на примере римского народа. Начало и конец этого роста можно обозначить двумя латинскими словами, происходящими от одного корня — *urbs* и *orbis*¹². В настоящее время, в Светлый праздник, торжественнейший день Рима, папа, чтобы благословить народ, выходит на балкон и преподает благословение «*urbi et orbi*». Вся судьба римского народа заключается в том, что Рим, бывший городом, становится миром. Этот рост и будет предметом наших занятий. В рассмотрении этого роста нас интересуют, во-первых, внутренние причины, которые действовали и вызвали его; во-вторых, его последствия. Они выразились в том, что вследствие постоянного расширения Рим вносит в свои стены всё новые и новые элементы, отчего является антагонизм, дуализм¹³, идущий параллельно росту, в трёх concentрических кругах. Первый относится к древнейшей эпохе: это городская область, та тесная область, в которой Рим с трудом отбивался от соседей; когда римский народ их побеждает, завоевывает Италию, он достигает второй периферии своей жизни. Но по завоевании Италии происходит естественный переход на Сицилию, которая представляет собой как бы продолжение Италии. Рим не мог удержаться от перехода, но здесь приходится столкнуться с карфагенянами. Тогда Рим, как бы охваченный страстью к войне, идёт от победы к победе и подчиняет себе все народы и царства вокруг Средиземного моря, что и составляет тогдашнюю вселенную — ἡ οἰκουμένη. Это третий круг. И дуализм идёт параллельно росту. Древнейший дуализм является между патрициями и плебеями, он кончается соглашением, которое в главных чертах завер-

шается в год издания законов Лициния и Секстия. (Кай Лициний Столон и Луций Секстий Латеран, в 366 г.) Затем идёт дуализм между *cives* и *socii*, т. е. между полноправными римскими гражданами и теми союзниками, которые помогали им расширять пределы государства. Этот дуализм продолжается до конца республиканского периода. Но успел явиться и новый, возникший между жителями Рима и провинциями; в провинциях резко чувствовалась разница между победителями и побеждёнными, но борьба между этими элементами, победителями и побеждёнными, не так продолжительна и резка, как в прежние эпохи. Она постепенно уничтожается давлением императорской власти¹⁴.

Этот рост отражается и на изменении политических учреждений. Расширение Рима вносит новый элемент, который служит, во-первых, причиной разложения родового быта, во-вторых, причиной изменений в составе магистратуры. Рядом с патрицианскими магистратурами консула и другими являются плебейские — плебейского трибуна; рядом с *comitia centuriata* — *comitia tributa*. Рост имеет своим последствием также и разложение самого городского быта. Рим стал владыкой над миром, но сохранил городские политические формы: появляется несоответствие. Рим должен был или утратить свою власть или преобразиться. Вследствие этого происходит разложение городских учреждений, а с этим и нравов. Следствием этого является новое зло — утрата политической свободы. Но если тут для римлянина была только картина разложения, то для нас не только это. Наука видит не одну только смерть в явлениях, для неё одно лишь заменяется другим, одна форма переходит в другую. Так и тут к жизни прорывается новое начало — начало единой власти, которая в состоянии соединить победителей-римлян с побеждёнными. В этом выражается живучесть Рима, который сменяет одну форму другой, но не умирает. Возникновение и утверждение этой новой императорской власти знаменует конец жизни римского народа как индивидуальной личности и служит переходом уже к средневековой истории.

ЧАСТЬ I. РИМ В НАЧАЛЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА

Лекция 2

Итак, история Рима будет интересовать нас в смысле истории римского народа. Этим определяется начало и предел нашего курса. Предметом наших занятий не будет вопрос об исторической достоверности вообще, т. е. мы оставляем в стороне тот период, который должен быть подвергнут строгой критике. Мы займёмся историей римского народа с того момента, когда он уже довольно ясно выступает как политический деятель, и оставим её, когда римский народ сходит со сцены как главный политический деятель, когда он передаёт свою силу и свою власть императору и когда римский народ сливается с теми народами, которых он подчинил своей власти в начале своей исторической жизни.

РИМСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В каком же виде нам представляется Рим? Рим уже успел сделать большие успехи, успел обнаружить свой могучий рост. Это видно из сравнения объёма Рима в начале республиканского периода с объёмом, который Рим занимал в более отдалённое историческое время. О последнем нам даёт возможность судить одно уцелевшее сакральное учреждение. А именно, в Риме была жреческая коллегия, так называемые *fratres aruales**¹⁵. Обязанность этих жрецов заключалась в том, чтобы в известный день обходить римские поля и молиться за плодородие этих полей. Празднества эти назывались поэтому *Ambarvalia*. Эта коллегия сохранилась до времени империи, и, что важно, сохранились протоколы, которые велись жрецами этой коллегии¹⁶. В них говорится, когда *fratres aruales* собирались и когда они производили свои торжественные празднества. Эти протоколы сохранились, так как были написаны на мраморных досках. Они были открыты частью в прошлом веке и тогда изданы, частью в нынешнем**. По деятельности арвальских братьев мы можем судить об объёме Древнего Рима. Они должны были обходить римские границы, и мы поэтому знаем, где были эти границы. На запад по течению реки Тибра граница простиралась на пять миль или на пять тысяч римских шагов, ибо там стоял храм (*Dea Dia*), где совершались жертвоприношения. В противоположном

* Братья-«пахари», коллегия 12 жрецов. Должность их была пожизненная, неотъемлемая. Во главе их стоял ежегодно сменяемый *magister*. Внешними отличиями их звания были венки из колосьев и белые головные повязки — *infulae*. Эта коллегия существовала ещё и в IV в. по Р. Х.

** При раскопках 1866 г., произведённых прусским правительством, были найдены акты за 58 и 59 г. по Р. Х. и отрывки из времён 38—250 гг. по Р. Х.

направлении граница простиралась на шесть миль, там стоял бог Термин, который обозначал границы. На юге римские границы простирались до fossa Cluilia^{***}, где территория Рима соприкасалась с территорией Альбы-Лонги. На севере за рекой Тибром римские пределы простирались недалеко, так как тут Рим сталкивался с городом Вейи, который служил оплотом этрусков против латинян и не пускал их на север.

Но в начале республиканского периода¹⁷ границы Рима раздвинулись. Он уже успел победить старую метрополию латинских городов Альбу-Лонгу¹⁸, а местность эту подчинить себе. Скоро Рим успел покорить Габии¹⁹, и наконец успел распространить свои владения до моря, так как город Остия в начале республиканского периода принадлежал уже Риму²⁰. Вся площадь, которую занимает римская область, в первое время равняется 98 000 гектаров. Измерение было сделано в наше время, и в Италии употребляются французские меры, поэтому пришлось выразить эту территорию в гектарах. Так как гектар несколько меньше десятины, то можно сказать, что территория Рима простиралась на 90 000 десятин. Если переложить эти десятины в правильный четырёхугольник, то получим квадрат, имеющий в длину и ширину по 30 вёрст. Мы можем сравнить эту площадь с местностью города Москвы. Если считать площадью города Москвы то, что входит в городское управление, т. е. город Москва до Каммерколлегского вала и несколько деревень, то область древнего Рима превосходит в 10 раз ту площадь, на которой стоит г. Москва.

ПОСТРОЙКИ ДРЕВНЕГО РИМА

Вот вся территория Рима в начале республиканского периода. Но видно, что Рим уже давно жил, что он пережил период могущественного развития. Если мы обратимся к самому городу, то и тут это заметно. Мы можем судить по постройкам, которые относятся к дореспубликанскому периоду. Прежде всего должно указать на Сервиеву стену, т. е. на городскую стену, сооружение которой приписывалось Сервию Туллию²¹. Рим несомненно возник из нескольких поселений, которые были некогда окружены отдельными стенами; и население, которое жило в этих городках, относилось нередко враждебно друг к другу. Но важно то, что эти отдельные поселения слились в одно целое, и выражением этого послужила общая стена, которою ещё в царский период был обнесён город Рим. Стена эта простиралась на семь вёрст с лишком. Она шла от горы Палатина вдоль берега р. Тибра на Авентин; отсюда шла на Целийский холм, охватывала этот холм и затем шла по восточной, самой слабой в стратегическом отношении стороне Ри-

^{***} С. Cloelius или Cluilius — последний царь Альбы-Лонги. Ров, которым он окружил свой лагерь, назван был fossa Cluilia. Он умер во время похода против римлян, а его род переселился в Рим.

ма. Три холма, Эсквилин, Виминал и Квиринал, которые довольно круто спускаются к берегам Тибра, постепенно сливаются между собою и переходят в равнину. Следовательно, тут Рим не представлял никаких естественных препятствий для врагов, как это было на юго-востоке и юге, где сама гористая местность помогала защите. Так как город нужно было укрепить, то здесь строитель стены не ограничился только этим, был проведён глубокий ров. Длина его была 1300 метров, ширина 100 ф., а глубина 30 ф. А под рвом был высокий вал шириной в 50 ф. Это *ager Servius*. С наружной стороны он был облицован, как и вся римская стена, громадными плитами из камня, так называемого травертина. Стена затем возвращалась к Капитолийскому холму, который стоял на берегу р. Тибра и был чрезвычайно крут со стороны реки, так что город тут не нуждался в укреплении. Эта громадная стена указывает не только на объединение города Рима, но и на значительные средства, которыми располагали строители стены.

Другой древний памятник указывает на значительную культуру, которая уже успела проникнуть в Рим. Это *Cloaca Maxima*²². Местность между холмами, в особенности между Капитолием и Палатином, между Авентином и Палатином была очень низменна и постоянно заливалась р. Тибром. Эта река течёт с гор, поэтому, когда идут сильные дожди в горах, русло становится тесным, река Тибр выходит из берегов и заливает низины. Вследствие этих внезапных довольно частых разливов низменная местность, на которой были *Forum* и *Circus Maximus*²³, была болотиста. Нужно было её осушить. Римляне, вероятно, у этрусков, научились дренировать, осушать местность чрез сооружение труб под землёй. Вот эти подземные трубы были проложены в различных направлениях и сходились в одну магистральную, главную трубу, которая выводила в Тибр, — эта магистральная труба и есть *Cloaca Maxima*. Она шла на протяжении 300 метров и имела до 4 метров ширины.

В настоящее время кладут особо приготовленные для этого трубы, но тогда надо было делать своды, поэтому *Cloaca Maxima* имеет характер подземного свода, выстроенного для отвода нечистот из города.

Затем к этому древнему времени относится очень важная постройка, которая относится к деятельности последнего царя. Это храм Юпитера Капитолийского. Эта постройка также указывает на значительное развитие культуры. Как раз в начале республиканского периода был отстроен этот храм. Предание всецело относит его постройку ко времени последнего царя, но нет оснований сомневаться, что окончен и освящён он был в начале республиканского периода. Храм этот был построен в этрусском стиле, что указывает на влияние этрусской культуры. Этрусский стиль напоминает дорийский, но отличается большей тяжеловесностью. Это зависит от того, что расстояние между колоннами больше, а верхняя часть здания, которая покоится на колоннах, массивнее. Массивность эта, может быть, бросается в глаза и оттого, что ширина почти равняется длине. Но храм Юпитера Капитолийского не производил такого впечатления, потому что он стоял на высокой горе, и для постройки его на этой горе потребовались сооружения, ко-

торые имели характер террас. Таким образом, этот храм выдаётся над окружающей местностью.

Надо ещё упомянуть о храме Дианы на Авентинском холме. Этот храм имел не только сакральное, но и политическое значение, ибо это было местное средоточие латинских городов. В древнейшее время эти города имели средоточие в Альбе-Лонге, в храме Дианы, но Рим мало-помалу успел перенести на себя центр тяжести и в ознаменование своей гегемонии в Лациуме он построил храм Дианы на Авентине, где праздновалось торжество, общее для всех латинян. Таким образом, мы видим, что до начала республиканского периода Рим пережил известный положительный период своей жизни, что он успел набраться могущества и силы.

НАСЕЛЕНИЕ РИМА

Патриции. Кто же жил в этом городе? Население этого города не представляло собою сплошной массы. В самом характере населения мы можем прочесть тот дуализм, который был следствием завоевательной политики. Мы отличаем два слоя римского населения, не считая рабов, которые не считались, когда шла речь о гражданах. Эти слои следующие: во-первых, патриции. Кто такие патриции и что они представляют в начале римской истории? Это вопросы чрезвычайно тёмные, сложные, но и чрезвычайно интересные. Начало их изучения было положено Нибуром*, это был первый вопрос, с которым приходилось иметь дело при объяснении римской истории. Нибур предложил определённую теорию: он предполагал, что патриции — это первоначальные граждане города Рима.²⁴ Я упираю на слово «граждане», потому что было время, когда эти первоначальные граждане Рима сделались завоевателями и получили характер аристократии. Некогда население Рима состояло из одних патрициев, они были *δῆμος*, имели свои «народные» собрания — *comitia curiata*. Это мнение Нибура до сих пор имеет решительных приверженцев, но рядом с ним есть и другое толкование, которое идёт от учёного Рубино**, к которому примкнул Моммзен***, в сочинении которого и можно встретиться с взглядом Рубино. Этот взгляд отличается от нибуровского тем, что по его мнению патриции с самого начала были не *δῆμος*, а аристократия²⁵. Но нам нет надобности входить в разбор этих мнений; нам почти всё равно, представляли ли они из себя в начале истории *δῆμος* или сразу получили

* Niebuhr Бартольд Георг, 1776—1831, профессор Боннского университета. Его главное сочинение — «римская история», и др. Из его последователей главный — Беккер (М. А. Beker), автор ... , потом Шwegler ... и из русских — профессор Моск. унив. 40-х годов Крюков.

** Рубино, Rubino, профессор Марбургского унив.; в 1839 г. вышло его сочинение ...

*** Mommsen Теодор, р. 1817 г.; профессор права в Лейпциге в 1848; проф. римского права в Париже в 1852. 1854 — в Бреславе, в 1857 проф. древней истории в Берлинской академии. «Римская история».

характер аристократии; но весьма важно, что в интересующий нас момент истории их характер уже определился. Они уже являются аристократами, притом этот аристократический элемент не очень многочисленный и постоянно рedeющий. В конце республиканского периода было только 50 аристократических патрицианских фамилий, и Юлий Цезарь был вынужден увеличить число патрицианских фамилий, так как некоторые жреческие должности могли заниматься только патрициями.

Чем же отличается эта аристократия и каковы её преимущества и права? Во-первых, эта аристократия отличается родовым характером. Одни патриции имели gens — родовое устройство, составлявший одно целое, тесно связанное. Все родичи носили одно общее имя. Всякий римлянин носил три имени, одно из них обозначало личное имя, другое — название рода, а третье — ветви рода²⁶ или фамилии, к которой он принадлежал****. Итак, родичи носят одно общее имя и имеют сакральную связь, т. е. они связаны общим родовым культом²⁷. Все члены рода сходятся и участвуют в расходах для принесения жертвы и т. д. Эта сакральная связь выражается и в том, что у родичей была одна гробница, даже если они давно уже перестали быть в родстве между собой. Затем связь родичей имеет и юридический характер, потому что собственность, принадлежащая родичу, не может выйти из рода, и если какая-нибудь фамилия или кто-нибудь из этой фамилии умирает без наследников, то его наследство переходит к родичам. Юридическая связь выражается также в том, что род может издавать юридические постановления, обязательные для всех родичей. Так, например, род Манлиев, после того как один из них, Марк Манлий (Капитолийский, в 383 г. до н. э. был свержен с Тарпейской скалы), навлек на себя гнев народа, постановил, чтобы ни один мужчина из их рода не назывался Марком. Это было постановление, которое касалось только рода, было обязательно для всех родичей. Итак, первая черта патрицианского населения Рима — родовой быт.

Второе преимущество патрициев заключается в том, что они имеют клиентов. Это слово происходит от корня, который обозначает «слышать» (κλῦ-ω — слышу, слушаюсь). Слово «клиенты» (clientes) значит «послушные люди». Точно так же в средние века встречается термин, обозначающий людей зависящих, несвободных — folign. Римские клиенты связаны с патронами (patronus) родовой связью, они причислены к роду, они являются как бы младшими членами рода, подобно тому как и женщины, без прав. Они носят имя патрона²⁸. Если патрон назывался Клавдием, то и они все назывались Клавдиями, даже если их и было 5000 человек, как это было у Аппия Клавдия. Затем они связаны культом, который объединяет родичей-патрициев, связывает и их. Они участвуют в жертвоприношениях, имеют общую с патронами гробницу. Она была устроена так, что посередине был боль-

**** Praenomen, напр., Marcus? Gaius; nomen gentilicium: Iunius, Cornelius; cognomen, показывавший stirps или familia: Cinnae, Sullae и т. д. Было ещё четвёртое имя-прозвище — agnomen: у Сципионов Asiaticus, Africanus...

шой свод, предназначенный для патронов, а по стенам были маленькие ниши, где хранились в урнах останки клиентов. Связь патронов и клиентов основывалась также на обязательстве помогать друг другу. Патрон со своей стороны обязан помогать своему клиенту как заступник его на суде [оттуда и названия в теперешней юридической жизни России патронов и клиентов]. Вероятно, патрон был обязан оказывать клиенту и более существенную поддержку: возможно, он давал клиенту землю. По крайней мере, когда Аппий Клавдий переселился в Рим, то сенат отвёл землю для него и для его 5000 клиентов. Со своей стороны, когда патрон выдавал замуж дочь, клиент помогал ему. Когда патрон был в долгах или попадал в плен, клиент помогал ему выкупиться. Но обязательства со стороны патрона были только нравственные; клиент не может обращаться в суд против патрона. Если же патрон злоупотребляет своею властью, то ему грозит только религиозная кара. Тогда он становится *sacer* (проклятый богами).

Наконец, третья черта, которая отличает патрициев от плебеев, — это право *auspicий*; право, которое имеют только они одни, — право совершать известные жертвоприношения. Римляне не приступали ни к какому серьёзному делу, частному или общественному, не узнавши посредством проведения *auspicий* (*auspicia*)²⁹, как относятся боги к этому предприятию. Публично *auspicии* могли производить только патриции.

Патриции, отличающиеся от плебеев этими указанными чертами, в начале исторического периода представляли собою замкнутую корпорацию. Но это не всегда было так. В царский доисторический период число патрицианских родов увеличилось, на что указывают термины *maiores* и *minores gentes*³⁰. Из терминов мы можем сделать заключение, что число патрициев увеличилось теми родами, которые переселились в Рим из других городов. Теперь является вопрос, увеличилось ли число патрициев при переходе из царского периода в республиканский? Предание говорит, что увеличилось. Есть писатели, которые говорят, что вследствие тирании Тарквиния Гордого и вследствие его изгнания число сенаторов уменьшилось, а потому пришлось набрать новых сенаторов, и эти люди были приняты в патриции³¹. Другие римские авторы допускают, что число сенаторов было увеличено, но не допускают, чтобы они были приняты в патриции³².

Плебеи. Переходим теперь к другой части населения — плебеем. То, что было сказано о патрициях, объясняет также происхождение плебеев. Если признать, что патриции являлись не кем иными, как первоначальными жителями города Рима (Нибур), то плебеи были жителями покорённых местностей. Если принять теорию Рубино и Моммсена, то и плебеев можно считать первоначальным населением Рима. Но в начале исторического периода плебеи представляют собою мас-

* *Apud antiquos non solum publice, sed etiam privatum nihil gerebatur, nisi auspicio prius sumpto. Val. Max. II, 1, § 1. — Nihil fere quondam maiores rei, nisi auspicato, ne privatum quidem gerebatur/ Cic. De divin. I, 16, § 28. Rubino, Untersuch. 44.*

су римских граждан, которая находится под властью патрициев, так как патриции владуют в главных политических учреждениях.

Итак, римское население состоит из двух составных частей и это различие выражается в двух терминах: *populus* и *plebs*. *Populus* это весь народ, а *plebs* это народ без патрициев. Ещё у юриста Кая** (II в. по Р. Х.) имелось дошедшее до нас определение, точно указывающее на значение терминов: *populi appellatione universi cives, connumeratis patriciis, significantur*, т. е. под именем «*populus*» разумеются все граждане, в том числе и патриции, а *sine patriciis* граждане составляют *plebs*.

Мы имеем, таким образом, чрезвычайно точные термины, на которые должно обратить внимание. В современных европейских языках слово «народ» подаёт повод к недоразумениям: народ понимается в смысле политическом, и это же слово «народ» употребляется часто в смысле «большинства», «массы», где нам приходится употреблять слово «простонародье». Римляне, которые были точнее, народ в смысле политическом обозначали через *populus*, а в социальном через *plebs*.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОГО НАРОДА В НАЧАЛЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ПЕРИОДА

Лекция 3

Обратимся теперь к политической организации римского народа в начале республиканского периода. Ещё греки классифицировали государства сообразно с той формой, которую принимала государственная власть. Они делили государства на три группы, различая монархию, аристократию и демократию в соответствии с тем, в руках кого находилась власть: одного лица или нескольких знатных граждан или всего народа. Подробнее всего эти взгляды развиты у Аристотеля.

Греческий историк Полибий* провёл много лет в Риме как заложник и в Риме написал «Всеобщую историю», где история Рима была впервые вплетена в историю Греции и других восточных народов. Полибий в начале VI книги рассуждает о причинах могущества римского народа и находит, что это могущество объясняется тем, что у них смешанная форма правления, что у них есть все три элемента, которые могут дать силу государственной власти: у них есть и монархический и аристократический, и, демократический элементы³³.

** Gaius жил при Гадриане, при Марке Аврелии. Его работа *Institutionum commentarii quattuor* была найдена только в начале нынешнего столетия.

* Полибий из Мегалополя, сын стратега Ликорта, старинного друга Филопемена, род. между 212–214 гг. до Р. Х. В числе 1000 знатных ахейцев в 166 г. он был отправлен в Рим как заложник. По окончании своей исторической работы он возвратился в Грецию и умер в 122 г. Из 40 книг его «Всеобщей истории» (ιστορία κοινή; καθολική) вполне сохранилось только пять.

Эти три элемента мы находим в самом начале римской истории. Монархический элемент представлен магистратурами римской республики, аристократический — сенатом и демократический — народным собранием. Магистратура есть продолжение царской власти. Рим пережил глубокий переворот в начале своей исторической жизни, такой переворот, который в некоторых случаях подламывал силы народной жизни, но Рим вышел из этого переворота почти без уменьшения своей силы. Этот переворот — переход от монархии к республике. Но этот переворот только с первого взгляда кажется таким коренным, на самом деле он был гораздо более постепенным, чем можно было бы думать, если бы мы сопоставили эти два противоположных понятия демократии и империи. Постепенность заключается в том, что царская власть в Риме имела характер магистратуры: царь избирался и положение его, насколько можно судить по преданию, было близко к магистратуре. Затем, что ещё важнее, магистратура республики сохранила главные черты царской власти. Царь или единоличная царская власть была заменена двумя консулами³⁴, но эти консулы были облечены царской властью с известными ограничениями. Цицерон в «De re publica», где он описывает проект идеального государственного строя, применяя его к действительности римской жизни, говорит о главной государственной власти так: *regio imperio duo sunt*, т. е. пусть будут двое, облечённые царской властью. Эти слова Цицерона метко и верно определяют сущность власти консулов, им вручен *regium imperium*.

Imperium. Особенно надо остановиться со вниманием на *imperium*. Какое значение имеет *imperium* в государственной жизни? *Imperium* обозначает высшую военную и судебную власть.

Это мы поймём, если сопоставим римские понятия о власти с понятиями, которые были распространены в Европе в XVIII в. Их выразителем может служить Монтескьё*. Монтескьё стремился указать на средства установления политической свободы и обеспечения её в современной ему Европе, особенно во Франции. Он нашёл эти средства и свободу в соседнем государстве — в Англии. Как Цицерон в своём «De re publica» восходил от Рима с его действительными учреждениями к созданию образа идеального государства, так Монтескьё, исходя от Англии, создавал идеальный образ государства. Сущность идеала Монтескьё заключалась в том, что для свободы, как он думал, необходимо разделение власти между разнообразными органами соответственно главным функциям государственной власти: законодательной, исполнительной и судебной. Итак, государство должно было издавать законы, сочинять законы, судить по изданным законам и следить за ис-

* Montesquieu, Шарль (Charles), французский политико-эконом, 1689—1755. Сочинения: «Персидские письма», «О причинах возвышения и упадка Рима» и «Дух законов» в 1749 г.

полнением этих законов, больше ничего. По плану Монтескьё, эти три понятия обнимали всю сущность государственной власти. Впоследствии на практике оказались неудобства в применении этой теории Монтескьё. Дело в том, что в его программе пропущена существенная функция государственной власти: не было учреждения, которое могло бы принять на себя функции военной власти. На практике оказалось, что та власть, которая должна была ограничиться изданием законов, получила в свои руки и военную власть.

Римляне с самого начала совершенно ясно понимали значение военной власти, особенно для народа. Поэтому у них консулы и получили *imperium*. Главная черта этой правительственной власти заключалась в праве созывать и повелевать войсками — *imperare exercitum*, — производить наборы, заставлять граждан взяться за оружие, право поддерживать дисциплину. Вот что римляне называли словом *imperium*. Эту сущность военной власти они передали консулам — это и было *regium imperium*, упомянутый Цицероном.

Но этот *regium imperium* был ограничен, уменьшен, прежде всего, тем, что утратил сакральный характер.

Rex sacrificulus³⁵. В соответствии с родовым бытом древнейшей эпохи отец представляет перед богами семью, родоначальник — род. Точно так же царь представлял перед богами государство. Чтобы умиротворить богов, он приносил жертву за народ. Таким образом, царь был жрецом в Древнем Риме.

Высших лиц государства лишили сакральной власти не для того, чтобы уменьшить значение консулов, а просто по религиозному страху. Боги привыкли получать жертвы от царя, а потому они могли отвергнуть жертвы от непризнанных консулов. Поэтому консулы не сохраняют этой жертвенной функции, она передаётся особому лицу, которое сохранило даже самое имя «царь» — это *rex sacrificulus*. Обязанность его заключалась в том, чтобы в известные дни приносить жертвы богам от имени народа. Опасаясь его притязаний на царскую власть, римляне ограничили его власть только функцией жертвоприношений³⁶.

Вследствие этого новые высшие лица государства (консулы) в известной степени утратили сакральное значение, которое перешло к *rex sacrificulus*; правда, за ними осталось *ius auspicioium*³⁷. Таким образом, римляне секуляризировали свою духовную магистратуру.

Во-вторых, уменьшение власти высших лиц римского государства заключалось в том, что их власть была ограничена сроком, и очень кратковременным сроком. Царь был пожизненным магистратом, консулы же избирались на один год. Последствия этого были значительны, ибо по прошествии года консул становился простым гражданином, которого можно было привлечь к ответственности.

Далее ограничение заключалась в том, что власть высших лиц государства является коллегиальной; единоличная власть переходит к двум консулам, и эти два консула имеют совершенно равную власть. Но чтобы не было столкновений этих равных властей, делаются два

нововведения. Во-первых, консулы чередуются в осуществлении высшей власти помесечно. Один из них, поочерёдно, должен иметь *maior potestas*, быть первым консулом. Во-вторых, они имеют право «veto», т. е. консул может помешать своему товарищу приводить в исполнение известные меры.

Insignia консулов. Положение консульской власти выражается наглядно во внешней форме, с которой выступает консул, в его одежде, в его insignia. Впереди старшего консула (*consul maior*) шло 12 ликторов³⁸, если же это был второй консул, то ликторы шли сзади. Эти ликторы имеют связки (*fascēs*, берёзовых или вязовых прутьев — *virgae*, — связанные ремнём красного цвета), в середину которых воткнут топор (*securis*). Это значит, что консул (*penes quem fascēs erant, cuius fascēs erant*) может подвергнуть гражданина наказанию или даже смерти³⁹. Консул, однако, не полный царь, потому что не носит царской одежды, и только в том случае, когда становится триумфатором, он мог въехать на Капитолий в одежде царской — пурпуровой. Цари имели пурпуровую одежду, а консул имеет право только окаймлять свою тогу пурпуровой полосой (*toga praetexta*). Он заседал, как царь на *sella curulis*⁴⁰. Но он не имеет права ездить на колеснице, что мог делать царь. Это право сохранилось только за женщинами и жрецами. Таковы были консулы в начале истории римского народа.

Provocatio ad populum. Очень скоро после начала республиканского периода появляется ещё новое ограничение власти консулов. Право над жизнью и смертью ограничивается тем, что подсудимому или осуждённому предоставляется право апеллировать к народу (*ius provocationis*). Римляне относили это нововведение к П. Валерию Публиколе⁴¹. Но для того чтобы не расшатывалась власть, столь необходимую для римлян, они ограничивают право апелляции стенами города. Таким образом, это было ограничением только в городе, только по отношению к гражданам⁴².

За стенами города, где консул начальствовал над войском, его власть была неограниченна, ибо без этого нельзя было бы поддерживать дисциплину.

* В пределах города Рима топоры стали выниматься из связок вскоре по учреждении республики, с почина Валерия Публиколы. Им же введено было в обычай опускать (*demittere*) *fascēs* перед народом как настоящим обладателем верховной власти (*maiestas*). Любкер. 523.

** Ликторы смотрели за тем, чтобы консулам была оказываемая честь; они окружали трибунал, охраняли вестибул, схватывали граждан и совершали над осуждёнными казнь. Л. 772.

*** *Sella curulis* была проста, не имела стенки, а только четыре загнутые перекрещивающиеся ножки. Первоначально делалась из слоновой кости, позднее из мрамора и металла и часто имела художественные украшения. Л. 1126.

**** *Lex Valeria de provocatione*, 509 г.: *ne quis magistratus civem Romanum adversus provocationem necaret neve verberaret*. Liv. II. 8. 30.; Val. Max. IV. 1. 1. Л. 1121.

***** В 125 г. до Р. X. по *leges Porciae* право провокации было распространено за пределы городской области. Л. 1121.

КВЕСТУРА

Рядом с консулами мы видим должность квесторов. В царский период это, вероятно, были судьи, которым цари передавали уголовные дела, на что указывает этимология слова: *quaestor* — *quaesitor*. Потом они меняют свои функции и в историческую эпоху являются финансовыми чиновниками-казначеями. Они сначала являлись помощниками консулов, потом становились самостоятельными и избирались народом. Мы не имеем никаких данных, чтобы определить, когда проявилась эта власть*.

ДИКТАТУРА

Иногда мы встречаемся с совершенно независимой магистратурой — это диктатура. Происхождение этой должности темно. Иногда было необходимо сосредоточить власть в одних руках и сделать её безапелляционной. Сущность этой должности ясна: это как будто возвращение к царской власти. Когда государство находилось в положении крайней опасности, тогда избирался диктатор. Диктатор — очень древняя латинская должность⁴⁰, но чем она была вызвана в Риме, мы не знаем. Диктатура слишком напоминала власть царя, поэтому римляне старались избегать избрания диктатора, а если и избирали его, то только на полгода**.

INTERREX

Затем мы имеем перед собою должность *interrex*'а. В этой должности особенно наглядно указывается на связь царского периода с республиканским, особенно наглядно обнаруживается римский консерватизм. Римляне, даже перешедшие к республике, сохраняют название царя (*rex*) за жрецами — *rex sacrificulus*, а теперь ещё *interrex*. Во время царского периода по смерти царя место его заступал избранный *intrerex* (междуцарь) до выбора нового царя. Римляне сохранили этот институт и в республиканский период, и это им в значительной степени помогло, ибо нередко случалось, что они оставались без правительственной власти. Оба консула могли погибнуть на войне или один не имел времени избрать другого консула на место умершего или погибшего и сам умирал. В таких случаях выступал *interex*. Этот *interex* избирался на несколько дней, чтобы назначить другого на 5 дней. Иногда бывало до 7 *interex*'ов, прежде чем был произведён выбор консула или диктатора. *Interex* выбирался из числа сенаторов и избирался сенаторами же.

* Сначала их было два при царях, с 421 г. до Р. Х., с 267 г. — восемь, Сулла увеличил до 20, Цезарь — до 40. Л. 1139.

** Диктатор имел *sella curulis*, *toga praetexta* и сначала 12, потом 24 ликторов. Л. 396 и 7.

Сенат, или курия (*curia*), — это тоже исконное римское учреждение. В древнейшее время, при царях, сенаторы были советниками царя и все, вероятно, были патрициями. (В позднейшее время не все сенаторы были патрициями.) Это учреждение было исконное, потому что курию мы встречаем во всех латинских городах. Предание говорит, что число сенаторов при царях сначала было 100 (при Ромуле), а потом 300, и это число остаётся до последних времён республики*. Сенаторы остаются советниками и при консулах. Но царь занимал пожизненную должность, он был облечен религиозным ореолом. А при сменяющейся часто магистратуре консулов постоянный совет, состоящий из самых знатных и опытных людей, должен был приобрести большее значение. Поэтому в сенате мы имеем очень сильную корпорацию знатных.

Patrum auctoritas. Особенно важно здесь упомянуть об одном термине, который даёт повод к чрезвычайно различным толкованиям — это *patrum auctoritas*. *Auctoritas* — от глагола, который значит умножать, усиливать (*augere*), он всего лучше в современном языке передаётся французским словом *autorisation*. *Auctoritas* — утверждение законов, которые постановлены в народном собрании. Законы утверждаются «*patres*». Кто же эти *patres*? Мы имеем два толкования. Школа Нибура понимает под *patres* всех патрициев вообще и полагает, что *patrum auctoritas* — постановление в собраниях курии, в *comitia curiata*. По другому толкованию, *patrum auctoritas* существовало во время избрания *interrex'a*, т. е. *patrum* значит «патрицианских сенаторов». Это «*patres*» рано исчезает с политического горизонта. Уже в 339 г. по *lege Publilia*⁴¹ было принято постановление, чтобы до голосования народа *patres auctoritas fierent*⁴². То же было сделано вскоре по *lege Maenia* и относительно власти.

НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ

Comitia curiata. Третий орган государственной власти — народное собрание. Уже в самом начале римской истории мы имеем два народных собрания. Одно из них — *comitia curiata*, другое — *comitia centuriata*. Кто же собирался в *comitia curiata*? Только ли все патриции? Вопрос этот важен для древнейшей истории Рима, но для позднейшей фактического значения не имеет, так как собрание по куриям утратило своё политическое значение. В историческую эпоху существует только *lex curiata de imperio*: никто, никакая магистратура не может вступить в должность, если не испросит из собрания курии этот *lex de*

* При К. Гракхе и при Сулле 600, при Цицероне 500, Цезаре 900, Антонии 1000 и при Августе 600. Л. 1230.

⁴² Диктатор Кв. Публилий Филон предложил закон (Liv. VIII. 12.): *ut legum, quae centuriatus commitiis ferrentur, ante initum suffragium patres auctores fierent*. Л. 763.

imperiū. Но в историческое время это было только формальностью (см. выше о *lex Maenia*). Курии не собирались, а собирались только приставы, под председательством жреца. Однако эту чистую формальность римляне, в силу своего религиозного консерватизма, свято чтили.

Comitia centuriata. Но вот мы имеем перед собою живое, действительное народное собрание — *comitia centuriata*. Характер этих комиций в главных чертах ясен. Это, очевидно, собрание всего народа — *populus*, все здесь: и патриции, и плебеи. Небеспорядочной толпой валят римляне на *comitia centuriata*, но каждый приписан к известной центурии, к которой он должен присоединиться для общей подачи голоса.

Происхождение этих комиций относится к доисторическому периоду, ко времени царя Сервия Туллия. Весь народ был разделён на пять классов, они составили в историческое время 18 так называемых всаднических центурий. За всадниками голоса подавал первый класс, составлявший 80 центурий пехоты. Минимальная граница для имущественного ценза этого класса составляла 100 000 ассов^{*42}. (около 2300 р.), по другим 110, по иным 120 т. Вероятно, эти цифры вставлены в позднейшее время, так как во время происхождения этого учреждения у римлян не было денежного хозяйства. Римляне сначала были народ земледельческий и наполовину занимались ещё скотоводством. Их богатства заключались в скоте, что показывает обозначение денег через слово *pecunia*. *Multa* (штрафы) уплачивались ещё головами скота. Таким образом, эти цифры позднейшего происхождения имеют относительное значение.

За первым классом с его 80 центуриями идёт второй класс, имевший 20 центурий, с минимальным цензом в 75 тыс. ассов; третий, 20 центурий, с 50 тыс. ассов; четвёртый, 20 центурий, с 25 тыс. ассов; пятый класс, 30 центурий, с 12 500 ассов. А вне классов находились так называемые пролетарии, *capite censi*, которые не примыкали к классам, а составляли одну центурию для голосования.^{**} Эта организация включает всех граждан и была создана для того, чтобы соответственно с имуществом соразмерить их повинности и права.

Военный характер центуриатных комиций. Какие же были повинности? Во-первых, воинская повинность. Из всего видно, что *comitia centuriata* имеют военный характер. Народ разделён на военные еди-

* As от *æſ* (= 1 фунт по весу) медная монета, делилась на 12 унций. Этот асс был римский фунт, *libra*. Ценность его первоначально равнялась 18 к. В 268 г. = 6 к., в 217 г. = 3 к. Со введением серебряного курса медный асс совершенно пал: *ad assem* (до последнего гроша) (Ног. Ер. 2, 2, 27) и *assis facere* (ни в грош не ставить) (Catull. 5. 3.).

** 18+80+20+20+20+30+1=189 центурий; затем между первым и вторым классами были — две центурии *fabrum*: *tignarii* и *aerarii*, а между четвёртым и пятым — две других центурии музыкантов: *cornicines* и *tubicines*: 189+4=193. В противоположность пролетариям пять классов назывались *assidui* или *locupletes*, т. е. зажиточные. Л. 271. Шестой класс пролетариев распадался на *accensi* (причисленные) или *velati* (одетые в плащ) с имуществом от 1500 до 12 500 ассов, *proletarii* с имуществом от 375 до 1500 ассов и *capite censi* (ценимые только по голосам), имущество которых не достигало и 375 ассов. Шлоссер, Всем. Ист., I, 540 — 1.

ницы, в собраниях могут быть только те, которые *агма ferre poterant*, т. е. не могли присутствовать юноши до 17 лет и не было стариков сверх 60 лет. Наконец, центурии каждого класса делились на две равные части: *iuniorum* и *seniorum*, например, в первом классе было 40 центурий *seniores* и 40 центурий *iuniores*. В центуриях первого разряда (*iuniorum*) находились все настоящие воины от 17 до 45 лет, во вторые входили старики, которые ещё могли нести военную службу. *Iuniores* участвовали в легионах, а *seniores* служили только для защиты города. Военный характер виден из того, что это собрание — *comitia centuriata* — называется *exercitus*, а созвать народное собрание — *exercitum imperare*...

Но вот тут является тёмный пункт: кроме военного значения это собрание являлось средством, чтобы доставить народу возможность осуществлять свою политическую деятельность. Вот это-то отношение политической деятельности к военной и не известно.

Лекция 4

Мне остаётся дополнить некоторыми подробностями то, что было сказано в прошлый раз о народном собрании. Мы видели, что организация этого народного собрания указывает на военный характер римского строя. Организация римского народа по классам и центуриям представляет собою известный момент военной истории, и можно думать, что это тот момент, когда в войске совершается переход от родового быта к государственному строю.

Ввиду недостатка сохранившихся до нас материалов мы не имеем возможности судить о том древнем строе, который соответствует родовому быту. Но по аналогии мы можем думать, что и древний родовой быт отражался в военном строе. А именно, так было у германцев, на что прямо указывается нашим источником⁴³. В древнее время члены одного и того же рода сражались группами. Даже в римской истории сохранилось одно предание, которое указывает именно на это: род Фабиев весь погиб на реке Кремере, в войне против этрусков*. Один только род погиб с клиентами, и он весь погиб, вот на что указывает предание⁴⁴. Стало быть, и Риму была близка мысль о том, что род составляет целое и в военном строе. Но этот родовой быт должен был уступить место государственному. И он уступал государственному быту не только в разных областях общественного строя, он должен был

* Предание, подвергаемое сомнению, говорит, что Фабии получили право защищать пределы государства против вейентинцев; весь род Фабиев, кроме одного отрока, оставшегося в Риме, в числе 306 человек, с клиентами, вышел на бой и погиб при речке Кремере в 479 г. Кремера (Сремера), правый приток Тибра, впадает в него при городе Фиденгах. День поражения Фабиев считался с тех пор несчастным днём, ворота, из которых они вышли на бой, назывались с того времени *porta scelerata*. Есть и другой рассказ о гибели их вследствие засады. Народ упрекал по крайней мере патрициев за то, что они ничего не предприняли для спасения Фабиев и способствовали их гибели. Л. 518.

уступить это место и в военном строе. Организация народного собрания указывает именно на тот момент, когда родовой быт уступил место государственному и в военном строе.

Затем организация народного собрания указывает ещё на второй важный момент: организация народного собрания включала и патрициев, и плебеев; и может быть, это было в первый раз. Вероятно, было время, когда одни только патриции составляли военную силу Рима, патриции с клиентами, когда недавно покорённые плебеи не могли участвовать в военном строе или, по крайней мере, если и участвовали, то не играли роли, равной с патрициями. Но настоящий момент — момент слияния в военном отношении. Патриции и плебеи стали составлять одну дружину, они перемешаны в центуриях и классах. Итак, народные собрания имеют в своей основе военный строй.

Политическая сторона. Но в их устройстве есть одна неясная для нас сторона, а именно политическая, ибо комиции по центуриям хотя и имеют военное устройство, тем не менее это учреждение, которое функционирует для известных политических актов: выбора, законодательства и суда. Организатор не мог не иметь в виду этой политической функции. И действительно, если мы вникаем в самую организацию, то видим, что политическая функция играет важную роль. Вам известно, что в первом классе было 80 центурий. Кроме того, всадники имели 18 центурий или 18 голосов (*suffragia*). Всадники не принадлежали к первому классу по своему имущественному цензу*, но сравнительно с другими классами их можно причислить к первому классу. Итак, первому классу представлено $80 + 18 = 98$ голосов, а всем остальным классам представлено только 95 голосов: второй, третий и четвёртый классы имели по 20 центурий, пятый 30, да ещё пять центурий промежуточных: две *fabrum* (оружейные мастера, плотники и ремесленники), одна *cornicium* и одна *tubicium*, и наконец, центурия пролетариев. Тут всего 95, а там 98. Следовательно, первый класс имеет в этих комициях решающий голос. Если граждане этого класса все согласны, то они решают дело. И не приходилось даже спрашивать мнения остальных центурий, поскольку римляне подавали голоса так, что центурии спрашивались по порядку и спрашивались до тех пор, пока не получалось большинства голосов. Затем подача голосов прекращалась. 98 голосов, в случае согласия центурий первого класса, это уже есть решение большинства, и во многих случаях дело и решалось ими. Если в первом классе было разногласие, то призывались центурии второго класса, и очень редко дело доходило до третьего. Организация комиций, очевидно, указывает на намерение предоставить решительный голос зажиточному римскому населению.

Но как эту политическую мысль связать с военным назначением строя? Можно только одно допустить: предположить, что в момент организации число зажиточных относилось к числу менее зажиточных как

* Со времени Сервия Туллия для того, кто желал поступить во всадники, требовался ценз, вероятно, в 10 раз превышавший минимальный ценз первого класса. Л. 490.

98 к 93. Этот перевес был на стороне граждан зажиточных, имевших полный гражданский ценз, который первоначально обозначался владением земельным. Есть предположение, что ценз первого класса равнялся земельному владению в 20 югеров.* 20 югеров земли составляли, так сказать, полный надел римского гражданина. Тогда, значит, был момент, когда число римлян, имевших полный римский надел, было больше числа остальных граждан. Но это предположение, которое мало вероятно, так как слишком бросается в глаза искусственность строя. Трудно предположить, чтобы выходило так ровно: в первом 98 центурий, по 20 в трёх следующих и 30 в пятом классе. Затем самое название «центурий»; это не значит, что в каждой центурии по сто человек, если бы это было так, то получили бы перевес классы бедные, но многочисленнее. Это название употреблено в переносном смысле: центурия — сотня в имущественном отношении, для каждой центурии определён общий имущественный ценз, независимо от числа входящих граждан. Поэтому центурий первого класса было больше, но каждая центурия была малочисленнее, чем центурии остальных классов. Тогда, очевидно, у организатора была мысль дать первому классу больше прав сообразно не с его числом, а с его имуществом, и центурии не были бы так расположены, если бы имелось в виду дать перевес по численности.

Объясняю примером из нашего быта. В Москве только те, которые платят прямые подати в пользу города, имеют право участвовать в выборах. Таких прямых плательщиков в Москве несколько более 20 тысяч. Организуется дело таким образом: считается вся сумма рублей, которая вносится в городскую казну, и затем перед выборами эта сумма разбивается на три равные части. Положим, платится три миллиона, тогда на каждую часть придётся по миллиону. Затем составляется список, который располагается так, что начинается с самого крупного плательщика, за ним идут другие сравнительно с тем, насколько меньше их плата, и список кончается теми, которые платят 14 копеек. После этого отрезается верхний слой плательщиков, которые своими взносами составляют миллион, потом для второго миллиона, и, наконец, для третьего, вся остальная масса. И каждый, так сказать, класс имеет право выбирать 60 гласных. На практике выходит, что первые 60 человек избираются избирателями первого класса, которых всего около 400; во втором классе избирателей оказывается около 1000, а остальных — около 19 000, т. е. третий класс включает в себе избирателей более чем в 30 раз сравнительно с первым классом.

Возможность такой организации понятна там, где руководствуются соображениями политического свойства, где хотят, чтобы перевес был у первого класса; но такое соображение не годится для военной организации. В этом заключается то затруднение, на которое я указывал. Затруднительный вопрос: как образовались римские центурии? Мы

* Iugerum, прямоугольник, длина которого 240 фут., а ширина 120, равнялся 28 800 кв. ф., т. е. приблизительно $\frac{1}{4}$ десятины. Л. 687.

можем здесь делать только различные предположения. Можно так предположить. Народное собрание по центуриям — организация политическая, но эта организация вышла из военных потребностей. Затем мало-помалу стала преобладать потребность политическая. Сохранились прежние названия, но назначение стало другое. Как бы то ни было, хотя народное собрание по центуриям в историческую эпоху имеет исключительно политический характер и не имеет уже более характера военной организации, политическая деятельность народа начинается с военной организации. Не народ в обыкновенном смысле слова является тут политическим деятелем, а римское ополчение, граждане, распределённые по центуриям и классам, с различием вооружения; граждане, которые несут известные повинности и которые сообразно с этими повинностями пользуются политическими правами. Римское народное собрание до последнего времени не утратило совсем военного характера. Это не толпа, а правильно организованное ополчение, которое выступает под командой своих офицеров. Это совсем иное, чем то, что мы видим у греков; там рано выступает **δῆμος** в смысле толпы. В Риме до последних времён республики сохранилась память о том, что римский народ есть не что иное, как военное ополчение, и что политические права римского народа вышли из тех обязанностей, которые этот народ нёс в качестве ополчения.

Такова в общих чертах организация древнего Рима. Мы переходим к другому вопросу в истории этой древней организации. В начале истории организация эта изменяется, и изменяется она, главным образом, под влиянием борьбы патрициев с плебеями, тех существенных элементов, из которых состоит римский народ. Поэтому, прежде чем рассматривать, как изменилась организация и в чём она изменилась, нам надо познакомиться с борьбой патрициев и плебеев.

ЧАСТЬ II. БОРЬБА ПАТРИЦИЕВ И ПЛЕБЕЕВ

Ливий и Дионисий Галикарнасский. Борьба между патрициями и плебеями занимает в римской истории период почти в 200 лет. Можно сказать, что она продолжается ещё дольше, но после законов Лициния и Секстия она не имеет уже прежнего острого характера. Плебеи победили, и во втором периоде мы видим последовательные уступки со стороны патрициев. Поэтому можно сказать, что эта борьба занимает около 200 лет, считая от изгнания царей до законов 366 года. Эта борьба заняла большое место не только в трудах современных историков, но, можно сказать, ещё более в трудах римских писателей. В работах римских историков разработка этой борьбы начинается с давних пор. У Ливия она занимает несколько книг⁴⁵ и излагается чрезвычайно подробно. Ещё более Ливия даёт Дионисий Галикарнасский*. Можно следить за ходом этой борьбы из году в год, перед нами выступают определённые личности, произносятся речи, которые относятся к этой борьбе. Но всё это в сущности только декорации, настоящей борьбы мы не имеем; изложение скучное, несколько педантичное, а у Ливия живое. Но всё это ненастоящее изображение борьбы. Это не что иное как риторическое изображение известного процесса; происходит это по той простой причине, что историки не имели достаточно сведений. Незначительные, скудные данные, которые сохранились в Риме, были разработаны историками согласно с общим взглядом на историю, которую римляне считали «opus oratorum», и вот была создана драматическая история борьбы между патрициями и плебеями.

ПРИЧИНЫ БОРЬБЫ

Мы не станем повторять измышлений римских историков, но остановимся прежде всего на вопросе о причинах борьбы. О причинах этих мы можем судить по гипотезам, так как настоящее определение причин для самих римлян позднейшего периода не было возможно: они и достаточно ясно понимали эти причины, и смешивали их. Мы можем сказать, что борьба была двойная: с одной стороны, политическая и, с другой — экономического свойства — социальная.

Ливий, например, колеблется: то борьба у него имеет характер политический, то социальный, плебеи у него то граждане, которые борются за права, то пролетарии, которые отстаивают свою личную сво-

* Дионисий Галикарнасский прибыл в Рим в конце междоусобной войны между Антонием и Августом, 30 г. до Р. Х. Умер в 8 г. по Р. Х. От его — *ἀρχαιολογία* в 20 книгах, с мифических времён итальянских народов до начала пунических войн, уцелело вполне первых 9, остальные или в отрывках, или как 10-я и 11-я, довольно хорошо. Эти остатки — главный источник для истории древнего государственного устройства Рима. Слог риторический.

боду от кредиторов. Это происходит оттого, что Ливий пользовался разными источниками⁴⁶. Лет за сто до Ливия в Риме появились историки⁴⁷, которые стали разрабатывать сохранившиеся скудные остатки в риторическом духе. На их сочинениях отражались и политические тенденции, и политическая борьба, которая происходила в последующее время. Немецкая критика последнего десятилетия раскрыла это дело, подняла завесу, и мы имеем возможность взглянуть на эти тенденции, которые руководили историками до Ливия. Что же касается Ливия, то у него не было особенной политической тенденции при разработке борьбы между патрициями и плебеями, но у него был другой недостаток, который мешал ему при изложении. Он был добросовестен, но относился к своим предшественникам как к источникам, т. е. он не делал достаточно различия между настоящими источниками и пособиями. Сочинения историков, которые писали за 50 лет до него, он принимает так, как он мог бы принимать известия, дошедшие от самой борьбы между патрициями и плебеями. Он находил между рассказами своих предшественников рассказы с разными оттенками и иногда смешивал краски, взятые то у одного, то у другого. Потому-то и выходит такая смешанная, невыдержанная картина в изложении Ливия. Иногда не только в одной книге, но даже в одной главе видно, что тут содействовали два разных взгляда и борьба представляется то с политическим характером, то с экономическим. Но мы постараемся сначала разделить эти две причины и рассмотрим политическую сторону борьбы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТОРОНА

Политическая сторона борьбы заключается, во-первых, в том обстоятельстве, что магистрату была предоставлена чрезвычайная власть и что эта власть должна была быть тягостна гражданам. Мы знаем уже, что переворот, который совершился в начале римской истории, на самом деле не имел такого глубокого значения, как кажется. Царская власть была не столько отменена, сколько изменена. *Regium iuregiū* было сохранено и передано консулам, которые имели право созывать народ на войну, оно давало им право производить наборы и взыскивать за нарушение военной дисциплины. Это тяжёлое военное *iuregiū* чувствовалось одинаково и патрициями, и плебеями. Но, конечно, на практике эту власть чувствовали более плебеи, потому что патриции сами занимали эти магистратуры, находились в родстве, а потому и менее чувствовали эту тяжесть. С этой стороны борьба не имела полного политического сословного характера.

Зато политическая борьба представляет другой мотив; что была тягостна не только военная магистратура консулов, но подчас мог быть тягостен и суд. Суд был в руках высших магистратов. Для того чтобы иметь успехи на суде, нужно было заручиться поддержкой патрона, патроном же мог быть только патриций. Таким образом, клиенты имели преимущество на суде, потому что у них были патроны, перед плебе-

ями, которые должны были добывать себе патронов. А на римском суде неизбежно было иметь патрона, без патрона ничего нельзя было достигнуть, так как требовалось знание юридических формул, которые употреблялись на суде. Известен один случай, показывающий необходимость знания формул судебных. Если кто хотел принести жалобу на своего соседа, что он подрубил на его огороде виноградную лозу, то истец в своей жалобе не должен был называть виноградной лозы. В противном случае магистрат не принял бы жалобы, так как в запасе римских формул не было такой, которая допускала бы такую жалобу. Истец должен был жаловаться на порубку деревьев. Хорошо, если он это знал, но если он этого не знал, он проигрывал свой процесс. Итак, те люди, которые имели патронов, могли страдать на суде, могли быть недовольны положением дела, могли добиваться лучшего суда, тем более что одни патриции законодательствуют, что они одни знают судебные формулы. Вот два мотива, которые нам объясняют недовольство плебеев во время их борьбы с патрициями.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТОРОНА

Но ещё более, может быть, содействовало разгару борьбы, нежели тягость *impetium*'а и тогдашней судебной организации, другое обстоятельство. Это экономическая сторона. Она группируется около двух вопросов: вопроса о земле и вопроса о капитале. Рассмотрим сначала земельный вопрос: чем может быть вызван раздор в этом отношении между римскими гражданами?

Прежде всего мы сталкиваемся с термином *ager publicus*. В древнем Риме был *ager publicus*. Что же это такое? Под *ager publicus* следует разуметь в Риме ту часть земли, которая не занята под пашню и которая не разобрана в частное владение, а остаётся в общем владении. Преимущественно лес и пастбища составляли такой *ager publicus*. В древнем римском обществе этот *ager publicus* не истощался, потому что римляне продолжали делать завоевания; они постоянно раздвигали свои пределы и эти завоевания в большей части случаев увеличивали их *ager publicus*. Как же римляне использовали свой *ager publicus*? *Ager publicus* служил для разных целей. Во-первых, он служил местом для пастбищ. Всякий римлянин имел право на так называемый *ager publicus* выгонять своё стадо (почему он называется *ager compascus*), мало ли стадо, велико ли — всё равно. Римлянин имел право пользоваться этим общественным выгоном сначала без всякой платы, в позднейшее время за известную плату. Итак, *ager publicus* служил общественным выгоном. Во-вторых, он служил землёю для наделов. Из этой общественной земли римское правительство в известное время выделяло наделы. Это так называемое *assignatio*. Наделы были незначительны, потому что древние римляне ближе стояли к огородничеству, чем к хлебопашеству в нашем смысле слова⁴⁸. Но затем был ещё третий способ пользоваться *ager publicus* — это *occupatio*. Каждый римский гражданин имел право занимать часть этой общест-

венной земли под пашню. Он имел право вспахать несколько югеров, засеять их и повторять это из году в год, таким образом, эта часть земли становилась как бы его полем. Она, однако, никогда не была тем, что римляне называли *dominium*, она называлась только *possessio*. Но римляне могли из году в год, из поколения в поколение владеть этими частями *agri publici*. Части могли находиться в бессрочном владении, но верховное право всегда сохранялось за государством.

Мы нечто совершенно подобное находим и у других народов, особенно там, где было много свободных земель, как, например, в Швейцарии. Там была масса леса, громадные пространства, удобные не столько для хлебопашества, сколько для выгонов; они оставались в общинном владении. У нас есть швейцарская грамота XIV века, из которой видно, что в то время граждане имели право безгранично оккупировать известные части общественной земли.

Теперь встаёт вопрос: кто имел право пользоваться римским *ager publicus*? Все ли или только патриции? Нибур предполагал, что право пользоваться *ager publicus* было патрицианское; это предположение естественным образом вытекает из взгляда Нибура на первоначальное устройство Рима. Если первоначальные жители были все патриции, то, конечно, только им и мог принадлежать *ager publicus*. Плебеи впоследствии могли быть допущены, так сказать, из милости к пользованию общественной землёй. Но дело в том, что мы не имеем в римской истории никаких указаний на то, что *ager publicus* был достоянием патрициев, поэтому мы не имеем оснований поддерживать гипотезу Нибура. Мы вообще не можем утверждать, что борьба была из-за *ager publicus*. Но и помимо этого есть достаточно указаний на то, что поземельный вопрос мог быть причиной борьбы. А именно, велико ещё расстояние между правом и возможностью пользоваться им: трудно предположить, что все римляне могли пользоваться *ager publicus*. Во-первых, относительно стада. Общественным выгоном мог пользоваться только тот, у кого был скот. Затем больше мог пользоваться тот, у кого было большое стадо, чем тот, у которого малое стадо. Во-вторых, дело ещё более усложнялось при *occupatio*. Оккупировать землю на практике не так легко, ибо очень труден переход от дикого состояния к обработке. Нужно больше усилий, чтобы приготовить землю, сделать её способной служить, и особенно в тех условиях, в которых находился римский *ager publicus*; которое находилось верстах в 15—20 от селений римского народа. Нельзя было и своё поле вспахать и затем ещё за 15—20 вёрст занимать какой-нибудь надел из общественной земли. Надо было иметь большую семью, рабов, чтобы иметь возможность пользоваться общественной землёю для оккупации. И конечно, оккупировали те, которые обладали большей рабочей силой, у которых было много рабочего скота или рабов. Меньшинство на самом деле могло пользоваться *ager publicus*; меньшинство, те, у кого было много рабочих рабов или многочисленная семья, извлекало действительную пользу из общественной земли. Независимо от вопросов, патриции или плебеи имеют право на владение *ager publicus*, могли быть безземельные, и можно себе представить, что несмотря на суще-

ствование *ager publicus*, могла быть известная масса, которая не могла получить земли, но которая желала получить землю, которая боролась из-за земли.

Лекция 5

ДОЛЖНИКИ В РИМЕ

Теперь нам предстоит рассмотреть другую причину экономической борьбы, основанием которой являлось не владение землёй, а владение капиталом, разумея под этим словом экономический термин. Под капиталом в таком случае подразумевается не только наличные деньги, но и вообще орудие производства. В древнем быту орудием производства служат семена, которые нужны для того, чтобы сеять, земледельческие орудия, скот и рабы. Так что в этом обширном экономическом смысле мы будем говорить о капитале.

Во всяком обществе встречается большое различие относительно капитала: у одних — значительное количество этого капитала, у других — недостаток. Тут речь не о бедных, которые нуждаются в средствах пропитания, но людях до известной степени самостоятельных, но которые могут в известное время нуждаться в капитале. Купец, производящий торговые обороты на большую сумму, чем та, которою он обладает, если ему нужно купить товару, чтобы перепродать, берёт в кредит. Но и земледelec может нуждаться в капитале. Если он хочет произвести посев, а у него недостаёт семян, или пал скот, или напали враги, то он не может сам возделывать землю; он должен купить скот. Следовательно, он нуждается в капитале и прибегает, как и купец, к кредиту, берёт займы. Нельзя представить себе общества без займа, без долговых обязательств.

И вот одна из самых главных причин тех смут, которые происходили в древнем римском народе, заключается в долговых обязательствах. Ливий чрезвычайно подробно и красноречиво описывает те неудобства, которые происходили в древнем Риме вследствие того, что многие плебеи находились в таких долговых обязательствах, которые были для них невыносимы, так что они были в неоплатных долгах.

Это изображение Ливия слишком мрачно и вследствие этого подпало сомнению. На это было указано историком Ничем^{*}; он вполне основательно доказал, что на изображение этих древнейших отношений у Ливия несомненно влияет то обстоятельство, что Ливий, находясь под воздействием современных ему условий, слишком представляет древних людей в качестве пролетариата. Древние плебеи не могли быть пролетариями. Это доказывается тем, что Рим не имел бы возможно-

^{*} Nitzsch, K. W. Die Römische Annalistik von ihren ersten Anfängen bis auf Valerius Antias. Kritische Untersuchungen zur Gescshichte der älteren Republik. Berlin. 1873.

сти выставлять такое сильное войско, не имел бы возможности бороться с соседями, если бы у него не было значительной массы самостоятельного крестьянства. Итак, Нич совершенно справедливо указал на то, что эти картины у Ливия неправильны. Некоторые же исследователи пошли гораздо дальше; они стали сомневаться, что долговые обязательства могли играть существенную роль, что они могли быть причиной недовольства людей, причиной борьбы между патрициями и плебеями. Даже Герцог, исследователь осторожный и обстоятельный, высказывает в своём последнем сочинении, небольшом учебнике римской истории, сомнение относительно той роли, которую играли долговые обязательства, и вот почему. Как и другие исследователи, он указывает на то, что в Риме позже появилось денежное хозяйство, когда появляются деньги, когда они в обороте и когда поэтому можно занимать долги. В древнем Риме их не было или было так мало, что они не находились в обороте, поэтому трудно представить себе, чтобы в древнюю эпоху были деньги и долговые обязательства. Всех дальше в этом отношении пошёл историк Ине (Inne) в своей истории (6 томов), первый том которой вышел в пятидесятых годах, а последний в прошлом году. Он вообще отрицает роль долговых обязательств, он сомневается, чтобы были кредиторы и должники.

Но эти предположения основаны на странном недоразумении; недоразумении, которое легко может явиться у филологов, изучающих известный материал методично, основательно, но совершенно не прибегая к сравнению с историей других народов. Такое недоразумение может быть у исследователей, которые не обращаются к аналогии; аналогия, конечно, легко может повести к отважной гипотезе и как результат более запутывает, чем разъясняет. Но во многих случаях сравнительный метод выручает из затруднений, и в римской истории он применим, как и в истории других народов. Что же нам показывает история других народов? Она показывает, что во всяком первоначальном обществе существуют кредиторы и должники и что чем меньше денег, чем меньше капитала, тем тяжелее могут быть долговые обязательства. Конечно, и в земледельческом народе могут быть кредиторы и должники, и в Риме они должны были быть и чаще и больше, потому что римляне представляли собою крестьянство, которое находилось в постоянной войне. Значит, из года в год пределы Рима подвергались нападениям врагов, которые жгли жилища, уводили скот, уводили иногда и членов семейства. Что делать крестьянину, у которого нет рабочего скота — *iumenta*? У которого нет рабов, семян? Он должен прибегнуть к соседу или к какому-нибудь другому гражданину, у которого есть капитал. Земля бесплодна, если не вспахать её, не засеять, то она ничего не даст. Итак, не то не вероятно, что в Древнем Риме могли быть кредиторы и должники, что там были долговые обязательства. Невероятно другое предположение: нельзя представить Рим без кредиторов и должников. Для этого нет надобности предполагать, что все долги на деньгах; можно было брать займы известное количество семян, пару волов с тем, чтобы в конце года заплатить за эту пару волов трёх или на иных условиях.

Чтобы убедиться в этом, достаточно указать на быющую в глаза аналогию с другим народом. Цезарь пришёл в Галлию, когда галлы ещё находились на очень ранней ступени культуры, в быте скотоводства⁴⁹. Что же сообщает о галлах Цезарь? Он говорит, что у галлов три сословия: друиды, *equites* и затем *obaerati* — значительная масса народа, обозначаемая термином, который Цезарь, вероятно, перевёл с галльского языка на латинский, — *obaerati* — должники*. Целый класс и самый многочисленный называется должниками, причём указывается на отношения между *obaerati* и *equites*. *Obaerati* были мелкие земледельцы или скотоводы, которые трудились в кредит, которые получали землю, орудия и скот от богатых соотечественников и на них работали, т. е. они платили проценты за эту землю и орудия производства, которые у них брали.

Тот же самый факт мы встречаем позже в Ирландии, населённой теми же кельтами, которыми была населена и Галлия. Ирландия по своему положению была изолирована, цивилизация туда проникала чрезвычайно поздно, а потому Ирландия долго сохраняла первобытные формы. Из самых ранних литературных памятников XI в. мы можем судить о быте, который существовал в Ирландии в VIII, IX, X веках. И там мы встречаем то же, что Цезарь говорил о галлах: мы встречаем класс «айтек», по-ирландски, от «айт» — скот. Это пастухи, которые находятся в долгах у своих богатых соотечественников и которые обязаны платить проценты приплодом с этого стада, т. е. эти пастухи пасут чужое стадо. Стадо не им принадлежит, но они его пасут и проценты платятся владельцу стада частью приплода. Это тот самый вопрос, который мы встречаем на всех стадиях римской истории.

Следовательно, нам нет никакого основания сомневаться, что в Риме существовал долговой вопрос и особенно в древнюю эпоху. Но как скоро существует долговой вопрос, так существуют и причины к недовольству. В древнее время долговые обязательства ложатся гораздо тяжелее, чем в более позднюю эпоху, по многим причинам: во-первых, потому что мало капитала и он дорог; во-вторых, капитал не обеспечен, его легко можно потерять, враги могут сжечь хижину, угнать скот. Чем менее обеспечен капитал, отдаваемый займам, тем более риск, тем сильнее требуется гарантия кредита, тем более кредитор ожидает выгоды отданного им на риск капитала, тем выше процент.

Слово «процент» новое, оно указывает на денежное хозяйство: известное число монет должник обязан платить в год со ста монет. Но когда берутся не деньги, когда берутся, например, семена, тогда счёт на проценты не выгоден. Если кто-нибудь берёт займы деньги, с тем чтобы, например, через известный срок принести за 1 рубль два руб-

* De bello Gallico, VI кн., XIII гл.: In omni Gallia eorum hominum, qui aliquo sunt numero atque honore, genera sunt duo: nam plebs paene servonum habetur loco, quae nihil audet per se, nullo adhibetur consilio; *plerique*, cum aut *aere-alieno* aut magnitudine tributorum aut iniuria potentiarum premuntur, sese in servitutem dicant nobilibus; in hos eadem omnia sunt iura, quae dominus in servos. Sed de his duobus generibus alterum est druidum, alterum equitum...

ля, то это кажется немыслимый рост. Но если дать меру пшеницы, с тем чтобы, когда уродится хлеб, осенью принести вместо одной меры две, то это, кажется, не представляет ничего ужасного, ибо при известных условиях в плодородной стране зерно приносит большой приплод, оно умножается иногда на 10. Кажется, на одну меру легко получить столько, чтобы за одну меру заплатить две.

Итак, нисколько не удивительно, что в древнюю эпоху процент гораздо выше; чем богаче страна, тем ниже процент, тем дешевле капитал. В западных странах Европы средний процент или тот процент, который даётся недвижимым имуществом, от 2 до 3; у нас выше.

Стало быть, чем древнее жизнь, тем выше процент, а чем выше процент, тем чаще должник может быть в таком состоянии, что не может уплачивать ни капитала, ни процентов. Затем, в древнее время долговые обязательства потому так тяжелы, что нравы жестоки. В древнейшую эпоху обыкновенно лицо гарантирует капитал. Если кто не может отдать того, что он взял в долг, то он отвечает своим лицом и своей семьёй за долг. Нам это кажется неестественным, но в древнюю эпоху, когда существовало рабство, не могло быть другого представления: человек отвечает за то, что он взял, своим лицом.

Затем, государственная власть в древнюю эпоху или слаба, или не существует. Следовательно, все отношения между гражданами имеют частный характер. Государство не вмешивается в отношения, оно только предоставляет кредитору право на всё, что можно взять у должника. Постепенно только государственная власть начинает вмешиваться в отношения должника и кредитора, чтобы оградить первого от злоупотреблений со стороны кредитора.

Ещё в наши дни, несколько лет тому назад, уничтожен был последний остаток этого личного ручательства за долг — уничтожено личное задержание за долги (в 78 году). Теперь личное задержание существует как гарантия против злонамеренного уклонения от уплаты долга. Если должник имеет чем заплатить, но уклоняется, то кредитор может обратиться к суду и выхлопотать, чтобы государственная власть задержала должника. Но как скоро удостоверено, что должник не в состоянии уплатить долга, он освобождается. А в прежнее время в таких случаях его сажали под арест и он сидел по 10, 15 лет (в особом здании, которое теперь, в Москве, получило другое назначение). Теперь в законодательстве это отменено.

В древнейшую эпоху должник головою выдавался кредитору до «искупа», пока кто-либо не выкупал его.⁵⁰ При таком общем положении дел неудивительно, что в Риме долговые обязательства могли быть источником больших неудовольствий со стороны многочисленных должников. Сомневались, прав ли Ливий, который изображает борьбу, как будто бы все плебеи были не что иное, как должники. Это скептическое отношение к изложению Ливия происходит от недоразумения. Не надо предполагать, что большинство плебеев были неоплатные должники; но достаточно представить себе, что третья или четвёртая часть римлян время от времени находится в тяжком положении неоплатных должников, чтобы возбуждать недовольство.

Теперь у нас есть несомненное доказательство того, что долговой вопрос играл роковую роль в жизни древних. До нас дошёл отрывок из законодательства XII таблиц.⁵¹ Как вы потом узнаете, до нас дошло немного отрывков из этого важного памятника, но именно об этом долговом вопросе сохранились некоторые фразы отрывка, на древнем языке. Этим мы обязаны Геллию*, одному из римских антиквариев, который для нас перефразировал другие, более древние документы. Мы должны взять в расчёт, что законы XII таблиц были изданы (в 451 и 450 гг.), когда борьба между патрициями и плебеями дала известные результаты, когда плебеям были сделаны уступки, и если тем не менее мы в этих законах встречаем чрезвычайную суровость, то не должны думать, что раньше, до эпохи XII таблиц, право было менее сурово. И что же мы узнаём из законов XII таблиц? Когда должник оказывался несостоятельным, тогда кредитор приводил его к суду, и когда на суде обнаруживалось, что должник несостоятелен и долг не уплачен, тогда должник выдавался головой. «*Aeris confessi rebusque iure iudicatis XXX dies iusti sunt*» — вот текст, дошедший до нас. Очевидно, здесь пропущено *rebusque iure*, потому что надо читать *aeris confessi rebusque iure iudicatis*, т. е. если по правильном обсуждении дела должник сознавался в своём долге — *aeris confessi*, — то он получает 30 дней льготного срока, — *XXX dies iusti sunt*** . Этот льготный срок давался должнику, чтобы на стороне искать денег, прибегнуть к помощи родственников, друзей. Если эти 30 дней прошли для него бесследно, тогда налагались руки — *manus iniectio* (наложение руки). Для чего? Он его отводит к себе (см. 2 и 3 пункты таблицы). И текст XII таблиц точно, как это бывает в древнем законодательстве, чрезвычайно реально изображает отношения кредитора к должнику: кредитор получал право связать должника — *pergo aut compedibus* — и законодательство указывает вес этой цепи или таких кандал, которые возлагались на должника: 15 фунтов, не больше. Если же хочет кредитор, то и меньше (см. 3). Значит, законодательство является со слабой попыткой вступить за должника, оно хочет гарантировать его от мести, от злобы кредитора, определяя, что цепь не должна быть выше 15 фунтов. Но в наших текстах тут встречается неясность: многие читают наоборот, сперва *minore*, а потом *maiore*; так что выходит, что закон говорит: кредитор налагает цепи не меньше 15 ф., а если захочет, то и

* Aulus Gellius, называвшийся прежде ошибочно Agellius, римский писатель II в. по Р. Х. Воспитание получил отличное; в Риме, например, изучал грамматику у Сульпиция Аполлинария; ездил в Афины слушать философию у Кальвизия Тавра, Перегринна Протейя; потом был судьёй в Риме. Результатом его учёных занятий были *Nostium Atticarum libri XX*, сохранившиеся за исключением VIII книги. Его сочинение представляет богатый для нас материал по отношению к языку, древностям и истории словесности. Л. 554.

** Это первый пункт третьей таблицы. Вот полный, восстановленный и дополненный текст этой таблицы:

1. *Aeris confessi rebusque iure iudicatis XXX dies iusti sunt*.
2. *Post deinde manus iniectio esto. In ius ducito*.
3. *Ni iudicatum facit aut quis endo eo in iure vindicit, secum ducito, vincito aut nervo aut compedibus XV pondo, ne minore, aut si volet maiore vincito*.

больше. И вы можете встретить, что автор предполагает последнее (как, например, Bruns)⁵², которое имеет вид более правильно до нас дошедшего. Это образчик филологической акрибии, но здесь акрибия эта сталкивается со здоровым смыслом. Дальнейший пункт закона даёт нам полную возможность понять это место так, как я предлагаю. Далее сказано, что должник должен жить на своём содержании у кредитора — *suo vivito* (пункт 4); если же у него ничего нет и ему нечего есть, то кредитор должен кормить его, должен давать один фунт хлеба в день, а если кредитор добрый, то он может дать и больше. Затем кредитор должен в течение 60 дней сделать троекратную попытку выручить своего должника. Он должен его в три базарных дня вывести на площадь и объявить, сколько ему он должен (см. 5 п., переделку Геллия), для того чтобы, если тут найдутся родственники или друзья, они могли помочь ему, чтобы таким образом должнику была предоставлена возможность выйти из тяжёлого положения. Если же этот срок, 60 дней, пройдёт напрасно, то следовала полная выдача должника кредитору. И коротко и сухо говорит закон XII таблиц: кредитор имеет право лишить должника жизни или продать его в рабство за Тибр, к чужим, потому что у римлян нельзя свободного человека держать у себя в рабстве, но продать в рабство за Тибр, за границу, к этрускам — можно. Если же было несколько кредиторов, то они могут поделить между собою должника (п. 6), рассечь на части. И если при этом один из них отсечёт больше, то *se fraude esto*, *se*, т. е. *sine*, то не будет это ему поставлено в вину. Буквальный смысл ясен: если один кредитор, то может продать или убить, если несколько, то разрубить. Как это понимать, буквально или нет? Всего легче думали отделаться те, которые понимали в переносном смысле, т. е. что речь идёт об имуществе. Но это только кажется, что такое объяснение устраняет затруднения. Ведь имущества нет; ведь вся эта тяжёлая процедура является тогда, когда нет имущества. Очевидно, что это разделять — *secare*, не может относиться к имуществу, а к лицу. Едва ли что-либо подразумевалось под этим, если принять во внимание те взгляды, которые господствовали в ту эпоху. Однако едва ли могло совершиться такое вопиющее дело, чтобы разрубали живого человека, едва ли могли найтись люди, похожие на Шейлока, которые буквально хотели бы воспользоваться своим правом. У Шейлока мотив очень ясен: он мстит за свой угнетённый народ.

Это выражение указывает на характер древнего права, но отсюда ещё не следует делать предположения о правах. Во всяком случае, су-

4. Si volet suo vivito. Ni suo vivit, qui eum vinctum habebit, libras farris endo dies dato. Si volet plus dato. — Брунс читает сначала *minore*, а потом *maiore*; мы наоборот.

5. Sellius (20, 1, 46 — 7): *Erat autem ius interea paciscendi, ac nisi pacti forent, habebantur in vinculis dies sexaginta. Inter eos dies trinis nundinis continuis ad praetorem in comitium producebantur, quantaque pecuniae iudicati essent, praedicabatur. Tertiis autem nundinis capite poenas dabant, aut trans Tiberum peregre venum ibant.*

6. *Tertius nundinis partis secanto. Si plus minusve secuerunt, se fraude esto.*

7. *Adversus hostem aeterna auctoritas (esto).*

Из *Fontes iuris Romani antiqui*. Edidit Carolus Georgius Bruns, accessit supplementum Th. Mommseni. — 4-е изд. — С. 19—20.

ществование таких законоположений в ту эпоху, которая представляет компромисс, указывает на тяжёлое положение неоплатных должников в Риме.

Лекция 6

NEXUM И NEXUS⁵³

В Древнем Риме была ещё другая форма долгового обязательства с другими последствиями, чем те, о которых было сейчас сказано. Эта форма также не чисто римская, её мы встречаем и у других народов. В Риме она существовала только в древнейшую эпоху, затем она исчезла и должна была исчезнуть вследствие особого развития гражданских учреждений в Риме. Сохранилось только название, и это название стало непонятным в ту эпоху, когда римляне стали сознательно заниматься своей стариной, поэтому у римских юристов, у которых мы встречаем это понятие, мы находим противоречие относительно того, что понимать под этой формой. Если уже древние римляне впадали в противоречие, то, конечно, в нашей науке ещё более противоречий и разногласий. Любопытное доказательство тому, что трудно распутать этот вопрос, можно найти в сочинениях Ланге, автора «Римских древностей»^{*}. Если вы сравните его издание, вышедшее в конце 60-х годов, с его третьим изданием, то вы увидите, как один и тот же исследователь в течение известного срока мог существенно изменить взгляд на дело.

Это понятие называется латинским словом *пехум* и *пехус*. Словом *пехум* обозначается самое отношение, *пехус* — тот, кто находится в этом отношении, кто *obligatus per pexum*. Относительно того, какое значение имело *пехум* в древнейшем Риме, нам может помочь русская история. В России дольше, чем у других народов, сохранились эти отношения, когда они освещались историей. Это кабала, т. е. добровольная отдача свободным человеком за долг себя в рабство, в условное рабство. Римляне рано облекли эти отношения в юридические формы точно так же, как они облекли в юридические формы и другие отношения: завещание, освобождение сына от отцовской власти, куплю и продажу. *Nexum* совершался точно так же в одной и той же форме, при определённой символической обстановке, и поэтому обыкновенно говорят *пехум per aes et libram*. Совершалась эта сделка при свидетелях и при лице, которое называлось *libripens*, которое держало весы. На эти весы клали кусок меди, и этот обряд служил выражением для совершаемого юридического обряда. После того как кусок меди прозвучал, сделка считалась оконченной. Что обозначал этот кусочек меди? Он обозначал, что кредитор давал должнику известную сумму, ко-

^{*} Lange Ludwig. Romische Alterthümer. Erster Band, dritte Aufl. Berlin. 1876. 2 B., 3 Aufl. 77. и 3 B., 2A. 78.

торая могла выражаться и не в одном металле, которая могла иметь и натуральный характер. И за эту сумму, за этот долг взявший вступал в кабальное отношение до тех пор, пока выкупится, пока уплатит свой долг.

Положение такого человека, который себя заложил, в этом заключается сущность дела, конечно, было довольно тяжело: он был в зависимости от частного лица, он не был рабом, он не в рабство поступил, но он был во временном рабстве, пока продолжалось его долговое обязательство. Эти долговые обязательства могли быть очень продолжительны, и положение было тем более тяжело, что по семейному праву это временное рабство распространялось не на одно лицо, а на всё семейство. Эти кабальные отношения были тем более тяжелы, что человек, который заложил себя, отдавал в залог вместе с этим и свою семью. Но в то же время он оставался гражданином, т. е. нёс перед государством все свои прежние обязательства. Он должен был воевать, он должен был являться, когда консул объявлял войну, он должен был тогда *edere popem suum*, т. е. внести своё имя в списки. Если он вследствие войны или похода был не в состоянии работать на господина, если он не мог исполнять своих обязательств, то эти обязательства падали на членов его семьи. Кредитор имел право заставить работать для себя детей отсутствующего должника или кабального человека. Понятно поэтому, какие могли происходить сцены на римском форуме, если туда должны были являться люди, которые в то же время должны были отрабатывать свой долг. У Ливия и у других историков пехит часто смешивается с положением должника, которого кредитор имел право продать за границу. Отсюда происходит новая путаница. Мы должны ясно различать эти два юридических института: с одной стороны, должник, *aeris confessus*, по суду выдаётся головой кредитору. В другом случае мы имеем продолжительное отношение: гражданин отдаёт себя и находится известный срок в зависимом положении.

Римское государство должно было, наконец, вмешаться в эти отношения, так как оно было заинтересовано в том, чтобы кабальные люди могли нести свои обязанности перед государством. Мы не можем точно проследить историю этого древнего учреждения у римлян, которое рано исчезло. Оно должно было исчезнуть, так как римляне рано развили у себя понятие свободного человека. Понятие свободного человека не мирилось с такими кабальными отношениями. Поэтому, ещё прежде чем они были совершенно уничтожены, со стороны государства был предпринят ряд мер в его же интересах. У Ливия в II кн. 24 гл. сохранилась формула закона, изданного консулом⁵⁴ для облегчения положения кабальных людей. Конечно, мы не можем утверждать, что этот закон был издан в тот самый год, к которому приурочивает его Ливий, и что текст был тот же. Закон этот передан Ливием так:

«*Ne quis civem Romanum vinctum aut clausum teneret, quo minus ei nominis edendi apud consules potestas fieret: ne quis militis donec in castris esset, bona possideret aut venderet, liberos nepotesve eius moraretur*». Воспрещается держать гражданина *vinctum* aut *clausum* и лишать его

таким образом возможности *pominis edendi*, т. е. внести своё имя в списки солдат у консулов, которые совершали набор. Затем далее говорится *ne quis militis...*, т. е. если такой кабальный человек служит в войске, то кредитор в это время, на время службы в войске, не может наложить секвестра на имущество и лишается права задерживать его детей и внучат: *liberos nepotesve eius moraretur*.

Это первая мера, насколько мы можем судить, принятая правительством, чтобы облегчить кабальные отношения. Затем эти отношения были совершенно уничтожены. Случилось это посредством *lex Poetelia Papiria*. В Риме назывался каждый закон по имени того, кто вносил этот закон или проект закона в народное собрание. Тот трибун или тот консул, который вносил его в народное собрание, если закон утверждался, оставлял как бы своё имя на названии закона. Закон этот относится к 428 г. *post urbem conditam*, т. е. к 326 г. до Р. Х. Из этого видно, что эпоха, когда в Риме допускались кабальные отношения, была довольно продолжительная, но тем не менее самая отмена закона относится к тому времени, куда наши исторические сведения не достигают. Легендарная сторона заключается в том мотиве, который послужил, по преданию, причиной этого закона. А именно, один из кредиторов позволил себе покушение на целомудрие должника или кабального человека; вследствие этого кабальные отношения были отменены, т. е. было постановлено, что впредь гражданин никогда не будет в состоянии *pexus*. Сохранилось это *pexum* только для лиц, которые выдавались головою за преступление, например вор, который был настигнут при совершении преступления, или, как говорилось, *fug manifestus*; он ещё после этого закона выдавался головой тому лицу, которому он нанёс ущерб.

Что касается самого мотива, по которому римский народ уничтожил кабальные отношения, то он делает им честь, но мы не имеем основания верить, что таков был мотив. Мы можем потому сомневаться, что такой мотив встречается не раз в римской истории. Самые крупные исторические перевороты связаны с этим мотивом. Изгнание царей и установление Римской республики мотивируется тем оскорблённым чувством, которое проявилось в римском народе вследствие покушения царского сына на целомудрие женщины. Точно так же были изгнаны дещемвиры вследствие покушения на целомудрие девушки. И потому мы не можем думать, что в данном случае это не настоящий мотив, но легендарный, который искали, чтобы объяснить такую отмену. В истории слишком редко повторяются одни и те же мотивы.

Кабальные отношения, основанные на том, что один гражданин поступает в рабское состояние к другому, не совместимы с политическими учреждениями, с тем развитием, которое получило понятие лица, юридического лица. Римляне раньше, чем другие народы, достигли юридического определения лица, и потому должен был наступить момент, когда кабальные отношения стали в Риме невозможны. Что касается до самого *pexus*, то наиболее ясное объяснение этого *pexus*, который был непонятен для позднейших римлян, мы находим не у юри-

ста, а у антиквария Варрона* в его сочинении «De lingua latina», где он говорит: «liber, qui suas operas in servitutem pro pecunia, quam debebat (пропущено dat), dum solveret, nexus vocatur, ut ab aere obaeratus». Свободный человек, который свой труд in servitutem dat, который берёт на себя рабский труд за деньги, за долг, называется nexus, пока не уплатил своего долга. Назывался он nexus от nexum, как obaeratus от aes.

Вот причины экономические, которые вместе с политическими были в состоянии в течение долгих лет вносить смуту в римский народ и которые послужили сильным стимулом для плебеев добиваться политических и гражданских прав.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ

Трибунат

Теперь обратимся к самой истории этой борьбы, к тому факту, в котором она выразилась, и к её результатам. Первый крупный факт, в котором выразилась борьба, имел место через 16 лет после изгнания царей и через один год после смерти царя Тарквиния Гордого, когда патриции избавились от страха, что царь вернётся в Рим, тогда они уже без всяких сдержек стали злоупотреблять своею властью и побудили таким образом плебеев к решительным мерам.

Эти решительные меры, восстания плебеев против патрициев, являются в римской истории с чрезвычайно оригинальными характерными чертами. Это не обыкновенные бунты. Мы вообще в римской истории видим вначале не столько народ, сколько войско, ополчение, и этот бунт — *secessio*, т. е. уход народа на Священную гору. Это так называемое первое *secessio*. Войско, которое находится в походе, отказывается повиноваться своим начальникам из патрициев, оно собирается на небольшой горе верстах в 6 от Рима — *mons sacer* — и там выбирает из своей среды особых вождей. Так как войсковые начальники назывались *tribuni militum*, то вместо этих трибунов, которые были из патрициев, оно выбирало себе трибунов из своей среды — *tribuni plebis*.

Но это войско не могло оставаться вечно на маленькой горе, нужно было или идти дальше и основать другой город, или помириться с

* М. Terrentius Varro, величайший римский учёный, родился в Peate, in Sabinis, 116—28 гг. до Р. Х. Он происходил из древнего сенаторского рода; был народным трибуном; участвовал в войнах Помпея с пиратами, с Митридатом, с Цезарем. С Цезарем, однако, примирился. После себя он оставил громадное количество сочинений: по списку, им самим составленному, у него было 74 сочинения, почти в 620 книгах. Указанное сочинение «De lingua latina» было, вероятно, в 25 книгах и заключало систематическое изложение грамматики. Уцелело для нас только 5—10 неполных книг из «De lingua latina», ещё небольшое сочинение «De re rustica» и отрывки сатир.

патрициями. Примирие, как известно, произошло. Нибур представлял это примирение в виде договора, который был заключён подобно тому, как два разных народа заключают договор, который имеет международный характер, через фециалов,⁵⁵ которые совершают известные жертвоприношения. Нибур вообще внёс или чрезвычайно глубоко провёл в римской истории дуализм между патрициями и плебеями. Ещё более старался проводить этот дуализм один из последователей Нибура — Крюгер, который думал, что между патрициями и плебеями существует различие культов. О религии плебеев и патрициев писал Крюков* (в 40-х годах под псевдонимом Перегрин). Это представление, которое ведёт своё начало от взглядов Нибура, в настоящее время значительно смягчается, и самое примирение едва ли нужно представлять в виде международного договора.

Более вероятно то, что плебеи согласились возвратиться в город и принять на себя прежние обязанности взамен на уступки, которые были проведены патрицианскими магистратами обыкновенным путём, посредством народного собрания. Эти законы считались особенно священными, так как их соблюдение защищалось богами. Тот, кто не исполнял эти законы — *leges sacrae*, — сам становился *sacer*, т. е. проклятым богами.

Трибунат. Главным результатом этого примирения было появление новой магистратуры, которая всё более и более выступает на первый план в римской истории, а именно — *tribunatus*. Рядом с магистратурой консулов, которая появилась после изгнания царей, становится другая магистратура — трибунов. Трибуны не имеют *imperium*, царской правительственной власти, у них нет *ius auspiciorum*, они не имеют права вопрошать волю богов и только впоследствии получают право *servare de caelo*, но они постепенно приобретают права и положение магистратуры. Итак, *tribuni plebis* не есть магистратура в собственном смысле этого слова. Тем не менее история трибуната охватывает собою всю историю римских учреждений, и потому вполне правомерно можно её назвать *magistratus plebis* и начать с истории трибуната.

Сначала скажем о внешнем положении трибуната. Сколько было трибунов? Вначале их было 2; есть известие, что потом их было 5; если их 5, то это, вероятно, находится в связи с существованием пяти имущественных классов, т. е. у каждого класса было по одному трибуну; но затем мы видим 10, и это число остаётся неизменным до конца республики.

Как избирались они? Они впоследствии избирались в особом народном собрании, в трибут-комициях, а первоначально избирались в народных собраниях по куриям. Понятно, что те исследователи, которые считают курию патрицианским учреждением, должны были усомниться в вероятности этой подробности, которую мы находим у Ливия,

* Дмитрий Львович Крюков, 1809—1845 гг. С 1835 г. проф. римской словесности и древностей в Московском университете.

и старались объяснять иначе, почему мы встречаем такое известие, будто бы трибуны некоторое время избирались по куриям. Но так как курии утратили своё серьёзное политическое значение, то нет надобности сомневаться в верности этого известия. Очень может быть, что когда плебеи получили право избирать трибунов в центуриат-комициях, то распределили этих плебеев по куриям. Как бы то ни было, это была временная мера; мы видим, что потом трибуны избираются в трибут-комициях.

Какие права и обязанности имел трибун в начале этого учреждения? Права эти заключаются все в одном слове: *auxilium* — *auxilii latio*. Права, как видите, незначительны. Кому же он оказывал помощь? Плебеям. И против кого? Против магистрата. В каких же случаях могла появляться для трибунов возможность *auxilii*? Когда власть становилась тяжела для того или другого плебея. Например, во время осуществления воинского набора. Если плебей, которого призывают в легион, по семейным обстоятельствам не может идти в поход, трибун его освобождает. Когда, например, консул приказывает схватить того, кто ослушался — *ius prensionis*, — и отвести в темницу, трибун может на дороге остановить и освободить того, кого ведут. Если, например, патрицианский магистрат наложил штраф — *multae dictio*, — то трибун имеет право оказать помощь, т. е. уменьшить этот штраф или освободить совсем от штрафа.

Но где гарантия того, что эта помощь будет действовать? Гарантия заключается в том, что власть трибуна объявлена священной — *sacrosancta*, т. е. гарантия — религия. Поэтому, кто нарушает власть трибуна, тот *saseg* и не может оставаться среди граждан. Неприкосновенность трибуна — вот то, в чём заключается его сила, вот щит, который он имеет, чтобы отстаивать свои права и обязанности от могущественной патрицианской магистратуры. Но мало-помалу этот щит превращается в наступательное оружие, и трибуны, основываясь на том, что они *sacrosancti*, расширяют свою компетенцию, развивают свою власть всё более и более, пока, наконец, они не захватывают главную власть в государстве в свои руки.

Лекция 7

РАЗВИТИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТРИБУНОВ

Мы остановились на трибунате в прошлой лекции. Мы видели, что трибуны первоначально назывались плебейскими. Их обязанность заключалась в том, чтобы в случае необходимости оказывать помощь — *auxilium* — людям из плебеев, которые могли в ней нуждаться. Из этого первоначально скромного значения развилось другое, которое охватило всю внутреннюю жизнь Римского государства. Далее мы отметим моменты развития их значения. Первый момент заключался в том, что вместо индивидуальной помощи появилась коллективная по-

мощь. Трибуны имели в виду не одних только лиц из плебеев, а начали иметь в виду целое сословие. Сначала их власть была невелика, и то, что они могли сделать для плебеев, было незначительно по сравнению с тем, что они делали впоследствии. *Auxilium*, который они имели, — право оказывать помощь — имеет первоначально отрицательный характер. Они могут помешать другим магистратам произвести насилие, принять крутую меру. Они могут только мешать. Посредством чего? Посредством *intercessio*. Но это было не ново: *intercessio* существовало и между консулами относительно распоряжений товарища. Каждый консул имел право приостановить распоряжение своего товарища, т. е. имел право сказать своё «не дозволяю», своё «*veto*». Это была тормозящая деятельность, так как и с другой стороны могло последовать *intercessio*. Вот именно такое право сказать своё «*veto*» было предоставлено трибуну, трибун и говорит своё «*veto*», так что слово «*veto*», понятие «*veto*» стало находиться в тесной связи с понятием трибуна.

Но из этой отрицательной власти должна была постепенно развиваться положительная власть, из тормозящей деятельности — деятельность более плодотворная. Как же пошло это развитие? Во-первых, право «*veto*» даёт возможность переговоров, даёт возможность заключения сделки между трибунами и консулами. Затем, для того чтобы осуществить эту тормозящую деятельность, иногда поневоле приходится активно вмешиваться. Например, если консул прикажет своему ликтору схватить какого-нибудь гражданина, который не повиновался его приказанию, и вести в темницу, то трибун останавливал. Но ликтор продолжал тащить. Тогда трибун приказывал своему слуге, который назывался не *lictor*, а *viator*, остановить ликтора, т. е. против силы употребить силу. Это только осуществление *auxilium*. Но ликтор продолжает тащить, тогда приходится вступить самому трибуну: он становится поперёк дороги и берёт за руку арестанта. Тогда ликтор должен был уступить, потому что если он толкнёт трибуна, то становится *sacer* (проклятый). Следовательно, из этой тормозящей деятельности развивается деятельность другого рода: действительное право делать распоряжения. Это развитие должно было пойти ещё дальше. Трибун мог быть вынужден принять серьёзные меры против ослушников своих приказаний, он имел право обвинять, налагать денежный штраф на ослушников. Очень рано мы встречаем право трибуна налагать денежный штраф, денежные пени или на самого консула, или на других лиц. Таким образом, постепенно из этой тормозящей деятельности развивается власть активная.

Особенно ясно обнаруживается это в деле, которое, так сказать, непосредственно вытекает из указанного положения. Для того чтобы трибун мог осуществить своё право, он должен обратиться к народу. Он существует для того, чтобы оказывать помощь плебеям, но он имеет это право только тогда, когда за ним стоит плебейский народ. Значит, ему приходится иметь дело с народом: *agere cum plebe*. Он имел право собирать народ, который должен в данном случае оказать помощь гражданам. Он становится теперь *sacrosanctus*, потому что яв-

ляется уже представителем народа. Но и плебейский народ постепенно изменяет своё значение. В начале рассматриваемой нами эпохи мы видели два народа: патрициев и плебеев. Плебеи масса, но зато политическая сила находится у патрициев, которые тоже опираются на массу — клиентов. Мало-помалу ряды патрицианского народа редуют; а потому что вновь прибывающие вследствие завоеваний увеличивают массу плебеев⁵⁶, плебеи постепенно становятся нацией, подобно тому как *tiers état*⁵⁷, третье сословие в политическом смысле, становится всей нацией, так что остальные сословия примыкают к этому, так сказать, становятся частицами нации. Тогда трибуны своё право *agere cum plebe* уже переносят на весь народ. Они добиваются права *agere cum populo*. Они становятся тогда наравне с консулами, как консулы имеют право вести дело с народом в политическом смысле. Они становятся не сословными магистратами, а государственными, общенародными деятелями.

Этот переход совершился постепенно. Ближе с ним мы познакомимся впоследствии. Теперь укажу только на важный момент из истории трибуната. Трибуны из представителей плебеев, из плебейских чиновников постепенно становятся представителями и руководителями римского народа, но в этом заключается новый источник расширения трибунской власти. Трибуны становятся почти что равноправными магистратами, почти наравне с консулами и преторами. Но из этого далее следовало, что они поневоле должны стать в известное отношение к другому правительственному учреждению — сенату. Первоначально они не имели никакого отношения к сенату. Сенат состоял из патрициев, его функции были вполне определенным, и трибун не имел соприкосновения с сенатом. Его дело заключалось в оказании помощи на улице, на форуме, в городе; его право ограничивалось городом. За городской стеной или за 1000 шагов от городской стены он не имеет своего священного сана, поэтому его власть не идёт дальше города. В самом городе его власть касается отдельных лиц. Значит, точки соприкосновения с сенатом они не имели. Но по мере того как трибуны становились сильнее, а затем получили общенародное значение, они не могли не прийти в соприкосновение с сенатом. И это сближение трибуната с сенатом наглядно представляется в рассказе Зонары*, византийского писателя, который сохранил важные сведения из римской истории. Трибуны в известную эпоху начинают садиться около дверей сената. Сенат собирается в курии; она стоит на форуме. Трибуны не имеют доступа в курию. Но они ведь не простые судебные приставы, которые оказывают случайную помощь, им надо знать, что происходит в сенате, и сенату важно знать мнения трибунов относительно предпри-

* Zonaras, *Ζωναράς* Ioannes, жил в XII в. по Р. Х. в Константинополе, занимал высокие должности, а позже постригся в монахи на Афоне. Он составил *хроникон* в 18 кн. от сотворения мира до своего времени. Он имеет для нас значение, потому что пользовался для императорского времени потерянными теперь книгами Диона Кассия, кроме того Полибием, Аппианом и Плутархом, и приводил по большей части буквально выписки из этих источников. Л. 1482.

нимаемых действий, но войти в сенат трибунам нельзя, и вот они скромно садятся за стенами сенатской курии, садятся на скамейке *subsellia*. Но скоро оказывается нужным, чтобы трибуны сидели не у дверей, а в самом сенате. Опять-таки незаметный переход, но важный симптом; они там не имеют голоса, а только могут заявить, что такая-то мера им не нравится, что против такой-то меры они будут протестовать, и сенату важно знать заранее мнение трибунов.

Но отсюда далее развивается их компетенция, их политическая власть: наконец, они получают важное право созывать сенат. Это право консулов переходит к трибунам. Трибуны получают право назначать заседания сената, собирать сенат, руководить заседаниями, делать доклад сенату и настаивать на известных мнениях. Постановление сената получает силу только тогда, когда к нему присоединятся трибуны, когда они поставят своё «о». Без этого оно будет только частным мнением сената, *senatus auctoritas*, а при согласии трибунов оно становится *senatus consultum*, которое ещё не вполне закон, так как он может быть проведён только через народное собрание. Таким образом, трибуны приобретают инициативу; из их первоначального права останавливать деятельность других развивается теперь положительная власть, власть с инициативой. Они могут сами начинать возбуждение дела, законы ли это или что-либо другое. Сначала это право касалось внутренних дел, но затем оно переходит и на область внешней политики. Трибуны получили право возбуждать дело, право инициативы во всех вопросах. Мало-помалу они становятся руководителями внутренней и внешней политики.

В Риме уже существовала одна сильная власть — власть консула, и римляне рано почувствовали необходимость искать гарантии против злоупотребления такой сильной власти. Такую гарантию они нашли в трибунате. Но этот трибунал, который собственно должен был служить гарантией против консульства, сам сделался сильной властью, которой никто не мог противодействовать. Где же искать гарантии против произвола трибуна? Римляне находят эту гарантию во взаимной интерцессии трибунов. Только трибун мог остановить деятельность трибуна. Римляне рассчитывали на это и не искали других гарантий; они всегда находили возможным из числа 10 трибунов иметь хоть одного, который мог остановить других. Потому нужно иметь в виду, что трибуны никогда в Риме не получали коллегиального характера. Только в известном случае они были коллегией: только тогда, когда все были согласны, они издавали решение «*ex collegii sententia*», т. е. по постановлению коллегии. Если же согласия не было, тогда коллегия уничтожалась.

Коллегия решает дела по большинству голосов, и постановление большинства обязательно для меньшинства. Когда состоялось решение по большинству голосов, тогда эта коллегия имеет право действовать от имени целого.

Этого не было в римском трибунате. Меньшинство всегда имело право затормозить постановление большинства. Это имело чрезвычайно важное значение. Если бы установился коллегиальный взгляд на

трибунат, тогда история Рима получила бы другое направление, тогда бы этот институт скоро сделался бы правительственным, он стал бы выше всего, он сделался бы выше консула, сената... Но этого не случилось, так как римляне сохранили за трибунами существенный характер трибуната: индивидуальное значение, индивидуальную власть. Каждый трибун пользовался полной властью и поэтому мог всегда остановить распоряжение товарища, остановить решение всех остальных трибунов.

Таким образом, мы видим в римском трибунате одну чрезвычайно важную черту: постепенный и очень сильный рост этого учреждения. Этот рост идёт параллельно с ростом плебейского сословия. Но в этом росте мы можем отметить различные эпохи. Полезно будет теперь, когда речь идёт о трибунате вообще, вкратце сказать об этом росте, об этих эпохах. Первая эпоха, древнейшая, — это та эпоха, когда трибуны имеют исключительно плебейский характер, существуют для плебеев, борются с патрициями. Но наступает момент примирения между патрициями и плебеями, примирения, которое основывается на том, что плебеи получают все политические права. Тогда нечего бороться, тогда цель, к которой стремились плебеи, достигнута. Стало быть, трибунат утрачивает своё *raison d'être*? Но в Риме никогда не отменялось никакое учреждение, и трибунат так глубоко укоренился в жизни римского народа, что, несмотря на то, что он стал теперь не нужен, он остался. Он сделался общенародным учреждением, считался для народа таким священным, что и в голову никому не приходило, что можно было бы уничтожить ненужный трибунат. Но трибунат, конечно, изменяет свой характер. Он должен изменить свои функции, свои цели.

И вот наступает вторая эпоха, когда трибуны входят в тесную связь с сенатом и с новой аристократией, образовавшейся в Риме. Это нобилитет. *Nobiles* назывались в Риме те, которые могли в числе своих предков назвать кого-нибудь из курульных магистратов*. Такой нобилитет мог народиться с того времени, когда для плебеев стало доступно консульство. Если из какой-нибудь плебейской семьи появлялся консул или претор, то они уже были *nobiles*. Следовательно, нобилитет представляет собой служилую аристократию. Служилой её можно назвать, потому что она находится на государственной службе, на службе государству она сделалась известной (так как *pobilis* происходит от слова *notus* — известный)** . Но только не следует слово «служилая аристократия» употреблять в узком смысле. Это — «правительственная» аристократия из патрициев и плебеев, и трибуны во вторую эпоху становятся органом этой правительственной аристократии.

Затем наступает новая эпоха. Это та эпоха, когда раскрываются на практике недостатки старых римских учреждений, когда эти старые

* Курульные должности были должности консулов, преторов, курульных эдильов, диктатора и *magistri equitum*.

** Единственной привилегией «знатности» было *ius imaginum*. Л. 923.

римские учреждения, имевшие городской характер, оказываются в разногласии с положением дел, когда чувствуется потребность реформы, когда главное основание власти римлян — римское крестьянство — слабеет, когда ряды его редуют. Чувствуется необходимость усилить это римское крестьянство, из которого набираются легионы, дать ему землю, так как оно стало безземельным. И в эту эпоху⁵⁸, когда чувствовалась потребность реформы, инициатива исходит от трибунов по неволе, так как простые граждане не могли нигде иметь инициативы. В Риме не было парламента, в котором гражданин, никому не известный, но выбранный в представители, является, делает запросы... В Риме ничего подобного не было: на форуме постановлений не было. Римский народ сходилась только для подачи голосов, а не для обсуждения политических дел. Единственное учреждение с правом инициативы — это трибуны. Поэтому неудивительно, что трибуны являются органом реформы.

Это самая великая эпоха в истории римского трибуната — это эпоха Гракхов. Но реформы эти практически или не осуществились, или дали не те результаты, которых можно было ожидать. И трибунат скоро изменяет свой характер, он становится орудием демагогии и анархии; но это уже искажённая сила, она идёт уже не по колее.

Затем наступает последний момент, когда трибунат становится главным центром императорской власти — *tribunitia potestas*. Во-первых, в силу трибунской власти, которую присвоил себе император, он являлся *sacrosanctus*. Во-вторых, в силу трибунской власти он является как бы представителем народа, он говорит от имени народа, как трибун, потому что он облек себя трибунской властью. Народ уже перестаёт функционировать, его власть перешла к лицу, которое сосредоточивает в своих руках все власти. С этим, разумеется, наступает и конец трибуната. Трибуны ещё избираются, но их власть ничтожна по сравнению с властью того лица, которое является и консулом, и императором, и трибуном.

Итак, трибунат есть следствие дуализма, который мы находим в начале римской истории. Он своим происхождением обязан дуализму между патрициями и плебеями, это воплощение дуализма. Он остаётся, однако, и после того, как дуализм между патрициями и плебеями уладился. В Риме остаётся плебейская магистратура — трибунов, как остаётся патрицианская — консулов. Консул обладает *impregium*, трибун обладает *potestas*. Но за этими двумя магистратурами скрываются две различные политические идеи, из взаимодействия которых складывается историческая жизнь государства, существование которых необходимо для народа. Консулы — остаток олицетворения идеи аристократии, трибуны — остаток представления другой политической идеи — идеи народовластия. В трибунате и посредством трибуната развивается в Риме идея народной власти.

⁵⁸ Tib. Sempronius Gracchus, 162—133 гг. и Caius Sempronius Gracchus, 153—121 гг. до Р. X.

Но эта идея могла развиваться и осуществиться через трибунат только при помощи другого учреждения, которое возникло вместе с трибунатом, и без которого трибунат не мог бы приобрести такого значения. А именно — это народное собрание по трибам, или *comitia tributa*. К этому учреждению мы теперь и перейдём.

Трибы. Прежде чем объяснить себе организацию народного собрания по трибам, нужно сказать несколько слов, что такое трибы, откуда и когда они возникли. Ещё в Древнем Риме мы встречаем трибы, которые должны были возникнуть в самые отдалённые времена; они продолжали существовать ещё в историческую эпоху. Предание, которое всё приписывает Ромулу, приписывает ему отчасти и это разделение римского народа на три трибы, по сведениям же других авторов, учреждение триб происходило в течение всей царской эпохи. Эти три трибы назывались *Ramnes*, *Tities* и *Luceres*⁵⁹. Весь римский народ в древнейшую эпоху состоит в этих трёх трибах. Однако они относятся только к истории патрицианского Рима; это патрицианские трибы, древнее патрицианское разделение римлян на три трибы, имеющие родовой характер. Это как бы три племена, то, что в Греции называют филлой. Здесь родовой быт: роды сгруппированы в курии*, курии сгруппировались в трибы.

Есть основание думать, что эти три трибы не сразу начали существовать. Вероятно, сначала была одна триба *Ramnes*; слово, очевидно, происходит от одного корня с *Roma*. *Ramnes*, следовательно, — исконные жители Рима. Потом к ней прибавились другие трибы. Мы видим, что это отразилось на числе всадников: их было 300, значит, по сто от каждой трибы. Это число отразилось и на сенате: 300 сенаторов, значит, по 100, по одной центурии от каждой древней патрицианской трибы. То, что сенаторов первоначально было сто, видно из того, что при основании римлянами колонии на новое место выводилось 100 человек⁶⁰. Стало быть, римляне видели, что было 100 сенаторов и 100 всадников, и в своих колониях руководились этим числом; а колонии суть не что иное, как повторение Древнего Рима.

Но мало-помалу Рим разрастается, рядом с патрициями появляются плебеи. Плебеи же не были отнесены к этим патрицианским трибам, поэтому появилась необходимость нового разделения римского народа, и это новое разделение, вероятно, совпадает с разделением на центурии. Но нужно было новое деление, не носящее военного характера, и вот тогда появляются опять трибы, но трибы нового рода. Они имеют другой смысл. Это не родовые трибы, не патрицианские, а территориальные. Территория Рима разделена на известные округа, которые называются трибы — *tribus*. Каждый римлянин, живущий в изве-

* Их было по десяти в каждой трибе; следовательно, всего курий было 30. Нам известны лишь немногие названия этих курий: *Titia*, *Fautia*, *Calabra*, *Foriensis* и др. По преданию, они названы были по именам сабинских жён. Л. 359.

стной области, к ней, так сказать, приписан и получает от неё имя. Это имя сохранилось ещё в эпоху Гракхов — Тиберия Семпрония Гракха, когда упоминается триба *Lemonia*. Первоначально каждая семья была приписана к известной трибе и всегда считалась в ней, впоследствии это отчасти теряет значение, т. е. если данная семья переезжала из одной местности в другую, то она не оставалась в прежней трибе, а приписывалась в ту трибу, куда она переехала.

Таким образом, такое деление на трибы было топографическим разделением, а первое деление на трибы, патрицианское, являлось делением людей, а не земли.

Сколько было территориальных триб изначально? В 471 г. до Р. Х. (лет сорок после изгнания царей) эти трибы выходят на свет истории. Именно в этом году римляне образовали двадцать первую трибу — Крустуминскую*. Все прежние 20 триб носят названия патрициев, т. е. они получили своё название от того патрицианского семейства, которое стояло во главе трибы**. С двадцать первой появляются новые трибы, которые носят названия областей вокруг Рима. Они иногда называются по фамилии патриция, имя которого лежало в этой области, например, *Publilia*; иногда по реке, например *Aniensis*. Спрашивается, что же эти 20 триб, которые существовали до 471 г., ещё в самом начале существования были родовыми трибами или это известный момент в истории территориальных триб?

Лекция 8

Мы остановились на вопросе о происхождении триб: что было до того момента, когда римляне считали у себя 21 трибу. Двадцать первая триба является нововведением, следовательно, до того было 20. Для того чтобы объяснить это число, Нибур предложил гипотезу. Это одна из самых гениальных гипотез Нибура, которая обнаруживает его громадную способность комбинировать, по-видимому, мелкие, случайные известия и делать из них выводы. Как могло появиться число 20? Нибур обратил внимание на то, что Плиний Старший***, который написал нечто вроде энциклопедии: читал самые разнообразные книги, делал из них выписки и оставил нам целую культурную историю Рима.

* *Crustumeria* или *Crustumarium* — сабинский город к северу от Рима и Фиден, недалеко от левого берега Тибра; одно из первых завоеваний римского государства. Жители назывались *crustumini*. Л. 357.

** *Tribus urbanae* (городские трибы) были *Suburbana*, *Collina*, *Palatina*, а первоначальные *tribus rusticae* (сельские трибы) были *Aemilia*, *Camilia*, *Cluentia*, *Cornelia*, *Fabia*, *Galeria*, *Horatia*, *Lemonia*, *Sergia*, *Voltinia*, *Veturia* и *Claudia*. — Niebuhr. R. G. Berl. 73. I. 342.

*** С. *Plinius Secundus Maior*, родился в Цизальпингской Галлии в *Novum Comum* в 23 г. по Р. Х. Погиб при извержении Везувия в 79 г. По выражению современников, он был *doctissimus suae aetatis*. Кроме других, исторических и риторических сочинений, он написал род энциклопедии «*Naturalis Historiae libri XXXVII*». Л. 1060 — 1.

Плиний в одном месте случайно говорит о том, что римляне обязаны были обещать Порсене*, что не будут употреблять железа иначе, как на сельскохозяйственные орудия. Это, очевидно, указывает на договор, чрезвычайно тяжёлый для римлян. Они побеждены и выдают оружие, они вместе с тем обязываются не делать нового оружия, не делать из железа ничего, кроме сельскохозяйственных орудий. Ни у Ливия**, ни у других римских историков нет сведений о такой победе Порсены над римлянами. У Ливия Порсена воюет с римлянами, но, убедившись в их доблести, он, так сказать, расстаётся их другом. Но, очевидно, была другая традиция, где не скрыли истину. Эта традиция указывает на тяжёлое поражение, которое нанёс Порсена римлянам. Но если было тяжёлое поражение, то надо думать, что оно заключалось не только в этом установлении, которое передаёт Плиний в своей «Истории».

У всех италиков был обычай: если один город или один народ побеждал другой, то результатом полной победы являлось отнятие земли у побеждённых и всегда в одинаковом количестве: у побеждённых берётся 1/3 земли. Они должны уступить треть своей области. Точно так же римляне, потерпев поражение от Порсены, должны были отдать ему третью часть своей территории. И вот каким образом они поступили: у них первоначально было 30 триб, как и 30 курий, из 30 триб они отдали Порсене 10, т. е., может быть, всю территорию, которая лежала ближе к Этрурии (на правом берегу Тибра). Стало быть, у римлян первоначально было 30 триб, а затем, после изгнания царей, после поражения, нанесённого Порсеной, у них осталось только 20.

Вот в чём заключается гипотеза Нибура. Она, вероятно, всегда останется гипотезой, чрезвычайно заманчивой, но настолько отвлечённой, что нельзя её признать за отражение исторического факта.

Мы можем для нашей общей цели довольствоваться тем фактом, что римляне в начале своей истории имеют 20 триб и затем постепенно увеличивают число их по мере завоеваний. Сначала завоевание идёт медленно, римляне ведут тяжёлую борьбу с соседями. Почти сто лет прошло с тех пор, как прибавилась двадцать первая триба. Вероятно, её прибавили из соображений политических: при голосовании необходимо иметь нечётное число, иначе возникает вопрос, как считать дело, в какую сторону считать дело решённым в случае равного числа голосов. Чтобы избежать этого сомнения, римляне прибавили одну трибу. Спустя почти сто лет после прибавления двадцать первой трибы, в 387 г. до Р. Х., римляне прибавляют ещё четыре трибы***. В этом же самом веке, в половине, является новое расширение римской территории — на две трибы;**** в конце IV века, считая к Рождеству Христо-

* Porsena, царь Клузия в Этрурии, ходил войной на Рим во втором году республики.

** Ливий родился в 59 г. до Р. Х., умер в 17 г. по Р. Х. Из его 142 книг истории уцелело 35 книг: книги 1—10 и 21—45.

*** Stellatina, Tromentina, Sabatina и Arnensis.

**** В 538 г. Pomptina и Poblilia.

ву, было новое приращение на две трибы^{*}. Таким образом, является 29 триб, т. е. сохраняется всё то же нечётное число. Затем, в начале III в., после великих Самнитских войн^{б1} последовало новое приращение на две трибы^{**}. Наконец, в 241 г. после победы римлян над галлами в Северной Италии были учреждены две трибы^{***}. Я не стану пересчитывать всех триб, а укажу только на последнюю, Velina, и самую последнюю — Quirina, которая была тридцать пятой. На этом числе римляне остановились, хотя они ещё в значительной степени расширяли свою территорию — *ager Romanus*, и число граждан быстро увеличивалось. Наконец, после войны с союзниками^{****} почти вся Италия получила право гражданства. Почему же римляне не увеличивали числа тридцати пяти триб? Это важный вопрос, почему римляне остановились на тридцати пяти; сначала всё прибавляли, а потом остановились, и в эпоху самых больших приращений не двигались с этого числа, которое в самом себе не представляет причин, почему бы ограничиться им. Вероятно, это объясняется тем, что с этим временем совпала реформа центуриатных комиций. Об этом событии мне придётся ещё говорить впоследствии. Эта реформа состояла в том, что распределение римлян на центурии было приведено в связь с разделением на трибы. А раз такая организация установилась, трудно было прибавлять число триб, так как пришлось бы изменять всю организацию, и римляне остановились на числе 35. Когда им нужно было кого-либо зачислить, они вносили его имя в старые трибы. Тем более что они были заинтересованы в том, чтобы новым гражданам не давать большого веса, не давать им перевеса, потому они и зачисляли их в старые 35 триб. Самое название Quirina как бы указывает на преднамеренность. Это священное название для римлян; они как будто хотели этим *bonum omne* заключить число своих триб.

COMITIA TRIBUTA

Итак, вот, трибы, и эти-то трибы послужили основанием для нового вида народных собраний — *comitia tributa*. Трибут-комиции как народное собрание организованы на новом принципе, на начале триб. Это второй результат победы, которую плебеи одержали над патрициями после ухода плебеев (*secessio*) на Священную гору.^{*****} Первый результат — это новая магистратура плебеев — *tribunus plebis*, второй — это народное собрание по трибам. Это народное собрание вначале является со скромным значением, но постепенно это значение растёт. Подобно тому, как плебеи и трибуны увеличивают свою власть, и само

^{*} В 332 г. Maetia и Scaptia.

^{**} В 318 г. Onfentia и Falerina; в 299 г. Aniensis и Fotentina.

^{***} Velina и Quirina.

^{****} *Bellum sociale* или *marsicum*, с 90 по 88 г. до Р. X.

^{*****} Первая *secessio in montem Sacrum* была в 494 г. до Р. X.

народное собрание по трибам увеличивает своё значение, увеличивает свои права, становится главным народным собранием. Это то народное собрание, которое преимущественно служит выражением идеи народовластия; собрание по центуриям целиком связано с военным характером, центурии остаются до конца более или менее ополчением. Там нет места для развития демократических принципов. И вот, эти начала находят себе опору в собрании римского народа по трибам. Вся история римской демократии связана с историей трибуната и с историей трибут-комиций.

ИСТОРИЯ ТРИБУТ-КОМИЦИЙ

История трибут-комиций делится на две эпохи. В первую эпоху эти трибут-комиции были собраниями сословными, собраниями плебейскими. Плебеи не имели особой организации. Мы должны упомянуть, что, по мнению Нибура, плебеи с самого начала были организованы по трибам, но это только предположение, которое в настоящее время отвергается. Можно сказать, что если и были трибы, то во всяком случае не было собраний по трибам. Таким образом, это новое народное собрание впервые появляется тогда, когда плебеи нуждались в своём народном собрании во время борьбы с патрициями. Очевидно, что патриции не участвовали в этом собрании. Это собрание сословное, но оно мало-помалу становится общенародным собранием, получает государственное значение. И поэтому мы различаем две эпохи: первую, когда оно имеет сословный характер, и вторую, когда оно утрачивает сословный характер и становится общенародным. Эти две эпохи отделены друг от друга законами децемвиров. Вследствие таких перемен, которые были произведены децемвирами и теми законами, которые были изданы после падения децемвиров, народное собрание по трибам изменяет свой характер и получает государственное значение.

Теперь мы рассмотрим подробнее расширение отдельных функций этого народного собрания. Подобно центуриат-комициям, трибут-комиции существуют для трёх функций: для выборов, для суда и для издания законов. Центуриат-комиции избирают консулов и других патрицианских магистратов. Центуриат-комиции также представляют собою суд, когда римский гражданин апеллирует от постановления магистратов к народу на основании *lex de provocatione*⁶². Тогда народное собрание по центуриям становилось высшим судом. И наконец, народные собрания издают законы. Сначала эта область была незначительной, касалась преимущественно вопросов войны, но потом область этих вопросов расширяется.

Вместе с этим мы видим, что и трибут-комиции имеют три функции. Во-первых, они были органом для выбора чиновников; они выбирают трибунов плебейских и эдилов плебейских, на которых лежала преимущественно обязанность вести торговую полицию. Эти же эдилы должны были устроить игры и отчасти на свой счёт.

Затем, второй функцией была судебная. Но кого же плебеи судят? Они судят своих противников, но судят и тех, кто нарушает права плебеев. Патриции, по-видимому, не признают этого права. Плебеи, однако, мало-помалу завоёвывают его. Этот процесс лежит за пределами истории. Мы имеем в римской истории несколько фактов, которые относятся к этой борьбе за юрисдикцию; они служат символическим изображением борьбы между патрициями и плебеями за юрисдикцию, и мы можем ссылаться на эти факты. Компетенция трибут-комиций, как высшего народного суда, развивается посредством прецедентов. Мы имеем тут тот же самый факт, который находим в истории Англии, где парламент развивает свою власть, свою силу посредством прецедентов. Он добывается случайно какого-нибудь права, но затем уже ссылается на этот факт. И из целого ряда таких прецедентов слагается история английского парламента. Подобно этому из прецедентов, из постепенных захватов и вследствие их слагается историческое развитие трибут-комиций как высшего суда.

История Кориолана* может служить объяснением такого порядка. Предание говорит, что Кориолана, глубоко оскорбившего плебеев, плебеи призвали на свой суд, обвинили его в *perduellio*, в том, что он нарушил священные законы, которые были изданы для гарантии плебеев. Но Кориолан не являлся на суд плебеев: он не подлежал этому суду, как патриций. Несмотря на это, народный суд продолжает своё дело, объявляет Кориолана врагом отечества. И в силу обстоятельств Кориолан должен был уступить, несмотря на то, что он мог надеяться на помощь других патрицианских родов. Он уступает, потому что чувствует себя не в безопасности, он уезжает из Рима.

Такова ли была история Кориолана или нет, вопрос не важный, но это даёт возможность судить о том, как плебейское собрание мало-помалу добивалось того, чтобы подчинить патрициев своему суду. Эта борьба была тяжёлой, потому что плебеи встречали отпор. На этот отпор указывает другой факт, но мы не будем придавать ему исторического значения. Трибун Генуций** привлёк к ответственности двух консулов предшествовавшего года Манлия (A. Manlius Vulso) и Фурия (L. Furius) и обвинил их в том, что они действовали в ущерб интересам плебеев. Процесс возбудил сильные страсти с обеих сторон, но он не окончился, потому что трибун Генуций падает жертвой политического убийства.

Затем упоминается о новом процессе. Опять трибуны привлекают к суду бывшего консула Аппия Клавдия, опять они встретили препятствия, а процесс кончился смертью Аппия Клавдия.***

Во всех этих случаях народное собрание по трибам привлекает патрициев к ответственности за нарушение прав плебеев.

* Сп. *Marcus Coriolanus*, прозванный так за удачную войну с городом вольсков *Corioli*; изгнан был из Рима в 491 г. до Р. X.

** Сп. *Genucius*, убит в 473 г. до Р. X.

*** Трибуны Дуилий и Сициний, *Appius Claudius Sabinus Secundus* умер в 470 г. до Р. X.

Но вот характерный случай, который указывает на то, что плебеи приобрели большую силу. Привлекается к суду бывший консул Мений Агриппа не за нарушение прав плебеев, а за то, что он вёл неудачную войну с этрусками. Это было то время, когда римляне понесли тяжкое поражение на р. Кремере, когда погиб весь род Фабиев. Значит консулы, не сделали своего дела. Их привлекают к ответственности не центуриат-комиции, общенародное собрание, а плебейское собрание. По какому праву? А вследствие своей фактической силы. Мы видим, что в этом случае плебейское народное собрание является уже как бы общегосударственным. Трибуны привлекают к своему трибуналу такие дела, которые касаются всего народа. Они являются блюстителями всего народа.

Вот каким путём растёт компетенция народного собрания по трибам. Патриции сопротивляются, но наконец, делают важную уступку. На эту уступку указывает *lex Aternia Tarpeia*⁶³. Этот закон был издан незадолго до децемвиров (в 454 г. до Р. Х.). Он давал трибунам право налагать денежную пеню и на патрициев, и на плебеев. Она ограничена 3020 ассами, это число ассов есть пеня в 30 быков или волов (вол стоит 100 ассов) и две овцы (по 10 ассов). Есть другие варианты, другие суммы, но это *maximum* пени (*suprema multa*).

Но затем появляется законодательство децемвиров, новая победа плебеев. Патриции допускают суд над собою со стороны трибут-комиций, как правильный суд. Патриции делают другую уступку, они позволяют народным трибунам созывать трибут-комиции. Для чего? Чтобы прекратить дальнейшее расширение власти трибунов, проводится закон, в силу которого смертные приговоры не должны были произноситься в трибут-комициях, а должны были произноситься только в центуриат-комициях, так называемых *maximus comitiatus*⁶⁴. Но для того чтобы дать трибунам возможность приговорить патриция к смерти, им даётся право собирать народные собрания, но это только видимость ограничения юрисдикции. Патрицианские магистраты были подчинены апелляции, и центуриат-комиции стали всё реже и реже собираться, потому что магистратам была неприятна такая кассация. Таким образом, в силу вещей главное судебное значение в государстве переходит к народному собранию по трибам.

Перейдём теперь к третьей функции — законодательной. Это, конечно, самая важная функция, здесь наиболее ясно выражается победа плебеев, здесь всего отчётливее народное собрание по трибам развивается до общенародного собрания. Но, к сожалению, мы не можем проследить истории этого развития. У нас недостаёт фактов; мы должны ограничиться только тремя фактами, но и они такого рода, что требуют выдвижения гипотез и комментариев. Это один из самых сложных вопросов политической истории Рима, относительно которого каж-

⁶³ Т. Menenius Lanatus, в 476 г. до Р. Х. консул, привлекли его трибуны Qu. Considius и T. Genucius.

⁶⁴ Вероятно, об этом говорится в IX таблице.

дый из исследователей строил свою систему взглядов и доказательств. И не только великие исследователи оставили после себя системы, более или менее искусственные, которые поэтому и исчезали после них, но и мелкие исследователи настроили множество систем, которые падают от малейшего толчка вследствие своей крайней искусственности.

В общем курсе, подобно нашему, нельзя входить в подробности, я укажу вам только на возможные толкования этих коренных фактов. Сила в том, что плебейское собрание первоначально имело законодательную власть только для плебеев. Это частное законодательство. Вы знаете, что патрицианские собрания имели законодательную власть для рода. Они могли, например, повелевать, чтобы никто из членов рода не давал такого-то имени ребёнку, как это было в истории рода Манлиев⁶⁴. Подобно тому и плебейское сословие с самого начала издаёт известные постановления, обязательные для плебеев. Это постановления и есть закон, это есть *plebiscitum*, решение плебеев.

Но вот, историческое развитие власти трибун-комиций заключается в том, что в конце концов *plebiscitum* становится *lex*. Это общенародное постановление, это есть постановление *populi*. *Populus* действует в центуриат-комициях. Римский народ как политический орган имеет один право устанавливать законы, обязательные для всех, и он это делает в центуриат-комициях. Только постановления центуриат-комиций пользуются великим правом, великим именем *lex*. То, что плебеи на своих собраниях решают, это обязательно только для плебеев, но мало-помалу *plebiscitum* получает обязательную силу для всех и тогда юридически становится *lex*. Вся сущность дела заключается в том, чтобы выяснить себе, каким образом *plebiscitum* получает силу закона.

Но наши материалы не дают нам возможности отчётливо и бесспорно проследить этот процесс. Мы имеем в этих материалах три факта, которые относятся к истории этого процесса. Они все сводятся к такой формуле: *ut plebiscita omnes Quirites teneant*, т. е. делается постановление в центуриат-комициях такого рода, чтобы впредь *plebiscita* были обязательны для всех квиритов. Но когда же это случилось? В наших материалах три раза упоминается этот факт. Первый раз тотчас после децемвиров, когда происходил бунт против децемвиров, когда они лишились власти. Происходит смута и из этой смуты выступает прежнее правительство, выступают консулы. После децемвиров являются консулы Валерий и Гораций. Им и принадлежит новая организация, им принадлежит и закон, проведённый через центуриат-комиции, который называется *lex Valeria-Horatia*. Об этом законе сказано, что плебисциты должны быть приравнены к законам*. Этот закон был проведён в 449 г. до Р. Х. или в 395 г. от основания Рима. Затем, в 315 г. от основания Рима упоминается *lex Publilia Philonis***. И этому закону приписывается также результат. И наконец, после четвёртой сессии, — это была последняя вспышка борьбы между патрициями и пле-

* *ut, quod tributum plebs iussisset, populum teneret.*

** *ut plebiscita omnes Quirites tenerent.*

беями, когда потребовалась диктатура Гортензия (Qu. Hortensius), — к 287 г. до Р. Х. относится *lex Hortensia*. И об этом *lex Hortensia* тоже говорится, что в силу этого закона плебисциты были приравнены к *leges*.

Как объяснить, что один и тот же факт приписывается трём законам? Очевидно, это только отдельные ступени, по которым развивается законодательная власть народного собрания по трибам. И вот поэтому необходимо строить гипотезы. Самая первая, самая стойкая из этих гипотез — гипотеза Нибура, которая тесно связана с его воззрением на патрициев и плебеев. Она отличается необыкновенной чистотой отделки и чрезвычайно заманчива. Она объясняет необходимость и смысл этих трёх законов следующим образом. Консулы Валерий и Гораций, чтобы удовлетворить чаяния плебеев, провели закон, в силу которого плебисциты получили значение *lex*, но при двух оговорках, при двух условиях. Эти условия подобны тем, что существуют в Англии: законодательная власть принадлежит палате общин, но при двух оговорках, а именно: постановление палаты общин должно получить санкцию, во-первых, от палаты лордов, и, во-вторых, от короля. Так точно и постановления трибун-комиций получают силу закона только при двух оговорках: с их постановлениями должны согласиться два других органа политической власти Рима: во-первых, патриции, которые имеют собрание по куриям (на собраниях по куриям издавался *lex curiata*, и этот *lex curiata* назывался *patrum auctoritas* (это по гипотезе Нибура); нужно было, чтобы постановление народного собрания было квалифицировано на куриатных комициях посредством *patrum auctoritas*), и, во-вторых, сенат (на его заседаниях давалось согласие сенаторов — *senatus auctoritas*). Но мало-помалу эти оговорки отменяются. Как в прошлом году в Англии была сильная агитация по поводу вопроса, соглашаться или не соглашаться с постановлением палаты лордов, так и в Риме старались сбросить эти оковы, что удалось не сразу. Сначала посредством *lex Philonis* уничтожается одна оговорка. Получается согласие курий или патрициев: *lex curiata* или *patrum auctoritas* давалось лишь формально, а не испрашивалось на самом деле; народное собрание могло возвести *plebiscitum* в силу *lex* и без согласия сената. Наконец, *lege Hortensia* отпала и это последняя оговорка, и с 287 г. до Р. Х. *plebiscitum* становится *lex populi* без ограничений. Поэтому понятно, что можно было сказать о всех трёх законах. Но форма-то⁶⁵ до нас дошла не полная, а потому и понадобилось объяснение.

Такова гипотеза Нибура. Ещё во время Нибура другой исследователь римской старины Вальтер,^{*} который много лет читал в Германии историю римского права, делал обширные исследования в этой области и написал сочинение: «Курс истории римского права», предложил другое объяснение.

^{*} Фердинанд Вальтер, р. в 1704 г., с 1821 г. профессор в Бонне, с 1848 г. член Прусского Национального Собрания.

Лекция 9

В истории трибут-комиций, т. е. плебейских народных собраний, существенный вопрос заключался в уравнивании этого собрания с общим народным собранием, которое существовало раньше, с центуриат-комициями. Мы видели, что постепенно расширяется область функций этого собрания, как постепенно увеличиваются его права. Всего важнее, как мы видели, происходит расширение области законодательства, и тут капитальный пункт выражается в том, что *plebiscitum*, постановление плебеев, получает силу закона, *plebiscitum* становится *lex*. Я обратил ваше внимание на то, как трудно проследить этот процесс в его последовательном развитии при теперешних наших материалах. На виду у нас есть три одинаковых указания, которые заставляют нас придумывать объяснения. В чём же заключается различие между этими сведениями? Что каждый из этих трёх законов прибавляет к правам плебеев?

Гипотезы Нибура, Вальтера, Ланге и Моммзена. Я уже объяснил гипотезу Нибура, но так как она лежит в основании других, то вкратце повторяю её. Она заключается в том, что трибут-комиции, для того чтобы сделаться в государственном смысле народным собранием, должны были преодолеть два затруднения, устранить два *vetō*, два тормоза. Одно из них заключалось в праве патрициев останавливать те *plebiscita*, которые им были неугодны, т. е. вправе не давать этим *plebiscita* силу *lex* — закона. У патрициев было организовано особенное собрание, а именно, собрание по куриям; *patrum auctoritas*, которое нужно было для того, чтобы плебисцит получил силу закона, и есть постановление курии. Итак, это одно препятствие. Другое препятствие заключалось в том, что сенат мог не согласиться на плебисцит, тогда плебисцит оставался плебисцитом, не получал силы закона — *lex*. Это выражение воли сената называлось *senatus auctoritas*. Итак, когда трибут-комиции получили права, по закону Валерия и Горация, издавать плебисциты, обязательные для всех граждан, т. е. *plebiscita* с силою *lex*, то требовалось ещё согласие курий и затем согласие сената. И только в случае их согласия плебисцит становился законом, как постановление нижней палаты в Англии становится законом, если будет согласие палаты лордов и короля. Затем, через несколько лет, в силу закона Публилия Филона, плебисцит мог получить значение закона с одним только разрешением сената. Наконец, и это последнее препятствие было уничтожено, когда в 287 г. закон Гортензия дал плебисциту силу закона без всякого затруднения, без всякой оговорки.

Затем была предложена другая гипотеза, другое объяснение Вальтером, которое в некоторых существенных чертах изменило предположение Нибура. По объяснению Вальтера, первыми двумя законами уже были устранены эти два тормоза, *patrum auctoritas* и *senatus auctoritas*. Третий же закон, *lex Hortensia*, был принят для того, чтобы, так сказать, втянуть патрициев в это народное плебейское собрание. По объяснению Вальтера, *lex Hortensia* делал трибут-комиции общегосударственными. До этого одни только плебеи участвовали в народных

собраниях по трибам, патрициев не было. По этому закону патриции были приглашены участвовать в трибут-комициях.

Нужно указать ещё на два объяснения — Ланге и Моммзена.

Ланге совершенно иначе представляет себе ход развития трибут-комиций. Он разделяет взгляд Нибура, что *patrum auctoritas* есть постановление патрицианской курии, он полагал, что *patrum auctoritas* вовсе не относится к трибут-комициям, а относится к центуриат-комициям. Трибут-комиции и трибуны были подчинены только сенату, а дальнейшее развитие их прав заключается в том, что изменяются отношения трибут-комиций к сенату. А именно, по первому закону были установлены самые трибут-комиции в смысле общегосударственного народного собрания. Затем следующий шаг был сделан законом Публилия Филона. Этот закон установил равновесие между народным собранием и сенатом. Это равновесие было установлено посредством права трибунов налагать *veto* на постановления сената, с другой стороны, за сенатом было оставлено *veto* относительно плебисцита. Каким же путём мог сенат мешать плебеям? Посредством *auspicia*. Но так как только патриции могли совершать *auspicia*, то тут является другая форма ауспий, менее торжественная — *obnuntiatio**. Посредством этой формы сенат мог мешать народному собранию делать известное постановление. Наконец, третий закон, *lex Hortensia*, по объяснению Ланге, дал народному собранию право делать постановления *de imperio*, а затем в административных вопросах. Но тут для постановления *de imperio* нужно было *senatus auctoritas*, здесь оставалась известная задержка, во всех же остальных вопросах *senatus auctoritas* в силу *lex Hortensia* становился ненужным. Вот краткое изложение объяснения Ланге. Все эти объяснения я вам указываю потому, что они существуют в науке, но нам они в настоящем курсе не нужны. Потому что это может быть предметом только специальных исследований.

Что касается Моммзена, то он выступил с оригинальной теорией. Подобно тому, как он признавал два сената, т. е. общий сенат и патрицианский, так он признаёт два народных собрания по трибам: одно собрание только плебеев, а другое — общее вместе с патрициями. Вследствие этого три закона получают с его точки зрения другой смысл. Частично придерживаясь мнения Вальтера, он полагает, что первый закон установил *comitia tributa* в смысле общенародного собрания. Затем второй закон расширил права трибут-комиций, т. е. предоставил претору право делать в трибут-комициях такие *rogationes*, какие делались только в центуриат-комициях. Наконец, третий закон, с точки зрения Моммзена, имел такое же значение, как и у Ланге, т. е. уничтожил *senatus auctoritas* относительно постановлений народного собрания по трибам. Этот взгляд Моммзен выразил в своём сочинении по римской истории *Römische Forschungen*.

* *Obnuntiatio*, с прибавлением слов *alio die*, означало, что предзнаменования неблагоприятны и комиции следует отсрочить.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРИБУТ-КОМИЦИЙ

Итак, вы видите, как трудно выяснить путь развития полномочий народного собрания по трибам. Нам ясна только исходная точка и окончательный результат. Исходная точка заключается в том, что плебеям было предоставлено право собираться по своим делам. Это собрание было чисто сословным. Затем это сословное собрание становится общегосударственным, которое имело больше значения, чем центуриат-комиции, которые назывались в древности *Maximus Comitiatus*. По мере того как мы приближаемся к последнему пункту, расширяется деятельность трибут-комиций, и мы в каждой области, государственной или общественной, встречаем следы этой деятельности, постановления, которые были *plebiscita*, но получили силу законов, из которых и состояло римское законодательство. Я упомяну только о некоторых таких *plebiscita* по главным функциям государственной деятельности. Во-первых, был принят целый ряд законов конституционных, т. е. таких, которые изменяли состав и организацию правительственных органов.

Мы встречаем, как одним из *plebiscita*, в качестве *leges*, делаются постановления, которые воспрещают консулам два раза подряд брать консульство. Встречаем также закон относительно избрания сенаторов — *lex Ovinia*, который дошёл до нас не в настоящем виде, а благодаря одному грамматiku — Фесту, сочинения которого наполовину сгорели. Осталась обгорелая рукопись, так что концов строк нет. Можно себе представить, какие должны были быть вследствие этого комбинации, чтобы восстановить смысл. Пострадал у Феста и текст, где он рассуждал о *lex Ovinia*. Смысл этого закона, изданного трибуном Овинием, заключался в том, чтобы подчинить способ составления сената особому положению. В древности это было предоставлено высшим магистратам: консулу и цензору. Каждая пара консулов или цензоров набирала вновь сенат. Причём, конечно, большинство оставалось старых сенаторов, но многие из старых и удалялись. Этот произвол был уничтожен законом Овиния. А именно: устанавливалось так, что в сенат вступали сначала все бывшие консулы, и трибуны, потом бывшие эдилы, потом бывшие квесторы. Устранить сенатора из сената можно было только в том случае, если с его стороны была явная вина и т. п. Этот закон Овиния — *lex Ovinia* — имел очень важное значение, потому что он давал в сенате место образовавшейся в Риме служилой аристократии. Он был издан в трибут-комициях, он был проведён трибуном.

Сюда же относятся те плебисциты, которые вводили тайную подачу голосов вместо открытой.

Мы имеем перед собой также целый ряд законов, которые касаются устройства суда, а именно установление постоянных судов *quaestiones perpetuae*. Первоначально в Риме организовывались только время от времени судебные комиссии, и только уже в конце Римской республики появляются постоянные суды — *quaestiones perpetuae*.

Но особенно часто встречаются *leges tribuniciae* в религиозной области. Так, тут мы встречаемся с религиозными законами, которые были введены *Iudi Apollinei* (или *Apollinares*)⁶⁶, игры, которые имели религиозный характер.

Затем мы знаем другой закон, которым был установлен календарь. Календарь у римлян был чрезвычайно сложным, не только потому что их астрономические средства были гораздо слабее, чем современные, и часто недостаточны, но и потому, что у них год был непостоянный и короче настоящего. Вследствие этого им приходилось время от времени делать високосные годы⁶⁷. Мы знаем наперёд, что через три года следует один високосный, а раз в столетие один високосный год отбрасывается. При таком порядке аберрация становится минимальной, но у римлян эта аберрация⁶⁸ была гораздо значительнее, так что им иногда приходилось вставлять много дней, так называемые *dies intercalares*, для того, чтобы привести в равновесие эти годы. Понятно, какую важную роль играло установление точного календаря и какие важные последствия проистекали из того, что календарь подвергался таким вставкам: вдруг вставят три лишних недели. Для кредитора, например, было невыгодно, если вставлялись три недели, он на три недели лишался дохода. Для должника или для того, кто нанял квартиру, это было выгодно, они ничего не платят за три недели. Понятно, следовательно, какие интересы затрагивались, когда была необходимость вставить *dies intercalares*. Поэтому были *leges tribuniciae*, которые касались календаря.

Затем эта деятельность проявилась и в области экономической. Очень часто издавались *leges tribuniciae*, которые касались долговых обязательств⁶⁹, имели целью дать облегчение должнику. Затем законы, которые касаются земельных наделов — *leges agrariae*⁷⁰, податей и установления таможенных пошлин. Затем мы имеем целый ряд законов против роскоши. Особенно часто они были направлены против имущественных прав женщины. Римляне полагали, что предоставление полного права женщине распоряжаться имуществом приведёт к роскоши, и поэтому законы старались ограничить наследственные права женщины. Были также законы, касавшиеся нравственности.

Потом все указания во внутренней политике делались этими законами.

Наконец, *leges tribuniciae* стали касаться целого ряда законов относительно внешней политики, в которую позднее, чем в другие области, но всё-таки проникают трибуны и трибут-комиции. Положим, они не объявляли войны, но они кончали войну, они устанавливали условия мирного договора. Точно так же организация римской власти во вновь завоёванных провинциях нередко устанавливалась посредством *leges tribuniciae*.

Наконец, трибуны добрались и до *imperium*, т. е. они добились того, что получили права, которые касаются *prorogatio* или продолжения *imperium* консула или претора.

ПОДАЧА ГОЛОСОВ В ТРИБУТ-КОМИЦИЯХ

Таким образом, в римской истории является целая масса законов, которые исходят от трибунов и трибут-комиций. К концу Римской республики *comitia tributa* становятся главным деятельным органом народной власти или народной воли. Трибут-комиции, которые сначала имели плебейский характер, впоследствии получают характер демократический, настоящего органа римской демократии.

Но должно иметь в виду, что римское понятие о демократии не совпадает с нашим. Трибут-комиции — демократический орган, но не в том смысле, в каком в настоящее время понимаются «демократические» органы. Во-первых, римляне не признавали, несмотря на значительное развитие демократии, того принципа, который считается в настоящее время необходимым в демократии. Они не признавали *suffrage universel*, не знали принципа, в силу которого каждый гражданин имеет право голоса в тех вопросах, которые разбирались в народном собрании. Римляне не знали этого принципа, у них голоса подавали не граждане, а трибы. Каждый гражданин, который имел право голоса, равнялся всякому другому гражданину, хотя эти граждане могли отличаться имущественным или общественным положением. Они имели одинаковое право голоса, но только в трибах. Вопросы в трибут-комициях разрешались не общим числом голосов, а только счётом голосов триб. Но трибы были неравны; в одной трибе было больше граждан, в другой меньше; по имуществу эти трибы тоже были неравны между собою. А между тем голоса считались по трибам.

Подобно тому как в Северо-американских штатах, где штаты весьма различны между собою по политической силе и по богатству, голоса подаются от штатов. И в Швейцарии кантоны не равны, но голоса считаются по кантонам.

Итак, римское народное собрание считало волю римского народа не по числу граждан, а по числу триб, которые высказывались в том или другом направлении. Трибы же между собой были неравны.

Затем было ещё другое неравенство: были старые трибы и новые. Старые — это те, которые теснились около города Рима, которые представляли собой древний *ager Romanus*; новые — это те, которые были образованы потом. В Риме старые трибы всегда сохраняли политический перевес над новыми трибами, часто только их одних и спрашивали, так как когда доходило число голосов до 18, тогда остальные трибы не спрашивались. Если первые трибы подавали голоса согласно, то вопрос решался ими одними. Только в том случае, когда вначале идёт разногласие, спрашивались следующие трибы. Итак, мы видим, что римляне, несмотря на то, что принцип демократии в известном смысле играл у них очень важную роль и всё более усиливал своё значение к концу республики, в народном собрании по трибам никогда не придерживались демократического принципа в том виде, в каком он осуществлялся в Западной Европе с 1789 г.

Кроме того, надо сказать, что в самих трибах существовала большая дисциплина. Дисциплина, конечно, не такая строгая, как в цен-ту-

риат-комициях, которые представляли собою строгое ополчение, находившееся под командой своих офицеров; не такая строгая, но всё-таки дисциплина, так как по трибам происходил набор и в трибах избирались офицеры: народное собрание получило впоследствии⁷¹ право выбирать народных трибунов, т. е. тех людей, которые командовали легионами. Трибут-комиции в известной степени сохранили этот строй, которым так заметно отличается римское народное собрание от греческого народного собрания.

ДЕЦЕМВИРАТ

Мы видели из предшествующего, какие последствия имела первая *secessio*, первый сильный разлад между патрициями и плебеями. Она имела своим следствием торжество плебеев, которое выразилось в организации плебейской магистратуры и особого органа для выражения воли плебеев, в организации трибут-комиций. Теперь перейдём к следующему крупному факту, который представляет нам историю борьбы патрициев с плебеями. Это децемвират или новое торжество плебеев в их борьбе за политическое равноправие с патрициями.

И децемвират ещё, хотя ближе к нам по времени, стоит на грани исторического периода, и это ясно выразилось в скудости и сбивчивости тех сведений, которые дошли до нас. В наших источниках представляется различно, прежде всего, цель децемвирата.

ЦЕЛЬ ДЕЦЕМВИРАТА. ДВОЯКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

В 451 г. до Р. Х., как известно, в Риме было решено избрать *decemviri*, т. е. десять лиц, которые в течение двух лет управляли Римом. Выбраны они были на один год, но когда год прошёл, тогда выбрали новых децемвиров: но эти децемвиры не отказались от власти, сохранили её ещё на третий год, пока против этого не произошло бунта. Но для чего же были избраны децемвиры, какая была цель? Тут и расходятся наши источники. Можно сказать, что по этому вопросу есть два представления. Одно заключается в том, что децемвирам придаётся характер законодателей, избранных лиц для издания закона. Римляне были недовольны законодательством, у них как бы не было законов, поэтому избираются законодатели, которые и исполняют данное поручение и пишут законы. Эти законы пишутся на 10, потом на 12 досках⁷².

Но есть и другая традиция, которая указывает на то, что был и политический мотив избрания децемвиров; децемвиры были избраны для управления Римом и при этом они должны были заменить прежнее правительство консулов. Вместо консулов и трибунов избираются децемвиры, которые в своих руках и сосредотачивают всю политическую власть⁷³.

Впоследствии первое представление взяло верх. Масса римлян, которая, по преданию, помнила о существовании децемвиров, имела пред

собой, так сказать, живой остаток их деятельности⁷⁴, поэтому представляла децемвиров преимущественно как создателей тех законов, которые лежали в основе римского гражданского права до самых последних лет. Цицерон говорит, что дети учили наизусть в школе эти законы.

Ливий колеблется между этими двумя представлениями. Он говорит, что был представлен закон об избрании децемвиров с консульской властью для написания законов, и эти законы, по-видимому, имели целью точнее определить консульскую власть, а не отношения граждан. Тут оба представления соединены⁷⁵. Но затем у Ливия берет верх первое представление, он видит в них законодателей. Если мы сопоставим с известиями Ливия известия других древних писателей, то разногласие окажется такое же. Дион Кассий*, греческий писатель, который писал в конце II века по Р. Х., говорит, что цель этих децемвиров была не законодательная, а τὴν πολιτείαν ἰσατέραν ποιήσασθαι, т. е. сделать политику — государство — равной. Как это понимать? Это означает установить политическое равноправие между патрициями и плебеями, а не законы написать. Дионисий Галикарнасский, современник Ливия, говорит, что цель этих децемвиров была τοὺν νόμων κοινούς ὑρᾶσθαι, написал общие законы, т. е. такие законы, которые были бы общими для патрициев и плебеев. И это можно себе представить. Например, во Франции до революции не было общих законов. Одни французы, в северной Франции, жили по германскому праву, coutume, в южной Франции — по droit écrit. Затем в северной Франции одно сословие держалось одного права, например, дворянство, а tiers état должно было держаться другого права. Следовательно, можно представить себе, что было различие между правами патрициев и плебеев. И это особенно соответствует гипотезе Нибура о дуализме.

Итак, из сопоставления данных трёх главных наших источников мы видим, что у историков представление о назначении децемвиров было не совсем ясным. Но если мы помимо этих источников возьмём другие, тогда понадобится другая гипотеза для объяснения назначения децемвиров.

Лекция 10

Я в прошлый раз указал вам относительно децемвирата, что в древней историографии мы не находим общего и согласного взгляда на значение этого события в римской истории. Ливий, приступая к рассказу о децемвирате, говорит, что имелось в виду выбрать людей, которые написали бы законы о правах консулов.⁷⁶ Другой историк говорит, что

* Dio Cassius Cocceianus или Cassius Dio, род. в Никее в 135 г. по Р. Х., был выходцем из senatorского семейства. В Риме был оратором, потом сенатором, притом два раза консулом и несколько раз управлял провинциями. Он написал «Римскую историю», от которой уцелели 37—54 книги. Л. 403—404.

имелось в виду *τὴν πολιτείαν ἰσαίεραν ποιήσασθαι*, т. е. это надо понять так, что имелось в виду содействовать политическому уравниванию патрициев и плебеев. А третий историк говорит, что имелось в виду *τοὺν φόμονς κοινούς γράφειν*, т. е. написать общие законы для патрициев и плебеев, преимущественно гражданские. Это разногласие вызывает потребность объяснения, которое могло бы указать настоящее место децемвирату в римской истории и могло бы вместе с тем объяснить указанное разногласие мнений древних историков. Первый, кто стремился шире понять назначение децемвирата, был Нибур. И гипотеза Нибура является крупным фактом в изучении римской истории, который нельзя обойти; это такой крупный факт, как если бы нашлась новая рукопись, новый отрывок, который прибавлял бы что-нибудь к нашим сведениям об истории децемвирата.

ПОСТЕПЕННЫЕ УСПЕХИ ПЛЕБЕЕВ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПАТРИЦИЕВ

Но прежде чем объяснить вам гипотезу Нибура, рассмотрим, что даёт общий ход римской истории для освещения этого события. Очевидно, что децемвират является важным фактом борьбы патрициев и плебеев. Чем кончается эта борьба? Во-первых, её результатом было ослабление власти правительства, которая была в руках патрициев. Были образованы особые должностные лица — трибуны — для ослабления консульской власти. Затем в руках консулов находится также и судебная власть. И относительно этой власти римляне, преимущественно плебеи, ищут гарантии. Плебеи давят то положение дел, которое заключалось в том, что только магистраты знают закон. Народу законы не известны, а известны они одним патрициям и патрицианским магистратам. Гарантия против такого произвола заключается в том, чтобы законы были написаны, чтобы они сделались всем известны. Вот это второй результат борьбы. Если мы возьмём социальную сторону, то и тут мы видим, что достигнуто уравнивание патрициев и плебеев. Во-первых, плебеи в конце республиканского периода допускаются к политической власти, к высшей политической власти⁷⁷. К консульской власти имели доступ сначала только патриции, но в конце борьбы и плебеи получают консульскую власть. Значит, политического уравнивания плебеи добились. Затем они добиваются уравнивания и в области гражданского права. Может быть, это уравнивание не имело таких результатов, какие, например, предлагал Нибур, который держался того взгляда, что вначале у патрициев и плебеев было совершенно особое право, были у тех и у других свои обычаи и правовые формы.

Эта гипотеза Нибура не голословна, есть факты, которые указывают на такое различие. Если мы возьмём форму брака, то мы встречаем здесь чрезвычайно крупное различие. Форма брака, которая была у патрициев, называлась *confarreatio*; это слово происходит от *far* (полба), и называется этот брак так потому, что он совершался посредством религиозной жертвы. Римляне, совершая жертвы, употребляли *far*,

смешивая его с солью (*mola* или *farcta salsa*). Эту смесь они приносили в дар богам, а жертвующие отведывали её. Обычно это заключалось в том, что они брали в рот несколько зёрен фарры и соль. В этом и заключался собственно брачный обряд. Жених и невеста совершали жертвоприношение вместе, отчего форма брака и называется *confarreatio*. Эта общая жертва состояла из хлеба и соли, т. е. двух главных предметов еды. Этот обряд связывал их навсегда перед богами. Обряд совершался торжественно, в присутствии жреца. *Confarreatio* существовала в Риме до конца, но всё более и более выходила из употребления, потому что это была патрицианская форма брака.

Рядом с этой торжественной формой бракосочетания существует другая форма — *coemptio*. Это слово происходит от *emere* (купить). Право брака основано на древнем обычае покупать жену или по крайней мере давать за жену подарок тому семейству, из которого она берётся. Бракосочетание совершается путём симулированной продажи. В древнее время, вероятно, и у римлян, как и у других народов, существовала настоящая купля невесты, но потом эта купля сохранилась только в форме бракосочетания, заключающегося в симулированной продаже.

Эта форма брака постепенно вытесняла *confarreatio*, но совершенно вытеснить не могла, потому что по римскому праву к известным должностям допускались только лица, которые произошли от священного брака. Должности фламينا⁷⁸ могли занимать только такие патриции, которые происходили от родителей, связанных священным браком. Император Тиберий (р. 42 г. до Р. Х., 14—37 гг. по Р. Х.) столкнулся с затруднениями в деле замещения этих должностей, так как в его время было мало патрицианских семейств, и ещё меньше таких, которые были бы связаны священным браком. Таким образом, к концу периода республики стала преобладать *coemptio* как более удобная форма брака, но в древности, очевидно, существовали обе эти формы брака. Пользуясь этим обстоятельством, Нибур и сделал предположение, что *confarreatio* есть древний патрицианский брак, а *coemptio* — это латинская форма брака, та форма, которая существовала среди латинских общин, которой держались и плебеи.

Так ли это или нет, решить трудно, но ясно, что в Древнем Риме патриции и плебеи по крайней мере в некоторых вопросах, в некоторых областях права расходились между собою. Это различие постепенно исчезает; и в исторический период мы находим общее право. Результаты борьбы патрициев и плебеев были следующие: ограничение власти магистратов, гарантия против злоупотребления власти в области суда посредством написания законов и, наконец, уравнивание патрициев и плебеев в политическом значении, заключающееся в том, что плебеям было разрешено занимать должность консула и другие должности. Значит, результаты борьбы между патрициями и плебеями были гораздо шире, чем даёт возможность предполагать то толко-

⁷⁸ *Flamines maiores*: *flamen Dialis*, *flamen Martialis* и *flamen Quirinalis*.

вание значения деятельности децемвиров, которое господствовало среди самих римлян. Децемвиры были избраны для того, чтобы написать законы, чтобы сформулировать, облечь в юридические формы нормы обычного права, привести в известность и затем увековечить эти формы посредством написания их на меди, посредством обнародования.

ГИПОТЕЗА НИБУРА

Имея в виду, что вся римская история, вся история борьбы патрициев и плебеев заставляет нас предполагать, что децемвиры имели более серьёзное назначение, чем это кажется с первого взгляда, Нибур счёл возможным предложить следующую гипотезу. Децемвират и законы, написанные децемвирами, были важным шагом в объединении патрициев и плебеев. Это выразилось в следующем. Во-первых, был создан новый орган власти, объединяющий эти сословия, — трибут-комиции; патриции были введены в трибы. Нибур представляет себе дело так, что до децемвирата патриции были распределены по куриям, а плебеи по трибам. А со времени децемвирата патриции также были вписаны в трибы и участвовали в трибут-комициях. Что касается предположения о существовании двух форм трибут-комиций (первая — чисто плебейская, вторая — смешанная), то оно неубедительно, поэтому не буду останавливаться на этой гипотезе. Во-вторых, согласно мнению Нибура, другим результатом деятельности децемвиров было написание законов. По этому поводу согласны все учёные.

Политический смысл децемвирата. Наконец, есть главная гипотеза: децемвират имел целью объединить в политическом отношении патрициев и плебеев, создать новую власть, которая была бы доступна и патрициям, и плебеем, уничтожить тот дуализм власти, который был прежде. Чтобы устранить этот дуализм, была создана новая постоянная коллегия децемвиров, куда был открыт доступ и патрициям, и плебеем. Патриции одни имели доступ к консульству, и плебеи стремились ограничить этот доступ. Результат победы заключался в следующем. Во-первых, предполагалось постоянное назначение децемвиров, а не на один год, чтобы написать законы. Децемвират должен был оставаться постоянным учреждением. Во-вторых, в число децемвиров имели доступ и патриции, и плебеи. Вследствие этого становилось ненужным разграничение власти консулов, с одной стороны, и трибунов — с другой. С этих пор должна была быть одна верховная власть, не должно было быть ни консулам, ни трибунам.

Плебеи в составе децемвиров. Как эта гипотеза ни заманчива, но, конечно, Нибур не решился бы её предложить, если бы он не имел определённых оснований в самом историческом материале, дошедшем до нас. Для обоснования своей гипотезы он нашёл следующее основание. Дионисий говорит, что во второй коллегии децемвиров было три плебея. Децемвиры, согласно римской традиции, были избраны на один год, но когда год прошёл, то на другой год тоже выбрали децемвиров.

Дионисий рассказывает, что среди этих децемвиров были три плебея*. Ливий ничего не говорит о том, что в числе децемвиров были плебеи. Сначала полагали, что Дионисий, как грек, мог заблуждаться, что он ошибся, сказав, что в числе децемвиров было трое плебеев. Нибур же указал на то, что тут Дионисий не мог ошибаться, что среди децемвиров второго года встречаются плебейские имена. Это доказывается очень просто: есть фасты (*fasti*), которые сохранили имена децемвиров, откуда и видно, что три фамилии были чисто плебейские. Поэтому Нибур имел полное основание настаивать, что среди децемвиров было трое плебеев. Но он пошёл дальше. Он предположил, что плебеев было не три, а пять. Он указал на одного децемвира по имени Рабулей и утверждал, что Рабулей был плебей, потому что патрициив Рабулеев в римской истории не встречается, а между тем за несколько лет до децемвиров встречается народный трибун Рабулей (в 486 г. до Р. Х.). Следовательно, Рабулеи должны были быть плебеями, и поэтому правдоподобно, что децемвир Рабулей был плебей. Нибур идёт ещё дальше и считает возможным предположить, что ещё был и пятый плебей в числе децемвиров. Вопрос относительно пятого плебея остаётся спорным. Итак, Нибур, изучая имена членов второго децемвирата, видит несколько плебеев и указывает на это как на доказательство того, что плебеи были допущены к высшим государственным учреждениям. Следовательно, целью децемвирата было не только написание законов, но и создание нового правительственного органа, к которому имели бы доступ и плебеи.

Значение гипотезы Нибура. Против этой гипотезы выдвинуто несколько слабых критических возражений. Одно из них направлено против того, что Нибур доказывал, что было пять плебеев. Возражали на это тем, что нельзя доказать, было ли их пять, что децемвиры должны были распределить голоса поровну между патрициями и плебеями. Но нет оснований это отвергать. Важно было то нововведение, что плебеи были допущены к высшим магистратурам. В дальнейшем мы видим то же самое, когда плебеи получили доступ в консуляр-трибуны^{*79}. Консуляр-трибунов из патрициев было больше, чем из плебеев, но важен тот факт, что плебеи получили доступ к этой магистратуре. Таким образом, нет необходимости придерживаться абсолютно во всём гипотезы Нибура о том, что должно было быть пять плебеев и пять патрициев среди децемвиров. Затем критики указывали на то, что в первом децемвирате не было ни одного плебея. Это легко объяснить. Первые децемвиры должны были быть патрициями, потому что нельзя было пригласить в законодательное дело плебеев, которые не знали законов. Законы знали только патриции, так как право было пат-

* 451 г. до Р. Х. Liv. 33. 3.: *decemviri creati Appius Claudius, T. Genucius, P. Sestius, L. Veturius, C. Iulius, A. Manlius, P. Sulpicius, P. Curiatius, T. Romilius, Sp. Postumius*. 450 г. до Р. Х. Liv. III. 25. 11.: *creati cum eo (i. e. Appio Claudio) M. Comelius Maluginensis, M. Sergius, L. Minutius, Q. Fabius Vibulanus, Q. Poetilius, T. Antonius Merenda, C. Duellius, Sp. Oppius Comicen, M. Rabuleius*.

** В 444 г. до Р. Х. *tribuni militum consulari potestate*.

риархальное. Но когда деятельность децемвиров по составлению законов была закончена, наступила деятельность другого рода — правительственная, и плебеи уже могли принять участие в децемвирате. Так что это возражение нисколько не ослабляет гипотезы Нибура, что, может быть, децемвиры представляют собою не просто законодательную комиссию, а новую магистратуру, которая должна была объединить патрициев и плебеев.

ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ ДЕЦЕМВИРОВ

Но как согласовать такое представление с падением децемвиров, с тем фактом, который сохранила историческая традиция? Рассказывают, что децемвиры, избранные на второй год, кончив своё дело, прибавив к десяти таблицам с законами ещё две, не захотели оставить власть. Один из них, Аппий Клавдий, успел стать во главе их и тиранически пользовался своей властью, а остальные децемвиры его поддерживали. Децемвират превратился в тираническую магистратуру, и римляне сновали с недовольством эту новую тиранию, пока не произошло событие, которое взволновало весь Рим, а именно попытка Аппия Клавдия овладеть свободной девушкой, сделать её жертвою своих страстей. Несчастный конец Виргинии, которую убил отец, чтобы избавить её от позора. Это был повод к взрыву негодования против децемвиров.

Теперь, если справедлива гипотеза Нибура, то римляне впоследствии могли себе представлять, что децемвиры узурпировали власть и что нужна была революция, чтобы их свергнуть. На это можно ответить так. В римской истории мы постоянно встречаем мотив узурпации и трагического конца узурпатора. И не только изгнание царей объясняется узурпацией власти, но и в республиканскую эпоху мы не раз встречаем этот мотив. Спурий Кассий († в 486 г. до Р. Х.) представляется в римской традиции как узурпатор, который для того, чтобы стать тираном, заискивал расположение народа посредством аграрных законов (*lex agaria*). И Манлию Капитолийскому († 384 г. до Р. Х.) приписывается то же стремление захватить власть и стать тираном, и Спурию Мелию († 440 г. до Р. Х.), и, наконец, Каю Гракху († 121 г. до Р. Х.). Имея в виду, что римляне в республиканскую эпоху были склонны всякое выдающееся политическое явление принимать за стремление к узурпации, к тирании, можно думать, что и действия децемвиров римская традиция оценивает в подобном ключе. Может быть, децемвират был устранён не потому, что децемвиры были узурпаторами; но сам факт их устранения мог в последующем придании принять такое толкование, что они были устранены, потому что были узурпаторами.

Затем вторая черта: они были устранены вследствие покушения одного из них на честь девушки. Опять мы встречаем традиционный мотив. Я уже вам указывал, когда говорил о *lex Poetelia*, как часто повторяется этот традиционный мотив. И очень может быть, что это позднейшее украшение, позднейшая легенда. И самое имя Виргинии⁸⁰ по-

даёт повод к сомнению: может быть, сначала хотели обозначить самое понятие — *Virgo*, а затем понадобилось полное имя *Virginia*. Как бы то ни было, мы не можем останавливаться на этом факте, не можем на основании этого рассказа представлять себе децемвиров узурпаторами. Тем более мы имеем ещё другое основание усомниться в том рассказе о падении децемвиров, который сохранился в наших источниках.

СОМНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ВИРГИНИИ

Решающим событием в истории падения децемвиров является процесс *Виргинии*. Посредством юридического процесса *Аппий Клавдий* старается заполучить *Виргинию*. И *Ливий*, и *Дионисий* говорят об этом процессе. Но об этом процессе историки рассказывают различно, причём рассказывают так, что данный процесс находился в полном противоречии с обычными римскими судебными процессами. Процессом называются те формы, которые характеризуют судопроизводство. Нам известно римское судопроизводство. Вследствие этого мы можем указать те формы, в которых должен был происходить процесс *Виргинии*. Это так называемый *виндикационный процесс* (*vindicatio*). Виндикационный процесс применялся в гражданской жизни очень часто. Он имел место всегда, когда двое граждан претендовали на один и тот же предмет. Простейшая форма такого процесса заключалась, например, в следующем. Если у кого-нибудь украли лошадь или если владелец встречал её на дороге или на рынке, то объявлял: «это моя лошадь». Но тот, кто её держал или продавал, говорил: «нет, это моя лошадь, я её купил». Как решить этот вопрос? Тогда начинался виндикационный процесс. Оба лица являлись к судье, и один говорил: «это моя лошадь», а другой: «я её купил, я ничего не знаю»; а судья должен был решить, кому должна достаться лошадь.

Гораздо более драматический характер принимает виндикационный процесс, когда его предметом является человек — раб. С одной стороны говорят: «это мой раб», а с другой говорят: «нет, это не твой раб, это свободный человек». Тогда являлся с одной стороны *assertor servitutis*, а с другой — *assertor libertatis*. Драматический характер процесса усиливался ещё больше, если его предметом являлась рабыня или девушка. Ибо как должен был идти этот процесс, который разделялся на две части: *in iure* (предварительное следствие) и *in iudicio* (сам суд). Положим, что предметом процесса была лошадь. Судья не может прямо сказать, чья это лошадь, не может сейчас вести суд; нужно предварительное разбирательство дела — *in iure*. Но тут возникает затруднение: кому же должна принадлежать лошадь, пока суд не решит дела? Если предметом процесса была лошадь, то это было почти безразлично, потому что обе стороны были заинтересованы в том, чтобы она была жива. Но когда идёт речь о рабыне, о девушке, то ещё до суда нужно решить вопрос, отдать ли её до судебного решения *assertor'y libertatis*, который её сохранит, или *assertor'y servitutis*, который имеет совершенно другие намерения. Теперь если мы рассмотрим, как расска-

зали о процессе Виргинии Ливий и Дионисий, то придём к тому убеждению, что оба автора рассказали так, как он в действительности происходить не мог. Дионисий, будучи греком, мог не знать тонкостей римского процесса и у него обе части процесса (*in iure* и *in iudicio*) сливаются вместе. У Ливия запутана другая сторона. Он различает две части процесса, но только называет процесс не тот, который следует. Он смешивает с этим процессом другой. Клиент Аппия Клавдия, увидев Виргинию, идущую из школы по форуму, остановил её, объявив: «ах, это моя рабыня», и призвал её к суду. Это есть *in ius vocatio*. Но этот термин употреблялся только в том случае, когда привлекали к суду свободного человека. Когда же человек объявлял кого-либо своим рабом, тогда не могло быть *in ius vocatio*, а человек клал руку на раба: *manus iniectio*. Клиент Аппия Клавдия не делает этого, а *in ius vocat*. Затем в самом процессе должен был быть *vindex* (заступник), но Ливий для большего драматизма представляет дело так, как будто бы тут не было *vindex*. Ливий рассказывает только о том, как отец Виргинии, узнав о процессе дочери, поспешил в город, но, узнав, что опоздал, чтобы освободить дочь, успевает только убить её, чтобы избавить от позора; *vindex*'а же нет никакого. На самом деле так не могло произойти. Очевидно, Ливий пожертвовал точностью для драматического изображения факта. И Ливий, и Дионисий рассматривают процесс не так, как он происходил бы на самом деле. Но если рассказ о падении децемвиров, который сохранился и у Ливия, и у Дионисия, должен быть отвергнут исторической критикой, то всё-таки остаётся бесспорным свидетельство о том, что децемвиры должны были стать новым правительственным органом.

Но почему же децемвират был устранён? Децемвират был преждевременной попыткой объединить патрициев и плебеев. С одной стороны, ещё слишком высоко было новое учреждение, а с другой стороны, ещё слишком низко было политическое понимание, политическая зрелость для того, чтобы примириться таким способом. Патриции могли сожалеть, что они расстались с консулатом⁸¹, с тем положением, когда двое из их среды занимали высшую магистратуру. Теперь вместо консулов появились децемвиры. Плебеи были недовольны тем, что у них не стало защитников — трибунов. Таким образом появляется сильная партия, которая желает восстановления старых порядков, консульства и трибуната. Плебеи не дорожили великой привилегией, которую они достигли, — занимать высшие правительственные должности посредством децемвирата. Кто мог дорожить децемвиратом? Конечно, те, кто мог рассчитывать, что их выберут в децемвиры, конечно, высшие плебеи. Масса же не была в этом заинтересована, она была заинтересована в другом — в существовании трибунов, которые являлись бы защитниками в трудные минуты (когда плебея за долги отрывали от семьи, когда консул требовал плебея на форму и не хотел отпустить назначенного в легион, в то время как плебей не мог служить не подвергая опасности благополучия своей семьи). И патриции жалели об утрате их привилегии занимать консульские должности, и масса плебеев желала восстановления трибуната. Все они желали *status quo ante*,

т. е. возвратить то положение, когда патриции имели консулов, а плебеи — своих трибунов. Таким образом, децемвират должен был уступить место общему стремлению возвратиться к старине. Эта сторона впоследствии потеряла значение, и когда стали заниматься римской историей в III в. до Р. Х., со времени Фабия Пиктора*, появилось представление о децемвирах как об узурпаторах, которые пали подобно другим лицам, стремившимся к тирании.

Лекция 11

В прошлый раз мы попытались разглядеть истинное значение децемвирата в римской истории. Мы видели, что есть основания предполагать, что децемвират не был только законодательным учреждением, что результат его деятельности не заключался только в кодификации римских народных обычаев, что посредством децемвирата был создан новый правительственный орган, который должен был устранить прежний дуализм между магистратурами и должен был объединить патрициев и плебеев.

АППИЙ КЛАВДИЙ

Но если это так, то кому же принадлежит политическая мысль, лежащая в основе такого смелого предположения? Античная традиция как будто, даёт руководящую нить, чтобы ответить на этот вопрос. В традиции одно лицо играет важную роль. Это Аппий Клавдий. Он изображается узурпатором, у него в руках остаётся власть. Мало того, традиция изображает его тираном. Он покушается на свободу Виргинии. Для достижения своей цели он прибегает к насильственным средствам, к нарушению права. Но мы видели, что традиция о децемвирах сильно подвержена влиянию позднейших наслоений, и если мы станем придерживаться гипотезы, которая предполагает, что в основании децемвирата лежит политическая мысль, тогда личность Аппия Клавдия представится нам в ином свете. Клавдии были одним из самых знаменитых римских родов. Мы очень часто в римской истории встречаемся с представителями этого рода, их деятельность почти всегда связана с насилием — это очень резкие исторические фигуры.

Позднее в римской традиции о Клавдиях можно выделить два направления. Одно представляет Аппиев Клавдиев как сторонников аристократического начала, как ненавистников плебеев и плебейских притязаний, особенно в первой половине римской истории. У римских историков господствует этот взгляд на Аппиев Клавдиев. Другое направление римской традиции описывает деятельность Аппиев Клавдиев в

* Q. Fabius Pictor род. в 254 г. до Р. Х. Написал историю Рима на греч. яз. от Энея до своего времени. Полибий, Дионисий, Ливий и другие историки часто пользовались сведениями из его сочинения. Он участвовал в войнах против галлов и Ганнибала.

ином свете. Достаточно указать на знаменитого Аппия Клавдия Слепого*, который был цензором в 312 г. до Р. Х. Это из всей древней римской истории самая величественная личность. К нему восходит начало греческой образованности в Риме, к нему же восходят важные экономические мероприятия, например, строительство первой искусственной дороги, мало сказать, шоссе, так как римляне строили дороги лучше, чем мы. Это были каменные дороги, вечно существующие, которые и теперь ещё целы под слоем земли. Первая дорога, которая связала Рим с южной Италией, была проведена этим цензором и носит его название — *Via Appia*** . Затем он же провёл в Рим первый водопровод. Рим есть город водопроводов: там в последнее время было более 20 древних водопроводов. Они представляют собою более искусные сооружения, чем наши, потому что технические средства нашего времени дают возможность легче делать эти сооружения. Римлянам же приходилось проводить трубы на 20, 30, 40 вёрст по каменным сводам для того, чтобы сохранить ровный наклон. Только благодаря этим водопроводам Рим мог сделаться всемирным городом, потому что источников воды в самом Риме было недостаточно, вода из Тибра была нехорошей. Жить можно было только благодаря водопроводам, которые вели в Рим чистую воду из Апеннин. И тут мы встречаем имя Аппия Клавдия, который построил первый в Риме водопровод*** .

Затем мы знаем, что Аппий Клавдий имел большие планы по преобразованию Римского государства. Он преобразовал сенат, впервые допустив в него сыновей вольноотпущенников, чего до него не допускалось. Он намеревался преобразовать и народное собрание, внести живой элемент посредством иного распределения городского населения по трибам. Об этом я ещё буду говорить впоследствии, сейчас только указываю на то, что он был политическим новатором, который не останавливается перед буквою закона, но который имеет грандиозные планы.

Если иметь в виду этого Клавдия, история которого смешивается с историей децемвирата, можно именно к нему отнести политическую мысль создать новый правительственный орган, который объединил бы патрициев и плебеев. Как я уже указывал в прошлый раз, эта попытка была преждевременна, она не удержалась, так как натолкнулась на двойное противодействие — и со стороны патрициев, которые не хотели поступиться своими привилегиями и желали сохранения должнос-

*** Appius Claudius Caecus был цензором в 312–310 гг. до Р. Х., консулом в 306 и 296 гг. до Р. Х., претором в 295 г. до Р. Х. В глубокой старости он ослеп, тем не менее пламенной речью склонил сенат отказать в мире Кинеасу, послу Пирра. Ему приписывали некоторые стихотворения и считали основателем правоведения и грамматики. Л. 293–4.

*** Аппиева дорога, начинаясь от Капенских ворот, простиралась на 20 миль. Впоследствии она была продолжена до Брундизия. Она была сделана из тёсаных четырёхугольных камней, плотно примыкавших друг к другу, и такой ширины, что два воза легко могли разъехаться. Она называлась также *regina viarum* (царица дорог. — *Прим. ред.*).

**** *Aqua Appia* — в 312 г. до Р. Х.

тей консулов только за собою, и со стороны плебеев, которые желали трибуната. Под давлением этих двух крайних партий провалилась попытка установить общее правительство, которое объединило бы патрициев и плебеев.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕЦЕМВИРОВ

Греческое влияние. Теперь мы оставим вопрос о политическом значении децемвирата и перейдём к другой стороне его деятельности, которая более известна, т. е. к законодательной деятельности децемвиров и к её результатам. Но прежде чем познакомиться с содержанием законов XII таблиц, нужно затронуть один важный вопрос — происхождение этой законодательной работы. Предание гласит, что, прежде чем приступить к написанию законов, римляне отправили трёх патрициев в Грецию для изучения греческих законов, преимущественно знаменитых законов Солона. При этих трёх патрициях* состоял в качестве переводчика учёный грек Гермодор (*Ἑρμόδορος*, *Hermodorus*). В благодарность за его труд римляне воздвигли ему статую на форуме.

Таковы данные традиции. Если они верны, то следует сделать заключение, что римское законодательство XII таблиц возникло под сильным влиянием греческого, особенно афинского, законодательства. Просто так не стали бы ставить статую на форуме обычному переводчику. Надо думать, что он был не простым переводчиком, а тем человеком, через которого греческий дух, греческое законодательство проникло в Рим. Это мнение, что римское законодательство XII таблиц появилось под сильным влиянием греческого, господствовало среди римлян. Мы имеем несколько указаний, что римляне придерживались того взгляда, что децемвиры воспользовались плодами греческого законодательства, особенно Солона.

Но представление о том, что законы XII таблиц имели греческое происхождение, не могло не вызвать возражений в наше время. Историческая критика нередко находит необходимым оспаривать данные римской традиции в тех случаях, когда эта традиция объясняла происхождение каких-либо учреждений греческим или восточным влиянием. Конечно, уже давно никто не считает возможным происхождение римлян от троянцев. Не буду указывать на другие подобные предположения. Римляне вообще были склонны выводить многое с Востока.

Поэтому ещё в начале нашего столетия бельгийский учёный Лельевер в 1827 г. решительно отвергал данные античной традиции относительно греческого происхождения римского законодательства.

Швеглер. Другой исследователь, Швеглер, придерживался более консервативной точки зрения относительно происхождения законода-

* Их имена — *Spurius Postumius Albus*, *A. Manlius*, *P. Sulpicius Camerinus*. (Liv. III. 31. 8.)

тельства XII таблиц. Наиболее подробно он рассматривает этот вопрос, важный в культурном отношении, в своей, к сожалению, неоконченной «Истории Рима»^{*}. Шwegлер отвергает такое толкование римской традиции, которое допускало бы заимствование из греческого законодательства, потому что в законодательстве XII таблиц мы встречаем слишком много оригинальных римских черт, таких, которые не могли быть заимствованы откуда-либо: слова *patria potestas*, *emancipatio*, *mancipatio*, *usus* и т. д. Об этих терминах я ещё буду говорить. Сейчас указываю только на то, что относительно этих юридических понятий или юридических обычаев не может быть и речи о заимствовании. Ничего подобного в Греции мы не встречаем. Это именно римская почва. Шwegлер указывал ещё и на то, что сами римляне многие из законов XII таблиц называли *leges Romul*⁸², производили их от первого римского царя, считали их своими родными.

Но, с другой стороны, есть некоторые свидетельства римских писателей относительно вопроса о происхождении римского права, с которыми нужно считаться. Так, у юриста Гая (о котором я уже говорил), который жил во II в. по Р. X. и написал учебник римского права *Institutiones (Institutionum commentarii libri IV)*, есть два указания на то, что законодатели XII таблиц пользовались законами Солона. А именно, Гай указывает на закон, который воспрещает возводить стену на меже^{**}. Или другой закон, который запрещает сажать деревья на самой меже. Цель этого закона понятна: идёт речь о сельских постройках. Если на меже построить каменную стену, то тень от неё будет падать на землю соседа. Там, где солнце играет такую важную роль, как в Италии, это весьма важно. Приходилось отступать при обработке земли на несколько аршин от стены, которую построил на меже сосед. Чтобы помешать подобному нарушению собственности, был издан такой закон, который предписывал, что если кто хочет строить стену, то должен её строить, отступив на несколько метров от межи, чтобы не вредить соседу. Гай говорит, что этот закон заимствован у Солона. Затем Гай говорит о другом законе — относительно устройства братств, коллегий, так называемых *sodalitia*^{***}, и говорит, что этот закон был взят у Солона. Хотя юрист Гай и в этом отношении должен был бы быть авторитетом, едва ли можно согласиться, что эти законы были заимствованы у Солона. Вероятно, Гай только хотел обратить внимание на сходство римского и афинского законодательства, чем и сам был поражён. Но нельзя согласиться с тем, что здесь имело место полное заимствование, ибо такое сходство естественно должно было возникнуть у римлян. Для этого не надо было ездить в Афины. Римляне са-

^{*} Schwegler. *Römische Geschichte*. 3 B. Tübingen 1854—1858. Fortgeführt von Clason IV, 1. Berlin, 1873.

^{**} Таблица (*tabula*) VII. 1—2.

^{***} *Tabula VIII. 27; Gaius. IV. ad XII tab.: (D. 47, 22, 4): His (sodalibus) potestatem facit lex (XII tab.), pactionem quam velint sibi ferre, dum ne quid ex publica lege corruptant; sed haec lex videtur ex lege Solonis translata esse. (Bruns. P. 32.)*

ми дорожили землёй, её им не хватало. Следовательно, оба приведённые указания Гая ничего не доказывают.

Более серьёзное значение имеет свидетельство, которое мы находим у Цицерона. Он тоже два раза указывает на предполагаемое заимствование децемвирами правовых норм из законодательства Солона. Оба эти указания касаются ограничения расходов на похороны, ограничения роскоши и действия норм древних римских погребальных обычаев.

Похороны были весьма важным мероприятием в жизни древних римлян. Проводы покойника были чрезвычайно торжественны. Вам всем, конечно, известно, что римские *pobiles* на похоронах выносили маски всех предков данного семейства. Люди, изображавшие предков покойника, которые когда-то занимали курульные должности, надевали их маски и ехали на колесницах облачёнными в одежды соответственно тем магистратурам, которые умершие осуществляли. Для похорон наследники покойного не жалели средств, которые им переходили по наследству. Они тратили много денег на торжественные похороны, на гладиаторские игры в честь покойного.

Итак, уже в ранние века существования Рима похороны знатных лиц были очень дорогостоящими. И вот в законах XII таблиц мы встречаем некоторые ограничения, касающиеся похоронных затрат. Так, воспрещается тратить слишком много средств на погребальный костёр*. Костёр должен быть сделан из простого дерева; не допускается обработка и отделка этого дерева. Затем воспрещается, как говорит Цицерон, излишний плач (*lamentationes fuperis*). Согласно Цицерону, также запрещается *lessus* — плач женщин на похоронах в Древнем Риме. Во время траурных церемоний римские женщины ещё и терзали себя. Поэтому в законах XII таблиц сказано: «*mulieres genas ne radunto, neve lessum funeris ergo habento*»⁸³.

Как считали древние римляне, на похоронах было необходимо кровопролитие, чтобы вместе с умершим в преисподнюю пришла и живая кровь. Для этого в древнейшую эпоху убивали военнопленных во вре-

* Вот X таблица, касающаяся вообще похорон:

1. *Hominem mortuum in urbe ne sepelito, neve urito.*
 2. *...hoc plus ne facito: rogum ascea ne polito.*
 3. Cicero (de led. agr. 2, 23): *Extenuato igitur sumptu, tribus riciniis et tunicula purpureae et decem tibicinibus, tollit etiam lamentationem.*
 4. *Mulieres genas ne radunto, neve lessum funeris ergo habento.*
 5. A. *Homine mortuo ne ossa legito, quo post funus faciat.*
 6. A. Cicero (l. c.): *Haec praeterea sunt in legibus — servilis unctura tollitur omnisque circumpotatio; ne sumptuosa respersio, ne longae coronae nec acerae praetenentur. — b. Fest.: Murrata potione usos antiquos, iuditio est, quod — XII tab. cavetur, — ne mortuo indatur.*
 7. *Qui coronam parit ipse pecuniave eius (honoris) virtutisque ergo arduntur ei...*
 8. *... neve aurum addito, cui auro dentes iuncti escunt, ast im cum illo seaeliet uretve, se fraude esto.*
 9. Cicero (de led. agr. 2, 24, 61): *rogum bustumve novum velat propius LX pedes adici aedes invito domino.*
 10. Cicero (de led. agr. 2, 24, 61): *forum, i. e. vestibulum sepulcri, bustumve usu capi vetat.*
- Bruns. 33–34.

мя похорон. Когда этот обычай был отменён, вместо него появились гладиаторские игры: пролитая гладиаторская кровь должна была умиловать манов. Но не все могли устраивать гладиаторские игры; и вот в этих случаях женщины разрывали своё тело ногтями, чтобы их кровь заменила ту кровь, которая пролилась бы в результате убийства пленника или гладиатора.

Цицерон говорит, что этот обычай был запрещён потому, что то же самое было запрещено Солоном. Кроме того, по мнению этого знаменитого римского оратора, из законодательства Солона была заимствована норма и о маленьком платке, которым женщина покрывала голову во время совершения жертвоприношений, — *de tribus riciniis et pleraque illa**. *Ricinium* — это маленький головной платок. А словом *rica* назывался большой платок, покрывавший всё тело. Его женщины надевали во время жертвоприношений.

Швеглер подчеркнул, что эти свидетельства Цицерона заслуживают внимания. Очень может быть, что имело место влияние афинского законодательства на римское. Этот учёный настаивает на особой важности свидетельства о Гермодоре. По его мнению, это свидетельство надо принять за достоверное, потому что оно совпадает с другим свидетельством и хронологически, и по смыслу. Известно, что в Эфесе был философ Гермодор, изгнанный своими соотечественниками по причине, чрезвычайно характерной для греческой демократии. Сограждане говорили Гермодору (это сохранилось у Диогена Лаэртция**, написавшего биографии философов⁸⁴): «Ты превосходнейший между нами, а между нами не должно быть превосходнейшего; пусть этот превосходнейший будет среди других, а не среди нас!» И его изгнали. По мнению Швеглера, Гермодор, вероятно, отправился на запад, в Италию, и римляне пригласили его сопровождать трёх патрициев в Грецию. Швеглер полагает, что в основе предания о Гермодоре лежит исторический факт. Но нужно сказать, что статуя, стоящая на римском форуме, не может быть достаточным доказательством того, что речь идёт о том Гермодоре, жизнь которого засвидетельствована. Историческая критика не может этим удовлетвориться. Статуя на римском форуме ничего не доказывает. Плиний говорит, что стояла (*fuit*) такая статуя, но он её не видел. Кроме того, мы знаем, какого рода статуи стояли на римском форуме. Это были статуи без надписей. Например, была одна женская статуя. Римляне спорили, не знали, кого она изображает. Одни говорили, что Клелию (*Cloelia*), которая прославилась своим мужеством, когда Порсена осаждал Рим. Другие считали, что Валерию. На форуме стояла и другая статуя, которая изоб-

* Cic. (I. c. 25, 64): *sumptuosa funera et lamentabilia Solonis lege sublata sunt, quam legem eisdem prope verbis nostri X viri in decimam tabulam coniecerunt; nam de tribus riciniis et pleraque illa Solonis sunt.*

** Диоген Лаэртций, уроженец киликийского города Λαέρτη, жил в Афинах как грамматик, вероятно, в правление императора Адриана или несколько позже. Он оставил в 10 книгах: Βίων καὶ ἡρώων τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκῆσαντων. Сочинение это, несмотря на некоторые недостатки, весьма ценно для истории древней философии. Л. 407.

ражала Сципиона. Одни говорили, что это Сципион Африканский, другие, что иной Сципион, из другой фамилии⁸⁵. Если даже и были такие исторические личности, которым ставили статуи без надписей, то можно предположить, что и более древние статуи были без надписей, потому легко могли возникнуть различные толкования относительно каждой статуи. Точно так же неизвестную статую, стоящую на форуме, легко могли отождествить с этим Гермодором, когда распространилось предание, что законодательство XII таблиц было заимствовано от греков.

Дело в том, что у римлян было сильное стремление выводить происхождение своё собственное и своих обычаев из Греции и Востока. Эта черта встречается и у других народов. Среди французов, например, до XVI столетия господствовало предположение, что они происходят от троянцев.

Римляне, которые получили всю свою образованность из Греции, естественно, могли предположить, что законодательство XII таблиц было заимствовано из Греции. Но мы, насколько нам это известно, можем усомниться относительно достоверности сведений о связях греков с римлянами. Мы знаем, как поздно сошлись они с греками, только после Александра Македонского.

Имея это в виду, можно усомниться в верности традиции, что римское законодательство XII таблиц было написано под греческим влиянием. Под непосредственным, я разумею. Но косвенное влияние всё же могло быть, потому что во всей Древней Греции был тот порядок, который представляют нам законы XII таблиц, т. е. кодификация обычаев законодательством и написание этих кодифицированных обычаев на медных досках, которые и выставлялись публично на форуме.

Гортинские таблицы. Одно новое открытие, совершившееся на наших глазах, наглядно указывает нам на этот порядок. Два года тому назад на о. Крите на месте древней Гортины* были найдены древние скрижали, на них были помещены законы города Гортины. Ещё раньше были известны два маленьких отрывка, а благодаря трудам Гальбхера и Фабрициуса (F. Halbherr и E. Fabricius) удалось открыть почти весь памятник. Это самая полная «Греческая Правда», если употребить этот знакомый термин. Больше всего фактов относительно кодификации обычаев законодательством в Древней Греции можно почерпнуть из этих таблиц.**

* Γόρτις, или Γόρτυνα, развалины у деревни Hagios Dheka; большой город на р. Лефее. Уже Гомер называл его τεύχοςσα. Позже, однако, стен не было. Он находился на плодородной равнине и имел 50 стадий в окружности. Л. 35.

** Эти таблицы были найдены совершенно случайно. Мельник в русле канавы, которая была проведена около р. Лефея, заметил камни с надписями, которые и принадлежали к числу камней, содержавших таблицы.

Здесь, вероятно, было судебное место. Оно было окружено стеной, имевшей в диаметре 33 метра. Эта стена, по всей вероятности, была покрыта надписями, содержащими текст законов. Часть стены, на которой была найдена таблица, в ширину имеет 8,71 метра, т. е. около 12 аршин, а в высоту 1,72 метра. Стало быть, эта стена имеет

Если сравнить текст таблиц, найденных в Гортине, с текстом законов XII таблиц, то мы увидим, что нет ничего общего. Но тут важен сам обычай. И очень может быть, что римляне, которые начали в это время сношения с греками Южной Италии, именно под влиянием этого греческого порядка пожелали кодифицировать свои обычаи.

Этот памятник, о котором я говорю, относится как раз к тому времени, к 451—450 гг. до н. э. Другие учёные датируют Гортинские таблицы несколько позднее, так что это более поздний памятник.

Лекция 12

Предварительные сведения. Прежде чем рассмотреть содержание законодательства XII таблиц, нужно поставить вопрос о том, что мы знаем об этих законах. Где они? Дело в том, что они не дошли до нас полностью, но сохранились только в отрывках. Поэтому надо прежде всего рассмотреть внешнюю историю этого законодательства. Мы знаем, что эти законы были записаны на медных досках, но эти доски погибли во время нашествия галлов⁸⁶. Галлы сожгли Рим и не попали только в Капитолий. Следовательно, эти двенадцать таблиц должны были погибнуть, так как стояли на форуме. Затем эти законы были восстановлены, что было нетрудно, потому что многое римляне знали наизусть. Законы XII таблиц были в большом почёте у римлян, их, как я уже говорил, учили в школе. Цицерон, вспоминая о своём детстве, говорит, как он с другими учениками учил законы наизусть: «сагмен necessarium»; ученики должны были зубрить текст. Но уже во время Цицерона, очевидно, этот обычай выходил из употребления: Цицерон вспоминает об этом как о старине.

Однако римляне продолжали с уважением относиться к этим законам. На это указывает множество комментариев, которые были написаны римскими юристами. Так, Гай написал комментарии в шесть книг о законах XII таблиц⁸⁷. И составители пандект, т. е. того свода римского законодательства, который был сделан при Юстиниане, имели ещё под руками комментарий Гая. Но именно из того, что законы XII таблиц стали комментировать, видно, что их перестали понимать, что о них стали забывать, что они имели антикварное значение. Вследствие этого памятник до нас не дошёл, не говоря об отрывках. Не дошли до нас и копии. В нашем распоряжении имеются только отрывки,

такую высоту, чтобы всякий мог свободно читать. Несколько, очень немногих камней недостаёт. Два из них уже раньше были описаны. Надпись разделена на 12 колонок, по 54—55 строк в каждой (когда она вполне сохранилась). Пострадали девятая, десятая и особенно двенадцатая колонка, от которой уцелело немногим более трети.

Эту надпись относят к числу наиболее древних. Между прочим, на её древность указывает сама орфография: алфавит её древнейший: Α, Β, Λ = γ, Δ, Ε (служившая и для ε), Ϝ дигамма, Ϙ или Θ = θ, ϑ, ϑ = ι, Κ, Λ = λ, Μ = μ, Ν = ν, Ο; Σ = π, Ρ, Μ = ϑ, ϑ и V. Остальных нет, а передаются, как, например, ξ через ΚΜ, ψ СМ, ζ ΔΔ, η нет. Колонки следуют справа налево, точно так же, как и древнее письмо — βοῦτροφίδων.

которые сохранились случайно у разных писателей, у древних юристов и историков и особенно у собирателей старины — Геллия⁸⁸, Плиния⁸⁹. Эти отрывки отчасти приведены в первоначальном виде, на старом языке⁹⁰, хотя это ещё, может быть, не самый старый язык, вероятно, он был подновлён. Но ещё больше отрывков из законов XII таблиц дошло перефразированными, т. е. они были приведены позднейшими писателями в переложении на современный им язык.

Попытки восстановить текст XII таблиц. С появлением научной разработки римской старины в XVI в. внимание учёных было обращено и на эти остатки законов XII таблиц. Были предприняты попытки воссоздать, насколько возможно, эти таблицы, собрать все фрагменты и расположить их в том порядке, в котором они были в оригинале. Первая такая попытка была сделана Готофредом — издателем кодекса Феодосия, предшествовавшего своду Юстиниана. В начале нашего века учёный Дирксен посвятил очень много времени на это дело, и в наше время обычно пользуются работой Дирксена*. Есть несколько изданий, в основе которых лежит работа этого учёного. Одно из самых доступных — издание Шёлля**. Какое же существует основание, чтобы располагать эти отрывки? Руководствуясь тем, что мы знаем о сочинении Гая, что оно состоит из шести книг, можно думать, что каждая книга Гая представляет комментарий к двум таблицам: 12 как раз делится на 6. Итак, имея в виду комментарий Гая, можно разработать следующую схему.

Содержание XII таблиц. Содержание первых двух таблиц касается процессуального права, т. е. судопроизводства. Вообще, все древние юридические памятники более всего заключают в себе процессуальные постановления; в этом раньше нуждались при кодификации обычаев. Германские правды, которые возникли в V веке, содержали в себе, главным образом, нормы судопроизводства. И недавно открытый гортинский памятник также посвящает значительную часть своего содержания процессуальному праву. О том, что римское законодательство XII таблиц также началось с процессуальной стороны, свидетельствует Цицерон, который упоминает первые слова, заучиваемые мальчиками в школе*. Они как раз и относятся к так называемому *in ius vocatio*, т. е. к тому вопросу, какие термины должен был употреблять истец, в каких выражениях он должен был перед судьёй заявлять, что он имел иск против того или иного лица.

Итак, первые две таблицы посвящены процессуальному праву.

Третья таблица относится к долговым обязательствам.

Затем две таблицы (IV и V) относятся к семейному и наследственному праву.

* Н. Dirksen. Uebersicht der bishuerigen Versuche zur Herstellung des Textes d. XII Tab. 1824.

** Schollius, legis duodecim tabularum reliquiae, 1866.

*** Cicero, de leg. 2, 4: A parvis, Quinte, didicimus: si in ius vocat atque alias eiusmodi leges nominare.

Следующие две таблицы (VI и VII) касаются имущественных отношений купли, продажи, а также форм, которые употребляются при этом — «obligationes», которые играли такую важную роль в римском праве.

Затем VIII таблица была посвящена уголовному праву.

IX таблица касалась публичного права. Хотя Ливий и говорит, что законы XII таблиц — *fons omnis publici ac privati iuris* (источник всякого общественного и частного (или гражданского) права), но мы видим, что лишь одна таблица касалась государственного права.

X таблица относилась к религиозному, сакральному праву. Именно те места трудов Цицерона, о которых я говорил при освещении запрета в Риме роскоши во время похорон, имели в своей основе X таблицу. Это явствует из утверждения самого Цицерона.

Затем прибавлены были две таблицы: XI была, очевидно, календарём, т. е. расписанием дней — *fasti* и *nefasti*⁹¹.

А последняя, XII таблица, вероятно, имела характер дополнительный, её содержание было разнообразным.

Прежде чем коснуться отрывков, которые дошли до нас, мы должны поставить вопрос: какой же характер имело законодательство децемвиров — кодификационный или законодательный в строгом смысле этого слова? Кодификационный характер — это значит, что децемвиры задались целью записать то, что было правом, что существовало, что признавалось за право, но только не было записано. Это мы называем правовым обычаем. Обычай везде предшествует закону, из обычая формулируется потом закон. Так, у франков, как сказано, сованы были с разных мест четыре мудрых человека, которые и должны были записать то, что у франков считалось правом.

Итак, ограничились ли децемвиры простой записью того, что признавалось правом, или же они законодательствовали, т. е. изменяли обычаи, реформировали право? Никак нельзя отстранить от себя мысль, что они не были простыми кодификаторами, что под их рукою изменялось, по крайней мере, в некоторых чертах, древнее право, а именно, оно принимало прогрессивные элементы, те новые потребности, которые были в жизни. На это прямо указывают некоторые постановления, дошедшие до нас.

Я не стану передавать содержания всех дошедших до нас отрывков, но остановлюсь на тех, на которых ясна законодательная работа децемвиров, в которых видно, что они реформировали римский обычай. Сюда, во-первых, относится тот отрывок, который касается *patria potestas*, древнеримского семейного права. Семейное право римлян было основано на власти отца. Отец был господином в своей семье. Он был полным господином не только над рабами, но и над детьми. В древности право господства отца над детьми выражалось в праве отца отвергнуть новорожденного, если отец небогат или обременён семьёй. В особенности если он обременён дочерьми, то он не принимает в семью свою новорожденную дочь, он приказывает её вынести. Хотя в историческую эпоху в Риме не могло быть и речи об этом варварском обычае, однако власть отца над детьми была полная. По отношению к

дочерям эта власть выражалась в том, что дочь не имела имущества; дочь была всегда под опекой, и эта опека называлась *manus* — рука. Но и сыновья были под полной властью отца. Это выражалось в том, что они не отделялись от семьи, их заработок принадлежал отцу. Мало того, отец мог продать сына в рабство. Нас не удивляет суровость римского долгового права, потому что в Древнем Риме отец мог продать своего сына в рабство; стало быть, если допускались такие суровые отношения в семье, то тем более могла быть суровость по отношению к постороннему лицу.

Но с течением времени появилась потребность смягчения старого, отцовского права, и в XII таблицах говорится уже об эмансипации. Там сказано, что если отец трижды продаст в рабство своего сына, то последний после этого становится свободным и выходит из-под отцовской власти. Это как будто наказание очень жестокого отца: он может сына продать один раз, может два раза, но если продаст трижды, если тем самым обнаружит, так сказать, полную жестокость, то сын выходит из-под отцовской власти*. Вероятно, уже давно прекратилась продажа в рабство, но чувствовалась потребность освободить сына из-под имущественного отцовского права. По древнему римскому праву сын никогда не мог достигнуть экономической самостоятельности, труд его всегда принадлежал отцу. Следовательно, всё, что он приобретал, принадлежало главе семейства. Поэтому сын был стеснён в своих делах, не мог взять в долг, ибо кто же станет давать займы тому, кто ничего не имеет. Развитие гражданских экономических отношений вызвало в Древнем Риме потребность дать сыну возможность встать на свои ноги, стать ещё при жизни отца самостоятельным. Но как же это сделать? Римляне прибегли к симулированию юридического акта, т. е. к юридическому акту, который представлял собою как бы нечто другое. Они вспомнили, что есть ограничение власти отца, и воспользовались этим ограничением, чтобы ввести в своё право новый способ давать сыну самостоятельность.

Это так называемое *emancipatio*, т. е. *ex-mancipatio*, выход из-под влияния другого, из *manus*. Децемвиры создали форму, посредством которой сын мог стать самостоятельным, а именно, отец фиктивным образом продаёт его в рабство в присутствии римского магистрата и совершает эту продажу три раза, вследствие чего сын становится свободным человеком, самостоятельным членом римской общины. Это освобождение сына с согласия отца из-под его же власти есть следствие той реформы, которую произвели децемвиры в римском законодательстве.

Сюда же относится и другое аналогичное явление — изменение древнего семейного права по отношению к женщине. Женщина, как я сказал, была всегда под властью мужчины: сначала под властью отца, затем мужа. Когда она выходила замуж, *manus* переходил от отца к мужу. Старые формы брака были связаны с *manus*: и *confarreatio*, и *coemptio*. Кто женился посредством *confarreatio* или *coemptio*, тот приобретал полное право над имуществом жены. Но и тут появилась по-

* Si pater filium ter venum duuit, filius a patre liber esto. Tab. IV, 2.

требность дать больше свободы женщине. Эта потребность появилась не вследствие новых воззрений на женщину, а из имущественных выгод семьи. Родная семья не желала терять власти над своей дочерью, вышедшей замуж, не хотела терять своего права на её приданое.

Появилась потребность, чтобы жена могла сохранить самостоятельное положение. И эту потребность децемвиры также удовлетворили. В законах XII таблиц мы встречаем правовую норму, согласно которой допускается брак без *manus* и придумывается особая форма для заключения такого брака — *usus*. Вероятно, уже прежде образовалась новая форма бракосочетания, которую можно сравнить с нашим гражданским браком. Гражданский брак есть соединение двух лиц на всю жизнь без сакрального элемента. Он называется так потому, что религиозная сторона не входит в этот брак, по крайней мере, не должна непременно входить. Это гражданская сделка. *Confarreatio* — это священная форма; *coemptio*, вероятно, также имело сакральный характер. Но затем появляется третья форма брака — *usus* (совительство). Это, однако, не исключает существования особых обрядов при заключении брака.

Сущность этой формы бракосочетания заключается в том, что если двое, прожив вместе один год, заявляют, что они живут как муж и жена, то между ними устанавливается брак со всеми легальными последствиями, и этот брак также даёт право мужу на личность жены. Нововведение же децемвиров заключается в том, чтобы дать возможность жене уйти из-под власти мужа, и это достигается определённым путём. Децемвиры постановили, что в случае если жена в течение каждого года проведёт три ночи (*trinoctium*) вне дома мужа, т. е. в доме отца, брата, то тогда брак не связан с *manus**. Значит, достаточно было соблюсти эту формальность, чтобы уйти из-под власти мужа. Поэтому при бракосочетании происходила сделка, в силу которой муж соглашался не требовать власти над женой — *manus*, соглашался каждый год отпускать жену на три дня из своего дома, тогда она становилась свободной женой, она приобретала самостоятельное положение, а не была у мужа *filiae loco*⁹².

Укажу ещё на одно положение, которое дошло до нас из законодательства XII таблиц и которое относится к публичному праву. Это постановление, в силу которого процесс над жизнью и смертью гражданина мог проводиться только в так называемом *maximus Comitatus*, т. е. в центуриатных комициях, для большей гарантии прав римских граждан.

LEGES VALERIAE — HORATIAE

Как вам уже известно, децемвиры, по крайней мере в римской традиции, пали вследствие возмущения народа. Если даже предположить, что децемвират имел другое, более видное политическое значение, всё-

* Tab. Vi. 3. Cicero. Top. 4.: *usus auctoritas fundi biennium est, — ceterarum rerum omnium — annuus est usus*. Gaius. I. III.: *lege XII tabularum cautum erat, si qua nollet eo modo (usu) in manum mariti convenire, ut quotannis trinoctio abesset atque ita usum cuiusque anni interromperet*.

таким остаётся фактом переворот, который положил конец децемвирату, произвёл реакцию.

Во главе этой реакции стояли лица, которые были выбраны консулами. Этим двух консулов звали Valerius и Horatius⁹³. Им приписывается ряд законов — *leges Valeriae-Horatiae*, которые должны были восстановить прежний политический порядок в Риме и отчасти ввести новый. Нам известно об этих *leges* двух консулов, умиротворивших Рим, следующее.

Три закона входили в ряд предпринятых мер. Во-первых, они восстановили *provocatio*. Во время децемвиров не было *provocatio*, им была предоставлена полная власть, как у диктатора. А благодаря законам этих консулов *provocatio* была восстановлена; у высших магистратур было отнято право бесконтрольно осуждать римских граждан на смерть.

Вторая мера — это восстановление трибуната и *sacrosanctitas*⁹⁴, были восстановлены все те законы, которыми так дорожили плебеи. Но эти два относятся к восстановлению прежнего.

Третий важный закон касается расширения прав трибутных комиций. Ливий поэтому говорит: *in controverso iure esset, tenerentur patres plebiscitis*. Так как был спорный вопрос, подлежат ли и *patres plebiscitis*, то и было постановлено этим законом, чтобы плебисциты имели силу и над *patres*. Я уже касался этого вопроса, указывая на то, какие различные толкования существуют относительно этого закона. В этом законе заключается значительное расширение прав трибутных комиций*.

Этим важным законом и завершается история децемвирата, и вместе с тем начинается новая эпоха в истории борьбы патрициев и плебеев. Сначала плебеи выступают как жертва, они борются за самые дорогие для них интересы, за своё существование, за свободу и право личности. Децемвират и новые законы улучшили их положение. Наступает вторая эпоха, когда плебеи играют наступательную роль и когда они берут одну позицию за другой, пока не достигают уравнивания с патрициями.

ВТОРОЙ ПЕРИОД БОРЬБЫ

Лекция 13

Перейдём теперь к рассмотрению второго периода борьбы между патрициями и плебеями, который начинается с законов Валерия и Го-

* Liv. III, 55, 3: *Omnium primum, cum velut in controverso iure esset, tenerentur patres plebiscitis, legem centuriatis comitiis tulere (i. e. L. Valerius et M. Horatius), ut quod tributum plebis iussisset, populum teneret, qua lege tribuniciiis rogationibus telum acerrimum datum est.*

рация, окончившими переворот децемвиров. Децемвиры помешали, так сказать, дальнейшему направлению борьбы патрициев и плебеев. Плебеи уже имели перед собой образец объединения обоих сословий в новом правительственном органе, но, как нам известно, децемвиры были устранены, а консулы восстановлены. Плебеям оставалось теперь только добиваться права занимать консульские должности вместе с патрициями. Но этого права в борьбе за политическое равноправие плебеи достигли не сразу. Пройдёт ещё 78 лет, когда они достигнут окончательного результата. Им мешало не только политическое значение и авторитет патрициев, но и нормы религии.

CONNUBIUM. LEX CANULEIA

Как вам известно, правительственные должности у римлян имели сакральный характер. Хотя они и представляли менее религиозного интереса, чем жреческие должности, но тем не менее имели сакральный характер вследствие *ius auspiciorum*. На этом и стояли патриции, не уступая консульства плебеям. Поэтому сначала надо было сблизить оба сословия в религиозном отношении. И тут был очень важен успех, которого плебеи достигли четыре года спустя после законов Валерия и Горация. А именно, они добились *connubium'a*⁹⁵ с патрициями. До этого они не имели *connubium'a*. В законодательстве XII таблиц было прямо сказано, что нет *connubium'a* между патрициями и плебеями.

Прежде полагали, что децемвиры вновь ввели запрещение брака между патрициями и плебеями, но это совершенно не согласуется с общим ходом истории римских правовых понятий. Очевидно, что *connubium'a* с самого начала не было между патрициями и плебеями, и децемвиры утвердили это положение, но не могли создать нового.

Connubium играет чрезвычайно важную роль у древних народов, в особенности у италиков и, главным образом, у римлян. До самого конца жизни римского народа вопрос о *connubium'e* не сходит с исторической сцены. Ещё во времена императоров идёт речь о *connubium'e* между римскими гражданами и перегринами, или провинциалами, и римские солдаты добиваются *connubium'a* с перегринками. Римские солдаты много лет стоят на границах, им жениться нельзя иначе как на перегринках, потому что римских жён там нет. Но если они женятся на перегринках, то дети их не будут римскими гражданами. И солдаты добиваются этого права.

Если, таким образом, в самом конце римской истории *connubium* играет важную роль, то тем большую важность имел этот вопрос в начале истории Рима. Пока не было *connubium'a* между патрициями и плебеями, эти два сословия стояли далеко друг от друга, они были чужды друг другу.

Но не следует этого понимать так, будто бы браки между патрициями и плебеями были запрещены; отсутствие значило только, что такие браки не имеют законной силы, что дети от такого брака должны

были держаться права отца или матери из плебеев, что не могло быть патрициев от такого брака между патрициями и плебеями.

Патриции держались старины, не допускали плебеев к *connubium*'у, отчасти по политическим соображениям, для того, чтобы содействовать своей замкнутости, для того, чтобы дольше занимать высшее положение в обществе. Но и религия играла важную роль. Патриции говорили, что допуск плебеев к браку с ними нарушает патрицианские родовые *sacra*, что у патрициев нет *communicatio sacrorum*⁹⁶ с плебеями, что эта мера нарушает святость родовой религии. Кроме того, патриции считали, что допуск чужаков-плебеев в патрицианские семьи может нанести удар по *ius auspiciorum*, в результате чего пострадает всё государство. Патриции полагали, что сохранение их родов в чистоте отвечает интересам государства. Что же отвечали на это плебеи? Ливий, подробно описывая борьбу патрициев и плебеев, старается охарактеризовать точки зрения и тех и других посредством приведения речей с обеих сторон. Что касается патрицианской точки зрения, то он её изображает весьма правдиво, в духе старины. Что касается взглядов плебеев, то он влагает в уста Канулея, который и провёл *rogatio* о признании браков между патрициями и плебеями законными, аргументы слишком рациональные для времени установления *connubium*'а в 445 г.

Как бы то ни было, патриции уступили в этом вопросе. Таким образом, очень важное препятствие политическому слиянию патрициев и плебеев было устранено.

КОНСУЛЯР-Трибуны

Важной вехой в слиянии сословий патрициев и плебеев является установление консуляр-трибуната вместо консульства, имевшее место в следующем году⁹⁷.

В чём заключается эта мера? Плебеи добиваются консульства, но патриции считают невозможным допустить их к этой должности. Наконец, они вынуждены сделать уступку и делают её очень оригинально, но чисто по-римски. Они соглашаются сделать уступку, но так, чтобы сохранить старину, чтобы не нарушить религиозных норм. Патриции соглашаются допустить плебеев, так сказать, только в положение исполняющих обязанности консулов.

К такой фикции часто прибегают и у нас. Когда по закону должность занимается лицами, имеющими определённые свойства, но таких лиц не оказывается, тогда допускаются исполняющие обязанности того или иного должностного лица. Иными словами, лица, не имеющие подходящего чина или подходящих знаний, занимают должность чиновника или профессора не постоянно, а только временно.

Таковыми исполняющими обязанности консулов были консуляр-трибуны.

Каждый легион находился под начальством военных трибунов (*tribuni militum*). Это были, так сказать, полковники. В каждом легионе их было шесть, и они поочерёдно командовали им. В 444 г. принима-

ется постановление, чтобы вместо консулов избирать военных трибунов, которые будут обладать консульской властью — *tribuni militum consulari potestate*. Они не консулы, они военные командиры, начальники легионов, но только облечённые консульской властью. А так как плебеи имели право быть консуляр-трибунами, то *eo ipso*⁹⁸ они становились и на место консулов.

Итак, посредством данной фикции патриции уступили плебеям. Но они выиграли в других отношениях. Во-первых, было постановлено, что сенату будет предоставлено право каждый раз решать, следует ли избирать консулов или консуляр-трибунов, в зависимости от обстоятельств, по ходу дел военных и гражданских. Следовательно, сенат в известные моменты имел возможность не допускать выбора консуляр-трибунов и, как мы увидим, очень долго пользовался этим правом.

ЦЕНЗОРЫ

Эта первая уступка относительно высшей власти сопровождалась новым дроблением магистратуры. Первое дробление заключалось в том, что вместо единой царской власти была установлена коллегиальная власть двух консулов. Теперь под напором требований плебеев от консульской власти отделяются функции, которые предоставляются особым лицам — цензорам (*censores*)⁹⁹. Появляется новая магистратура — *censura*, — которая приобретает коллегиальный характер, т. е. избираются двое цензоров (на пять лет). Патриции согласились допустить плебеев к магистратуре консуляр-трибунов, но не хотели предоставить им функции цензуры, которая была патрицианской и имела сакральный характер.

Первоначальные функции цензоров. В чём же заключались функции цензоров? Первоначально они заключались в том, чтобы производить ценз, т. е. оценивать имущество каждого гражданина и в соответствии с размером имущества записывать его в известный класс. Когда заканчивалась эта процедура, когда все были записаны, тогда производился смотр римского гражданского ополчения. Этот смотр имел религиозный характер, тут приносилась жертва* и войско очищалось посредством обряда *lustratio*. Отсюда двойное значение слова *lustrum*: и очистительный обряд, и смотр. Так как *lustrum* была религиозная церемония и предоставить её плебеям в то время не считали возможным, то эта функция была отделена от консульства и предоставлена патрициям. Но мало-помалу функции цензоров осложнились.

С религиозными правилами связаны и *ornamenta*¹⁰⁰ цензоров. Они облачались в порфиру. Консул мог облечься только в *toga praetexta*,

* Жертвоприношение состояло из свиньи, барана и быка и называлось *suovetaurilia*. При этом жертвоприношении произносилась молитва: первоначально — «*ut dii immortalis populi Romani res meliores amplioresque facerent*», впоследствии — «*ut res Romanas perpetuo incolumes servarent*».

т. е. в обыкновенную белую тогу, окаймлённую пурпурной полосой; цензоры же имели право носить царскую одежду, облачаться в целиком пурпурную порфиру.

Позднейшие функции цензоров. К первоначальной функции цензоров присоединились следующие. Цензоры стали управлять государственным имуществом, т. е. всеми богатствами и средствами государства, за исключением наличной монеты. Она хранилась в храме Сатурна*, и ею заведовал сенат. Расходование денежных средств также разрешал только сенат. Но цензоры заведовали всеми остальными доходами: землями (и доходами от них), таможенными пошлинами и др.

Впоследствии к обязанностям цензоров присоединилась *censura togum*¹⁰¹. На цензоров была возложена обязанность наблюдать за тем, чтобы образ жизни римских граждан соответствовал старинному благочестию, и цензоры имели право наказывать тех, кто отступал от правил древнего благочестия. Они могли наказывать граждан вычёркиванием их из трибы или центурии всадников. Если они вычёркивали из трибы гражданина, то он терял трибу и становился эрарием (*aerarius*), т. е. податным человеком, или человеком, зависящим от казны. Ухудшение положения этого человека заключалось в том, что его можно было облагать податью более высокой, чем обыкновенного гражданина. Обыкновенный гражданин облагался трибутом, который назначался в соответствии с размером его имущества (*tributum ex censu*). Эрариев же можно было облагать произвольно в два, четыре, восемь раз выше, чем граждан, записанных в трибы (*tributum in capita*). Эта подать могла, по воле цензоров, достигать до очень больших размеров. Таким способом гражданин в наказание становился податным человеком.

Фактические результаты уступки. Затем на цензоров была возложена обязанность формировать сенат (*senatus lectio*). Это была чрезвычайно важная обязанность, так как сенат всё более и более сосредотачивал в своих руках всю римскую администрацию.

Итак. Вот что уступили патриции, но затем и на практике они могли отстоять свои преимущества. В течение первых сорока лет из этих 78 мы видим только 14 раз консуляр-трибунов, 26 раз сенат делал постановление избирать консулов. Следовательно, шансы плебеев попасть в консуляр-трибуны были очень редки: только 14 раз. После этого патриции делают уступку и почти постоянно избираются консуляр-трибуны.

Число консуляр-трибунов. Сколько же было консуляр-трибунов? Сначала их было трое. Потом мы встречаем число 4, во второй половине рассматриваемого периода 6 и даже 8. Последняя цифра является, вероятно, недоразумением: очевидно, к 6 консуляр-трибунам были прибавлены двое цензоров того года.

Итак, число консуляр-трибунов растёт. Вместе с этим растут и шансы для плебеев занять места консуляр-трибунов. Но на деле патриции

* Храм Сатурна находился у подошвы Капитолия с восточной стороны.

не допускают плебеев к должностям консуляр-трибунов. Только в самом начале плебеи были в их числе, а затем до 400 г. их нет. Далее, в 400 г., в 399 г. и в 396 г. по не известным нам причинам имена плебеев среди консуляр-трибунов составляют большинство. Наконец, только в 379 г. встречается плебейское имя в фастах¹⁰².

Таким образом, мы видим, что плебеи немного выиграли благодаря уступкам патрициев. Они много выиграли в самом принципе, их допустили к занятию одной из высших римских магистратур, но на практике они не всегда получали место среди консуляр-трибунов. Как это объяснить? Это объясняется тем, что большинство плебеев было из крестьян, которые не претендовали на высшие должности в государстве, а были заняты земледелием и жили в ладу с патрициями.

Раньше они были недовольны своим экономическим положением и военным вопросом, а в этом отношении патриции делали им большие уступки, ибо во время осады Вей было введено жалование. До тех пор плебеи, как и другие римские граждане, должны были вести войну за свой счёт, т. е. не только служить на войне, но и одеваться, приобретать оружие, кормиться на собственные средства. Но во время осады Вей делается нововведение: государство берёт на себя содержание солдат. Удовлетворённые этим важным улучшением экономического быта плебеи предоставляют командование государством патрициям.

Но наконец, в рядах самих плебеев всё более и более увеличивается число честолюбивых людей, которые не уступают в богатстве патрициям и которые не хотят уступать им и в почёте. Среди плебеев появляется, так сказать, двойное направление. Высший слой добивается уравнивания с патрициями в политическом отношении, а плебейская масса по-прежнему интересуется, главным образом, экономическим вопросом.

LEGES LICINIAE-SEXTIAE

Наконец, происходит слияние двух направлений, потому что в 377 г. до Р. X. два трибуна, Лициний (C. Licinius Calvus Stolo) и Секстий (L. Sextius Lateranus), проводят знаменитую рогацию, которая должна была удовлетворить потребности обоих слоёв плебеев, т. е. доставить плебейам и удовлетворение политического честолюбия, и экономическое улучшение. И эти трибуны вносят свою рогацию *per satum*, т. е. соединяют в одну рогацию все свои предложения, так что приходится или целиком принять это предложение, или целиком отвергнуть.

Несмотря на это, агитация в пользу данной рогации происходила очень долго. Предание говорит, что десять лет продолжалась борьба, т. е. каждый год эти трибуны вновь избирались и вновь вносили свою рогацию. Но 10 является священным числом, поэтому в достоверности сведений предания можно усомниться. Десять лет продолжалась осада Вей, десять лет шла борьба патрициев и плебеев из-за предложения этих трибунов. Вероятно, число 10 вошло в предание вследст-

вие плохого состояния древнеримской хронологии. Плохим состоянием хронологии можно было воспользоваться, чтобы расширить пределы борьбы по поводу рогации Лициния и Секстия.

Экономические статьи. Законы Лициния и Секстия заключали в себе три главных пункта*. Рассмотрим сначала экономические статьи. Первая из них касается долгового вопроса, этого постоянного вопроса древних муниципий.

И решён был долговой вопрос следующим образом. Должникам было предоставлено право зачесть в уплату долга все уплаченные кредиторам проценты. Так, если какой-нибудь должник платил по 12 % в течение пяти лет, то он по этому закону уплатил уже 60 % и оставалось доплатить только 40 %. Этот остаток должно было уплатить в три года. Это своего рода *σεισάχθεια*¹⁰³, насильственное снятие тяжести с должников. Более мы ничего не знаем об этом законе. Кто были те люди, с которых снимался этот долг? Вероятно, это были *пехі*, т. е. люди, состоявшие в кабале. Снятие долга было настоящим освобождением земледельческого класса, обременённого долгами. Однако это предположение, так как мы знаем только то, что закон Петелия, который уничтожил *пехит*, был издан гораздо позднее¹⁰⁴, лет на сорок, то мы имеем полное право думать, что благодеяние закона Лициния и Секстия пало на *пехі*.

Второй закон, который касался аграрного вопроса, заключался в следующем. Во-первых, впервые ограничивалось право граждан оккупировать общественную землю, т. е. занимать её под частные нужды. Патриции, а впоследствии и плебеи, имели право оккупировать землю и в этом отношении не были стеснены. Оккупация всё возрастала, а количество свободной общественной земли уменьшалось. И вот теперь издаётся закон, согласно которому можно занимать участок общественной земли и пользоваться ею, но не более чем в количестве 500 югеров, т. е. 125 десятин. Этим количеством ограничивается земля, находящаяся в пользовании римского гражданина. Вследствие этого у многих граждан были урезаны занимаемые ими земли, а общее количество свободного *ager publicus* увеличилось. Таким образом, римские власти получили возможность нарезать из этого *ager publicus* наделы для плебеев — осуществлять *assignatio*¹⁰⁵.

Следующий пункт законов Лициния и Секстия заключался в том, что был установлен *taximum* рабовладения. Обрабатывать поле посредством совершенно дарового, рабского труда выгоднее, чем посредством свободных работников. Крупные землевладельцы имели возможность покупать рабов, а мелкие римские граждане вследствие этого теряли заработок. Закон Лициния и Секстия ограничил число использу-

* Liv. 35. 4—5.: *Creatique C. Licinius et L. Sextius promulgavere leges omnes adversus opes patriciorum et pro commodis plebis, unam de aere alieno, ut deducto eo de capite, quod usuris pernumeratum esset, id quod superesset, triennio equis portionibus persolveretur; alteram de modo agrorum, ne quis plus quingenta iugera agri possideret; tertiam, ne tribunorum militum comitia fierent, consulumque utique alter ex plebe crearetur.*

емых в имении рабов для того, чтобы большая часть работы выполнялась свободными римскими гражданами. Иными словами, римским гражданам предоставлялась большая возможность заработка.

Политические требования. Удовлетворённая такими мерами в своих экономических нуждах масса плебеев стала выдвигать и политические требования. И это объясняет третий закон, который кратко, но чётко провозглашает, что впредь всегда должны быть консулы и один из них — плебей.

Плебеи убедились, что право занимать высшие государственные должности *promiscue*¹⁰⁶ для них не выгодно, так как в подобных случаях на практике им немного достаётся. И теперь плебеи добиваются того, чтобы один из консулов должен быть непременно плебеем. Они не рассчитывают на то, что, может быть, оба консула будут патрициями или оба плебеями.

ПРЕТУРА

Но патриции опять стояли на страже своих интересов и вместе с тем римской старины. И это привело к новому дроблению высшей магистратуры. Как при установлении консуляр-трибунов была отделена цензура, так и теперь от консулов отделяется судебная функция. Ведь право, хотя и изложено в законодательстве XII таблиц, было известно одним лишь патрициям. Только патриции являлись прирождёнными законоведами, хранителями древних юридических обычаев, поэтому лишь они могли совершать правильный суд. И вот когда плебеи получили право быть консулами, у последних отнимается возможность быть судьями. Для этой функции учреждается новая должность — претура.

Консул в древнее время назывался *praetor*, из *prae-itor*, тот, который идёт впереди, — *prae it*, что совпадает по значению с немецким *Herzog*. Первое значение этого слова — тот, кто *zieghe in dem Haupte des Kriegsheeres*, идёт во главе войска.

КУРУЛЬНЫЙ ЭДИЛИТЕТ

Затем плебеи делают патрициям уступку. Когда плебеи получили право иметь своих сословных магистратов, они стали избирать плебейских трибунов и плебейских эдильов (*aediles plebis*) /«базарные старшины»/. Вначале, как указывает этимология слова «*aediles*», это были чиновники, которые наблюдали за храмами, публичными зданиями. Но мало-помалу функции плебейских эдильов расширяются. Патриции стали завидовать плебеям, так как у них были эдилы. Поэтому патриции добились того, чтобы к существовавшим плебейским эдилам были прибавлены ещё два патрицианских, которые назывались курульными эдилами (*aediles curules*).

Роль Камилла в борьбе патрициев и плебеев. Итак, вы видите, что непосредственным результатом этой борьбы было дробление функций и увеличение числа римских магистратур.

Время, нами рассматриваемое, находится ещё на грани периода исторического, оно ещё носит легендарный характер. Это особенно видно на примере той роли, которая приписывается Камиллу.

Марк Фурий Камилл (*M. Furius Camillus*) — ещё легендарный герой, но в то же время историческое лицо. Римские фасты свидетельствуют о его подвигах: шесть раз он был консуляр-трибуном, пять раз диктатором. Но что касается рассказа о его подвигах при галльском нашествии, то тут, очевидно, большую роль играла легенда, которая преувеличивала значение победы римлян над галлами.

Но нет основания усомниться в том, что Камиллу в преклонных летах (он умер два года спустя после того, как уладился спор между патрициями и плебеями) пришлось играть главную роль в примирении патрициев с плебеями. Доказательством этого является тот факт, что Камилл построил на форуме (или лучше сказать в комиции) храм богини Конкордии — Согласия*. Характерно, что строительство этого храма знаменовало собою окончание вековой борьбы между двумя условиями. Причём в данном мероприятии главное участие принимал Камилл.

Остатки храма Конкордии стоят и теперь на римском форуме. Но очевидно, что это остатки не того, а другого храма, который был сожжён в более позднее время, судя по постройке.

Возведение храма Согласия характеризует борьбу патрициев и плебеев в её ходе и результатах, подчёркивая весьма оригинальную особенность древней римской истории.

Характер борьбы патрициев и плебеев. Борьба сословий, совершавшаяся в Риме, одновременно происходила и в других городах древнего мира: и в Балканской Греции, и в греческих городах Малой Азии, и в городах Сицилии и Южной Италии. Везде шла борьба между аристократическим и демократическим слоями. Но в греческих городах исход борьбы сословий был совсем иным. Там почти везде торжество народной массы сопровождалось разгромом учреждений и искоренением высшего класса. Даже там, где данный процесс не принимал такой острой формы, сопровождавшейся насилием, он шёл так быстро, что приводил к падению аристократических учреждений. Демократические же учреждения развивались очень быстро, и это очень скоро приводило к анархии и падению сословий.

Совсем другой характер имела сословная борьба в Риме. Здесь эта борьба шла медленно и упорно, причём окончилась компромиссом и стала основанием величия Древнего Рима. Во-первых, в Риме сохранялся элемент консервативности — патриции. Конечно, они боролись за свои сословные интересы (надо помнить, что эта сословная борьба имела характер борьбы старого с новым), но вместе с тем и за религиозную старину. Поэтому патриции являлись носителями принципа

* *Templum Concordiae* находился на северо-восточной стороне комиция, т. е. на восточной половине форума, между *Basilica Opimia*, располагавшейся дальше к востоку, и *Curia Hostilia*, лежавшей к западу. С юго-запада храм примыкал к *Via Sacra*, а к северо-востоку от него был *Vulcanal*, или *arca Vulcani*.

устойчивости традиций. И этот принцип переходит к плебеям. Появляется нобилитет, который унаследовал от патрициев данный принцип. Победа плебеев не привела к разрушению традиционных учреждений, а наоборот, способствовала укреплению государственного организма. После примирения сословий, после прекращения борьбы Рим вступает в период быстрого развития своего могущества, которое выражается в завоевании всех других народов Италии.

Лекция 14

ПОСЛЕДНИЕ УСТУПКИ ПАТРИЦИЕВ

Примирение патрициев и плебеев, т. е. допуск плебеев до правительственной власти является поворотным пунктом в римской истории. Время этого поворота запомнить легко: 377 г. до Р. Х. представляет собою как раз середину в истории Римской республики от начала Рима до Рождества Христова. В 377 г., как бы не считали, от основания Рима или до Рождества Христова, известные вам трибуны предъявили свои рогации, которые были приняты. Значит, в 367 г. были изданы законы Лициния и Секстия, которые допустили плебеев до занятия консульской должности. Конечно, борьба патрициев и плебеев продолжалась и после принятия этих законов. Укажу вкратце её дальнейший ход.

Законы Лициния и Секстия допустили плебеев до консульской должности, но при этом патриции обеспечили за собою те новые магистратуры, которые были ими созданы, чтобы уменьшить влияние консулов-плебеев. По преданию, цензура, квестура и курульный эдилитет считались патрицианскими должностями. Конечно, и диктатура, высшая неограниченная магистратура, своеобразная «царская власть», оставалась за патрициями. Разумеется плебеев не мог удовлетворить допуск только к консульской власти. Поэтому они стали добиваться допуска к другим высшим магистратурам. Прошло определённое время, пока они получили доступ к остальным должностям. Об этом я скажу несколько слов.

Доступ плебеев к цензуре и диктатуре. Относительно диктатуры и цензуры не было никакого закона, который запрещал бы плебеям занимать эти должности. С патрицианской точки зрения, согласно преданию, эти должности издавна принадлежали им. Поэтому патриции на деле не допускали плебеев к занятию диктатуры и цензуры. Патриции утверждали следующее. Так как эти должности удалены от консульской власти, то они должны иметь патрицианский характер. Плебеи же говорили, что так как они допущены к консульству, то отсюда следует, что для них должны быть открыты и те магистратуры, которые прежде были слиты с консульской властью. Вопрос этот решался фактическими, а не теоретическими соображениями.

Реакция в пользу патрициев. После тех уступок плебеям, которые были сделаны в 367 г. до Р. Х., в Риме произошла реакция в пользу

патрициев. Её причиной послужила малая заинтересованность плебеев в занятии этих должностей, а также доверие большинства плебеев патрициям (поскольку плебеи надеялись, что патриции лучше исполняют должности, чем они сами, так как они ещё не успели отличиться). Этим и объясняется реакция, которая выразилась в следующем. В 356 г. до Р. Х. патриции настояли на избрании двух людей из своей среды в консулы. Законы же Лициния и Секстия утверждали, что один консул должен быть постоянно плебеем. А в 356 г. до Р. Х. началась агитация за избрание в консулы двух патрициев сразу. И в следующем 355 г. удаётся провести в консулы двух патрициев. Об этом мы знаем не из истории, а из фаст.

Произошло это таким образом. Когда были выборы, патрицианские кандидаты получили большее число голосов. Патриции объявили, что выборы должны быть поняты таким образом, что народ желает видеть консулами двух патрициев одновременно. А в законодательстве XII таблиц было сказано, что всякое новое постановление народного собрания отменяет любое прежнее. Патриции истолковали этот закон таким образом, что новым народным постановлением отменяется тот закон, в силу которого один из консулов должен быть патрицием, а другой — плебеем. Замечательно, что плебеи должны были уступить такому толкованию, ибо три года подряд (в 355, 354 и 353 гг.) избирались оба консула из патрициев. Затем после небольшого промежутка, приблизительно в один год, два патриция избираются плебеями на должности консулов.

Первый диктатор и цензор из плебеев. Но эта реакция в пользу патрициев не помешала плебеям увеличить свои права. Важен тот факт, что в 356 г., через 11 лет после законов Лициния и Секстия, избирается первый диктатор из плебеев. Плебеи истолковывают это таким образом, что так как диктатор назначается консулом, то, следовательно, диктатор может быть назначен и консулом-плебеем, что и плебей может быть назначен диктатором. В 356 г. это истолкование было принято, а именно, был избран диктатором Марций Рутил*. Шесть лет спустя этот самый Марций Рутил избирается в цензоры. В результате плебеи впервые получают доступ к цензуре.

Важен был сам прецедент. Раз плебей был допущен и в цензуру, то уже считалось возможным допустить представителей этого сословия в другие патрицианские должности.

Первый претор из плебеев. Несколько дольше патриции отстаивали за собой претуру. Но в 399 г. диктатором был избран Публилий Филон. Ко времени его диктатуры относится ряд законов — *leges Publiliae*. Один из его законов, как мы видели, или подтвердил, или модифицировал закон Валерия — Горация; на его основании постановления трибун-комиций (*plebiscita*) были приравнены к законам. Публилий Филон два года спустя избирается претором. В результате впервые в римской истории данную магистратуру занимает плебей.

* С. Martius Rutilus из фамилии Censorini.

Итак, в 337 г. плебеи получают доступ к претуре, к этой важной должности, которая позволила плебеям принимать участие в законодательной деятельности, так как судебная деятельность в Риме имела законодательный характер. У нас суд является только органом закона. Судья может делать постановления только в силу закона; он должен обязательно применять ту или иную статью закона в известном случае. В этом заключается функция суда. Судья может ошибаться, и его действия могут быть обжалованы посредством кассации в вышестоящей судебной инстанции. Таким образом, наше судопроизводство основывается на том, что судьи руководствуются законом.

Но у римлян положение судей было иное. Претор, толкуя закон, изменял его, для каждого отдельного случая давал инструкцию — *litem addicere*. Развитие римского законодательства шло путём преторских эдиктов. Вступая в должность, претор издавал эдикт — постановление, где излагались принципы, которых он будет придерживаться в делах судопроизводства. При этом каждый претор имел возможность делать изменения в законах. Такое судопроизводство в Риме стало источником толкования и развития законодательства.

Доступ плебеев к должности понтифика. *Leges Ogulniae*. Плебеи, получив доступ к претуре, тем самым получили возможность участвовать фактически в законодательстве.

Доступ плебеев к претуре (337 г.) в сущности завершает период борьбы древних римских сословий за правительственные места. За патрициями оставались только жреческие должности. Прошло чуть более тридцати лет, когда плебеи получили доступ и к жреческим должностям посредством *Leges Ogulniae* в 300 г.¹⁰⁷. По этим законам плебеи получили доступ к должности великого понтифика (*pontifex maximus*).

Хотя понтифики и были жрецами, они играли определённую роль и в политике. Они могли делать постановления, влиявшие на публичное право. Поэтому для плебеев было важно получить доступ к этой должности.

Прекращение борьбы патрициев и плебеев. Чаяния плебеев были удовлетворены посредством законов Огульниев. Дальше плебеи не шли. Но за патрициями оставались ещё некоторые должности, например должности фламиннов. Но плебеи не домогались этих должностей, так как они не представляли политического интереса. Римляне вообще относились к религии чрезвычайно консервативно, и этим объясняется то обстоятельство, что до конца римской истории эти должности оставались в руках патрициев.

ЧАСТЬ III. КРАТКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕГО МОГУЩЕСТВА РИМА В ИТАЛИИ

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМИРЕНИЯ СОСЛОВИЙ

Принятием законов Огульниев был окончательно решён вековой спор патрициев и плебеев. Плебеи были совершенно уравнены в политических правах с патрициями. Но уже с 367 г. до Р. Х. в римской истории чувствуются результаты примирения данных сословий, заключавшиеся в характере внешней политики римского народа. Теперь оба слоя слились, представляя собой уже дружную силу. Этим и объясняется быстрое установление преобладания Рима над своими соседями. Теперь римляне обращаются к эпохе завоеваний.

ОБЩИЙ ОБЗОР. ДВА ПЕРИОДА ЗАВОЕВАНИЯ РИМОМ ИТАЛИИ

Не буду излагать подробно факты из истории Рима периода завоеваний, так как их легко можно почерпнуть из других источников. Я дам только общий обзор завоевания Италии римлянами, укажу вам рамку этого процесса и покажу, как легче распределить для памяти этот материал.

В начале процесса завоеваний, т. е. при установлении республики, Рим ещё не выделяется среди других итальянских городов. Рим был похож на многие другие итальянские города. Рим был, может быть, даже менее могущественным, чем его соседи, был вынужден бороться за существование. Но в конце процесса завоеваний Рим становится «государем» (в таком смысле, в каком Новгород назывался «государем»). Он становится городом державным, которому повинуются Италия.

История распространения римского могущества в Италии распадается на две половины. Посередине процесса завоевания Римом Италии находится покорение этрусского города Вейи (Veii). Этот город был занят римлянами после долгой осады в 393 г.

Первый период расширения власти Рима начинается в 510 г. и заканчивается в 393 г., обнимая, таким образом, 117 лет. За весь этот период римляне делают незначительные успехи, находясь на положении оборонительном; они более защищаются от соседей, чем наступают. Их сила и рост в эти первые 117 лет существования республики развиваются медленно.

Начиная с завоевания Вей наступает второй период, когда римские силы быстро растут, а римская власть над Италией всё более и более распространяется, пока, наконец, в 272 г. римляне не овладели Тарентом, последним самостоятельным городом в Италии¹⁰⁸. С завоеванием Тарента была завоёвана вся Италия.

Таким образом, период развития власти Рима над Италией распадается на две почти равные половины: от начала республики до завоевания Вей (117 лет) и от завоевания Вей до завоевания Тарента (121 год). В это время римляне, действительно, покоряют всю Италию.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЯ РИМОМ ИТАЛИИ

Сначала рассмотрим первый период римских завоеваний. Он стоит, в сущности, за пределами исторической достоверности. Конечно, в нашем распоряжении есть несомненные факты, лежащие в основе римской истории данного периода. Руководящую нить для истории этого времени нам дают фасты. Но нужно помнить, что фасты изменялись, при этом нередко искажаясь. В позднейшие времена честолюбие римских родов приводило к намеренному искажению фаст в их личных (фамильных) интересах. Поэтому мы не можем с абсолютной достоверностью полагаться на них, но в целом мы всё-таки имеем настоящий источник, современный рассматриваемому периоду.

Весь этот период в 117 лет представляет мало содержания. Это объясняется тем, что римляне, как я уже сказал, находились в оборонительном положении. Они отбивались. Следовательно, их внешние отношения были очень однообразны. Рим был окружён четырьмя врагами.

ВРАГИ РИМА

Этруски. К северу от Рима простиралась Этрурия, где существовала могущественная конфедерация этрусских городов, которые поддерживали друг друга¹⁰⁹. Риму приходилось считаться с самым южным из этих городов — с Вейями. Между Римом и Вейями постоянно происходили войны. Положение Рима определялось тем, что Рим не был сильнее, чем Вейи, поэтому он не мог справиться с Вейями. Следовательно, Рим по своему положению был наравне с этим городом. Мало того, этруски теснили римлян. Маленький городок Фидены (Fidenae), который находился на левом берегу Тибра в нескольких верстах от Рима (а Вейи располагались в 20 верстах от Рима), представлял собой удобный путь для сообщения, являлся тем, что называют *tête de pont*, мост, бывший удобным переходом через реку. По этому мосту всегда можно было пройти к стенам Рима.

Vexillum rubrum¹¹⁰. О том, что Рим был стеснён врагами, свидетельствует один старинный обычай.

Когда римский народ созывался на народное собрание, в центуриат-комиции, тогда римляне подвергались опасности: все вооружённые люди были поглощены теми предложениями, которые им делал консул или диктатор. В такую минуту этруски могли воспользоваться моментом и напасть на Рим. Поэтому римляне были настороже. А именно, во время собрания в центуриат-комициях на Яникуле (*Ianiculum*), т. е. на холме, который находится на правом берегу Тибра, должна была

быть стража. И на этом холме водружалось красное знамя — *vexillum gibbum*, для того, чтобы оповестить Рим о приближении врагов с севера посредством опускания знамени. Спустить красное знамя означало предупреждение римских граждан о том, что на них идёт неприятель.

Этот обычай существовал в Риме и в более поздние времена, когда жителям «вечного города» нечего было бояться приближения врагов. Во время проведения центуриат-комиций в Риме на Яникуле всегда водружалось красное знамя, и во время междоусобных войн противоборствовавшие политические партии пользовались этим обстоятельством. Когда им было надо распустить народное собрание, делали так, что красное знамя на Яникуле спускалось. Этого было достаточно, чтобы граждане разошлись. В конце республики римляне, когда видели на этом холме опускающееся красное знамя, расходились спокойно, так как знали, что это только политический маневр. Но в старину опускание красного знамени означало, что из Этрурии шли неприятели, что нужно браться за оружие.

Сабиняне. На востоке у римлян были другие враги, которые беспокоили их не менее, чем этруски. Это были сабиняне — италийское племя, которое было в известном родстве с латинянами, можно сказать, вошло в состав латинян. Сабиняне жили в Апеннинах, их поля были бедные, а пастбища, покрывавшие склоны гор, — тощие. Одним словом, это был горный народ, народ физически сильный. Сабинцы часто чувствовали стеснённость своего положения, поэтому у них существовал обычай *ver sacrum*¹¹¹.

Ver sacrum. Сабинцы, когда у них был голод или случалась какая-нибудь болезнь, давали обет посвятить богам всё, что родится в этом году. Животные, родившиеся в данном году, должны были быть принесены в жертву. Люди тоже посвящались богам. Когда младенцы, родившиеся в год обета, подрастали, когда они становились *adulescentes*, тогда они должны были покинуть родину и найти новые жилища.

Этот обычай указывает на то, что сабинцам было жить тесно, что они с гор стремились в долины, где расстилались богатые поля, где храбрая дружина могла найти богатую добычу. И с этими сабинцами римлянам часто приходилось иметь дело. С горы Соракте*, которая видна из Рима (находится на расстоянии 40 — 50 вёрст от города), нередко спускались сабинские дружины и грабили римские поля.

Вольски и эквы. Но ещё более опасными для римлян были эквы и вольски, также являвшиеся народами сабельского происхождения. Собственно окрестности Рима, так называемый Древний Лациум, представляют собой долину, образованную нижним течением реки Тибр. Эта долина расстилается у подножия гор вёрст на 30 к берегу моря. От самой выдающейся горы *Monte Caro* (*Mons Albanus*), на которой в древности стояла *Alba Longa*, идёт наискось горный кряж, который пересекает Лациум и кончается в море мысом, который ныне

* Soracte, ныне *Monte di St. Oreste*, в восточной части Этрурии, к северо-западу от Рима, на правом берегу Тибра. Её вершина часто покрыта снегом.

называется Террачина. Этот выдающийся хребет, который в древности назывался Mons Algidus (ныне Monte Salamone, Monte Ceraso), был занят народом вольсков, пришедшим с северо-востока. Таким образом, вольски прорезали Лациум, пересекая его клином, тем самым представляя опасность для Рима. Римлянам более 100 лет приходилось воевать с вольсками, которые обычно находились в союзе с другим, менее значительным племенем эквов (Aequi), и постоянно опускали римские поля.

Те книги Ливия, которые относятся к данной эпохе, наполнены рассказами о борьбе римлян с вольсками. Сражения описываются Ливием чрезвычайно тщательно, подробно и риторично. Это своего рода риторический эпос. Конечно, многое должно сбавить с этих риторических описаний, потому что вольски делали грабительские набеги и римские земледельцы от них отбивались. Эти войны были скорее похожи на те, которые ведутся ныне между черногорцами и албанцами. Эти два народа постоянно совершают набеги друг на друга, причём незначительные шайки совершают всего лишь набег и берут только своей неожиданностью. Точно так же и войны римлян с вольсками не должны представлять в виде войн, которые ведутся регулярными войсками. Но эти взаимные враждебные отношения между Римом и вольсками занимают почти весь первый период развития Рима. Римляне были недостаточно сильны, чтобы одним походом победить эквов и вольсков.

Завоевание Вей. В такой защите от врагов проходит римская история в первые 117 лет. Поворотным моментом в этой истории является завоевание Вей. Легенда говорит, что римляне 10 лет осаждали этот город, что только с большим трудом римляне его заняли. И другие легенды также важны. Одна из них рассказывает, что римляне потому только овладели Вейями, что переманили к себе богиню вейентинцев. Они обещали вейентинской богине, которую также называли Юноной, храм и культ, что и исполнили*. Это важный факт, который показывает, что римляне распространяли свою власть над соседями и вместе с тем воспринимали религиозный культ у побеждённых.

Введение жалования в войске. Я уже указывал на то, что ввиду необходимости постоянно осаждать Вейи в римском войске было введено жалование. До этого времени римляне служили не только даром, но также должны были содержать себя и вооружаться. Прежде они служили короткое время, и их грабительские походы не продолжались более двух месяцев. Но римляне не могли выдержать продолжительной осады вражеского города без жалования, потому что они не могли на целые годы оставлять свои поля необработанными; между тем им приходилось содержать самих себя. Прежде они могли рассчитывать, что война скоро кончится и они вернутся, чтобы работать на поле. Теперь же осада тянулась из года в год, в результате чего появи-

* Li.v. V. 21. 1—2: Tum dictator (F. Camillus) auspicato egressus... inquit...Te simul, Iuno regina, quae nunc Veios colis, precor, ut nos victores in nostram tuamque mox futuram urbem sequare, ubi te dignum amplitudine tua templum accipiat. Liv. V. 22. 6—7. Templum ei a Camillo dictatore in monte Aventino dedicatum est.

лась необходимость ввести жалование. Это нововведение является важным фактом: впервые образуется войско.

В первое время Римской республики мы имеем нечто похожее на то, что у нас было в Крымскую войну, когда простых необученных крестьян брали в дружины, посылавшиеся в Крым. Это были толпы крестьян, которые только на войне должны были научиться воинскому делу. Такого рода народное ополчение представляют войска римлян в древнейшую эпоху¹¹². Но теперь, начиная с введения жалования, римляне уже обучаются военным правилам. Они остаются целый год или несколько лет под знаменем. Следовательно, у них появилась возможность выучиться воинской дисциплине.

История Рима идёт в следующем направлении. Сначала римские граждане и римское войско тождественны, но затем эти моменты мало-помалу расходятся. Военная служба всё более и более специализируется, и появляется особый военный класс. Когда это развитие оканчивается к последнему периоду республики, тогда появляется новая сила в Риме — войско помимо граждан, которое производит перемену в жизни народа. Поэтому очень важно следить за развитием войска как особого органа в жизни народа, как особой силы. И в осаде Вей мы замечаем начало обособления среди римских граждан военных людей. Военные люди не могли бы образовать и составить особой силы, если бы не было введено жалование. С этим связана и другая перемена в военном устройстве Рима. Мы не имеем возможности очень точно и очень подробно останавливаться на военной истории Рима. Но эта важная перемена, которая тогда произошла, связана с именем Камилла. О ней я скажу несколько слов.

Новый строй войска. Древний римский легион состоял из граждан, которые были расположены в строю в соответствии с размером своего имущества. Чем больше средств было у римлянина, тем лучше у него было вооружение, а чем лучше его вооружение, тем опаснее было то место, которое он мог занимать в строю. Первое место, в полном смысле этого слова, занимали те, кто имели не только метательное оружие (копьё), но и оборонительное (шлем и броня). За этими первыми рядами вооружённых воинов стояли другие ряды, вооружённые слабее. Такой строй соответствовал имущественному положению римских граждан.

Таково древнейшее устройство римского войска, но не самое древнее. Последнее, вероятно, соответствовало родовому быту. Но тот строй, о котором я только что сказал, был в начале республики.

С течением времени строй меняется, и главная перемена относится, вероятно, ко времени осады Вей. Граждане располагаются в строю уже не в соответствии с размерами своего имущества. Для годности солдата безразлично, обеспечен ли человек или нет. Для командира гораздо важнее другое соображение: старый это солдат или нет, ветеран или новобранец. И вот, развитие военного искусства¹¹³ приводит к такому результату, что римляне становятся в строй не в соответствии со своим имуществом, а в соответствии со временем службы. Таким образом появляются три строя: *hastati*, *principes* и *triarii*.

Hastati — это самые молодые строевые солдаты. Их ставят впереди, им дают в руки *hasta*¹¹⁴, посредством которого они напирают на врагов.

За ними стоят манипулы, или отряды солдат, которые более привычны к военной службе, — *principes*. Если *hastati* не могут выдержать напора врагов, то они отступают назад через те промежутки, которые были между манипулами, и *principes* идут в бой.

Если *principes* не выдерживают натиска неприятеля, то и они отступают, и в бой выходят *triarii*. Римляне поэтому имели поговорку: *res ad triarios redit*, т. е. дело дошло до триариев, до крайней опасности. Но на триариев римляне всегда могли полагаться: это совершенно взрослые люди, в полном расцвете сил.

Появление этого нового строя относится ко времени осады Вей. С завоеванием Вей Рим победил своего векового соперника, который жил у него на глазах. После завоевания Вей римское могущество начало быстро распространяться по Италии.

Лекция 15

Итак, завоевание города Вейи является серединой периода распространения могущества Рима в Италии. Первый период — от 510 г. до Р. Х. по 393 г., второй — от 393 до 272 г. Этот второй период начинается с завоеванием Вей в 393 г. и продолжается до взятия Тарента в 272 г. Следовательно, он продолжается приблизительно 120 лет. Этот период делится на две части в 50 и 70 лет, гранью между которыми служит начало первой самнитской войны. В первой половине история Рима или история римских войн имеет иной характер, чем во второй половине. В первой половине данного периода всё ещё чувствуется влияние галльского погрома, и Рим ещё медленно развивает свои силы. Но начиная с первой войны с самнитами, с 343 г., Рим вступает в период более активной внешней политики. Начинается период в 70 лет, в течение которого Рим побеждает самнитские племена и после этого быстро захватывает и остальную Италию.

Завоевание Вей уже находится в связи с тем событием, о котором нам придётся говорить, — с разгромом галлов. Ибо само торжество римлян над вейентинцами в значительной степени объясняется появлением галлов, потому что занятые войной с галлами этруски, которые были в федерации с вейентинцами, не могли им оказать деятельной помощи. Рим воспользовался появлением кельтов в Италии для покорения Вей. Но скоро и самим римлянам пришлось считаться с этим врагом.

ВТОРОЙ ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЯ РИМОМ ИТАЛИИ

Появление кельтов в Италии в IV в. до Р. Х. есть как бы первый толчок крупного европейского факта, который мы называем переселе-

нием народов. Переселение народов в узком смысле этого слова обычно относят к V в. по Р. Х. Но это время представляет собою апогей данного процесса, когда огромные массы людей продвигались на ослабевшую Римскую империю и разрушили её. Переселение народов в широком смысле слова началось гораздо раньше, и можно сказать, что появление кельтов в Италии, а затем и в Греции есть первое явление данной исторической драмы.

Кельты, которых толкала неведомая нам сила, в IV в. до Р. Х. вторгаются в Италию. В древние времена они занимали Южную Германию, и до сих пор многие местности южной Германии носят следы их пребывания. Например, название Богемии происходит от имени кельтского племени бойев (Boii), которые там жили. Эти же самые бойи пришли затем в Италию, и от них получил своё имя город Bononia, нынешняя Болонья. Следы пребывания кельтов сохранились и в названиях мест в Тироле и в Австрийских Альпах.

Итак, в IV в. до Р. Х. кельты появились в Северной Италии. Их натиск приводит к тому, что умбры и этруски должны были отодвинуться на юг. Кельты заняли долину р. По. Кельтские племена, которые вторглись в Италию, были в бродячем состоянии и ещё не уселись на местах. Они стремились ещё дальше на юг, и это стремление столкнуло их с Римом. Это столкновение, как известно, имело характер набега, во время которого Рим был разрушен. Но кельтский погром оставил следы также и в том отношении, что ослабил Рим, произвёл реакцию италийцев против римского владычества. Вольски и эквы, которые были, так сказать, смяты римлянами, ожили, снова вступили в борьбу с «вечным городом». Рим утратил ту позицию, которую он занимал до кельтского погрома, и должен был снова занимать эту позицию. Этим объясняется медленность развития могущества Рима в Италии в первые десятилетия IV в. до Р. Х. Однако Рим делает успехи. В этой связи надо отметить два факта.

Присоединение Тускулума. В 381 г. до Р. Х. римляне подчиняют себе общину Тускулум. Она находилась на небольшом расстоянии от Рима, верстах в 15 (к юго-востоку, несколько восточнее и выше Lacus Albanus)¹¹⁵, там, где начинаются горы, в очень красивой местности. Город этот часто упоминается благодаря тому обстоятельству, что близ него находилась вилла Цицерона (Tusculanum). Этот город теперь не существует, потому что в средние века (1191) он был разрушен. Но почти рядом с ним вырос новый итальянский город Фраскати*.

Подчинив себе Тускулум, римляне задали себе особый политический вопрос, на который следует обратить внимание. Тускулум был первым городом, поглощённым Римом в историческую эпоху. В доисторическую эпоху римляне покорили город Габии, но мы не знаем, как победители поступили с местными жителями, и потому данный вопрос нас не касается. Но в историческую эпоху Тускулум был первым горо-

* Вблизи Фраскати ещё видны многочисленные развалины стен, ворот, театров и склепов.

дом, завоёванным римлянами и приобщённым к римской территории. Теперь нужно было определить положение этого города в римской территории, ибо до сих пор римляне знали только союзные города и враждебные. С последними римляне воевали вместе с союзными городами. Но теперь город поступает в прямое непосредственное подчинение Риму, и Рим даёт ему организацию муниципия (*municipium*).

Муниципии. Тускулум стал муниципием. Это значит, что граждане города Тускулума записываются в римскую трибу и становятся таким образом римскими гражданами. В силу этого они получают все права граждан города Рима и несут все обязанности, т. е. служат в легионах. А права заключаются в том, что они подают голоса в римских комициях. Они участвуют в выборах римских магистратов и сами, теоретически, имеют право быть избранными. Город Тускулум, хотя и сделался муниципием, тем не менее не теряет самостоятельности. Он имеет свои местные магистратуры. И в то же время Тускулум составляет неотъемлемую часть города Рима. Таким образом, тускуланец имеет два отечества: он по-прежнему обладает правами гражданина в Тускулуме, но также становится гражданином Рима, и это второе качество преобладает над первым.

Таковы муниципии. Город Тускулум представляет собою первый пример муниципия. Мало-помалу их число растёт. Рим таким образом нашёл форму распространения своей власти, своей территории. Он нашёл форму подчинения одного города другому. После этого город Рим становится державным городом, к которому относятся многие другие пригороды.

Присоединение Цере. *Cives sine suffragio*. В 356 г. до Р. Х. римляне завоёвывают другой город, лежащий на севере, — город Саеге в Южной Этрурии*. Этот город был проводником этрусской культуры в Рим. На это указывает то обстоятельство, что во время Галльского погрома римляне спасли в Цере свою святыню. На это указывает также и слово *саегетопия*, происходящее от Саеге и собственно означающее церетанский обряд. Потом это слово получило значение священного обряда вообще.

Так как этот город этрусский и его жители этруски, а не латиняне, каковыми были тускуланцы, то им не дают муниципального устройства. После того как Цере инкорпорируется, граждане этого города становятся *cives sine suffragio*: они граждане, т. е. должны нести римские повинности, подчиняются римскому суду и римскому праву, но политических прав они не имеют, как и не имеют права голоса в народных собраниях. Поэтому они и называются *cives sine suffragio*.

Этим создаётся новая категория римских граждан — граждане без политических прав. Цере представляет собою первый пример города, инкорпорированного Римом без политических прав. Потом число этих *cives sine suffragio* растёт, достигает сотни тысяч и мало-помалу умень-

* Цере (Саеге, или *Agylla*) — один из 12 этрусских союзных городов, верстах в 25 к северо-западу от Рима, недалеко от моря.

шается снова, так как *cives sine suffragio* становятся полноправными гражданами.

Нам ясна причина, почему римляне не хотели дать церетанцам политических прав. Церетанцы ещё не были римлянами, их язык ещё был не латинский. Нужно было переходное положение.

САМНИТСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ ВОЙНЫ

ПЕРВАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА

Со времени столкновения римлян с самнитянами начинается новая политика «вечного города» в Италии. Первое столкновение относится к 343 г. до Р. Х. Самнитяне, жившие в южной Италии, в Апеннинах, составляли главное ядро сабельского племени. К нему принадлежали ещё несколько мелких народов: на север от самнитян жили пелигны (*Peligni*), марсы (*Marsi*), вестины (*Vestini*), марруцины (*Marrucini*). Самнитяне двинулись дальше на юг и заняли предгорья Апеннин — места, более удобные для пастбища, нежели для земледелия. Этот народ не представлял организованной общины. Самнитяне были храбрыми; многие из них, как швейцарцы (с которыми у них есть много общих черт), служили в наёмных войсках тогдашней Южной Италии. Это было воинственное племя, которое в IV в. до Р. Х. пришло в столкновение с римлянами.

Первое столкновение между двумя народами было случайным. Самнитяне задумали подчинить себе городок Теанум, который принадлежал маленькому племени сидицинов, а потому и назывался *Teanum Sidicinum**. Жители Теанума обратились с просьбой о помощи к богатому торговому городу Капуе**. Капуанцы оказали помощь теанцам, чем навлекли на себя месть воинственных самнитян. Видя, что они не могут справиться с самнитянами, капуанцы попросили помощи у римлян. Тогда римляне послали сказать самнитянам, что кампанцы — их союзники и что их не следует трогать. Это и было поводом к столкновению римлян с самнитянами.

Война продолжалась недолго, около двух лет, и кончилась тем, что римляне и самнитяне поделили между собой Кампанию, т. е. самнитяне получили Теанум и отказались от Капуи, которая перешла к римлянам.

ЛАТИНСКИЕ ВОЙНЫ

Но вслед за этим римляне подверглись тяжкой опасности: произошёл разрыв с латинянами. Римляне были обязаны своими политиче-

* Теанум находился в нескольких верстах к северу от Капуи, у горы *Massicus*, на северном её склоне.

** Капуя (*Capua*) — город, располагавшийся в близости от моря и р. Вультурн (*Vulturnus*), как прежде и назывался.

скими успехами тому, что были членами могущественной Латинской федерации. Связь Рима с Лациумом берёт начало ещё в доисторическую эпоху. Нам недостаточно ясны отношения Рима к Лациуму в царскую эпоху. Я не стану говорить о том, какими могли быть эти отношения до изгнания царей. Мы же обратимся к более позднему времени.

Рим играл первостепенную роль в Латинском союзе. Все его члены были политически равноправны, и Рим должен был обладать такими же правами, какими обладали другие латинские города. Но так как Рим был самым важным из латинских городов, то они постепенно перешли в подчинённое положение по отношению к Риму. Такое подчинённое положение, наконец, стало для латинян невыносимым, и в 340 г. до Р. Х. они обратились к Риму с известными требованиями.

Требования эти заключались в том, чтобы впредь один из римских консулов выбирался из латинян. Очевидно, исход борьбы патрициев и плебеев в Риме надумил латинян выдвинуть «вечному городу» данные требования. Плебеи добились того, что один из консулов стал избираться из их среды. И латиняне со своей стороны стали требовать того, чтобы половина сената и один консул выбирались из их среды.

Это был чрезвычайно важный момент в истории Рима. Если бы Рим на это согласился, то как сам «вечный город», так и Италия могли бы получить совершенно другую организацию. Но римское чувство исключительности, римская гордость и патриотизм этого не допустили. Ливий в своём труде написал прекрасную речь, которую вложил в уста сенатора Аппия Клавдия, представителя римского исключительного патриотизма. Он говорит, что своею рукой убьёт первого латинянина, который дерзнёт войти в римский сенат. Эта речь, хотя и не является бесспорным историческим фактом, тем не менее достаточно хорошо объясняет нам отказ римлян.

Тогда латиняне взяли за оружие. Почти все латиняне примкнули к восставшим, на стороне римлян остались только герники (Hernici). Борьба была тягостная, так как это была братская война. Латиняне ведь были теми же римлянами, они привыкли побеждать вместе с римлянами.

Наши исторические источники, которые описывают это время, далеко не достаточны, чтобы достоверно представить себе ход вещей. Хотя у Ливия очень подробно говорится о событиях тех лет, но его описание носит эпический характер, так как изобилует фактами, которые представляют собою как бы эпизоды из эпической поэмы. Повествование о единоборстве Манлия Торквата и о знаменитом Деции¹¹⁶, другом римском герое, носит характер эпических рассказов о подвигах героев. Но эти рассказы не представляют никакой политической связи. За политическим характером и значением событий нельзя следить. Кроме того, между нашими источниками постоянно встречаются противоречия. Нельзя согласовать данные Ливия и Дионисия или Полибия. Ливий о многом умалчивает, что имеется у Полибия или

Диодора*, особенно о том, что не выгодно для римлян; этого обычно у него или вовсе нет, или только мелькает в рассказе, но без точных указаний на факты. Поэтому нет оснований подробно касаться этой войны.

Война окончилась победой римлян и привела к торжеству их над латинянами. Римляне, как победители, расправились с латинскими городами по своему усмотрению, поступив с ними следующим образом. Латинская федерация перестала существовать¹¹⁷. Некоторые из латинских городов, такие, как Aricia (к югу от Lacus Albanus), Lanuvium (ещё далее к югу), Nomentum (в 14 милях на северо-восток от Рима), были инкорпорированы в ager Romanus, т. е. были поставлены в положение Тускулума, должны были сделаться римскими пригородами. Другие латинские города сохранили свою самостоятельность: это Ardea (на юго-запад от Рима в земле рутулов, близко от моря), Laurentum (на половине пути между Ардеей и Остией, при море). Но федерации не было между ними. Каждый из латинских городов был связан с Римом непосредственно, через foedus¹¹⁸. В этом союзе точно было обозначено, сколько каждый из этих городов должен выставить войска, когда нужно было вести войну. Между латинскими городами, которые сохранили автономию, не должно было быть commercium¹¹⁹, т. е. житель Ардей не должен был иметь землю в Лаурентуме. Рим изолировал своих союзников и старался подчинить их непосредственно себе. Таким образом, Рим подчинил себе Лациум, став твёрдой ногой на его границах, и обеспечил свои позиции рядом колоний.

КОЛОНИИ

Теперь я укажу вкратце на некоторые факты из истории колоний. По окончании Латинской войны римляне вывели колонии по реке Лирису. Эта река отделяет Лациум от Кампании**. На берега Лириса выводят колонию Interamna¹²⁰ (там, где Лирис поворачивает на юго-восток, на via Latina), как мост, который должен был поддерживать сообщение между Лациумом и Кампанией. Выводится ещё более важная колония Cales¹²¹ (между Teanum и Capua, по via Latina), и, наконец, в 328 г. основывается колония Fregellae¹²² (недалеко от via Latina, там, где Лирис течёт почти совершенно с севера на юг, ныне Seneramo) — оплот римского владычества. Один историк называет весьма удачно эти колонии гвоздями, которыми закреплялось римское могущество.

* Διόδωρος ὁ Σικελιώτης, род. в Агирии на о. Сицилия, современник Юлия Цезаря и Августа. Он в продолжение 30 лет путешествовал по Европе и Азии. В Риме он написал Βιβλιοθήκη ἱστορικὴ в 40 книгах, заключающую в себе историю от мифических времён до 60 г. до Р. Х. Порядок изложения мифов — этнографический, а событий — летописный. Сочинение это, несмотря на большие недостатки, для нас весьма ценно. Л. 405—6.

** Liris, ныне Гарильяно, берёт начало в Апенниннах близ Фущинского озера, течёт по Южному Лациуму и впадает в Тусское море близ Минтурн.

ВТОРАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА

Посредством устройства колоний римляне давали самнитянам почувствовать свою силу, и потому в непосредственной связи с Латинской войной находится вторая Самнитская война, которая началась в 326 г.

По сравнению с прежними войнами эта война носит особый характер. Прежние войны имели местный характер. Теперь же мы имеем перед собою войну, которая охватывает всю Италию. Эта война велась на большой территории. Кроме того, в течение этой войны образуется коалиция разных племён Италии, которые, чувствуя опасность, исходящую от Рима, впервые подают друг другу руку и стараются отбиться от Рима. Самнитяне на юге, этруски на севере и западе, умбры на востоке и, наконец, ещё мелкие племена Средней Италии примыкают к коалиции против Рима. Рим сам должен отбиваться, но его положение было выгодным, так как он находился в центре.

Благодаря своему центральному положению, а также дисциплине, Рим побеждает коалицию, которая действовала плохо, особенно в наступательном отношении. Действия членов коалиции напоминают действия плохо организованных корпусов известной армии, не славившихся между собой, когда каждый корпус действует отдельно и терпит поражение, прежде чем другие корпуса поспевают на помощь. Потому римлянам удаётся отбиться от этой коалиции.

Затем эта война отличается тем, что здесь в первый раз мы имеем перед собой римскую стратегию. Прежние войны не могли иметь стратегического характера, так как они велись с соседними городами. Теперь же действуют значительные армии, и римским полководцам приходится принимать во внимание предписания стратегии. Римляне строят дороги, выводят колонии, ведут войну сознательно, многие годы. И выделяется роль отдельного полководца с его индивидуальным характером.

Конечно, не следует сопоставлять этих военачальников с личностями исторической эпохи, например со Сципионом. Здесь большую роль ещё играет легенда. Героями являются Фабий Максим Руллиан, Папирий Курсор, Публилий Филон. Ливий посвятил значительную часть одной из своих книг рассказу о столкновении между Фабием Максимом и Папирием Курсором. Это одна из самых захватывающих частей в сочинении Ливия. Надо перечислить эти речи, которые он вложил в уста Папирия Курсора, чтобы иметь представление о древнеримской дисциплине.

Столкновение Папирия Курсора с Фабием. Папирий Курсор был диктатором¹²³, а под его началом находился Фабий (*magister equitum*)¹²⁴. Ему надо было уехать по политическим делам в Рим, и он поручил своему знаменитому наместнику держаться оборонительного положения. Тот не смог выдержать и вступил в бой с врагом, победив его. Но диктатор, когда появился, поступил с Фабием по всей строгости законов, отдав его на военный суд. Такой шаг Папирия был обус-

ловлен и стремлением этого полководца поддержать дисциплину, и чувством соперничества по отношению к Фабию. Его приговорили к телесному наказанию и казни. Однако ему удалось бежать в Рим, и там он стал искать защиты у отца (Fabius Ambustus), который сам имел большой авторитет. Но вслед за ним явился озлобленный диктатор и потребовал своей жертвы. Сенат заволновался, не зная, что делать, и созвал народное собрание. Но народное собрание пребывало в смущении. Наконец, дело решилось так, что и римская дисциплина осталась ненарушенной, и победитель остался живым^{*}. Это чрезвычайно благодарное место для историка в древней части римской истории.

Сам ход второй Самнитской войны вкратце был следующий. На юге и востоке от самнитян жили луканцы, тоже самнитяне, но племя, которое жило особой жизнью. Опасаясь самнитян, луканцы искали защиты у римлян. Римляне подчинили себе луканцев, в результате чего самнитяне очутились в тисках. Они чувствовали эти тиски, а потому сами начали войну и двинули свои легионы в Кампанию и Лациум, рассчитывая на то, что недавно побеждённые города примкнут к ним. Но римляне быстро взялись за оружие. В 322 г. разбитые самнитяне предложили мир, предложили выдать полководцев, но римляне требовали полной сдачи — *dedictio*. Тогда снова разгорелась война.

Это был второй период данной Самнитской войны. Самнитяне осадили Люцерию (Luceria на восточном склоне Апеннин). Римляне вскоре посылают войско, чтобы освободить своих союзников. Поэтому войско выбрало прямую дорогу через Самниум и попало в Кавдинское ущелье. Папирию Курсору, однако, удалось освободить Люцерию¹²⁵. Самнитяне побеждают ещё и после этого, одержав один раз важную победу при Lautulae (между Fundi и Tarracina) в 315 г. Но весьма характерно, что у Ливия об этой борьбе ничего не говорится.

^{*} Liv. VIII. 35: «Трибуны замерли, тревожась более о своей участи, нежели об уделе того, кому нужна была их поддержка, но от бремени решения их избавило единодушие римского народа, принявшего молить и заклинать диктатора в угоду ему освободить начальника конницы от казни. При таком повороте событий трибуны тоже присоединились к мольбам, настойчиво прося у диктатора снизить к заблуждениям, свойственным человеку, и к молодости Квинта Фабия: он, мол, довольно наказан. И вот уже сам юноша, вот уже отец его, Марк Фабий, забыв о своих притязаниях, пали на колени и молили диктатора сменить гнев на милость.

Тогда диктатор сказал: «Будь по-вашему, квиниты. За воинским долгом, за достоинством власти осталась победа, а ведь ныне решалось, быть ли им впредь или нет. Не снята вина с Квинта Фабия за то, что вёл войну вопреки запрету полководца, но я уступаю его, осужденного за это, римскому народу и трибунской власти. Так что мольбами, а не по закону вам удалось оказать ему помощь. Живи, Квинт Фабий, единодушное желание сограждан защитить тебя оказалось для тебя большим счастьем, чем та победа, от которой недавно ты ног под собою не чуял; живи, дерзнувший на дело, какого и отец бы тебе не простил, будь он на месте Луция Папирия. Мою благосклонность ты вернёшь, если захочешь, а римский народ, коему ты обязан жизнью, лучше всего отблагодаришь, если нынешний день научит тебя впредь и на войне, и в мирное время подчиняться законной власти».

Когда диктатор объявил, что больше не задерживает начальника конницы, спустился с возвышения, обрадованный сенат и народ, ликующий и того больше, с поздравлениями окружили кто начальника конницы, а кто диктатора...»

Затем восстают против римлян этруски. К этой первой антиримской коалиции вскоре примкнули умбры. Тут, подобно тому как Папирий Курсор прославился освобождением Люцерии, прославился своим походом против этрусков через Циминский лес (Saltus Ciminus между Вольсинским и Циминским озёрами) Фабий. Этруски, разбитые уже в 308 г., предложили римлянам мир.

Тогда римские легионы повернули на других врагов — самнитян, которые были разбиты при Longula, и затем умбры при Mevania*.

Когда дело уже почти кончилось, восстали герники, которые долгое время были верны римлянам, но война с ними была непродолжительна. Наконец, в 305 г. римляне нанесли поражение самнитянам при Бовиане (главном городе пентров в Самниуме). Этим война закончилась.

Как она кончилась, на каких условиях, нам не известно, так как известия наших главных источников совершенно расходятся относительно этого вопроса. Нибур доверяет сведениям Дионисия, а Моммзен — данным Ливия. Другие же учёные стараются соединить свидетельства того и другого посредством различных толкований. Во всяком случае, война кончилась тем, что самнитяне перестали быть для римлян опасными соперниками. Угрожавшая Риму коалиция перестала существовать, и «вечный город» становится сильной державой в Италии.

Чтобы закрепить достигнутый успех (что делалось посредством основания колоний), римляне выводят колонию Alba на Фуцинское озеро в 6000 человек.

ТРЕТЬЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА

Но самнитяне, хотя они и были побеждены, всё-таки были ещё сильны и не желали мириться со своим положением. Они воспользовались тем обстоятельством, что в 298 г. имел место новый натиск кельтов, т. е. из-за Альп пришло новое кельтическое племя. Чтобы дать место новым пришельцам, жившие там племена бойев направили их на юг и вместе с ними стали наступать на Этрурию и Умбрию. Этим обстоятельством воспользовались самнитяне и восстали против Рима в союзе с галлами, бойями, этрусками и умбрами. Но римляне победили и эту новую коалицию. Решающая битва произошла при Сентинуме (в Умбрии на реке Aesis вблизи от границы с сенонскими галлами) в 295 г.

Описание этой битвы древними авторами является образцом того, как шатки наши сведения: по преданию, римляне выиграли эту битву благодаря геройской смерти Публия Деция Муса. Но дело в том, что этот факт повторяется в римской истории три раза. В первый раз ещё во время Латинской войны Публий Деций Мус, по указанию сновидения, приносит себя в жертву подземным богам в такое время, когда ещё не было надобности отчаиваться в победе. Затем его сын, другой Публий Деций, приносит себя в жертву в битве при Сентинуме, и ещё

* Положение города Longula в Самнии точно не известно; Mevania — в Умбрии по дороге из Рима в Анкону, в прекрасной и плодородной местности.

третий Деций Мус, внук первого, совершает то же самое во время битвы при Аускулуме. Эти повторения слишком схожи, поэтому внушают подозрения относительно достоверности описываемых событий, по крайней мере, относительно битвы при Сентинуме.

Третья Самнитская война почти что кончилась битвой при Сентинуме. Римляне окончательно справились с самнитянами и тогда уже вполне подчинили себе это храброе племя¹²⁶. Результатом торжества Рима над южной Италией явилось основание колонии Venusia¹²⁷ в юго-восточном углу Апеннинского полуострова (в Апулии вблизи земли гирпинов). Это самая обширная колония, это второй Рим. Сюда было выведено 20 000 граждан. Венузия представляла собой как бы укреплённый лагерь, который должен служить оплотом для римского владычества. В то же самое время римляне выводят колонию Adria¹²⁸ на побережье Адриатического моря (близ устья Атезиса), это означает, что римляне, господствовавшие на западном берегу Италии, теперь стали твёрдой ногой и на восточном берегу.

После третьей Самнитской войны покорение Италии было завершено¹²⁹, за исключением кельтских племён и Южной Италии, т. е. греческих городов, которые там находились.

Теперь нам остаётся рассмотреть столкновение Рима с греческими городами, которое имело своим следствием столкновение Рима с Македонией.

Лекция 16

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ ПОД ВЛАСТЬЮ РИМЛЯН

Победив самнитян, римляне подчинили себе всю Италию, в собственном смысле этого слова и по крайней мере в его топографическом смысле. Можно сказать, что все итальянские племена после третьей Самнитской войны оказались под властью римлян. Римляне объединили своих соплеменников: одних путём добровольного подчинения, других — оружием.

Северная Италия и самая Южная Италия ещё оставались вне области римского владычества, но северная Италия, как известно, в древности не причислялась к Италии. Италия кончалась на севере речкой Рубиконом. Следовательно, все области, которыми владели галлы, не считались Италией, и туда римское владычество ещё не проникло. Точно так же и Южная оконечность Италии, как известно, подтянута к востоку и обращена к Балканскому полуострову. И мы не раз замечали, что в истории эта часть Италии тяготела к востоку. В древности Южная Италия была колонизована греками¹³⁰, причём даже в такой степени, что даже получила название «Великая Греция». В начале сред-

них веков имело место подобное явление: после победы византийских императоров над готами Южная Италия опять принадлежит греческому востоку, Византии, тогда как остальная Италия (центральная и северная) вошла в общую жизнь с западным миром. В ту эпоху, которую мы рассматриваем, Южная Италия принадлежала ещё к миру греческих городов, и Рим ещё не коснулся этой области. К тому времени он объединил под своей властью италиков в строгом смысле слова, причисляя сюда этрусков, которые, хотя по своему облику и представляли чуждый элемент, тем не менее, приняли италийский элемент настолько сильно, что главную их массу уже составляли италики.

СТОЛКНОВЕНИЯ РИМЛЯН С НАРОДАМИ СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ

Но римлянам нельзя было останавливаться на центральной Италии — и с севера, и с юга постоянно появлялись поводы для новых столкновений. В 285 г., т. е. через пять лет после окончания самнитских войн, галлы сенонские (*Galli Senones*) восстали против Рима. Их беспокоило то обстоятельство, что римляне, разбив галлов, союзников самнитян, утвердились на окончечности, на краю этой галльской земли.

Итак, галлы поднялись против Рима. Римляне проиграли одно сражение, но затем победили и утвердились в стране сенонских галлов. Два года спустя поднялись бои, которые не умели действовать одновременно и дружно с соотечественниками и, конечно, потерпели поражение.

В результате этих столкновений Рим втягивается в Северную Италию, открывая эпоху войн с галлами, которая должна закончиться победою над ними.

ТАРЕНТИНСКАЯ ВОЙНА

Но и с противоположной стороны Рим втягивался в дальнейшие завоевания. В 283 г. греческий город Турии (*Thurii*) обратился за помощью к римлянам. Греки всегда отличались отсутствием национального чувства, и городок Турии, вместо того чтобы искать помощи у своих, ищет её у римлян. Римляне посылают туда своего лучшего государственного деятеля Фабриция, и благодаря ему город Турии принял римскую гегемонию, подчинился римскому покровительству. Этому примеру последовали другие греческие города.

Но тогда римляне очутились лицом к лицу с самым сильным и самым важным городом Южной Италии — Тарентом. Тарент представлял собою в то время могущественную державу, имел мировую значимость, старался балансировать между двумя силами — Римом на севере и Карфагеном на юге. Тарент старался удержать свои позиции, лавируя между этими двумя соперниками.

Римляне не хотели двигаться ещё дальше. Рим в то время стоял на перепутье, и нам приходится коснуться очень важного момента в рим-

ской истории. До тех пор в Риме преобладал интерес континентальный. Рим был континентальной державой. Мы противопоставляем морские державы континентальным, а континентальную политику — морской. Континентальной державой мы называем ту страну, сила которой заключается в земле, в землевладении и народонаселении, занимающемся земледелием. Сила же морской державы зиждется на торговле, торговых оборотах, на флоте. Понятно, что державы морские и континентальные должны вести различную политику.

До Тарентинской войны Рим представлял собой континентальную державу. «Вечный город» как-то нехотя вступает на путь морской борьбы. Конечно, нельзя полагать, что в Риме не было торговли. Напротив, Рим в древности заключил торговый договор с Карфагеном. Он должен был сделать это потому, что был членом могущественного Латинского союза, в который входили торговые города, располагавшиеся на морском побережье. От имени всего Латинского союза Рим заключил торговый договор с Карфагеном, на втором году республики. Затем, после этого, Рим ещё раз заключил договор с Карфагеном, но тут видно, что римляне сторонились от моря. А именно, в этом договоре¹³¹ Рим брал на себя обязательство не посылать кораблей и не вступаться за своих союзников, если они живут дальше на восток от мыса Бона, т. е. от того мыса, который находится около Туниса. Точно так же Рим, заключая подобный союз с Тарентом, обязался не посылать свои корабли на восток от Лакинского мыса*, отказываясь от этой части Адриатического моря. Таким образом, Адриатическое море предоставлялось Таренту. Рим оставлял за собой право торговать и господствовать в известном смысле на море между мысами Лакинским и Кавлонским (Caulon, дальше от Лакинского, ближе к Локрам).

Вопрос теперь был в том, удержится ли Рим на этой позиции или выйдет из этого скромного выжидательного положения. Но расторжение Латинского союза и победы Рима над городами Кампании были причиной того, что в римскую державу вошли торговые города, и Рим должен был иметь в виду торговые интересы подчинённых им городов. В Риме пробуждается торговый интерес и интерес к морской политике в 312 г. до Р. Х. Это очень интересный год — год цензуры Аппия Клавдия. Этот человек выражал интересы римского торгового сословия, которое в своей внутренней политике проводит свои собственные интересы в противовес интересам земледельцев — крестьян и помещиков. В 311 г. появляется новая магистратура — *duoviri navales*¹³². Это, собственно говоря, «морские консулы». Подобно тому как консулы были начальниками на земле, *duoviri navales* стояли во главе римского флота, римских морских дел.

Значит, в 311 г. у римлян пробуждается особый интерес к морским делам. Но Рим всё-таки остаётся преимущественно континентальной державой. И это так глубоко входило в характер римлян, что они не

* *Lacinium promuntarium*, ныне *Capo delle colone* или *di Nau*, на 100 стадий южнее Кротона, на юго-западном берегу Тарентинского залива.

служили во флоте и в позднейшую эпоху, когда Рим победил Карфаген. Настоящие римляне не служили во флоте; они считали флотскую службу несовместимой с достоинством римского гражданина. А римские союзники были обязаны служить во флоте и выставлять известное число кораблей. Когда же не хватало союзников, тогда римляне заставляли служить во флоте детей вольноотпущенников, т. е. новых римских граждан, потомков бывших рабов.

Когда Рим организовал морскую магистратуру, обзавёлся флотом, ему трудно было оставаться в тех пределах, о которых я говорил, и в 283 г. произошло столкновение Рима с Тарентом. Оно было вызвано тем, что римский флот прошёл на восток от Лакинского мыса, тем самым нарушив договор. Случайно ли это было сделано, или, как некоторые думают, это был вызов, мы не знаем. Но результат заключался в том, что переход римлян за Лакинский мыс вызвал войну.

В Таренте возбуждённая толпа бросилась на римские корабли и перебила матросов, нанеся оскорбление Риму. Рим же действовал в тот момент более сдержанно, чем обычно в подобных случаях. Он не объявил войну Таренту, а только потребовал выдачи обидчиков. Теперь тарентинцам предстояло решить вопрос: жить ли с римлянами в мире или подчиниться им? Тарент в то время представлял собой полную демократию, т. е. такой образ правления, при котором народная масса имеет возможность в трудную минуту направить государственные силы по своему минутному настроению. Тарентинская толпа была раздражена против римлян. Не думая о последствиях, она не только требовала того, чтобы римским послам было отказано в выдаче обидчиков, но и оскорбила послов. Тогда Рим объявил Таренту войну.

Пирр. Тарентинцы ещё раньше стали думать о союзе против Рима. Союзник для них нашёлся в близком соседстве, на противоположном берегу Адриатического моря, эпирский царь Пирр. В то время в греческом мире была эпоха эпигонов — потомков Александра Македонского или, лучше сказать, потомков его полководцев. Они после смерти Александра разделили его государство на части, в результате чего возникли новые государства с греческим оттенком, во главе которых стояли греки, силы которых составляли греческие наёмники. Эти государства не сразу смогли консолидироваться и на Востоке не могли успокоиться. Они постоянно воевали и делились. В числе этих новых государств был и Эпир.

Молодой эпирский царь Пирр был воспитан под влиянием славы Александра Македонского, и он считал возможным со своими небольшими силами создать большое государство. Он искал себе занятий. Так же, как и Александр Македонский, Пирр организовал отборный отряд и надеялся с ним привести в исполнение свой грандиозный план. Тогда крупные государства, такие, как Македония, Сирия и Египет, благоприятствовали этому походу Пирра, чтобы отвлечь этого честолюбивого человека от Востока. Они ему даже обещали денег, и Пирр, надеясь на свои силы и на поддержку союзников, перебрался через Адриатическое море. Его силу составляла главным образом фаланга, ко-

торая состояла из жителей Эпира и из македонских крестьян. Это было ядро пировых сил.

Но этих молосских крестьян было недостаточно, чтобы сформировать многочисленную фалангу. Поэтому Пирр обратился к наёмникам — тому источнику живой силы, которым пользовались все правители Востока. Здесь мы наблюдаем важную особенность римского общества (в сравнении с восточным греческим): на греческом Востоке в войсках преобладали наёмники, а в Риме войско состояло из крестьян.

Итак, в войне Рима с Эпиром столкнулись две противоположные силы. Мы можем заранее предположить исход этого столкновения: победить должна сила менее стройная, но туземная, так как она имеет корни в собственной стране. Эта сила должна победить искусственную фалангу, которая состояла из случайно подобранного народа.

Успеху Пирра также помешало ещё одно обстоятельство. Его позвали на помощь тарентинцы, которые заметно отличались от эфирцев. Пирр был представителем монархии, а тарентинцы — демократии. Это различие политических начал отразилось на памятниках. Об истории этой войны мы не имеем римских источников, а греческие источники того времени окрашены тенденцией. Те источники, которые до нас дошли, благоприятно относятся к Пирру: Пирр — их герой, любимец. Тарентинцы в глазах этих историков выглядят как представители архаических начал. По мнению этих же историков, тарентинцы виноваты в том, что недостаточно поддерживали Пирра, виноваты в том, что были капризны, их можно было легко склонить на ту или другую сторону. Надо иметь в виду эту тенденциозность источников, для того чтобы верно относиться к ним. Как бы то ни было, союз Пирра и тарентинцев был неестественным. Конечно, и тарентинцы, и Пирр были греками, представляли греческие начала, их соединяло многое. Но многое их и разъединяло. Кроме указанных обстоятельств, вредивших их общему делу, следует присоединить и характер самого царя. Несмотря на все способности Пирра как полководца его столкновение с Римом должно было окончиться неудачей.

Когда Пирр перебравшись в Италию и собрал силы, произошло первое его столкновение с Римом при г. Гераклее, греческом городе на берегу моря, к западу от Тарента (при р. Aciris). Именно здесь произошло первое исторически важное столкновение между Западом и Востоком, между римским легионом и македонской фалангой. Стратеги Македонии того времени славилась не только фалангой, но и конницей, так как рядом с Эпиром находилась страна Фессалия, которая издревле славилась своими конями и конницей. Но римская конница разбила эту конницу в самом начале сражения. Но не так легко было справиться с фалангой. Семь раз римский легион наступал на фалангу, но римляне были сметены слонами, которых имел Пирр, получив их из Сирии и Египта. В результате римляне проиграли сражение при Гераклее.

После этого успеха Пирра против Рима поднялись остатки самнитян, и дела римлян как будто бы стали сложны. Римляне дали второе сражение при Аускулуме (к северу от Ветузии). Я уже упоминал, что

к этому сражению приписывается мученическая смерть П. Деция Муса. О патриотическом самопожертвовании такого рода в римской истории повествуется уже в третий раз. И здесь победил Пирр. Но после этого сражения ему стало ясно, что он может побеждать римлян, но не в состоянии сдвинуть римские владения.

Но тут Пирр оказался легкомысленным. Выяснилось, что он был более кондотьером, чем государственным человеком. Когда он увидел, что Рим не представляет ему возможности добиться славы, он оставил Италию и отправился в Сицилию по приглашению греков, которые отбывались там от карфагян. Пирр имел успех в Сицилии, изгнав оттуда карфагян, у которых остался только один город на острове — Лилибей (Lilybaeum) (на западной стороне Сицилии). Он стал мечтать о нанесении поражения карфагянам в самой Африке. Царь стал снаряжать большой флот и большое войско для войны в Африке, но тут проявилось легкомыслие сицилийских греков. Когда опасность была велика, они поддерживали Пирра, а теперь не считали необходимым делать дальнейшие усилия. Поэтому царь Эпира не мог собрать достаточно войска, чтобы продолжать дело. Его отношения с сицилийскими греками испортились, и тогда он снова вернулся в Италию, снова принялся воевать с Римом. При таких обстоятельствах нельзя ему было победить Рим.

В 275 г. римский герой, Курий Дентат*, образец римской доблести той эпохи, нанёс Пирру поражение в Самниуме при Малевенте (Maleventum, это местечко римляне переименовали в Beneventum).

Видя, что дальнейшей славы в Италии ему не достигнуть, Пирр оставил её. Впрочем, он оставил и гарнизон в Таренте. Несколько лет спустя, в 272 г., начальник этого эпирского гарнизона, Милон, который не ладил с тарентинцами, передал римлянам акрополь Тарента, и римляне овладели городом.

Оставался ещё один греческий городок, который ещё не был завоеван римлянами. Это Региум (Rhegium), городок на самой западной оконечности Южной Италии, на побережье пролива, отделяющего Италию от Сицилии. Во время войны Тарента с Римом отряд кампанских наёмников овладел Региумом и стал хозяйничать там как в своём городе. В 270 г. Рим послал туда отряд, который занял этот город.

Таким образом, завоевание Италии Римом было окончено, по крайней мере, с южной стороны.

КОЛОНИИ

Теперь после обзора римских завоеваний остановимся на самой Италии. Обратим внимание на устройство той организации, которую получила Италия по установлению римского владычества. Прежде чем рассмотреть саму организацию, нужно указать на главное средство, с помощью которого Рим обеспечивал за собою завоевания. Речь идёт

* Manius Curius Dentatus, из плебейского рода, homo novus.

о колониях. Рим тем отличался от других государств древности, что он завоёвывал земли и вместе с тем колонизировал их. Он выводил колонии, которые служили гарнизонами, обеспечивая римское владычество, и центрами романизации. Но колонии, которые выводил Рим, были двоякого характера. Всего колоний было 70¹³³. Эти 70 колоний делятся на две группы — римские и латинские.

РИМСКИЕ КОЛОНИИ

Рассмотрим сначала римские колонии. Римскими колониями назывались те города, которые были устроены римлянами посредством вывода туда римских граждан. Это мероприятие называлось «*coloniam deducere*»¹³⁴. Римляне не строили заново города, не отводили своих колонистов в пустые пространства. Большей частью они выводили колонии в уже существовавшие города, которые были завоёваны и потеряли свою автономию. Туда выводились римские колонисты и занимали там такое же положение, какое некогда занимали патриции по отношению к плебеям.

Выводя римскую колонию, римляне создавали как бы новый Рим. Поэтому при основании колоний совершались те же обряды, что и при основании самого Рима. Именно маленькая колония, так сказать, маленький Рим, получает ту же самую организацию, что и метрополия: туда выводилось 300 семейств, которые соответствовали 300 семействам древнейшего Рима, и эти 300 семейств управлялись так же, как и семейства в их отечестве, — двумя магистратами, которые назывались преторами. Все римские колонии отличались от латинских колоний двумя чертами. Во-первых, римские колонии были малочисленными по своему населению города. Рим не выводил большого числа колонистов, а выводил столько, сколько было необходимо, чтобы удержать этот пункт за Римом. Во-вторых, все эти города, по крайней мере в древнейшую эпоху, располагались на берегу моря. Это были морские города.

Нетрудно догадаться о причинах такой малочисленности населения этих колоний и их расположения на берегу моря. Малочисленность населения и прибрежное положение взаимно обуславливали друг друга. Римляне из политического такта хорошо сознавали, что колонии с большим числом римских граждан со временем могли бы сделаться опасными соперниками для самого Рима. В особенности «Новый Рим» на морском берегу мог бы стать опасным для «Старого Рима». Поэтому-то римляне и посылали небольшое количество граждан на морской берег, на котором нежелательно для Рима было бы дать возможность вырасти вражеской силе.

Римских колоний насчитывают до 35, но большинство из них так незначительны, что их даже нельзя найти на карте, и потому я не буду называть их все. Первая колония, которую вывели римляне, была Остия (*Ostia*)¹³⁵. Её основание относится к доисторическому времени. В историческую эпоху была выведена колония в *Antium* (к югу от Рима, на берегу моря, в стране вольсков)¹³⁶. Вывод этой колонии совпал

с роспуском Латинского союза в 338 г.¹³⁷. Затем римляне в начале следующего века выводят три небольшие колонии — две в Кампанию (Minturnae в устье Лириса и Sinuessa к югу от Минтурн)¹³⁸ и одну на противоположном берегу Адриатического моря (после победы над галлами-сенонами выведена колония Sena Gallica, к северу от Анконы)¹³⁹.

Затем долгое время мы не видим колоний, и только после II Пунической войны, когда вся южная Италия была поставлена вверх дном, когда нужно было организовать её вновь, римляне выводят колонии. В 194 г. до Р. Х. и в следующий год выводятся следующие колонии в Кампании: Volturnum (в устье р. Вультурна), Liternum (южнее Вультурна), Salernum (севернее Пестума), теперь город Salerno, Buxentum, нынешний Busento или Policastro, и на побережье Адриатического моря Sipontum (близ mons Garganus).

Только позднее, после того когда римляне победили галлов на р. По, в северной Италии, когда они утвердились в долине р. По (Padus), они отступают от своей прежней тактики, т. е. они выводят две очень сильные колонии римских граждан на берега р. По: Parma и Mutina (нынешняя Modena), центры двух будущих самостоятельных герцогств Пармы и Модены. Что касается прочих римских колоний, то нет необходимости их называть. Они не были достаточно важны. Больше же внимание надо обратить на латинские колонии.

Лекция 17

ЛАТИНСКИЕ КОЛОНИИ

Я уже упоминал, что один историк называл колонии римлян в Кампании гвоздями, с помощью которых они закрепили за собою эту область Италии. Но эту метафору можно применить и к латинским колониям. По ним легко можно запомнить географию древней Италии. Кто запомнил раз и навсегда латинские колонии, для того будет ясна география древней Италии и история её завоевания Римом. Учёному Белоху, автору труда «Der Italische Bund unter Roms Hegemonie», пришла счастливая мысль изобразить историю более ранних и более поздних римских завоеваний посредством разных красок на карте Италии. Он употребил три цвета: красный, зелёный и лиловый. Красный цвет у него обозначает ager Romanus, т. е. ту землю, на которой жили римские граждане. Зелёный цвет обозначает области, которые остались в положении римских союзников. Это инкорпорированные граждане, непосредственно принятые в стены города Рима. Но понятие «союзник» очень растяжимо, и вот эти союзники мало-помалу становятся подданными римлян, хотя и сохраняли свою автономию до последних лет республики, до bellum sociale¹⁴⁰, которая произошла в последнем веке существования Римской республики. Между этими цветами находятся пятна лилового цвета. Это латинские колонии. Эти пят-

на на самом деле представляют значительную территорию.

Как образовались такие обширные латинские колонии? Вот тот вопрос, который надо выяснить. Я уже упоминал о том, что римляне выводили римские колонии довольно уже поздно и незначительной силы. Иначе они поступали с латинскими колониями. Латинскими они назывались потому, что были населены латинцами¹⁴¹. Рим всегда был членом Латинского союза. Но во времена старого союза, который существовал до Латинской войны, начавшейся в 340 г. до Р. Х., Рим не занимал ещё преобладающего положения. В то время слово «союзник» было применимо к описанию сути отношений Рима с другими городами Лациума. Рим и его латинские союзники вели войны сообща, поровну делили добычу, а она заключалась, главным образом, в земле. На эту приобретённую землю, завоёванную общими силами, они время от времени выводили колонии, состоявшие как из римских граждан¹⁴², так и из латинских. Эти граждане, выведенные Латинским союзом, образовывали особую общину, которая становилась членом Латинского союза. Таким образом, древний Латинский союз посредством основания колоний увеличивал число своих членов. Он успел вывести семь колоний, которые отличались от позднейших своим политическим положением.

Древние латинские колонии следующие: Сигния¹⁴³ и Норба¹⁴⁴ (Signia, Norba в области вольсков, выше Суэссы Помеции, Сигния несколько севернее Норбы). Они выведены почти в год ухода плебеев на Священную гору, и, может быть, устройство этих колоний и связано с данным событием. Значит, год основания этих колоний запомнить легко: 492 г. до н. э.¹⁴⁵ Затем третья колония, выведенная Латинским союзом, Ардея (Ardea в земле рутулов, недалеко от моря, на р. Numicius). Эта колония была выведена около времени децемвиров, точнее, через семь лет после смут, которые были вызваны децемвирами¹⁴⁶. И опять вывод её, может быть, находится в связи с тем, что надо было дать выход недовольному элементу. Затем была основана колония в Цирцеях¹⁴⁷, которая находилась у известного мыса Цирцей*. Древние связывали эту местность с известной волшебницей Цирцеей. Эта колония была выведена в год завоевания Вей. Затем непосредственным следствием завоевания Вей и приобретения новой территории в Этрурии является вывод туда двух латинских колоний Сутриум¹⁴⁸ и Непете¹⁴⁹. Почти тогда же была выведена колония Сеция¹⁵⁰. (Sutrium на via Cassia, несколько южнее lacus Ciminus; Nepete к востоку от Sutrium. Setia — в области вольсков, на незначительном расстоянии от Суэссы Помеции, к юго-востоку.)

Новые латинские колонии. Названные семь колоний являлись древними латинскими колониями, которые были равноправными членами Латинского союза. Но после войны между римлянами и латинянами, которая окончилась роспуском союза, Рим сам стал выводить колонии. Хотя Латинского союза больше не было, многие из выводимых

* Circei близ promontorium Circeium, наиболее крупного выступа материка в Лациуме.

Римом поселений продолжали называться латинскими. Эти латинские колонии состояли из римских граждан, но туда допускались и латиняне. Жители латинских колоний были в ином положении, чем поселенцы римских колоний. Их граждане не были гражданами Рима, между тем как жители римских колоний продолжали быть римскими гражданами. Римский гражданин, который записывался в списки латинских колоний, переставал быть римским гражданином, так как становился членом новой общины, которая хотя и находилась в союзе с его родным городом Римом, но в то же время представляла собой самостоятельную общину. Такие латинские колонии римляне стали выводить со значительным числом поселенцев. Очевидно, это делалось для того, чтобы колонисты могли защищаться от врагов. Ранее я уже говорил, почему римляне не решались выводить в римские колонии большое число колонистов. Они опасались перерастания такой колонии римских граждан в «Новый Рим». Другое дело — латинские колонии, которые становились в зависимое положение от Рима. Их граждане, не являясь римскими гражданами, не участвовали в выборах консулов и других магистратов. Поэтому было безопасно выводить значительное число таких колонистов, чтобы их город представлял собой внушительную силу, способную отразить врагов.

Но спрашивается, как же это римские граждане решались менять своё отечество и становиться латинскими гражданами? Главный повод к тому заключался в большом наделе, который давался переселенцам в латинских колониях. В Древнем Риме то, что можно назвать наделом (это слово не следует понимать в нашем смысле; мы под наделом подразумеваем нечто периодическое¹⁵¹, а римские наделы являлись *assignatio*, т. е. выдел участка однажды на вечное пользование), был выдел из общей земли. Древний выдел был очень незначителен: два югера — $\frac{1}{2}$ десятины. Конечно, на $\frac{1}{2}$ десятины нельзя прокормиться¹⁵². Это указывает на то, что в древнее время римляне были более пастухами, чем земледельцами. Главная их сила заключалась в общей земле, которая находилась в общем пользовании. Два югера примерно составляли то, что у нас в деревнях называется усадьбой. В некоторых деревнях усадьба земля так велика, что часть её идёт и под пашню. Но когда римляне стали выводить колонии, поселенцы стали получать и большее количество земли. И обыкновенный выдел был семь югеров, т. е. около двух десятин. Это часть земли, которая может прокормить семью. В Италии земледелие было интенсивным, и поэтому колонисту было достаточно и двух югеров. Когда же римляне стали выводить граждан в более поздние колонии, то им стали давать маленькие поместья: простой пехотинец получал 50 югеров, центурион — 100 югеров, всадник — 70 югеров, а в последних колониях даже 140 югеров. Такие наделы для тогдашнего италика представляли собой небольшие поместья, т. е. такие участки земли, которые невозможно обработать своими силами, но нужны были рабы или посторонняя сила.

Сразу после роспуска Латинского союза и началось устройство этих новых латинских колоний. Первые из них, *Cales* и *Fregellae*, как я уже

упоминал, были выведены на р. Лирис, отделяющую Кампанию от Лациума. *Fregellae* не следует путать с *Fregene* — маленькой римской колонией в Южной Этрурии. *Fregellae* были выведены в 328 г., и учреждение этой колонии было поводом к Самнитской войне, потому что самнитяне почувствовали, что Рим слишком близко подошёл к ним, что этот город являлся оплотом римского владычества в этой стране.

Во время второй Самнитской войны римляне вывели пять колоний. Из них я назову три наиболее важные (а от других ничего не осталось, как, например, от *Saticula*¹⁵³, местоположение которой даже нельзя определить). *Interamna*¹⁵⁴ находилась как раз на Аппиевой дороге, которая должна была связывать Рим с Южной Италией в том месте, где она переходит через р. Лирис. Затем в той же местности была основана колония *Suessa Aurunca*¹⁵⁵ близ моря в стране аврунков (между *Teanum* и *Minturnae*). И затем значительная колония *Luceria*¹⁵⁶ была учреждена в области луканов, по ту сторону самнитской земли для того, чтобы с двух флангов держать в тисках самнитян.

По окончании второй Самнитской войны в 303 г. до Р. Х. римляне основательно укрепились в Центральной Италии, подчинив её себе. Римляне привели в покорность мелкие северные племена самнитян: марсов, пелигнов и некоторые другие. Сюда были выведены колонии *Sora* (в верхнем течении Лириса), во второй раз¹⁵⁷, и *Alba* около Фучинского озера (ныне *Lago di Celano*). Это были гарнизоны, с помощью которых Рим стал держать в подчинении храброе племя марсов. Затем была учреждена колония *Narnia* в Умбрии, на р. Нарне, впадающей в Тибр. Посредством этой колонии римляне держали в руках сабинян, которые их так долго беспокоили.

Наконец, римляне сделали быстрый шаг к дальнейшему подчинению Италии: они вывели громадную колонию Венузию в Южной Италии¹⁵⁸. Это была самая большая колония из латинских. Сюда было выведено 20 000 колонистов, и им дано было столько земли, что эта область представляет целое герцогство. Венузия известна всякому филологу как место рождения Горация (*Sat.* 2, 1, 35). Кроме Венузии, была выведена и *Nadria*¹⁵⁹ на побережье Адриатического моря.

Победа над Тарентом привела к устройству двух колоний: одной в южной Италии, другой — в северной. В северной Италии римляне основали колонию *Cosa*¹⁶⁰ (в Этрурии на Аврелиевой дороге, морская гавань). На противоположном конце Италии была основана колония *Paestum*¹⁶¹, древняя *Posidonia* (в пяти милях к югу от устья Силяра). Относительно Козы есть сомнения. Так, Мадвиг предполагает, что Коза находилась в другом месте, чем это принято считать. Но надо думать, что он не прав в этом вопросе. Правы те, кто полагает, что Коза находилась в северной Этрурии, так как сама симметрия взаимного расположения Козы и Пестума подтверждает эту догадку. С помощью этих колоний римляне охватили с обеих сторон свою территорию, поставив гарнизоны на севере и на юге Апеннинского полуострова.

Пестум (имя этого города известно многим людям, которые имели возможность путешествовать по Италии, потому что Пестум привлекает к себе массу туристов) — чрезвычайно романтическое место. Первоначально этот город стоял на самом берегу моря, но наносы песка близлежащей речки, впадающей в море, отодвинули город от берега. Теперь развалины Пестума стоят в степи. Эта часть Италии почти необитаема, там живут только пастухи. Вся местность, вплоть до самого города, вёрст на 20 — 30 от моря покрыта высокой травой. В этой высокой траве и стоят развалины Пестума. Эти развалины состоят из трёх храмов, из которых один сохранился почти полностью, а два другие пострадали. Однако их очертания представляются очень ясно. Романтичность заключается в том, что в этом уединённом месте поднимаются развалины греческих храмов дорической архитектуры, времени высокого развития греческого искусства.

Затем победа над Пирром имела своим последствием вывод колоний. Опять мы видим то же самое: одна колония учреждается на юге, а другая — на севере. В 268 г., семь лет спустя после окончания Пирровой войны, римляне вывели колонию Беневент¹⁶² (Beneventum, к востоку от Капуи, при слиянии рек Сабата и Калор, приток Вольтурна), которая своим пространством шла от Кампании до противоположной страны — до Апулии, прорезала всю страну самнитян и разделяла её на две части. Соответственно Беневенту в Южной Италии была выведена колония Ариминум¹⁶³ в Северную Италию, на границу тогдашней Италии около р. Рубикона, которая течёт на север от этого поселения. (Ariminum находится на берегу Адриатического моря, ныне Римини.)

Затем, уже почти спустя 50 лет после завоевания Южной Италии, выводятся опять две колонии: одна в Центральной Италии — Spoletium¹⁶⁴ (ныне Spoleto, к северо-востоку от Нарнии), выведенная в 241 г. в горах, где впоследствии возникло Сполетское герцогство, так отстаивавшее свою независимость от Рима. Ещё до сих пор эта местность носит следы лангобардского завоевания. Так, например, жители этих мест отличаются голубым цветом глаз и светлыми волосами. Другой колонией был Брундизиум (Brundisium на берегах Адриатического моря, напротив Тарента) — важное поселение, связывавшее Италию с греческим востоком. Из Брундизиума выходили все римские флоты и все римские легионы, которые подчинили римлянами греческий восток.

Затем в основании колоний последовал перерыв. Но восстание галлов перед второй Пунической войной заставило римлян образовать поселения в страну галлов, на р. По. Туда в 218 г. были выведены две колонии: Placentia (несколько ниже места впадения р. Треббии в По) на южной стороне По и Сремопа на северной (несколько ниже места впадения Адды в По). Области этих колоний тянулись по реке По, чтобы охватить большое пространство по ней.

После победы над Ганнибалом, после того как многие города, отпавшие было к пунийцам, были вновь завоёваны, римлянам пришлось вновь утвердиться в южной Италии и наказать галлов, которые вос-

стали во время появления карфагенян на Апеннинском полуострове. Вследствие этого было основано пять колоний. Две в Южной Италии: Vibo или Valentia¹⁶⁵ (при sinus Vibonensis в Бруцциуме) на западном берегу полуострова и Coriæ¹⁶⁶ в области города Thurii. Город Турии не был уничтожен, но он должен был отдать свою землю римлянам, где была устроена римская колония. Остальные три колонии находились в северной Италии; по ним видно, как утверждалось римское владычество в верхней Италии. Бонония¹⁶⁷ (Bononia на Эмилиевой дороге, несколько к востоку от р. Renus, притока По), Аквилея¹⁶⁸ (Aquileia, несколько выше sinus Tergestinus) и Лунa¹⁶⁹ (на р. Marca), где союзный римлянам город Пиза уступил римлянам значительную территорию, чтобы они могли сюда вывести колонию.

AGER ROMANUS

Теперь мы обратимся к изучению Италии, к рассмотрению того, как она организовывалась под властью римлян. Мы остановимся на ager Romanus, на римской земле. Если её измерить, то распространение римского владычества на полуострове можно представить наглядно, в цифрах, которые получатся при статистическом исчислении.

Вы помните, какую площадь занимал Древний Рим. Его территория равнялась 98 000 гектаров (круглым счётом 100 000 гектаров), т. е. 90 000 десятин. Десятина немного более гектара, почти равна. Римская власть в первый период распространяется по Италии медленно. До роспуска Латинского союза эта территория утроилась, т. е. Рим к своей территории прибавил вдвое большую.

Таким образом, Рим имел 309 000 гектаров в 340 г. до Р. Х. Этому пространству почти соответствовала площадь, занимаемая Латинским союзом, — 339 000 гектаров. Следовательно, Рим и Латинский союз находились на равных, по крайней мере, по количеству силы.

Но, как известно, Рим победил своих союзников, инкорпорировав их значительную часть. Вследствие этого произошла перемена, и Рим присоединил к себе более 300 000 гектаров, и ager Romanus занимал уже 600 000 гектаров.

После первой и второй Самнитских войн ager Romanus в собственном смысле этого слова не так значительно расширился, как можно было бы думать. Это объясняется тем, что Рим вывел Латинские колонии, а на устройство римских колоний, для непосредственного инкорпорирования, было использовано 164 000 гектаров. Так что после Самнитских войн ager Romanus составлял 764 000 гектаров.

Но затем рост римского поля пошёл быстро. Когда после третьей войны с самнитянами были побеждены все народы Центральной Италии и когда их земля была частично инкорпорирована, тогда Рим чрезвычайно вырос. Северные сабельские племена, вошедшие в ager Romanus, занимали территорию в 900 000 гектаров. На севере римлянами были заняты Пиценум и галльские земли площадью 500 000 гектаров. Затем самнитская земля, которая была инкорпорирована, обни-

мала 300000 гектаров, и земли Этрурии в 200000 гектаров с лишком. Всего вместе получилось около 2 млн гектаров.

Итак, учитывая старые владения Рима и земли, которые были присоединены к «вечному городу» после его войн в Италии, стали занимать 2,5 млн гектаров. Это легко запомнить: Рим после победы над самнитянами, после объединения Италии в широком смысле этого слова представляет 1/5 всей Италии.

Вторжение Ганнибала в Италию и переход многих общин на его сторону привели к тому, что римляне инкорпорировали значительную часть земель Апеннинского полуострова — около 1 млн гектаров.

После второй Пунической войны Северная Италия, а именно Цизальпинская Галлия, была романизирована. Она занимала более 4 млн гектаров, и это пространство было разделено поровну между римлянами и их союзниками. Таким образом, римляне приобрели ещё 2 млн гектаров.

После покорения всей Италии и завоевания Галльской земли *ager Romanus* стал обнимать 5 млн гектаров. И этому количеству соответствовало 11 млн гектаров, которые принадлежали союзникам или латинским городам.

Население *ager Romanus*. Теперь рассмотрим, кто жил на *ager Romanus* и какие были города на этой территории, кроме Рима и римских колоний. В прошлый раз я уже упомянул о том, что, когда римляне завоевали г. Цере, они не предоставили церетанцам полного гражданства. Этому образцу римляне следовали и в других случаях, и мало-помалу количество этих *cives sine suffragio* возросло. Но постепенно эти *cives sine suffragio* получают право голосовать в римских комициях, и за два с половиной века до Р. Х. этой категории уже нет. Все являлись *cives Romani*, полноправными римскими гражданами. Но только их отношения к Риму были различными. Во-первых, были римляне настоящие, которые записаны по 35 трибам. Во-вторых, были римляне, находившиеся в своих колониях, а также было значительное количество римских граждан, живших в муниципиях.

Лекция 18

Мы рассматриваем организацию, которую получила Италия, попав под власть римлян. Я упоминал о том, что вся италийская земля состояла из двух частей: из *ager Romanus* и территории союзников — *ager peregrinus*, «земля чужая». Между этими двумя частями стояла ещё одна земля, занимавшая промежуточное положение, — земля латинских городов. Общее название этой земли и её жителей — *popen Latinum*.

Conciliabula. Мы начали рассматривать организацию римской земли. На ней находился не только один Рим, но и много других городов. Во-первых, так называемые колонии римские, о которых уже шла речь. Во-вторых, местечки, которые назывались *conciliabula*. Как показыва-

ет само название, это место собрания окрестных жителей, которое можно сравнить с нашим волостным сходом: несколько деревень образуют волость, и одна из этих деревень обыкновенно избирается для того, чтобы служить местом схода для жителей других деревень. Нечто подобное такой деревне в древности называлось *conciliabula*. Это, так сказать, деревенская единица, здесь не было городского устройства.

Fora. Затем существовали ещё *fora*. *Forum* — это базар, рынок, место рынка, которое вместе с тем могло быть и местечком обитаемым, где находился базар. *Fora* обычно возникали около дорог, которые проводили римляне. *Forum Arrii* (к югу от Суэссы Помеции), например, был рынком, устроенным при проведении Аппиевой дороги¹⁷⁰, куда окрестные жители сходились для торговли. Из таких *fora* иногда возникали местечки. Впоследствии римляне создавали такие *fora* в пустынных местностях, как указывают надписи. Создатель одного форума хвалится тем, что на таком месте, где прежде были одни пастухи (*pastores*), теперь находятся пахари (*aratores*)*.

Municipia. На римской земле находилось также много инкорпорированных городов. Это муниципии. В Этрурии главными муниципиями были *Caere*, *Tarquinius* (на юго-запад от Вольсинского озера, у реки Марты, на *via Aurelia*), *Volci* (к северу от Тарквиний, почти на половине пути от *lacus Volsiniensis* до *Cosa*), *Falerii* (на северо-запад от горы *Soracte*). Эти города находились к западу от Тибра. К востоку от этой реки, в сабинской земле, располагались *Reate* (на восток от *Falerii*, на реке *Velinus*; в его окрестностях было *lacus Velinus*), *Aminternum* (на восток от *Reate*, родина Саллюстия). Много муниципиев было, конечно, в Лациуме и в Кампании. Это *Arpinum* (на реке *Fibrenus*, недалеко от её впадения в Лирис, к югу от *Sora*; здесь родились Марий и Цицерон), *Aquinum* (*Arpinum*, почти на юг от *Arpinum*, родина Ювенала), *Anagnia* (главный город герников), *Fundi* (в земле аврунков), *Formiae* (там же, при море), *Atina* (на восток от *Arpinum*) и южнее очень большой муниципий *Capua*.

Организация муниципий. Не все муниципии были в одинаковом положении. Были муниципии, наиболее благоприятные римлянам, и были другие, находившиеся в худшем положении.

Municipia foederata — это города, которые были инкорпорированы Римом по договору, на хороших условиях. Их жители могли подавать голоса в римских комициях, могли быть избранными римскими магистратами. Этим городам для полной свободы недоставало только таких прав, как обладание суверенитетом¹⁷¹ и чеканка монеты (монета — признак суверенитета; лишь самостоятельное государство может чеканить монету с изображением своего герба или того лица, которое стоит во главе государства).

Этим муниципиям недоставало и такого признака суверенитета, как право себя конституировать. Они не могли изменить своего городско-

* *Primus. feci. ut. de. agro. poplico | aratores. cederent paastores | forum. aedisque. poplicas. heic. feci.*

го управления, дать себе другую организацию, поскольку являлись частями римского государства. Конституционная, организационная власть принадлежала главному городу Риму, его народному собранию. Кроме того, эти муниципии не могли давать другим лицам права гражданства, делать чужаков гражданами своих муниципий, потому что это тоже было право римского народа. Так, например, Тускулум имел право римского гражданства. А если бы Тускулум сохранил за собой право давать гражданство peregrini, то таким путём новый тускуланец становился бы римским гражданином. Следовательно, это был бы «захват» прав римских граждан, поскольку к ним присоединился бы новый гражданин без их ведома. Но в остальном муниципии пользовались автономией.

Municipia ceretana находились не в таком положении, как *municipia foederata*. Их название (*ceretana*) происходит от имени города Церре, потому что именно этот город стал первым муниципием подобного рода. Граждане церетанских муниципий не были с самого начала полноправными римскими гражданами, потому что они не обладали важнейшими правами, у них не было собственных судей. Они были подсудны римскому судье.

Наконец, на низшей ступени стояли такие города, которые были инкорпорированы в Рим на неблагоприятных условиях. Рим опасался этих своих новых членов, потому и не дал им городского устройства¹⁷². Например, таким городом была Капуя. Это был большой город в Кампании, который был инкорпорирован в Рим, потеряв при этом муниципальное устройство. Жители Капуи были простыми сельчанами, у них не было того, что составляло сущность городской организации.

Права муниципий. Их права почти везде сохранили свои старые формы, которые они имели до инкорпорирования в Рим. Правда, история нам даёт мало данных относительно этого вопроса. Это только надписи, да и то более позднего времени (императорского периода). Они дают нам возможность судить о муниципальном устройстве. Из этих надписей мы видим, что та же древняя латинская организация, которая существовала прежде инкорпорирования данных общин в Рим, продолжала существовать. Так, в некоторых муниципиях существовали диктаторы (например, в Тускулуме), при которых состояли два эдила и два квестора. Некоторые муниципии сохранили даже свои древние названия должностных лиц. Во главе этих городов были два *medices*, которые соответствовали консулам. Во главе одного из таких городов стоял *medix tuticus* — таково старинное название главы города Капуи.

Муниципии, которые находились в благоприятном положении, имели своих собственных судей. Но для муниципий церетанских и для тех общин, которые лишались городского устройства, римляне вводили особый суд. И так как римский претор не был в состоянии вершить суд на таком большом пространстве, то в эти общины он посылал своих представителей. Эти представители назывались *praefecti iure dicundo*, а округа общин — префектурами (*praefecturae*). Обычно в каждую префектуру посылались два префекта, в некоторые четыре, которые делили эти префектуры на несколько округов. Сколько было таких префек-

тур, неизвестно. Полагают, что их было 30, но до нас дошли имена не всех таких городов. Нам известно только 20 имён или из исторических источников, или из эпиграфических. Префекты были в тех муниципиях, которые не имели городского самостоятельного устройства; они были вместе с тем и администраторами, т. е. соединяли юридические функции с административными.

NOMEN LATINUM

Кроме римской территории, в Италии существовала территория латинская, т. е. земли, принадлежавшие городам, которые составляли *nomen Latinum*. Так как эти города, по крайней мере главные, достаточно известны, я ограничусь здесь только тем, что укажу на отличия городов латинского права от других городов. Латинские общины были союзниками Рима, находились вне римской территории, представляли собой совершенно самостоятельные общины, т. е. пользовались всеми правами, которые не принадлежали муниципиям. А именно, они имели своё народное собрание, которое могло даровать гражданство, изменять своё городское устройство. В силу этого латинские города имели право чеканить собственную монету.

Латинские города находились в более близком положении к Риму, нежели другие союзники. Это выражалось в следующем. Так как граждане латинских городов происходили от римских, а римские граждане не могли навсегда утратить своих прирождённых прав, то за ними оставалось право римского гражданства. Если гражданин латинского города оставит там вместо себя сына, который мог продолжить его род, то он имел право снова сделаться римским гражданином. Таким условием переход из латинского гражданства в римское несколько сдерживался, потому что в противном случае многие переселились бы в Рим, а тот латинский город не мог бы далее исполнять свои обязательства.

Есть указания на то, что магистраты этих городов пользовались в Риме особыми правами, но это спорный вопрос, который трудно разрешить ввиду недостатка данных. Известно, что в позднейшее время магистраты латинских городов после исполнения своих должностных обязанностей имели право переселиться в Рим и пользоваться правами римского гражданина. Но точно не известно, когда именно им было дано такое право.

SOCII

Перейдём к третьему, главному разряду римских союзников — это так называемые *socii*. Рим, подчиняя себе различные области Италии, действовал чрезвычайно осторожно и вместе с тем чрезвычайно искусно. «Вечный город» придерживался принципа *divide et impera*¹⁷³. Римлянам нелегко было справиться с могущественными федерациями этрусских и самнитских городов. И как только римляне одерживали победу над ними, они старались уничтожить федеративную связь между

побеждёнными: никакая иная федерация не должна была существовать в Италии, кроме Римской. Следовательно, города Этрурии после роспуска их федерации могли находиться в дружественных отношениях только с Римом, но не могли пребывать в союзных отношениях друг с другом. То же самое надо сказать и о самнитских племенах. Никакой политической связи между ними не допускалось; нетронутой оставалась только сакральная связь. Так, мы знаем, что самнитские племена по-прежнему имели одну общую святыню и имели право участвовать в общем самнитском празднестве. Но политический характер их федерации был совершенно уничтожен.

Обеспечивая себя с этой стороны, римляне не входили глубоко в жизнь своих союзников, не переделывали её. Они везде оставляли то устройство, которое было прежде. Так, например, в Этрурии, где в городах господствовала аристократия, сохранился аристократический характер городской организации и при римлянах. В самнитских племенах, где, напротив, не было развито аристократическое начало, как римляне и не старались его вводить, и до конца автономной жизни самнитов между их племенами господствовало демократическое начало.

Civitates foederatae¹⁷⁴. Таких общин, которые находились в прямом союзе с Римом, было 135. Я перечислю лишь некоторые из них. К северу от Рима, в Этрурии, находились следующие общины союзников: Clusium (на запад от lacus Trasimenus, ныне Chusi), Perugia (на восток от Тразименского озера, ныне Perugia), Arretium (на север от Тразименского озера, ныне Arezzo), Volaterrae (на севере Этрурии, в нескольких милях от моря) и Pisaе (на р. Арно, в 20 стадиях от его устья, ныне Пиза).

Затем на левой, или восточной, стороне Тибра находились такие союзные общины, как Iguvium (к северо-востоку от Перузии, в Умбрии), город, известный тем, что в его окрестностях были найдены так называемые Игувинские таблицы*. Ныне это город Губбио.

Далее следует упомянуть три «острова» союзнической земли среди *ager Romanus*: Camerinum (к юго-востоку от Игувиума, в Умбрии), Asculum (в Picenum, к юго-востоку от Камерина, на реке Truentum), Ancona (в Пиценуме при Адриатическом море, на юго-восток от р. Aesis).

В Лациуме существовали такие *civitates foederae*, как Tibur (на восток от Рима, на р. Anio, любимое место пребывания Горация; ныне Tivoli) и Praeneste (к юго-востоку от Рима, ныне Палестрина).

На противоположной стороне Апеннин находились следующие союзные общины: Corfinium (в области пелигнов, почти на восток от Фучинского озера), город, который будет играть важную роль в отношениях Рима и союзников, Sulmo (к югу от Корфиниума, родина Овидия,

* В развалинах храма Юпитера близ Фламиниевой дороги в 1444 г. один крестьянин нашёл 7 хорошо сохранившихся медных досок с умбскими надписями, которые весьма важны для знания итальянских диалектов. Л. 657.

в области пелигнов), Bovianum (в Самниуме, к северо-востоку от Капуи).

Среди *civitates foederae* Южной Италии необходимо назвать Neapolis, Nola (к востоку от Неаполя), Potentia (в Лукании, близ апулийской границы), Grumentum (в Лукании, на р. Aesis), Barium (на восточном берегу Италии) и Rhegium (при Мессинском проливе, ныне Reggio).

Многие из этих союзных общин настолько незначительны, что нет надобности перечислять их. Всего же их было, как я уже сказал, 135.

Foedera¹⁷⁶. Каковы же были отношения этих союзников к Риму, какие они несли обязательства? Основанием их взаимоотношений с Римом служил *foedus*, который римляне заключали с каждой из этих общин отдельно. Эти *foedera* (договоры) были двоякого характера.

Во-первых, существовал *foedus aequum*, союз Рима и какого-нибудь города на равноправной основе (по крайней мере, номинально). Города, заключавшие такой союз, пользовались полной автономией (по крайней мере, поначалу).

В менее благоприятном положении находились те города, в договоре с которыми была формула, согласно которой союзники обещали *maiestatem populi Romani comiter conservare**. Эта формула обозначала в некотором смысле подданнические отношения. Союзник оставался самостоятельным, но был обязан *conservare maiestatem populi Romani*, он принимал на себя обязательства заботиться о поддержании величия римского народа. Это указывало на несколько зависимое положение таких общин от Рима.

Отношения союзников к Риму. *Foedus*, который римляне заключали с союзниками, составлял основу права главенства Рима, а это право заключалось в том, что союзник должен был выставять войско для всех войн, которые вёл Рим. Рим не налагал податей на своих союзников, он не делал из них данников, но он налагал на них обязанность помогать Риму посредством снаряжения воинских отрядов.

Политика Рима по отношению к своим союзникам была совсем иной, чем политика Афин. Афины образовывали симмахию, брали только деньги и на эти деньги содержали флот и войско. Римляне же не брали денег, но брали войска.

Затем Рим являлся как бы главой федерации. Союзники сохраняли самостоятельное положение, они могли даже вести войну, но Рим не позволял союзникам воевать между собою, беря на себя функции посредника. Значит, к Риму постепенно переходила правительственная власть в этой федерации. Союзные города также не имели права вести войну с теми державами или городами, которые находились вне Италии, потому что все иностранные дела велись Римом. Именно Рим решал вопросы, когда воевать и когда заключать мир. Союзникам оставалось только выставять контингент по приказу из Рима.

* *Eosdem hostes se habituros, maiestatem populi Romani comiter se conservaturos.* Такова была обычная формула, входившая в договоры.

Итак, союзники, хотя и заключали равный союз, вводя только одну формулу, *de facto* становились скорее подданными, чем союзниками.

Причины прочности союза. Почему же держались эти города союза с Римом и держались так крепко? Почему мы не видим никаких попыток отложиться от Рима, свергнуть римскую гегемонию¹⁷⁷? А в силу того, что итальяйские города были связаны с Римом общими интересами. Первый их общий интерес — военный. Был Рим, был союз с Римом, и итальяйские города были независимы и сильны. В союзе с Римом им незачем было бояться ни галлов, ни карфагенского флота, ни морских разбойников, этого бича древнего мира. Они спокойно жили в союзе с «вечным городом».

Второй интерес заключался в том, что союзники вместе с Римом вели войну. В этом случае они вместе пользовались плодами победы.

В наше время война есть весьма тяжкое дело, она даёт себя чувствовать с тяжкой стороны и частным лицам, и городам. Большие жертвы приходится приносить и деньгами, и войском. Если результат войны успешный, если государство делает завоевания, то отдельные граждане могут быть удовлетворены только идеально, может быть удовлетворено только их патриотическое чувство. Но никакой личной выгоды они из войны не получают.

Совсем другой характер имели войны в древнем мире: там война была средством обогащения для частных лиц. Не только наёмники шли под знамёна в надежде нажиться, но и римские граждане и ита-лики. Италики стремились на войне обогатиться. Солдат римской армии мог считать своею всю добычу, которую он взял своею рукою, — это так называемое *rapinae*. Конечно, не всё дозволялось брать. Взятая добыча делилась на три части: одна шла в государственную казну, другая — в пользу полководца, а третья доставалась солдатам. Но *rapinae* всегда были настолько велики, что этой добычи было для воинов вполне достаточно. Но, кроме своей доли, из общей добычи солдат получал ещё и другую долю, если полководец одерживал триумф. В этом случае полководец входил в Рим с шествием и одаривал солдат. Этот подарок назывался *donativum*; иногда он достигал большой суммы.

Наконец, если результатом войны было приобретение земли, то и это составляло выгоду целой нации или общины. Из этого *ager Publicus* можно было получить надел. Правда, иногда римляне давали своим союзникам из захваченных земель меньше, чем брали себе; но иногда давали целые области в пользование тем союзникам, которые участвовали вместе с ними в войне. Так, например, когда римляне утвердились на севере Италии, там было отведено много земли для некоторых союзных общин.

Далее, союзников и римлян связывали торговые дела, торговые интересы. Со временем Рим всё более и более становился важным торговым центром. Важным признаком того является тот факт, что тотчас после завоевания Южной Италии в Риме начинают чеканить серебряную монету¹⁷⁸, потому что торговля стала принимать обширные размеры. До тех же пор была только медная монета. С этого времени

в торговле союзники стали участвовать даже более, чем сами римляне. Все союзные города имели *commertium* с Римом и со всеми теми общинами, с которыми Рим имел *commertium*.

Итак, Рим и союзники были связаны взаимными интересами. Выгоды, которые римляне извлекали из союзников, уравнивались выгодами, доставляемыми им. Но постепенно такое положение дел изменилось, союзники попали в худшее положение, в результате чего стали недовольны римлянами. Тогда появились натянутые отношения между Римом и союзниками, которые окончились Союзнической войной в последние годы республики. Об этом мы ещё поговорим.

Но в то время отношения Рима и союзников были настолько благоприятны для последних, что они даже не желали поменять своё положение на положение римских граждан¹⁷⁹. Так, например, история второй Пунической войны содержит интересный факт. В этой войне когорта пренестинцев чрезвычайно храбро отстаивала маленькие укрепления Казилинума (городок к северу от Капуи, на р. Вольтурн) от натиска сил Ганнибала. Римляне хотели наградить эту когорту и дать ей самую высшую награду — права римского гражданства. Но вся когорта, все 500 человек, отказались от этого, так как они потеряли бы права гражданства в своём родном городе. Их местный патриотизм был так велик, что они предпочли остаться союзниками.

Со временем, однако, такие взгляды союзников претерпевают изменения. Они увидели, что гораздо выгоднее быть римским гражданином, чем гражданином своего родного города. Поэтому они стали добиваться римского гражданства и стали подниматься с оружием в руках, чтобы его получить.

ВОЕННЫЕ СИЛЫ РИМЛЯН

Такова в главных чертах та организация, которую получила Италия после её завоевания римлянами. Вы видите, что вся федерация городов, вся Италия стала представляться объединённой. Если мы посмотрим ближе, как организовывалось это государство, то увидим, что оно было основано на городских началах. Это чрезвычайно важное обстоятельство. Рим был городом и остался городом, между тем он стал делать большие завоевания и подчинил так много областей, что стал государством. Он не мог уже оставаться городом, но должен был сделаться государством. И Рим организует государство посредством федерации городов. Мы увидим, что впоследствии обнаружились недостатки такой формы государства, но благодаря этой форме Рим нашёл возможность сохранить городскую организацию и у себя, и у италийских городов. Эта федерация представляла известную гармонию двух принципов, без которых не может существовать никакая федерация, а именно, принципов централизации и автономии. Очень сильный центр — это Рим, который, как старший член федерации, руководит всей федерацией. Рим составляет объединяющее звено новой Италии. Но поначалу и другой принцип был широко представлен —

принцип автономии. Союзники Рима не чувствовали гнёта, шедшего от центра, и постепенно сливались вместе с Римом. Происходила национальная и политическая ассимиляция, т. е. имели место латинизация (или романизация) и постепенное слияние римлян с союзниками. Такая форма представляла возможным объединить Италию, и Рим, объединив Италию, стал первой политической и военной силой в тогдашнем мире, получил возможность располагать громадными военными силами.

Благодаря счастливому случаю мы имеем возможность составить себе ясное представление о военной силе Рима перед второй Пунической войной, т. е. того времени, когда эта организация обнаружилась. А именно, у Полибия сохранился список контингентов, которые должны были выставять союзники *ex formula togatorum*, т. е. в том договоре, который римляне заключали с союзниками, был обозначен тот контингент, который союзные города должны были предоставлять в пользу Рима¹⁸⁰. *Ex formula togatorum* Рим был в состоянии выставить 770 000 вооружённых людей. Это была громадная сила по тем временам. В настоящее время, когда с 1770 г. начали вводить всеобщую воинскую повинность, армии европейских государств стали доходить до таких громадных размеров. Благодаря этому только под Лейпцигом Европа могла выставить такие громадные массы войска. До тех же пор армия в 770 000 представлялась чем-то баснословным.

Эти 770 000 распадались следующим образом. Рим из этого числа выставял 273 000, из которых 173 000 полноправных римских граждан и около 100 000 *cives sine suffragio*. К ним присоединялся контингент, выставляемый *nomen Latinum*. Латинские города — это те же римляне, только они живут не вместе; их отряды сражаются рядом с римлянами. *Nomen Latinum* мог выставить 75 000 человек. Таким образом, римляне с латинцами могли выставить 358 000 воинов.

Следовательно, бо́льшая часть войска — 412 000 солдат — это сила союзников. Римляне и латинцы могли выставить несколько меньше, чем все остальные союзники: этруски, некоторые латинские города, не вошедшие в *nomen Latinum*.

Эти 412 000 воинов распределялись следующим образом. Этрурия выставяла 109 000 человек, Умбрия — 25 000, сабиняне — 44 000, самнитяне — 77 000, луканцы — 33 000, япиги — 66 000 и брутийцы — 33 000.

Можно обратить внимание на то, что в численности контингентов почти везде встречаются две цифры: 33, 44, 66, 77. Это происходит от того, что тут считались и пехота, и всадники, а всадники обычно составляли 1/10 пехоты. Таким образом, если луканцы должны были выставить 30 000 пехоты, то им полагалось снарядить и 3000 всадников, а всего 33 000 воинов.

Если к указанному числу прибавить контингент мелких самнитских племён (марсов, маруцинов, френтанов, вестингов, около 25000), тогда получим войско в 412 000, а вместе с римскими силами — 770 000 человек.

Лекция 19

Вы помните, какие силы Рим сосредоточивал в своих армиях, когда объединилась Италия. В наше время Королевство Италия при существовании всеобщей воинской повинности может выставить 500 000 человек. В древности же ещё не полная Италия, без Сицилии, как видно из рассказа Полибия, перед второй Пунической войной могла выставить 770 000 воинов. Понятно, что когда Рим овладел Италией и мог выставить такую большую армию, он предстал самой сильной державой древнего мира. Будучи столь сильной державой, особенно при воинственном направлении политики того времени, Рим, естественно, встал на путь дальнейших завоеваний.

Мы видели, что период борьбы патрициев с плебеями окончился примирением этих двух элементов, и это примирение сделало Рим могущественным и способным к борьбе за преобладание в Италии. Точно так же второй период борьбы Рима, борьбы с другими итальянскими городами и племенами, завершившись известной сделкой, примирением, сделал Рим способным вступить в соревнование с главными народами древнего мира за преобладание. Но на этот раз оба элемента не были вполне слиты, как патриции и плебеи, да и невозможно было тогда такое слияние. Слияние могло произойти только на основании федеративных начал.

ЧАСТЬ IV. ДУХОВНАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО РИМА

Необходимость обращения к этому вопросу в настоящий момент. Дальнейший успех Рима обуславливался не только (а может быть, и не столько) его физическими силами, не только количеством легионов, которые он мог выставить сам и с помощью союзников, но и нравственными силами. А потому нам надо теперь, прежде чем рассматривать дальнейшую историю Рима, познакомиться с духовной стороной жизни тогдашнего Рима. Есть ещё одна причина, почему мы обращаемся к этой стороне римской жизни именно сейчас. Хотя история Рима развивалась с давних пор, всё-таки мы находились на шаткой почве. Наши исторические сведения не были достаточны, чтобы касаться быта и вообще духовной жизни Рима. Но только в этот период¹⁸¹ наши сведения настолько богаты, что мы можем говорить о духовном лице Древнего Рима. Однако не следует откладывать рассмотрения этого вопроса, так как по мере расширения арены столкновения Рима с другими народами изменялось его первоначальное лицо. Римский народ становился другим, принимая плоды культуры других народов. Он рос, развивался, вместе с тем изменяя свои первоначальные свойства.

Итак, при описании начала III в. до Р. Х. (времени, предшествующего началу Пунических войн и следующего за завоеванием Италии) наступает момент, когда следует обратиться к духовной стороне римской жизни, чтобы составить себе определённое понятие о Древнем Риме в его самобытном виде.

РИМСКАЯ РЕЛИГИЯ

Когда историк изучает быт, дух народа, тогда прежде всего ему приходится принять во внимание религию народа. Это особенно нужно, когда речь идёт о древнем народе, потому что тогда религия абсорбировала все другие стороны жизни народа. Религия оказывала сильное влияние на политику и почти исключительно преобладала в духовной жизни, налагая на всё свой отпечаток. Поэтому нам прежде всего нужно коснуться религии Древнего Рима.

Римский народ вынес из своей родины, из общей родины арийцев, общие религиозные представления индоевропейских племён. Но эти общие представления стали изменяться очень рано в соответствии с историей каждого из арийских племён. Так, например, если мы возьмём религию индусов в её самой древнейшей форме, которая только для нас доступна, то мы заметим, насколько тогдашняя Индия, тогдашние условия местности наложили свою печать на общее религиозное представление древних людей. То же самое можно сказать и о самых ранних греческих религиозных представлениях, которые отражены в Илиаде и Одиссее.

И о римлянах можно сказать, что их общие представления по сравнению с представлениями древних греков и арийцев изменились сообразно с особыми условиями, в которых находился римский народ.

КУЛЬТ ПРЕДКОВ

В основе римской религии лежал культ предков, который находился во взаимосвязи с родовым бытом, а может быть, и лежал в его основании.

Эту точку зрения выдвинул известный французский историк Фюстель де Куланж в своём сочинении «*La cité antique*» («Античная гражданская община»). В этой книге автор старается объяснить родовой быт Рима и первоначальные формы гражданского и политического быта древним религиозным представлением — культом предков. Фюстель де Куланж предполагает, что религия римлян представляла собой культ предков, который есть первое звено, основание древней жизни. Из культа предков формируется родовой быт, а гражданский и политический быт сохраняют, в свою очередь, формы родового быта.

Это, конечно, гипотеза, которой невозможно придерживаться без определённой натяжки. Поэтому, наверное, лучше сказать так: культ предков у римлян и греков находился в тесной связи с родовым бытом, заключал в себе черты родового быта. Очевидно, лучше сказать так, чем утверждать, что культ предков вызвал родовой быт.

ПОКЛОНЕНИЕ СИЛАМ ПРИРОДЫ

Кроме культа предков и других религиозных представлений, связанных с родовым бытом, в основании духовной стороны жизни римлян лежало поклонение силам природы. Конечно, не следует представлять себе дело так, что религия возникла из наблюдений древних за солнцем, луной, грозой, пугавшей людей. Не светила и не атмосферные явления породили религию, но они придали определённую форму, определённое направление религиозному чувству.

Религиозные представления, находившиеся в связи с явлениями природы, особенно явно отражали быт тогдашнего Рима. Древние римляне были земледельцами и в известной степени пастухами. Их быт был земледельческим, они ещё не вели торговли, не знали моря, не сносились с другими народами¹⁸². Поэтому их религиозные представления носили узкий характер соответственно потребностям простого, скажем, крестьянского быта. Римляне поклонялись богам, от воли которых зависела жатва, плодородие полей. Так, римляне почитали Сатурна (*Saturnus*). Они молились богам, от которых зависело поголовье стад, например богине Палес (*Pales*). Римляне поклонялись и подземным богам, от которых зависело, продлить ли человеку жизнь или послать смерть.

ОТНОШЕНИЕ РИМЛЯН К БОГАМ

Отношения римлян к богам носят особый духовный отпечаток. В этих отношениях мы можем проследить не только отражение внешних бытовых условий, но и отражение самого духа римского народа. Есть несколько черт в древней римской религии, которые выступают на первый план. Во-первых, особая почитительность по отношению к богам, которая близка к чувству страха, то что греки называли *δεισιδαιμονία*. По отношению к богам римляне испытывали особое чувство, которое нам станет ясно, если мы сопоставим его с тем чувством, которое испытывали греки.

У греков была известная фамильярность по отношению к богам. Это происходило от того, что у них была сильно развита художественная фантазия, и они облекали свои религиозные представления в ясные антропоморфические формы. Греки преображали богов в людей, приписывали богам те же чувства и даже те же дурные свойства, которыми обладают люди. Вследствие этого боги становились ближе к грекам, они выглядели такими же людьми. Человеку в общении с ними было привольно, он их не пугался, даже зная, что боги могут его уничтожить. Затем грекам была свойственна любознательность, которая находится в тесной связи с фантазией. Греку хотелось подробно знать всё, что касалось жизни богов и их отношений. Грек ни перед чем не останавливался, вмешивался в самые интимные отношения богов, давая полную волю своей фантазии.

Совершенно иначе относились к богам римляне. Они держались от богов на почтительном расстоянии, у них не проявлялась любознательность к жизни богов, поэтому у них не было мифологии. Это выражалось в тех простых фактах, которые мы замечаем в отношении римлян к богам. Римляне, когда молились или приносили жертву, покрывали голову и приклоняли её, боясь непосредственного общения с божеством. Минута принесения жертвы была страшной для римлянина.

Другая черта римской религии — это рассудочность, так сказать, трезвость, практичность, которых мы не находим у греков. Рассудочность есть противоположность фантазии. Благодаря фантазии и художественному чувству греки искали в своей мифологии изящное, потребность изящества у греков проявлялась преимущественно в области религии. У римлян не было такой потребности, у них преобладали исключительно практические потребности. Они ко всему относились рассудочно. Поэтому римские боги не были антропоморфными. Римские боги были не целыми живыми образами, а, скорее, почти отвлечёнными понятиями, воплощениями тех потребностей, которые чувствовали римляне в своей жизни.

Такой же практический и рассудочный характер носили и отношения римлян к богам. В умиловлении богов была главная обязанность римлян. Они умиловляли и добрых богов, которые рады посылать человеку хорошее, и тех богов, которых они боялись, например подземных, чтобы они не послали какого-нибудь зла. Злым богам римляне приносили жертвы, пожалуй, больше, чем добрым.

Римляне давали богам отступную, чтобы боги их не трогали или чтобы заплатили им сторицей. У них были как бы юридические отношения к богам, выработались какие-то договорные формы. Римляне более всех народов развили в области права договорное право или обязательства. То же самое мы видим и в отношениях к богам. Вся римская религия основана на взаимном договоре между богами и людьми. Такой договор состоял в том, что люди должны приносить жертвы богам, а боги будут им за это воздавать добром. При этом римляне, конечно, считали нужным честно соблюдать уговор, тем более что они боялись богов. Они строго наблюдали, чтобы никак не отступить от договора ни в чём: не уменьшить количества священной жертвы, установленного преданием, не отступить от формулы молитвы, произнести её так, как это делали издавна, не пропуская ни одного слова. Если при произнесении молитвы римлянин пропускал или переставлял хоть одно слово, то молитва не имела силы и должно было заново произнести молитву и принести жертву. Первая жертва, принесённая при молитве с ошибками, была негодна божествам.

Но римлянин, простой крестьянин, был человеком расчётливым. Он был расчётлив и относительно богов. Им он давал то, что нужно, и никогда не переплачивал. По возможности он старался обойтись с жертвами богам подешевле. Он, так сказать, хитрил с богами. Если он был уверен, если совесть говорила ему, что хитрость неопасна для него, то он её использовал. Поэтому римляне в религии допускали плутоватость, фикции, давая богам вместо содержания форму.

Любопытно, что фикция, которая играла важную роль в истории римского народа, занимала видное место и в религии. Посредством фикции, можно сказать, в римскую религию вошли новые начала. В древнейшие времена римляне приносили кровавые жертвы, в том числе и человеческие (большой частью военнопленных). Но затем или нравы смягчились, или пленные, как рабы или прислуга, получили большую ценность, чтобы их закалывать для богов. И вот, римляне стали приносить в жертву головы, правда, не человеческие, а луковичи, которые стали обозначать головы людей¹⁸³. При умиловлении Тибра в его воды римляне бросали не людей, а соломенные куклы. Это фикция: приносился в жертву как бы человек. Под влиянием этого направления¹⁸⁴ развивалась римская религия и дальше.

С другой стороны, необыкновенная отвлечённость и страх перед богами вели к чрезвычайной дробности религиозных представлений.

Греки тоже дошли до многобожия, они населили Олимп массой божеств, но именно благодаря фантазии. Фантазия часто удваивала, утраивала богов. Так, солнце воспринималось и как Аполлон, и как Гелиос. У римлян же процесс увеличения числа богов совсем иной¹⁸⁵. Он обусловлен дроблением понятий. Римлянин боялся, всех ли богов он умиловил, которых нужно почтить, не пропустил ли какого-нибудь бога. Поэтому римлянин приносил жертвы и неизвестным богам. Это служило причиной увеличения числа богов¹⁸⁶. Число богов можно было увеличить потому, что большинство из них представляли собой от-

влечённые понятия. Этим объясняется необыкновенная дробность и педантичность римской религии.

Каждый акт человеческой жизни возводится в представление о божестве, каждый шаг в жизни, по представлению римлян, имел своё божество. Это начиналось с самого рождения римлянина. Когда появляется младенец, то он начинает кричать; по мнению древних римлян этому помогал бог *Vagitanus*. Когда ребёнок издавал крик, мать обращалась в *Вагитану* с благодарностью, а потом это божество больше не было нужно.

Затем нужно было признать ребёнка. От отца зависело, сделать это или нет. Если отец признавал дитя, он брал его на руки. В противном случае (например, если ребёнок оказывался уродом или по каким-то другим причинам) ребёнка выносили и предоставляли на произвол судьбы, как было сделано с Ромулом и Ремом. Но если отец принимал на руки дитя, то в этом случае приходила на помощь богиня *Levana*.

Ребёнка клали в колыбель, обращаясь при этом к богине *Cunina*.

Затем малышу давали соску, обращаясь к богине *Rumina*.

Когда ребёнок начинал расти, принимать пищу, римляне обращались к божествам *Edusa* и *Potina*.

Бог *Fabulinus* помогал ребёнку научиться говорить.

Наконец, ребёнка надо было отдать в школу. Его провожали в путь божества *Iterduca* и *Domiduca*.

Таким образом, с самого малолетства каждый шаг римлянина находился под охраной особых божеств.

И в земледельческом быту мы видим то же самое. 12 богов охраняли земледелие. Например, когда нужно было бороновать, т. е. покрывать посеянное зерно, обращались к божеству *Occator*. Бог *Sarritor* помогал полоть киркой землю, удалять из неё сорные травы. И так далее.

ФОРМАЛИЗМ РЕЛИГИИ

Из всего изложенного выше вы видите, что общий характер римской религии отличается формализмом. Можно сказать, что в формализме заключается сущность римской религии. Но следует при этом сделать оговорку. Благочестие римлян имело более внешний характер, а мы часто противопоставляем внешнему благочестию внутреннее. По нашему представлению, формализм задерживает развитие настоящего благочестия. Однако это не применимо к Древнему Риму, так как при тогдашнем быте благочестие не могло иметь другого характера, кроме как формального. Формальное благочестие было единственной формой, которая тогда могла существовать.

ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РЕЛИГИИ ДЛЯ РИМЛЯН

В Риме за формальным благочестием надо искать настоящее. Действительно, внутреннее благочестие у римлян было, причём оно со-

ставляло силу римского народа в ту эпоху его жизни. То, что религия лежит в основании народной жизни Рима, было известно уже самим римлянам. Это было известно и грекам, которые наблюдали за римлянами. Полибий первым, как мы знаем, высказал замечание, что главная сила римлян в сравнении их с другими народами заключалась в их религиозном чувстве. Саллюстий* повторяет эту мысль почти в тех же словах. Цицерон по этому поводу (хотя он и жил в то время, когда, по крайней мере в Риме, исчезло древнее благочестие, уцелев в муниципиях) говорил так: если сравнить римлян с другими народами, то надо сказать, что во многих отношениях римляне ниже других народов, в некоторых отношениях сравнивались, но в одном римляне всегда стояли выше других — в отношении почтения к богам¹⁸⁷.

Это понимали не только мыслители, но и обычные римляне. А именно, в ту эпоху, на которой мы остановились, произошёл любопытный случай. К римлянам явилось посольство Пирра, во главе которого стоял образованный ритор Кинеас, человек свободного направления в религиозном отношении. Ритор стал объяснять римскому государственному человеку, Фабрицию, как греки смотрят на богов, что такое божество, одним словом, желал познакомить Фабриция с рационалистической точкой зрения на Олимп, думая произвести на него впечатление. Он произвёл впечатление, но не то, которое хотел. Фабриций, выслушав его, сказал: «дай бог, чтобы греки, да и другие враги, всегда держались такого взгляда на богов, потому что, пока они держатся его, мы будем побеждать врагов»¹⁸⁸.

Но в чём же заключалась та сила, которую римляне черпали из своих религиозных представлений? Во-первых, можно указать на то, что римлянин вследствие своего религиозного чувства всегда находился под страхом оскорбить какую-нибудь высшую силу. Римлянину всегда была присуща мысль о высшей силе, стоящей над человеком. Он никогда не был один, предоставленный собственному эгоизму. Он всегда чувствовал потребность (хотя и эгоистическую) поделиться с богами. И можно сказать, что римская честность в значительной степени находилась в связи с древним благочестием.

Затем, семья была второй силой, которая укрепляла религиозное чувство. В семье представителем религиозного начала был отец, который являлся семейным жрецом, и отцовская власть, лежавшая в основе семейных отношений, благодаря этому представлялась не внешней властью, перед которой сын должен был преклоняться, а внутренней

* С. Sallustius Crispus (86—35 гг. до Р. X.) родился в Амитерне. В 52 г. был народным трибуном, в 50 г. цензор Аппий Клавдий Пульхр вычеркнул его из списка сенаторов. Цезарь в 49 г. сделал его квестором и возвратил сенаторское достоинство. Потом Саллюстий был пропретором и проконсулом в Африке, умер близ Рима в своём поместье. Молодость он провёл довольно беспорядочно, а к литературе обратился после смерти Цезаря, когда удалился совершенно от государственных дел. Сочинение: *De coniuratione Catilinae, Bellum Iugurthinum* и *Historiae* (охватывавшее в 5 книгах период от смерти Суллы в 78 г. до 67 г.), от которого уцелело довольно много, но только в отрывках. Л. 1180—1.

сакральной властью. Сын и дочь охотно преклонялись перед отцовской властью, потому что отец был посредником между ними и богами.

То же самое можно сказать и относительно государства. Для римлянина государство или город были жилищем богов, на каждом шагу он встречал святыню, которая ему дорога и к защите которой он всегда готов. Сама могила предков привлекала римлянина не в том смысле, как привлекает в наше время. Ввиду развитости культа предков могила, где они похоронены, была святыней в буквальном смысле слова. Её надо было защищать. Этим объясняется та сила, с которой римляне бились за свой участок, где находилась их родовая могила, и та крепость, с которой они держались за свой народ.

Очень красноречиво и верно это изложено у Ливия там, где он говорит о взятии Вей и о желании многих римлян переселиться в этот город. Только римский патриот Камилл успел удержать их от этого шага. Сама речь Камилла до нас, конечно, не дошла, но Ливий чрезвычайно верно понял её дух. В этой речи главный аргумент заключался в том, что нельзя оставить Рим, где похоронены предки римлян и где живут римские боги, потому что они не могут переселяться¹⁸⁹.

Влияние религии чувствуется и на политической жизни. Оно выражается также и в характере римской магистратуры. То, что сказано об отцовской власти, можно сказать и о власти магистратов. Римляне были способны на сильную дисциплину, они были готовы повиноваться своим магистратам при всех условиях, так как власть магистратов имела сакральный характер. Так, консул был не только главнокомандующим, но и представителем римлян перед богами. Он приносил очистительную жертву перед войском. То же самое можно сказать и о других магистратурах. Например трибуны, пользовались сакральной неприкосновенностью.

РИМСКИЕ ЖРЕЦЫ

Несомненно, что в римской религии чувствовалось влияние жрецов. Отвлечённый характер римских религиозных представлений вряд ли был возможен без участия жрецов при столь простом быте. Жрецы развивали и римское право, которое вырабатывалось под их руководством и их влиянием. Наконец, жрецы являлись магистратами.

Некоторые современные авторы называют жреческие коллегии магистратурами. С римской точки зрения это не вполне точно. Жрецы не были магистратами, что видно из следующего факта: одни и те же лица занимали и политические магистратуры, и жреческие должности.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПАДЕНИЯ РОЛИ РЕЛИГИИ В РИМСКОЙ ЖИЗНИ

Объясняя характер римской религии, мы отметили причины силы римлян. Теперь мы можем обратить внимание на те обстоятельства, которые обусловили порчу римской религии. Во-первых, одной из при-

чин разложения римской религии является существование тесной связи между религией и политикой. Эта связь, с одной стороны, является причиной силы римской религии, а с другой — её упадка. Если в древнейшую эпоху религия покровительствовала государству, придавала власти сакральный характер, то в процессе развития государства религия становится политическим средством.

Подробно мы остановимся на этом далее. Сейчас я указываю на это как на зародыш разложения религии, которое объясняется её первоначальным характером. Другим зародышем порчи религии был её формализм, который приводил к лицемерию. Лицемерие и фарисейство очень рано развились у римлян. Это повлекло за собой появление пренебрежения к религиозным понятиям и представлениям. Поэтому уже довольно рано мы встречаем пренебрежительное отношение к святыням.

Во время первой Пунической войны, когда римляне ещё не имели представления о рационализме греков, произошёл случай, который показывает, что некоторые римляне уже тогда не придавали значения гаданиям. Перед всяким сражением кормили священных кур, которых возили при войске. К ним был приставлен особый человек (*pullarius*), который должен был их кормить. Если они клевали жадно, так, что выпадали зёрна у них, то можно было начинать сражение. Если же они медленно выходили из клетки и ели неохотно, тогда надо было отложить сражение до другого момента, даже если все обстоятельства для победы над врагами складывались благоприятно. Тем не менее, древние римляне свято соблюдали этот обычай.

Первый известный случай нарушения этого правила произошёл во время первой Пунической войны. Дело было на море, флотом командовал Публий Клавдий Пульхр (*Publius Claudius Pulcher*, сын Аппия Клавдия Слепого), из фамилии, которая так часто проявлялась в римской истории. Вся эта семья состояла из людей крайне резких, насильственных. Консул (это было в 259 г. при Дрепануме) захотел дать сражение, но куры не клевали. Тогда у Клавдия сорвалось с языка: «если они не хотят клевать, так пусть пьют», и их выбросили в море. На его беду римляне потерпели страшное поражение.

Наконец, можно сказать, что формализм религии имел другую сторону, как мы это видим. Когда римляне стали развиваться духовно, тогда формализм их не мог более удовлетворять. Среди своего формализма они чувствовали потребность другого культа и других религиозных представлений, более изящных и глубоких. Это объясняет нам, почему римляне так жадно принимали иноземные культы, особенно греческие, как только стали с ними знакомиться.

Лекция 20

Мы теперь изучаем Рим, каким он представляется после завоевания Италии, и стараемся выяснить римский быт и духовные черты римского народа. С этой целью в прошлой лекции мы подробно рас-

сматривали те данные, которые мы имеем для того, чтобы судить о римской религии. Сегодня перейдём к семейному быту римлян.

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

В Древнем Риме, как можно судить по многочисленным данным, господствовал родовой быт, который лежал в основании общественной и государственной жизни. О родовом быте римлян можно судить только по источникам позднейшего времени.

В ту эпоху, которую мы теперь рассматриваем (время после завоевания Италии), уже не может идти речи о родовом быте римлян в прежнем смысле слова. В это время сохранялись только рамки родового быта, тогда ещё существовали представления о родовой связи между людьми. Эта связь проявлялась главным образом в сакральных обрядах, хотя, конечно, имела и практический интерес. Родовая связь играла определённую роль в наследственном праве. Кроме того, родичи были склонны поддерживать друг друга при стремлении занять высшие магистратуры. Но в основании собственно общественной жизни III в. до Р. Х. лежал уже не род, а выделившаяся из него семья. Отношения, лежавшие в основании римской семьи, выработались из прежней родовой связи. Семья вышла из ослабевшей родовой связи. Из рода выделился более ограниченный и узкий организм. Сходство между родом и семьей заключалось главным образом в том, что во главе обоих организмов стояло одно лицо (в семье — *pater familias*). Но в древнейшее время семья имела другой характер, чем род.

Римская семья образовалась вследствие реакции против родового начала. Это можно проследить на таком институте римского права, как завещание. Очевидно, в древнейшее время в Риме был очень силен родовой быт, была развита зависимость родичей от своего рода. Особенно это характерно для имущественных отношений. В условиях родового быта человек (в данном случае глава семейства) получал право свободно распоряжаться своим имуществом только после своей смерти, т. е. получал право делать завещание и по завещанию распределять имущество, совершенно не согласовывая свои действия с родовыми правами и нормами. Этому предшествовала борьба двух начал. Не сразу в юридической жизни утвердился новый принцип, позволявший всякому свободно распоряжаться своим имуществом. Римляне, по сравнению с другими народами, гораздо раньше и в большей степени стали предоставлять отдельному лицу (независимо от его отношения к роду) право распоряжаться своим имуществом. Уже в эпоху децемвиров мы видим, что принцип свободного распоряжения имуществом проявился весьма заметно. В законах XII таблиц мы читаем: *uti legassit... ita ius esto* (Tab. V. 3.), т. е. как человек напишет в завещании, так пусть это будет считаться правом. Но далеко не каждый человек в Риме имел право распоряжаться имуществом; это мог делать только тот, кто владел имуществом, т. е. отец семейства.

Конечно, это право давалось безусловнo. Всяким принципом можно злоупотреблять. И в данном случае римляне не были доктринёрами, не доводили этот принцип до абсурда. Злоупотребления, связанные с правом распоряжаться имуществом, римляне ограничивали несколькими способами. Достаточно указать на один факт, который мы читаем у Валерия Максима*. Он приводит много важных фактов. Беда заключается только в том, что он никогда не указывает на источник и никогда не обозначает, к какому времени относится тот или иной случай. На сей раз мы можем сказать, что факт, приведённый Валерием, относится к вполне определённомu времени. Автор рассказывает, что некто Фабий, сын известного победителя аллоброгов**, занимавший очень важное место в Риме, злоупотреблял своими правами относительно распоряжения имуществом, т. е. тратил своё состояние, да так, что можно было думать, что доведёт свою мать до нищенства. И претор лишил этого знатного человека права распоряжаться своим имуществом. В этом случае злоупотребления властью посчитала себя в праве ограничить личную свободу римского гражданина.

Указав, как рано семья выделилась из рода и какой простор имел глава семейства, обратимся к самой основе семьи, посмотрим, какой принцип лежал в её основе. Это был тот же принцип, который находился в основании государственной жизни; он проявлялся и во внутренней жизни государства, и в отношениях римлян с другими народами. А именно, речь идёт о принципе власти.

Римский народ до мозга и костей был проникнут принципом власти. Вся история Рима с внешней стороны есть не что иное, как стремление римского народа властвовать над другими. Сама возможность властвовать над другими обуславливалась тем, что принцип власти играл большую роль в римских учреждениях. Римляне, изгнав царей и перейдя к республике, сохранили этот принцип. В этом и заключается оригинальная черта их истории: магистраты в определённом смысле сохраняли принцип царской власти в государстве.

Но как относительно родового быта я указывал вам, что из одного принципа вырабатывался противоположный, так и здесь можно указать на то, что римляне рано осознали потребность гарантии против власти. Внутренняя история Рима в известном смысле характеризуется этой потребностью. Она выразилась в самом начале республиканской истории в установлении *provocatio*, а потом в учреждении магистратуры народных трибунов.

Этот же принцип власти мы находим и в основе римской семьи. Но здесь римляне не считали нужным его ограничивать, не искали (или почти не искали) юридических гарантий против злоупотреблений главы семейства властью. В данном случае не было надобности искать га-

* Valerius Maximus жил в начале I в. по Р. X. Он не имел отношения к патрицианскому роду Валериев. Написал сочинение «*Factorum et dictorum memorabilium libri novem*». Л. 1438.

** Q. Fabius Maximus, прозванный за свою победу над аллоброгами в 121 г. до Р. X. Allobrogicus.

рантий в области права, так как они были даны самим характером семьи в естественной связи, которая лежит в основании семейного начала. Поэтому, когда речь идёт о римском семейном праве, речь идёт и о безусловной власти отца над сыном и женой. Нужно иметь в виду, что в жизни никогда не господствует исключительно одно какое-нибудь начало; не господствует и начало права без ограничения его со стороны других начал.

FAS И MOS

В Риме рядом с *ius* или с *strictum ius*, со строгим правом, мы встречаем другое понятие, которое ограничивает строгое право. Это *fas* и *mos*. *Fas* — это божественная правда, которая, конечно, проявляется прежде всего в области религии и религиозных представлений. *Fas* очень часто является ограничением *ius*. То, что позволялось по юридическому закону, часто не позволялось по божественному праву. И вот, в данном случае применительно к отцовской власти, которая с юридической точки зрения была безусловной, *fas* являлось чрезвычайно важным началом, ограничивавшим и смягчавшим *ius*.

С другой стороны, подобную роль играл и *mos*¹⁹⁰. Посредством *mos* устанавливались более гуманные отношения между членами семейства, между отцом и сыновьями в частности. Отец, который, опираясь на строгое право, стал бы им злоупотреблять, встретил бы препятствие. Его обвинили бы в нарушении обычая.

Такое положение дел существует в известной степени почти везде. Обычаи господствуют в обществе и регулируют право. Но римляне противопоставляли юридическую форму и самой идее нравственности. В этом заключалось значение цензуры, которая была отделена от консульства. Сначала эта магистратура имела, может быть, более специальное, узкое значение. Но цензура довольно рано получила особое значение, став блюстительницей нравственности и охранительницей семейных отношений. Цензору предоставлялось право заступаться за добрые нравы, ограничивать правовые отношения там, где это было нужно в интересах доброй нравственности.

Не только цензоры, но и другие магистраты следили за тем, чтобы не было злоупотреблений юридическим правом. Интересен тот факт, что один трибун привлёк к ответственности Манлия Торквата за то, что он злоупотреблял своей властью по отношению к сыну. Отец держал сына в деревне, на полевых работах, поручив ему домашнее хозяйство, между тем как сын мог бы явиться в Рим, обратить на себя внимание благодаря своим дарованиям. Это было вмешательство магистрата в семейные отношения. Оно произошло потому, что сила обычая была настолько большой, что допускала подобное. Этот случай поучителен и в другом отношении. Он показывает, как глубоко обычаи были укоренены в народной жизни.

Любопытно, как отнёсся сын к такому заступничеству. Узнав об обвинении своего отца, он появился в Риме и пошёл к трибуну. Три-

буну доложили о том, что к нему пришёл сын Манлия Торквата. Трибун был этим доволен, он надеялся, что сын станет жаловаться на отца и предоставит ему сведения для обвинения Манлия. Трибун приказал его ввести, надеясь, что сын Манлия откроет ему что-нибудь наедине. Но тот бросился на трибуна с кинжалом и стал угрожать ему смертью, если он не пообещает отказаться от обвинения в адрес отца. Вот как отнёсся сын к заступничеству трибуна, которое могло бы дать ему большую свободу, но которое было направлено против его отца.

Итак, говоря о древнеримской семье, построенной на отцовской власти, нужно иметь в виду и другие начала, которые влияли на семейную жизнь. Учёный Ihering, автор сочинения «Der Geist des römischen Rechts», сравнивает власть чистого, старого права с силуэтом. Силуэт представляет что-либо слишком одностороннее, передавая только внешний контур. Силуэт часто даёт совершенно неверное представление о предмете. Точно так же историк получил бы одностороннее представление о быте Древнего Рима, если бы он во всём держался тех сведений, которые мы находим в истории законодательства, не вникая при этом в другие факты, которые указывают на влияние религиозных идей и обычаев.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМЬИ

Римская семья представляется нам маленьким государством в государстве. Это замкнутый мир, нечто цельное, микрокосм, в котором действовали те же принципы, что и в государстве, т. е. власть. В семье были и сильные, и подчинённые, которые сдерживались строгой дисциплиной. Во главе семьи стоял отец. Он был не только родоначальником, но и, так сказать, магистратом. Действительно, он был *domesticus magistratus*. Он не только распоряжался всем, что входило в семью, как её основатель, но являлся верховным судьёй, жрецом семьи. Его власть имела сакральный характер. Важные жертвоприношения, семейные молитвы не были возможны без него.

Затем отец являлся не просто судьёй в случаях мелких семейных столкновений. Он заменял государство в своём суде. Если взрослый сын нарушал закон государства, если он являлся преступником, то его судил отец. Отец мог отказаться от такого суда, и тогда судило государство. Но прежде суда государственного шёл суд отца.

Отец стоял во главе семьи, *familia*, откуда идёт его название *pater familias*. Но по положению разные члены семьи отличались друг от друга. Отличалось их отношение и к главе семейства. Поэтому отец относился по-разному к сыновьям, дочерям и жёнам и рабам.

По отношению к рабам отец был *dominus*, господин. Рабы принадлежали к *familia*, они назывались *famuli*. Слово *dominus* (хозяин) происходит от *domus*¹⁹¹. По отношению к сыновьям он *pater familias*. По отношению к женщинам он имел *manus*; это не та *potestas*, которой он обладал относительно сыновей.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБА В СЕМЬЕ

Сначала рассмотрим отношения главы семейства к рабам. Если мы обратимся к римскому праву, раб являлся частью имущества главы семейства, был вещью, принадлежащей хозяину. В отношении господина к своей вещи не вмешивались никакие посторонние силы, никакие другие соображения. Государству не было дела, как *dominus* распоряжался рабами. Однако это отношение стало изменяться рано. Медленно, постепенно изменялся юридический взгляд на раба. Он *res*¹⁹², но вместе с тем на юридическом языке он стал называться *homo*; следовательно, это иная *res*, чем другие предметы хозяйства.

Любопытно в этом отношении сопоставить юридическое значение слова «*homo*» в Древнем Риме со словом «человек» XVIII в. В XVIII в. человек есть отвлечённое понятие, созданное рационалистической философией. Человек в данном случае берётся без единичных особенностей и индивидуальных признаков. Во внимание берётся назначение и общие стороны его существования. Отвлечённое понятие о человеке стало на языке французских философов прошлого века цивилизующим, культурным началом.

Совсем другое значение слово «*homo*» имело в языке римского права. *Homo* — человек, не гражданин. Понятие «гражданин» обозначалось словом «*civis*». Только римлянин был *civis* в полном смысле слова. Тот, кто не *civis*, тот *homo*. *Civis* выше *homo* (а в XVIII в. представление было иным: философы прошлого века *homo* ставили несравненно выше).

Раб был *homo*, он находился вне граждан, не имел гражданских прав. Но он был *homo*. Успех заключался в том, что раб являлся не просто *res*. Как скоро он признан *homo*, так юридическое начало получило основание вмешиваться в его судьбу. И в истории римского законодательства появились некоторые положения, защищавшие раба.

Первое ограничение власти господина проистекало из понятия *fas*: главе семейства воспрещалось нарушать родственные связи и чувства, которые присущи рабу как и всякому человеку. Затем появилась гарантия личности и целомудренности раба против господина.

Но гораздо важнее было другое ограничение со стороны римского права. Оно предоставило рабу право в известном случае жаловаться в суде на хозяина. Этот случай наступал тогда, когда какой-нибудь римский гражданин в своём завещании отпускал раба на волю и налагал на наследника обязанность исполнить его желание. Господин не хотел отпускать раба при жизни, так как тот мог ему ещё послужить. Но хозяин хотел, чтобы после его смерти раб стал свободным. Если наследник не отпускал раба, то тут вмешивалось римское право. Оно позволяло рабу явиться к римскому претору и начать иск против своего господина.

Затем важная перемена была внесена в понятие об отпущении, которое получило юридические формы. Господин отпускал раба на волю не просто, как то было в средние века в Европе или в России в недав-

нее время. Римский гражданин, отпуская раба на волю, делал его *ipso* гражданином, т. е. предоставлял ему все гражданские права. Но предоставление прав не происходило сразу. Новый гражданин, вчерашний раб, отличался от остальных граждан. Он назывался *libertus*, отпущенный на волю. Даже его сын не был вполне римским гражданином, являясь *libertinus*, т. е. сыном либерта. И только внук вольноотпущенника становился *ingenuus*, т. е. свободнорожденным полноценным гражданином.

Но это уже тонкости. В действительности же само отпущение уже делало раба гражданином. Вы помните, какое значение имело право гражданства в Риме. В наше время натурализация, т. е. признание пришлого человека гражданином, происходит очень легко, без всяких препятствий. Этим занимается любой представитель местной администрации. В Риме подобное дело не было лёгким и беспрепятственным. Нужно было собрать народное собрание, чтобы оно приняло постороннего человека в число римских граждан. Но в данном случае по отношению к рабам не надо было спрашивать согласия народного собрания. Римский гражданин в силу своей личной воли мог сделать всех своих рабов *cives*, хотя и с известными ограничениями в течение трёх поколений (*libertus*, *libertinus* и *ingenuus*).

Говоря о положении рабов в древнем мире, надо иметь в виду другие стороны: не только право, но и экономический быт и нравы. Что касается экономического быта, то следует указать, во-первых, на малочисленность рабов. Обычно в римской семье был один раб. Ведь семья-то сидела на таком участке, что она и не нуждалась в большем количестве рабов.

Имена рабов отражали тот факт, что они были слугами в семье: *Marcius* означало *puer Marci*, т. е. слуга Марка, *Quintus* — *puer Quinti*, слуга Квинта.

Нужно иметь в виду происхождение рабства в древнем мире. Рабами становились военнопленные. В Риме рабами становились жители окрестных общин — латиняне, очень близкие римлянам люди. Следовательно, между господином и рабом не было различия племенного. Кроме того, римляне хорошо знали, что жители соседнего города на следующий день могут взять в плен его самого и он может стать рабом в той семье, член которой являлся его рабом. При таких обстоятельствах между господином и рабом не могло быть того натянутого, враждебного отношения, которое появилось потом, когда рабы привозились издалека и притом покупались. Например, рабов-кикийцев римляне презирали за безнравственность, а рабов-испанцев, кельтов они считали дикими людьми. В позднейшем Риме расстояние между господином и рабом было чрезвычайно значительно, а в древнейшем Риме — очень незначительно.

Затем надо иметь в виду, что значительная часть рабов рождалась в доме. Эти люди назывались *vernae*. *Verna* — это такой раб, который родился в доме господина. Они стояли к хозяину гораздо ближе, чем купленные рабы (*mancipia*), всегда имели привилегированное положение, особенно в эпоху ранней республики, когда семья была незначи-

тельной. Нередко сама госпожа кормила грудью вместе со своими детьми малолетнего раба. Ещё жена Катона таким образом воспитала маленького раба.

Затем надо иметь в виду простоту жизни. Если крестьянская семья нанимает одного работника, то и отношение к нему совершенно иное, чем в том случае, когда большая крестьянская семья нанимает множество работников. И в Древнем Риме устанавливались более близкие отношения между господином и рабом. Раб жил и питался вместе с хозяином. Мы знаем, что в Древнем Риме было весьма мало рабов. На это указывают интересные факты. Например, когда Регул был взят в плен, он просил позаботиться о хозяйстве, так как раб, который у него был, умер, а управляющий (*villicus*), старший раб, не мог уже вести хозяйство. Ещё и в историческую эпоху, в более позднее время, Катон, который держался старины, отправился в Испанию только с тремя рабами.

Раб был в сущности членом семьи. Это с особенной силой проявлялось в религиозном быту. Раб участвовал в жертвоприношениях; у него была обязанность приносить молитву (без которой ничего нельзя было предпринимать) в случае отсутствия хозяина. Рабы часто проводили *lustrationes*¹⁹³. Рабы и свободные члены семьи имели общую могилу, общих богов и богиню-покровительницу (которой часто выступала Диана). Хозяин был обязан заботиться о рабе, а не просто давать ему пищу, одежду и т. д. (Обычаем было установлено, сколько чего следовало давать рабу.) Эти отношения господина и раба непохожи на позднейшее обращение с рабами, которое являлось эксплуатацией. Относительно таких рабов Катон советовал не церемониться: когда раб старел и не мог уже приносить пользы в хозяйстве, его следовало бросить и купить другого, молодого раба, покрепче. В Древнем же Риме таких соображений не было. Напротив того, господин был обязан даже веселить раба. Для этого был установлен праздник Сатурналий (*Saturnalia*), который праздновался в декабре, после того как все полевые работы были окончены*. На Сатурналиях господин должен был давать рабам всё, что было у него в доме, должен был их угощать как можно лучше. Рабы же надевали одежду господ; это было своего рода переряживание, и господин по древнему обычаю должен был прислуживать им во время праздника.

Лекция 21

Для характеристики быта рабов Древнего Рима нужно обратить внимание на так называемый *rescuium*. Раб, как известно, не мог иметь своего имущества, так как он сам являлся имуществом господина. В действительности же римские рабы обладали условным имуществом,

* С 17 декабря в течение 7 дней; во время праздника Сатурналий восклицали *io Saturnalia, io bona Saturnalia!* Л. 357.

которое называлось *rescuium*. Само слово происходит от «*rescus*» — «скотина», что указывает на то, что в Древнем Риме позволялось рабу — пасти стадо своего господина и иметь при этом стаде свою корову или несколько овец. Если стадо было большим, то рабу разрешали иметь своё маленькое стадо. Потом уже слово *rescuium* получило более определённое значение, а именно, то имущество, которое принадлежит рабу.

Каким образом раб мог получить имущество? Имущество раба происходило главным образом или от подарков, или от заработков на стороне. Рабу также дозволялось брать приданое за женой, а также иметь маленькое стадо и пользоваться его приплодом; или пользоваться доходом с маленького капитала, который у него мог быть. Римский господин не только не считал себя вправе присваивать *rescuium* раба, но он обыкновенно поощрял с хозяйственной точки зрения бережливость у раба. Господин часто давал средства рабу, чтобы положить основание *rescuium*’у. Такой господин правильно рассуждал, что раб, обладающий имуществом, будет более трудолюбивым и более положительным слугой, чем тот раб, интересы которого нисколько не связаны с господскими. Раб мог вполне свободно располагать имуществом. Иногда рабы покупали себе раба, который заменял их в господской работе. Иногда рабы покупали себе свободу с помощью накопленного капитала. Некоторые господа, конечно, эксплуатировали *rescuium*. Так, например, о Катоне известно, что он продавал рабам позволение жениться, брал за это деньги, зная, что если есть у раба деньги, то он заплатит. Но Катон был представителем крайнего типа римского скопидомства, и можно думать, что это не было общим явлением.

Со временем в положении рабов произошла самая важная перемена. А именно: всё более и более развивался обычай отпускать рабов. Так же и в средневековой Европе, пока существовало рабство, иногда встречались массовые отпущения на волю. Главный мотив таких отпущений заключался в заботе господина о спасении своей души. В Риме не было таких мотивов; здесь мотивы были менее эгоистичны, хотя значительную роль играла и забота господ о себе.

В Риме при отпуске рабов на волю был, во-первых, интерес практический. Отпущенный на волю раб становился гражданином и мог от имени своего бывшего господина вести разную торговлю, промышленные предприятия. *Libertus* (отпущенный на волю) продолжал быть связанным с господином, находился в зависимости от него, и через таких *libert*’ов римляне вели большие предприятия, которые были выгодны и для них, и для их бывших рабов. Другой мотив отпуска рабов на волю заключался в тщеславии господ. Чем больше рабов римлянин отпускал, тем больше становилась его свита, которая приветствовала его в разных случаях (например, утром, когда он просыпался, или сопровождая его по улицам).

Уже довольно рано мы встречаем в Древнем Риме отпущенных на волю в значительном количестве. Так, за 350 лет с небольшим до Р. Х. была установлена особая пошлина за *manusmissio*: тот, кто отпускал

раба на волю, должен был заплатить в государственную казну $\frac{1}{20}$ часть стоимости раба. Если бы *manusmissio* были редки, то не стали бы устанавливать эту пошлину. Затем, сами перемены, которые хотел произвести цензор Аппий Клавдий в распределении римских граждан по трибам, объясняются только при большом количестве в тогдашнем Риме *libert'ov*.

ПОЛОЖЕНИЕ СЫНОВЕЙ

По отношению к сыну власть отца была совершенно иная, чем по отношению к рабу, хотя со строгой точки зрения отец мог так же безусловно распоряжаться сыном, как и рабом, т. е. мог продать сына в рабство, наказать смертью или простить (имел над ним право жизни и смерти — *ius vitae pecisque*). Сын, как и раб, не имел своего имущества. Всё, что он зарабатывал, принадлежало отцу. Сын не имел и семейного права. Если он был женат, то он не был господином над женой, он не имел права *manus* над ней; такая власть над женой принадлежала тестю. Тесть в силу *manus* мог не только распорядиться приданым, но и развести сына с женой, отослав её к родственникам. Таким образом, по юридическому положению сын в Древнем Риме был поставлен в такие же условия, как и раб. Но на практике между отношениями отца к сыну и к рабу была большая разница. Кроме того, по отношению к сыну законодательство изменилось гораздо раньше. Когда речь шла о децемвирах, я упоминал, что право продавать сына в рабство было ограничено весьма рано. В законах XII таблиц мы встречаем следующую норму: если три раза отец продаст сына в рабство, то тем самым сын освобождался из-под отцовской власти. Таким образом открывался путь для *emancipatio*, т. е. для признания за сыном полноправия при жизни отца. В таком случае сын становился совершенно самостоятельным, получал право распоряжаться своим заработком, получал *manus* над своими детьми, тогда как у сына, который не был эманципирован, власть над его детьми принадлежала деду.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

В Риме женщины всегда находились под властью мужчины, которая называлась *manus*, а не *potestas*. (В древнем мире вообще женщина никогда не выходила из-под власти мужчины.) Сначала она была под властью отца, а когда выходила замуж, то попадала под власть мужа. У мужа она была *filiae loco*¹⁹⁴. Но уже в законах XII таблиц мы находим указания на значительные перемены в положении женщины. Была введена особая форма брака без *manus*, что дало возможность женщине замужем сохранить свою самостоятельность в том случае, если имело место *trinoctium*¹⁹⁵. Тогда жена выходила из-под власти мужа.

Если взять во внимание *mapus* в строгом смысле слова, то можно думать, что женщина в Древнем Риме занимала весьма незавидное положение. На самом же деле нигде женщина не занимала такого почётно-го и высокого положения, как в Риме. На это указывают, прежде всего, предания и легенды. Они, хотя и не содержат достоверных фактов, важны в другом отношении. Легенды и предания верно передают известные понятия и представления былых времён. Сюда относится предание о Лукреции, о Виргинии, из которых ясно, как римляне высоко ставили вопрос о неприкосновенности женщины. Но особенно поучительно в этом отношении предание о Кориолане¹⁹⁶. Это, можно сказать, самое лучшее из преданий, важное для нас при рассмотрении положения женщины в Древнем Риме. В этом предании женщина, особенно мать, занимает весьма почётное положение. Раздражённый против своих соотечественников, Кориолан осадил Рим и никакие аргументы не принимал во внимание, не желая слушать высших магистратов. Но он уступил просьбам матери.

При рассмотрении положения женщины в Риме должно иметь в виду тот простой быт, который тогда существовал. Римляне тогда жили крестьянским бытом, и то, что мы знаем об их образе жизни, соответствовало этому быту. От женщины требовалось быть прежде всего домовитой женой. Есть одна латинская пословица, которая говорит, что если огород в плохом состоянии или мясо от забитого дома скота хуже, чем то, которое можно купить на рынке, то это значит, что в доме нет женщины. За что хвалят женщину? За то, что она хорошая хозяйка, хорошая работница. Женщина одевала семью: все части римской одежды были сотканы рукой женщины, принадлежавшей семье. Император Август, который очень дорожил преданиями старины, старался по возможности восстановить древние нравы: он никогда не носил другой одежды, кроме той, которую соткала его супруга Ливия или дочь Юлия.

Как смотрели на женщину в Древнем Риме, ясно и из дошедших до нас надгробных надписей. По ним видно, что в женщине особенно ценилось целомудрие. Оно требовалось от женщины везде. *Ihering*, говоря об этом предмете, указывает на то, что на Востоке целомудрие есть первое и главное требование к женщине, которое определяло оригинальный быт Востока. Для охраны целомудрия устраивался гарем. Но на Востоке мотив был иной: там целомудрие муж ценил ради самого себя, ради собственных интересов. В Риме жена должна была быть целомудренна не столько ради мужа, сколько ради семьи, для того чтобы семья была незапятнанной, чтобы дети росли в хорошей и честной семье.

В этом отношении поучительны рассказы Валерия Максима. Он, говоря о разводах в Древнем Риме, приводит разные факты. Например, что такой-то римлянин развёлся с женой, потому что встретил её на улице без покрывала. Другой развёлся, потому что его жена говорила наедине с вольноотпущенником. Третий — потому что она посетила цирк без него. К этому нужно прибавить, что сами разводы появились в Риме очень поздно; первый развод совершил Спурий Кальвин в III в. до н. э.

Но несмотря на то что римляне так строго относились к женщине, опасаясь за неё, в Древнем Риме женщине было гораздо свободнее, чем в Греции. Корнелий Непот говорит: *quiet enim Romanorum pudet ixorem in convivium ducere?* Римляне, стало быть, отправлялись в гости всей семьёй. Грек держал жену в гинекее¹⁹⁷. В этом отношении греки были ближе к восточным народам. В Риме же замужняя женщина пользовалась значительной свободой не только относительно права посещения других, но и относительно распоряжения имуществом. В теории женщина не имела права распоряжения имуществом, но на практике обладала им. Это видно из следующего предания. После взятия Вей, когда римляне хотели построить храм, но не было денег, женщины сами собрали средства для этого. Может быть, это предание неверно в подробностях, но верен его дух — женщины в Древнем Риме могли распоряжаться своим имуществом.

Итак, положение замужней женщины было свободным. Особым почётом пользовалась женщина-мать — *matrona*. Она в глазах римлян носила такой же почётный титул, как и *patronus*; *matrona* пользовалась уважением всех, ей принадлежало в доме первое место — *primus locus aedium*. Не только в доме и в семейном быту она имела первое место, но и когда выходила на улицу: и там она пользовалась почётом. В этом отношении характерно следующее сравнение. Когда шёл консул, все должны были давать ему дорогу, все расступались, даже если навстречу шёл отец консула. Но только перед римской матроной консул должен был сам расступаться, оказывая ей почёт.

ЗНАЧЕНИЕ РИМСКОЙ СЕМЬИ ДЛЯ ГОСУДАРСТВА

Из всего сказанного можно составить представление о том, почему семейный быт Рима являлся важной политической силой. Римское семейство представляло в малом виде государство. В семье воспитывались те свойства, которые делали римлянина ценным для государства. Гражданские качества римлянина развивались прежде всего в семье. Римлянин с малолетства привыкал признавать себя членом высшего нравственного целого, которому должно служить, он привыкал к дисциплине. Та власть, которая становилась над ним, не была чужою. Это была родная власть, которой он охотно уступал, принося себя в жертву, чтобы трудиться для её интересов и совершенно гармонично подчиняться жизни общего целого.

Таким образом, семейная жизнь, семейное воспитание готовили римлянина к той роли, которая ожидала его в государственной жизни.

Семейная жизнь становилась подготовкой к государственной. Когда римлянин становился главой семейства, он привыкал управлять маленьким миром. В определённом смысле он уже дома был маленьким магистратом, и лишь затем на государственной службе он достигал подобного положения, получал большую власть.

Отсюда видно, что если перейти к государству, то мы встретим и в нём те же начала, что и в семье.

Лекция 22

Рассмотрев семейный быт римлян, мы обратимся к изучению римлян в государстве. Рассмотрим отношение древнего римлянина времени завоевания Италии к государству.

РИМСКИЙ ПАТРИОТИЗМ

Выдающейся чертой отношений римлянина к государству являлось существование тесной связи между гражданином и государством. Эта связь выражалась в сильном проявлении так называемого патриотизма. Но римский патриотизм не совсем похож на проявления подобного чувства у других народов и в другие времена. Рассмотрим оригинальные черты римского патриотизма, мотивы, которые лежали в его основании.

Первый мотив — религиозный. Государство для римлянина имело сакральный характер, тесно связывало его религиозными интересами и представлениями. Римлянин того времени жил в среде, в которой он считал возможным постоянное вмешательство богов в жизнь государства. Он рос в убеждении, что его отечество, его город находятся под особенным покровительством богов.

Есть факты, относящиеся к III в. до Р. Х., которые показывают, как сильно тогда было в римлянах это сознание.

Во время осады г. Турий был замечен среди римлян юноша, выделявшийся своим ростом и блестящей бронёй. Когда город был взят, полководец (Фабриций), созвав своих лучших воинов, чтобы наградить их, стал искать этого юношу, так как он первым влез на стены города. Но его нигде не могли найти. Тогда полководец решил, что это был бог Марс, который принимал участие в осаде города. Это событие совершенно достоверно засвидетельствовано, оно относится к довольно поздней эпохе, к эпохе окончания покорения Южной Италии. Оно показывает, насколько в это время римляне считали возможным непосредственное участие богов в битвах с их неприятелями.

Во время второй Пунической войны был другой случай, который показывает убеждённость римлян в том, что боги им помогают. Когда Ганнибал подступил к стенам Рима, римляне были в недоумении. В это время они думали послать легион в Кампанию, чтобы защищать город Капую. Для них чрезвычайно важно было сделать эту диверсию. Но с другой стороны, было опасно ослаблять гарнизон Рима при приближении победоносного неприятеля. Тогда Фабий Максим решил дело следующим образом. Он советовал не сомневаться произвести диверсию. Потому что, говорил он, Ганнибал нарушил договор, который незадолго до этого был заключён с римлянами. По мнению Фабия, Ганнибал являлся клятвопреступником, следовательно, он был рабом богов, он

не мог миновать их кары; поэтому римлянам нечего бояться, боги не допустят взятия Рима пунийцами и их победы. И римляне, проникнутые этим упованием, так и сделали: послали свой легион на юг и произвели диверсию, которая заставила Ганнибала отступить от города.

Другой мотив, который лежал в основании римского патриотизма, может быть назван муниципальным. В большом государстве связь между гражданами и государством бывает довольно отвлечённой и слабой. Только люди, способные понимать значение отвлечённых понятий, отвлечённых принципов, могут быть сильно проникнуты мыслью о государстве и его значении. Для массы людей государство представляется чем-то смутным. Понятие «государство» в некоторой степени покрывается понятием «нация», поэтому в наше время существует национальный патриотизм.

У римлян связь между государством и городом была очень тесной, так как государство и город для римлянина совпадали. Связь человека с городом — с местом рождения и местом жизни — доступна и неразвитому. Он постепенно привыкает к тому месту, где он родился и жил. Таким образом, у римлянина чувство привязанности к месту рождения заменяло отношения и связи его с государством.

Кроме того, римлянин дорожил государством, так как сам принимал деятельное участие в управлении государством. Государство не было чуждым римлянину миром, который устроен другими. Напротив, это был мир, постоянно нуждавшийся в непосредственном участии каждого гражданина и относительно устройства, и относительно управления.

Затем, нужно указать на то (о чём уже приходилось говорить), что в Риме не было различия между военными и штатскими. Все римляне были воинами. В Древнем Риме не было воинов как особого класса. Народное собрание было не чем иным, как войском, народным ополчением. Следовательно, тут являлась новая связь между гражданами и государством. Эта связь создавалась военной жизнью и заключалась в следующем. Человек, служивший в каком-нибудь военном отряде, через некоторое время начинал жить жизнью этого отряда. У него появлялся *l'esprit de corps*. У римлянина, который вырастал в лагере, *l'esprit de corps* содействовал укреплению связи между гражданином и государством. Римлянин III в. до Р. Х. совершенно не знал раздвоения между военным классом и гражданским, которое существовало в то время в греческих государствах и появится впоследствии у самих римлян.

В отношении римлянина и государства примешивались и эгоистические интересы. Как известно, война была промыслом, средством обогащения. Поэтому даже эгоизм римлянина заставлял его дорожить интересами государства, ибо благосостояние римлянина обуславливалось благосостоянием государства, его успехом.

В основании римского патриотизма лежал ещё один (четвёртый) мотив, заключавшийся в самом быте тогдашних римлян. Римлянин гордился своим городом, его успехами, любовался им. По крайней мере, он был доволен государством и бытом, в котором он жил. Это был простой суровый крестьянский быт. Но римлянин, привыкший с малолет-

ства к этому быту, который требовал постоянного труда, постоянного напряжения, переносил любовь к быту на своё государство.

Этот быт римлян того времени был школой гражданской добродетели, где вырабатывались суровость жизни, довольство малым и способность жертвовать собой для целого.

Ввиду всех указанных мотивов, которые связывали римлянина с государством, патриотизм проявлялся чрезвычайно сильно и очень разнообразно. Во-первых, он проявлялся в самопожертвовании. Римлянин во всякую минуту был готов жертвовать собой для своего города, для своего государства. Он жертвовал собой под религиозным влиянием; его самопожертвование носило религиозный характер. (Можно указать на самопожертвование Децийев Мусов.)

Римляне также приносили в жертву своё самолюбие. Замечательный пример тому даёт эпизод с Фабием Максимом. Ему сенат предлагал назначить диктатором своего злейшего врага Папирия Курсора, который некогда приговорил его к смерти. В Фабии Максиме происходила борьба, потому что ему не только не хотелось назначить своего врага над собой, но и не хотелось расстаться с властью, находившейся в его руках. Но борьба эта была непродолжительна. Фабий Максим ушёл в свою палатку, дождался наступления ночи и исполнил требование сената.

Другой пример такого самопожертвования представлял поступок Фабриция, который даже нельзя назвать самопожертвованием, настолько он был естественным. Царь Пирр проникся таким уважением в Фабрицию, что ничего так не желал, как приблизить его к себе. Но так как склонить Фабриция простыми средствами было нельзя, то для его приближения к себе он употребил в дело всё возможное искусство: и подарки, и сладкие речи. Фабрицию в Риме предстояла очень скромная доля: небольшой участок земли, *hopotes*, которые не были для него очень заманчивы, так как он уже был консулом и мог ещё раз сделаться им. А если бы он перешёл к Пирру, его ждало бы самое блестящее будущее. Но Фабриций остался непреклонен. Он сказал, что нельзя и сравнивать довольство, которое испытывает римлянин в своей скромной семье, с тем, что может ощущать царедворец при самом великом восточном государе.

ИДЕАЛЫ РИМСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Время покорения Римом Италии есть время лучших идеалов, к которым римляне в более поздние времена обращались с завистью. Сильнее всего римский патриотизм выражался в создании образов отдельных личностей эпического характера. Самые выдающиеся из них — Курий Дентат и Фабриций. Они могут служить представителями муниципального, «провинциального» строя (но не столичного). Оба они жили в самых скромных условиях. Курий Дентат был вынужден сам готовить пищу. Однажды к нему вошли самнитские послы и заставили его за ужином; на ужин у него была репа.

ХАРАКТЕР РИМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Трудно подобрать термин для передачи сути римского быта III в. до Р. Х. В определённом смысле тогдашний Рим представлял собой демократию. Но это была демократия естественная, первобытная. Она была подобна той демократии, которая существовала в средневековой Швейцарии. Такая демократия была определена условиями того времени, но не была основана на теоретических построениях. Она не имела тенденциозного характера. Римская демократия являлась не чем иным, как отражением быта, условий жизни того времени. Она основывалась на жизни в скромных условиях, которыми римляне были довольны. Курий Дентат даже провозгласил государственный принцип, что не должно иметь большого надела. Когда в Риме зашла речь о разделе земель, то Курий настаивал на том, что наделы не превышали 7 югеров. Он считал этот надел достаточным для сохранения в государстве мелкого крестьянства как преобладающего элемента.

Но так как римская демократия основывалась на отсутствии потребностей в излишествах, на привычке к суровой жизни, то она была совместима с подчинением большинства народа аристократии: тенденциозной демократии тогда ещё не было. Римляне III в. до Р. Х. охотно и добровольно подчинялись своему аристократическому классу, так что слово «демократия», которое должно употребить для характеристики тогдашнего римского быта, нужно понимать в совершенно особом смысле, который не исключает существования аристократического элемента.

ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ИТАЛИИ НА БЫТ РИМЛЯН

Развитие власти Рима над Италией не могло не повлиять на быт и понятия римлян. Теперь мы должны постараться выяснить, насколько завоевание Римом Италии повлияло на римский быт.

ОБОГАЩЕНИЕ РИМЛЯН

Ещё до Пунических войн (когда римляне вышли на более широкий уровень внешней активности), в процессе завоевания Италии римляне стали обогащаться. Итальянские войны, какие вели римляне, не могли не дать такого результата. На это нам указывают триумфальные шествия тех времён. В древности триумфальные шествия были скромными: шли стада взятого у неприятеля скота, несли отобранные у врагов крестьянскую одежду, оружие. Вот то, что доставалось победителю. Триумфальные шествия III в. до Р. Х. имели совсем другой вид. В 293 г. до Р. Х. Папирий Курсор, победив самнитян, привёз в эрарий¹⁹⁸ 2 000 000 ассов (тяжёлой медной монеты) и 1330 фунтов серебра — громадная сумма по тогдашним меркам.

Одиннадцать лет спустя Фабриций обогатил римскую казну своим триумфальным шествием. Добыча была так велика, что Фабриций не

только мог дать богатый *donativum*, но также гражданам был возвращён *tributum*, который они были обязаны вносить в казну. Римляне, как и другие древние народы, не знали постоянной подати, поэтому *tributum* имел характер займа: когда государство нуждалось в средствах, тогда граждане облагались податью — *tributum*. Когда же государство имело достаточно средств, оно возвращало *tributum* гражданам. Но кроме возвращения *tributum* Фабриций внёс в эрарий 400 талантов серебра.

Десять лет спустя имело место триумфальное шествие Папирия Курсора — после победы над Тарентом. И тут кроме значительного количества монет были новые предметы, которых раньше римляне не знали: картины и статуи, взятые в греческих городах южной Италии.

Такое обогащение Рима не могло не отразиться на самом городе и на его жителях. Рим был отстроен, стал принимать столичный вид. Рим теперь уже не представлял города, в котором живут крестьяне. Рим стал городом, где сосредоточиваются большие богатства.

В 269 г. до Р. Х. Рим стал чеканить серебряную монету. Рядом с тяжёлым медным ассом появился лёгкий изящный серебряный денарий, который соответствует нашей двадцатикопеечной монете старой пробы.

В Рим стали притекать капиталы. Обстановка в Риме становилась богатой. Так, во время цензорства Аппия Клавдия в 312 г. до Р. Х. Рим стал обстраиваться. Был сооружён первый водопровод, первый тротуар, который вёл от римского форума до главных ворот Рима, — *Porta Capena* (в южной части города). Рим был довольно грязным городом, так как находился большей частью в низине. Сильные дожди вызывали значительную грязь. Поэтому вполне понятна потребность римлян в тротуаре. Его сооружение знаменовало довольно сильное развитие римского общества. Вообще, даже в европейских городах мощение улиц и проведение тротуаров появилось довольно поздно: в Лондоне, например, только в XVI веке, в Берлине — лишь в XVIII веке. Таким образом, этот факт в жизни Рима был очень знаменательным.

С завоеванием Италии домашнее хозяйство римлян тоже претерпело изменения. В Риме появилась серебряная утварь. Раньше в римском доме полагались только две серебряные вещи — солонка и жертвенница. Теперь появилась серебряная утварь в большом количестве.

Фактов у нас немного, и мы должны стараться использовать их при изучении истории.

В этом отношении интересен случай с консуляром Корнелием Руфином. Мы знаем, что он был вычеркнут из числа сенаторов Фабрицием, цензором 275 г. до Р. Х. Причиной тому послужило то, что у Руфина оказалось серебряной утвари на 10 фунтов. Это считалось излишней роскошью. В Риме позднейшего времени такое же количество серебра являлось уже незначительным. Впрочем, к этому факту мы должны относиться критически. Руфин, может быть, вовсе не за то был изгнан из сената; может быть, за тот способ, с помощью которого он получил 10 фунтов серебра. Незадолго до этого Руфин был избран во второй раз консулом, и во время предвыборной борьбы Фабриций подал за него голос. Когда два года спустя Руфин был вычеркнут из списка сенаторов, он спросил Фабриция: «Почему же ты тогда стоял за выбор меня в кон-

сулы, а теперь поступаешь таким образом?» И Фабриций будто бы ответил: «Тогда, в минуту опасности, шла речь об избрании человека энергичного, *maius comitari quam venire*». Фабриций подал голос за Руфина, потому что предпочитал быть ограбленным, чем захваченным в плен в случае поражения римлян. Из этого можно сделать заключение, что строгая мера относилась не столько к количеству серебра, сколько к тому, что во время своего консульства Руфин отличался лихоимством.

УПАДОК НРАВСТВЕННОСТИ

Как видно, обогащение не осталось без дурного влияния на нравственность. Это особенно чувствовалось в области семейной нравственности, семейной дисциплины. К III в. до Р. Х. относятся первые признаки распушенности со стороны заслуженных женщин. Есть известие, что в 331 г. в Риме был построен храм Венеры Фабием Руллианом на штрафы, которым он подвергал женщин, дававших к тому поводы.

Но и тут мы имеем возможность критически отнестись к этому факту. Один очень поздний источник, в котором содержатся многие сведения (комментарии Сервия* к «Энеиде» Вергилия), сообщает, что храм Венеры был построен Фабием в Риме за то, что *Sicula dea ei obsecuta est*. Венера была главной богиней в Сицилии и в южной Италии. А римляне вообще, когда побеждали кого-нибудь, старались переманить к себе чужих богов. Так, после взятия Вей они построили храм Вейентской богини. И Фабий после удачной борьбы в южной Италии построил храм Венеры *Obsequens*. Только впоследствии, может быть, появилось другое толкование: кто-то, желая объяснить происхождение этого храма, предположил, что он был построен указанным способом.

ЗАИМСТВОВАНИЯ У ГРЕКОВ

Если, с одной стороны, завоевание Италии приводило к обогащению и упадку нравственности, то, с другой стороны, оказало влияние на образованность римлян. Вследствие завоевания Римом южной Италии и знакомства с греками, её населявшими, в «вечном городе» появились первые признаки влияния иноземного цивилизованного народа. Среди них был и зародыш римского образования. Столкновение римлян с более образованным народом греков привело к заимствованиям, прежде всего внешним. Так, после завоевания южноиталийских греческих городов в Риме появился обычай возлежать за обедом. До этого римляне обедали сидя. И этот обычай сохранился у римских крестьян. Но в самом городе был перенят греческий обычай.

Римляне также позаимствовали у греков обычай награждать победителя в цирке пальмовой ветвью, делать надписи на статуях. До III в.

* Servius Maurus Nonnatus, около 390 г. по Р. Х., учитель грамматики и риторики в Риме.

до Р. Х. римляне делали статуи без надписей, так как у них не была развита мысль о славе. Воздвижение статуй знаменитым людям без надписей (как и богам) имело более сакральный характер. Теперь же они стали сопровождать статуи надписями. Римляне начали поклоняться грекам. В это время были воздвигнуты статуи знаменитым грекам, например Алкивиаду¹⁹⁹ и Пифагору²⁰⁰.

ОБРАЗОВАННОСТЬ

Вместе с указанными заимствованиями в Риме появляются и первые следы образования. Представителем этой новой силы являлся цензор Аппий Клавдий Слепой, человек, который вообще был новатором. Мы ещё будем говорить о его политической деятельности. Я уже говорил, что он сделал первый водопровод (aqua Appia), первую дорогу в Южную Италию (via Appia).

Под его влиянием его секретарь Сп. Flavius впервые обнародовал судебные формулы, которые до тех пор считались тайными. Гней Флавий обнародовал и календарь, т. е. список дней *fasti* и *nefasti*²⁰¹, которые тоже были тайными.

Кроме того, Аппий Клавдий был первым образованным деятелем в Риме. Он изменил орфографию, введя особое начертание буквы «г». Очевидно, около того времени римляне стали произносить «s» между двумя гласными как «г». (Слово «*Papirius*» в более древние времена звучало как «*Papisius*».)

Аппий Клавдий был также первым оратором, который написал первую речь, сохранившуюся у потомков.

Цицерон приписывает Аппию Клавдию и первое стихотворение, в котором видно греческое влияние. У римлян до тех пор были стихотворения только религиозного или крестьянского содержания. Например, был крестьянский календарь, в котором указывалось, что должно делать и в какое время, а также приметы. Например, в одном из стихотворений этого календаря было сказано, что сухая осень и мокрая весна обещают хорошую жатву. Но во время Аппия Клавдия появилось первое литературное произведение, которое приписывалось ему же. Это стихотворение было пифагорейского содержания.

Вместе с этими незначительными, но важными переменами в римлянах и в их быте мы можем отметить и некоторые существенные изменения политической организации «вечного города».

ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РИМА

Лекция 23

Окончив завоевание Италии, Рим недолго оставался в положении господина этой страны. Уже 6 лет спустя после завоевания последне-

го независимого пункта Италии, города Региума, Рим вступил в войну с самой могущественной после него державой Средиземноморья. Но прежде чем обратиться к истории дальнейших завоеваний Рима, мы должны внимательнее всмотреться в те перемены, которые произошли во внутренней организации Рима за это время²⁰².

Три пункта заслуживают нашего особенного внимания. Они указывают на два чрезвычайно новых и важных явления в социальном строе Рима.

Во-первых, цензура Аппия Клавдия, которая имела место в 312 г. до Р. Х. (одна из мер, которые были приведены в исполнение этим цензором).

TRIBAE URBANAE ET RUSTICAE²⁰³

Как вам известно, в Риме было 35 триб. Во время цензорства Аппия Клавдия их было 31. Эти трибы распадались на два совершенно различных разряда: на городские и сельские трибы. Городских триб было только 4. В них были записаны все жители Рима, не имевшие оседлости, горожане в строгом смысле слова, значит, торговцы, промышленные и ремесленные классы, не принадлежавшие к рабам или либертинам. Сюда могли быть приписаны и некоторые богатые римляне, домовладельцы в городе. Но трудно себе представить, чтобы в то время состоятельный римлянин не имел бы земельных владений вне города. Поэтому такие граждане составляли, конечно, исключение, и надо полагать, что четыре городские трибы состояли из промышленных и ремесленных классов. Остальные сельские трибы составляли зерно римского государства, их жители были настоящими римлянами в римском смысле слова, а именно, *assidui* или *locupletes*²⁰⁴ (т. е. те, которые занимали место, отсюда в позднем значении «богатые»). В эти трибы было записано римское крестьянство.

Между тем число людей, не имевших земли и живших около самого города, росло с каждым годом, по мере расширения торговли. До Аппия Клавдия этот класс не имел никакого политического влияния, не имел веса в народном собрании. Почему? Потому что каким бы многочисленным ни был этот класс, его представители могли подавать голоса только в четырёх городских трибах. Их голоса не могли играть важной роли в отпоре сельским трибам, когда ставился какой-нибудь вопрос, где интересы горожан и селян расходились.

МЕРА АППИЯ КЛАВДИЯ

Итак, до Аппия Клавдия народное собрание в Риме являлось преимущественно собранием землевладельцев, земледельцев мелких и крупных. Аппию Клавдию принадлежит инициатива чрезвычайно важной перемены. Цензору было предоставлено право распределять граждан по трибам, чем и воспользовался Аппий Клавдий. Он расписал мас-

су либертинов, которые раньше были приписаны к городским трибам, по сельским трибам, т. е. распределил значительную часть промышленных классов по ним. Старые сельские трибы, которые теснились около Рима, были малочисленны. Дальнейшие трибы были многочисленными, им было неудобно участвовать в народных собраниях вследствие их удалённости от Рима. Хотя отдельные трибы и были многочисленны, их число в народном собрании было незначительным, между тем как жившие в городе граждане всегда могли бывать в народном собрании. Аппий Клавдий ввёл такой порядок, чтобы горожане (а это главным образом люди промышленных и торговых классов) могли голосовать не только в городских, но и в сельских трибах. Таким образом, они могли получить перевес при голосовании.

Мера Аппия Клавдия была направлена на то, чтобы если не дать политического перевеса городскому населению над сельским, то по крайней мере на то, чтобы уравнивать горожан и селян.

Попытка эта не совсем удалась. Следующий за Аппием цензор принадлежал к противной партии, которая радела за сельское население и не желала передавать политическую силу городским торговым классам. Поэтому в следующую цензуру все либертины, расписанные по сельским трибам, были вычеркнуты цензором Фабием (*Q. Fabius Maximus Rullianus*), за исключением тех, которые успели приобрести землю в определённом количестве. Такие люди уже считались *assidui*, как бы настоящими членами оседлого населения.

Стремление городских классов войти в сельское население и получить таким путём значение в народном собрании на этом не остановилось, и далее мы видим постоянное стремление этих классов проникнуть в сельские трибы.

Мы не имеем достаточно данных, чтобы следить за этим движением. Но для нас важно знать тот антагонизм, который проявился в это время в Риме между торговым и сельским населением.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТУРИАТ-КОМИЦИЙ

Второй пункт, на который нужно обратить внимание, — это преобразование центуриат-комиций в более демократическом направлении. Когда произошло это событие и в чём оно собственно заключалось, мы, к сожалению, не можем сказать вполне достоверно из-за состояния наших источников. Ливий говорит об этой перемене в начале своего сочинения, когда он указывает на первоначальное устройство центуриат-комиций, но не говорит, когда произошла перемена, и не объясняет, в чём она заключалась. Эти две-три строки Ливия вызвали массу догадок. Когда Ливий рассказывает историю второй и третьей Пунических войн, он не касается этого вопроса. Следовательно, в эпоху указанных войн центуриат-комиции уже были преобразованы. Отсюда приходится делать вывод, что преобразование центуриат-комиций произошло в эпоху, описанию которой была посвящена пропавшая вторая декада Ливия (книги XI—XX, 292—241 гг. до н. э.).

Принимая в соображение ещё несколько мелких указаний римских археологов, появилось мнение, что преобразование центуриат-комиций совершилось между первой и второй Пуническими войнами. Но в чём оно заключалось? Мнения учёных по этому вопросу расходятся. Можно сказать, что до данному вопросу существует два господствующих взгляда.

Один из них можно назвать нибуровским, так как Нибур (и его ученики) его отстаивал. Согласно позиции этого учёного, центуриат-комиции были просто преобразованы в трибут-комиции, с одной только разницей: сохранилось подразделение на центурии, т. е. каждая триба состояла из двух центурий и каждая пара этих центурий состояла из старшей и младшей центурий. Таким образом, если в трибут-комициях было 35 голосов, то в центуриат-комициях после их преобразования вместо 193 голосов стало 70. А именно, каждая триба стала иметь два голоса: граждане до 40 лет и старше 40 лет составляли отдельные центурии.

Более сложными являются представления тех, кто придерживается гипотезы Пантагаты, гуманиста XVI века. Приверженцев его гипотезы больше, чем сторонников мнения Нибура. Как считал Пантагата, в Риме сохранились и центурии, и распределение граждан по имуществу на пять классов. Но это деление не было независимым от деления на трибы; в каждой трибе граждане распределялись на классы. Затем каждый имущественный класс (разряд) граждан был разделён на две центурии в соответствии с возрастом — на центурии старших и младших. Таким образом, надо думать, в каждой трибе было 10 центурий соответственно каждому классу, который включал в себя две центурии. Всего, по мнению Пантагаты, было 350 голосов в народном собрании, не считая центурии всадников.

Очевидно, нибуровское толкование предполагает, что изменение системы голосования в III в. до Р. Х. было более значительным, что центуриат-комиции были преобразованы более заметно в демократическом направлении, были почти приравнены к трибут-комициям.

Но если даже и придерживаться мнения Пантагаты, то всё равно ясно, что преобразование центуриат-комиций придало народному собранию более демократический характер. Действительно, по прежней организации народного собрания более всего голосов принадлежало первому классу: 80 голосов центурий пехоты + 18 голосов центурий всадников составляли 98 голосов. Все же остальные классы имели 95 голосов. Кроме того, из первого класса бралась *centuria praerogativa*, которая первая высказывала своё мнение, которое было очень важным для голосования следующих центурий. После преобразования центуриат-комиций все классы стали иметь одинаковое число голосов, и *centuria praerogativa* выбиралась уже по жребию. Следовательно, первыми при голосовании могли быть спрошены центурии граждан третьего, четвёртого или пятого классов. Таким образом, и в гипотезе Пантагаты придаётся большое значение демократическому началу реформы центуриат-комиций.

Необходимо обратить внимание и на образование нового аристократического класса в Риме в III в. до Р. Х. В Древнем Риме были патриции и плебеи. Патриции были в определённом смысле представителями аристократического класса. Но не все патриции были аристократами, т. е. людьми влиятельными, имевшими вес в политической жизни. Плебеи же добивались курульных должностей. Получив их, некоторые плебейские фамилии получили возможность уравниваться с патрициями в политическом отношении. Те плебейские фамилии, которым удавалось достигнуть высших магистратур (сначала консульских, потом цензорских), назывались *pobiles*, потому что патрицианские фамилии, представители которых не достигали курульных должностей, оставались патрициями, но уже не принадлежали к знати. Появляется особый класс — нобилитет, который состоял и из патрициев, и из плебеев. В этот класс входили самые выдающиеся фамилии из обоих сословий.

До законов Лициния и Секстия, до 366 г., не могло быть и речи о нобилитете, так как плебеям не были доступны курульные должности. Только с 366 г. появляется нобилитет, и ко времени второй Пунической войны процесс складывания класса *pobiles* завершается: образуется новая аристократия, так называемый нобилитет. Вследствие этого среди плебеев произошёл социальный раскол: верхушка плебеев вместе с патрициями отошла в нобилитет, а масса плебеев стала находиться если не во вражде, то в известном антагонизме по отношению к нобилитету.

Как велик был нобилитет? Какие фамилии к нему принадлежали? Бельгийский учёный Willems, автор большого сочинения о римском сенате, посвятил много труда исследованию этого вопроса. Он выбрал период 312 — 216 гг. до Р. Х., время, наиболее важное для истории нобилитета. Виллемс собрал статистические данные, чтобы охарактеризовать состав нобилитета. Главным источником явились фасты, которые позволили определить, каким фамилиям принадлежали лица, занимавшие курульные магистратуры. Виллемс определил, что за этот почти столетний период (точнее, за 96 лет) было 148 сенаторов *pobiles*. Они распадались на две половины: патрицианских сенаторов и плебейских. Патрициев было 73, плебеев — 75.

Эти 73 патриция-*pobiles* принадлежали старым знатым фамилиям. Чаще всего в фастах попадают Корнелии. Из 73 курульных мест 16 приходилось на их долю. Они представляли большой *gens*, которая разделялась на несколько фамилий. Сюда относились Корнелии Руфины, Корнелии Сципионы. Затем представители других трёх римских фамилий занимали одинаковое число мест (а именно 9) в общем курульном списке. Речь идёт о Валериях, Фабиях и Эмилиях. За ними шли Клавдии. Представители этой фамилии занимали 5 курульных магистратур. Десяти другим патрицианским фамилиям принадлежало от 1 до 4 мест в списке высших должностей.

Таким образом, 15 патрицианских *gentes* в эту эпоху составляли зерно римского нобилитета со стороны патрициев.

Что касается плебейских фамилий, составлявших нобилитет, то их было 75. 26 из них можно назвать *nobiles* в полном смысле слова, так как их члены выдвинулись на курульные должности ещё до 312 г., достигнув статуса нобилей в период от законов Лициния и Секстия до цензорства Аппия Клавдия. 28 плебейских фамилий достигли нобилитета только в эту эпоху (312 — 216 гг.). Представители этих фамилий, однако, занимали определённые должности и до 312 г.; если не курульные, то, по крайней мере, должности трибунов. И наконец, 21 место приходится на долю таких плебейских фамилий, которые появляются на исторической сцене после 312 г. (и до 216 г.). Всего плебейских фамилий, члены которых занимали курульные магистратуры, было 36. Некоторые фамилии распадались на более мелкие фамилии²⁰⁵.

НОВЫЙ АНТАГОНИЗМ В РИМЕ

Римский нобилитет, являвшийся руководящей силой Рима в конце IV—III в. до Р. Х. и в последующую эпоху, состоял приблизительно из 50 фамилий: 15 патрицианских и 35 плебейских.

Плебейские фамилии всё теснее и теснее примыкали к патрициям, которые продолжали удерживаться на высоте политического влияния. Это вызывало жалобы со стороны остальных плебеев, которые ранее находили себе защитников среди влиятельных и богатых плебеев, занимавших должности народных трибунов. Теперь этот верхний слой плебеев отошёл от них (остальных плебеев). Плебеи, не ставшие *nobiles*, стали опять предоставлены сами себе. Этим объясняется новый антагонизм, который в это время появляется в Риме. Этот антагонизм теперь направлен не против патрициев, а против нобилитета.

Характерны жалобы плебеев, направленные против нобилитета: *pam plebeios nobiles iam eisdem initiatos esse sacris* (теперь плебейские нобили посвящены в те же *sacra*, в какие и патрицианские) *et contemnere plebem ex quo contemni patribus desierint coepisse** (и они начали презирать плебеев с тех пор, как перестали их презирать *patres*).

Антагонизм усилился с того момента, когда их перестали презирать патриции. И во внутренней политике, и во внешней интересы нобилей и интересы массы расходились. Во внешней политике более для нобилей, чем для массы плебеев, было выгоднее вести войну. Плебеи во время продолжительных войн, которые сопровождались действиями на море, разорялись. Наконец, в плебейской массе время от времени слышались голоса против таких войн, недовольство завоевательной политикой: *nec finem ante belli habituros quam consulem vere plebeium, id est, hominem novum, fecissent* (римские граждане не получают конца войн, прежде чем изберут консулом человека, чистого плебея, т. е. нового человека)**.

* Liv. XXII. 34.

** Ibidem.

Появляется новый термин — *homo novus*. Это гражданин, предки которого не известны многим людям, потому что никогда не достигали курульных должностей. И вот, появилась потребность в *homines novi*, которые были противниками нобилитета. Этому антагонизму не следует придавать большого значения, не надо думать, что вся политическая жизнь римлян сводилась к антагонизму между *homines novi* и *nobiles*. Но он, однако, играл определённую роль, о чём нельзя забывать.

ЧАСТЬ V. ЗАВОЕВАНИЯ РИМА ВНЕ ИТАЛИИ

Процесс распространения римского могущества вне Италии занимает период от 270 г. до Р. Х. (от времени окончательного завоевания Италии) или от 264 г. до Р. Х. (года начала Пунических войн) до 133 г. до Р. Х. (до времени взятия Нуманции, последнего оплота кельтско-берийских народов в Испании). В эти 130 с небольшим лет произошло завоевание Римом того пространства, которое греки называли вселенной — οἰκουμένη. К рассмотрению этого процесса мы теперь и перейдём. Я не буду подробно касаться фактов, очерчу лишь общее русло политики Рима.

К самому концу завоевания Италии относится интересный факт, указывающий на то, какое новое положение обрёл Рим после завоевания юга Апеннинского полуострова. Я уже указывал, что завоевание Римом южноиталийских городов столкнуло «вечный город» с эллинизмом²⁰⁶. Среди римских людей появились греческие прозвища, например Публилий Philo; стало встречаться также прозвище Sophus. Римляне стали интересоваться греческим языком, греческими обычаями, и совершенно неожиданно стал наблюдаться довольно сильный прилив греческих идей и преданий в Рим.

В 282 г. римляне послали посольство в Азию с целью вступить за жителей Илиона, просить покровительства сирийского царя на том основании, что жители этого города были предками римлян и римляне обязаны вступить за потомков своих предков. Значит, в это время греческое представление об Энее (о том, что Эней колонизировал Лациум, что римляне в известном смысле потомки троянцев) уже настолько укрепилось в Риме, что римский народ официально отправил посольство в Азию, заявив перед целым миром о том, что римляне произошли от илионцев²⁰⁷.

Этот поступок римлян имел и другое значение: Рим вступил в известный антагонизм с греками. Греки разорили Трою, теперь потомки троянцев явились в лице римлян врагами греков и начали им угрожать. Этот факт очень важен, так как показывает, что римляне после завоевания Италии мало-помалу стали втягиваться в те политические интересы, которые разыгрывались в то время в восточной половине Средиземного моря.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Прежде чем Рим получил возможность играть важную роль в восточной половине Средиземного моря, ему нужно было укрепиться дома и рассчитаться со своим соперником, с Карфагеном. Отношения Римлян с пунийцами завязались очень давно и сначала носили мирный характер. Когда Пирр вступил с войском в Южную Италию, он предлагал римлянам союз с ним против карфагенян. С другой стороны, кар-

фагеняне предлагали римлянам союз против Пирра. Римляне не хотели, чтобы на территории Италии был иноземный государь, поэтому они заключили оборонительный союз с Карфагеном следующего содержания. Обе державы будут защищать Италию от Пирра. При этом римляне будут выставять армию, а карфагеняне — флот. Таким образом, Рим являлся континентальной державой, а Карфаген — морской. В то время интересы обеих держав совпадали, вследствие чего они и заключили оборонительный союз. Но Пирр был вскоре побеждён. Опасность, которая грозила со стороны Эпира, исчезла. Поэтому между Римом и Карфагеном уже не могло быть места союзам.

Что касается Рима, то там было два взгляда относительно иностранной политики, которые можно назвать континентальным и морским. Масса римлян, землевладельческая партия смотрели с недоверием на всякие морские предприятия, на всякую политику, которая могла вовлечь римлян в войну с морской державой. Эта партия хотела ограничиться Италией для своей политической деятельности. Но рядом с ней была другая партия, во главе которой стояла фамилия Клавдиев. Она опиралась на торговые классы и желала толкнуть Рим на широкую и просторную дорогу развития торговли.

Этим двум партиям пришлось столкнуться в 264 г. К сожалению, мы не имеем возможности прислушаться к тем прениям, которые происходили в то время в народном собрании, где так определённо высказывались мнения, когда в Рим прибыло из города Мессаны посольство, которое призывало Рим на помощь.

ПОВОД К СТОЛКНОВЕНИЮ

Во время войны римлян с Пирром образовалось несколько наёмных войск в Южной Италии. Они действовали, так сказать, на свою руку, как это часто бывало в средние века, особенно в XIV—XV вв., когда в Западной Европе ходили большие армии наёмников, искавших себе заработка. В Южной Италии некоторые отряды наёмников старались добыть себе отечество. Один из таких отрядов взял город Региум, а другой взял город Мессану, который располагался на противоположном Италии берегу Сицилии, у пролива. Когда римляне завоевали Тарент, они не могли оставить этих разбойников; они смотрели на наёмников, занявших Региум. Римляне взяли Региум и истребили шайку. Но то же самое задумал сделать Гиерон, царь Сиракуз*. Он захотел очистить Сицилию от наёмников и подступил к г. Мессане. Тогда наёмники-мамертинцы, сыновья Марса (Mamers = Mars), захватившие Мессану, обратились за помощью: одни к карфагенянам, другие к римлянам.

* Гиерон II Младший, тиран сиракузский с 270 по 215 г., в течение 54 лет, ученик Пирра. Правил мудро, был сначала врагом римлян, но потом стал их союзником и оставался верен при самых тяжёлых обстоятельствах для римлян во время второй Пунической войны. С его смертью пало величие Сиракуз.

Римляне были поставлены перед дилеммой: если они останутся нейтральными, тогда карфагеняне возьмут Мессану, т. е. захватят Мессанский пролив — чрезвычайно важное место торговли для римлян, потому что кто владел этим проливом, кто мог поставить там сильный флот, тот разрезал бы римскую державу на две части. Он мешал бы римским кораблям проплыть из Тирренского моря через Мессанский пролив в Адриатическое море. Римляне не могли этого допустить. Поэтому они отправили легион и взяли город. Таким образом римляне в первый раз вступили твёрдой ногой на территорию вне Италии! И этот шаг имел чрезвычайно важные последствия, так как трудно было удержаться на этой наклонной плоскости, на которую они вступили.

Лекция 24

Мы остановились на том моменте, когда римские легионы появились вне Италии. А именно, римляне не хотели допустить карфагенян в Мессану, чтобы не заградить себе Мессанского пролива. Занятие этого города вовлекло римлян в первую Пуническую войну.

Остановимся на обзоре тогдашнего Карфагена и постараемся выяснить различия между двумя противниками, которые потом боролись более ста лет, стараясь уничтожить друг друга.

Как известно, Карфаген был финикийской колонией. Подобно Карфагену, на северном берегу Африки, а затем на берегу Испании было ещё несколько финикийских колоний. Но самой важной из них был Карфаген, который достиг значительного могущества и мало-помалу подчинил своей гегемонии остальные финикийские колонии. В итоге власть Карфагена протянулась по всему побережью северной Африки и части Испании.

Но сила Карфагена была совсем иная, чем сила Рима. Сила Рима заключалась в его землевладельческом и земледельческом населении. Сила Карфагена состояла в его торговом сословии, в богатстве, которое карфагеняне приобретали посредством торговли. В то время Карфаген мог выставить войска не менее сильные, чем Рим, но это были другие войска, состоявшие из отрядов наёмников. Карфагеняне имели перед собой целую страну, в которой им легко было вербовать наёмников: северная Африка с туземными жителями, Испания, населённая иберийцами на юге и кельтиберийцами на севере; местные племена представляли собой чрезвычайно благодарный материал для наёмнических войск.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАРФАГЕНА

Что касается правительства Карфагена, то оно соответствовало общему характеру государства. В Карфагене мы находим, как и в других древних общинах, три правительственных органа: сенат, народ-

ное собрание и своего рода магистратуру. Карфагенская магистратура даже очень походит на римскую. Высшие должностные лица пунийцев назывались суффетами, их было тоже два, как и в Риме два консула.

Такая внешняя аналогия дала повод Пирогову в его диссертации* сделать предположение о сильном влиянии Карфагена на Рим, откуда далее он делает вывод, что двоевластие было заимствовано римлянами у карфагенян.

Но что эта гипотеза произвольна, ни на чём не основана, видно из того, что суффеты имели совсем другое положение, чем консулы. Сущность консульской власти заключалась в том, что она была продолжением царской власти, так как в руках консулов находился *imperium*; они были прежде всего военными командирами, облечёнными властью суффетов. Карфагенские суффеты, наоборот, являлись гражданскими должностными лицами, у которых не было военной власти. Военная власть в Карфагене была предоставлена особым начальникам — стратегам, которые командовали наёмническими отрядами. Таким образом, в Карфагене не было того, что составляло силу Рима, — соединения гражданской власти с военной. В Карфагене мы видим постоянное соревнование суффетов и сената с одной стороны, и стратегов — с другой.

Народное собрание в Карфагене имело очень мало влияния. Средний класс занимался исключительно торговлей, а высшее управление находилось в руках капиталистов. Судом заведовала коллегия 105, в которую входили богатые торговцы Карфагена. Финансы управлялись коллегией из 5 человек, которая поэтому называлась пентархией, т. е. правлением пяти.

ПРИЧИНЫ УСПЕХА РИМЛЯН В ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Хотя Карфаген и был силен на море, обладал флотом более сильным, чем Рим в то время, однако первое столкновение между двумя державами окончилось победой Рима. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, сицилийские греки питали сочувствие к Риму, так как тогда они больше боялись карфагенян, чем римлян. Они помнили жестокость пунийцев в прежние времена, а также опасались карфагенян как предприимчивых торговцев (потому что греки сами в основном были торговцами). Поэтому когда пришли римские легионы, греки приняли их сторону. Этому содействовало и то обстоятельство, что римские воины, хотя и доходили до грабежа, но их пребывание было гораздо менее тягостно, чем пребывание карфагенских наёмников, например кельтиберийцев.

* Пирогов. Исследования по римской истории, преимущественно в области третьей декады Ливия. — СПб., 1878. магистерская диссертация.

Кроме того, успех римлян объясняется необыкновенной их способностью напрягать все силы для достижения успеха. Когда римляне заметили, что на море они слабее противника, то всё своё внимание они направили на установление равновесия сил флотов. Римляне знали только триеры, т. е. корабли с тремя рядами гребцов. Между тем на востоке дело пошло дальше: были тетреры²⁰⁸ карфагенян, а затем появились пентеры²⁰⁹. Пунийцы имели большой флот из пентер, и римские триеры не могли справиться с такими большими кораблями. Тогда римляне очень быстро соорудили флот из пентер. И несмотря на то, что их флот три раза терпел бури во время войны и вследствие этого были большие потери, всё-таки римляне после многолетних усилий заставили карфагенян отказаться от главного предмета войны — от Сицилии.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИЦИЛИИ

Результат первой Пунической войны заключался в том, что карфагеняне были выгнаны из Сицилии, а римляне встали твёрдой ногой на этом острове. Однако они не подчинили себе всю Сицилию, оставив свободными Сиракузы и другие города. Но половину острова римляне взяли себе. Во власти карфагенян остались только Дрепанум и Лилибей — города в западной части Сицилии.

СОБЫТИЯ МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКИМИ ВОЙНАМИ

НАЁМНИЧЕСКАЯ ВОЙНА В КАРФАГЕНЕ И ЗАНЯТИЕ РИМЛЯНАМИ САРДИНИИ И КОРСИКИ

Первый шаг, сделанный римлянами вне Италии, повлёк их дальше. К северу от Сицилии лежит остров Сардиния, которым в то время владели карфагеняне. С давних пор пунийцы из Сардинии, как и из Испании, брали себе наёмников. Сардинию населял ещё довольно дикий народ, подчинявшийся карфагенянам только по берегам; в центральной же части острова жили независимые племена, которые служили наёмниками у Карфагена.

С окончанием первой Пунической войны Карфаген освободился от забот ведения войны. Но он находился в таком положении, что даже мир не мог даровать ему полной безопасности, полного спокойствия, потому что пунийцы вели войну с наёмными войсками. Римские легионы после заключения Лутацием мира в 241 г. до Р. Х. сразу же возвратились домой и принялись за земледелие. Между тем многочисленные карфагенские отряды оставались и карфагеняне не знали, что с ними делать. Кроме того, карфагеняне задолжали наёмникам деньги и потому не могли их распустить, так как сначала надо было рассчитаться. Карфагенские богачи думали отделаться подешевле от них, стали распускать их отряды, не отдавая всего, что было обещано. Следстви-

ем этого было восстание наёмников, и Карфаген попал в положение крайней опасности. Он был спасён одним стратегом, который сумел победить восставших наёмников.

Но эта война привела к тому, что отряды наёмников, находившиеся в Сардинии, обратились к римлянам с просьбой о помощи. Римляне, сделав один шаг за пределы Италии, не хотели отказаться от удобного случая укрепиться в Сардинии. Они в своей внешней политике отличались полным отсутствием всякого великодушия. И вот римляне вступились за восставших наёмников. Это привело к занятию острова Сардинии, а затем был занят и третий из больших островов, лежащих к западу от Италии, — Корсика.

БАРКИДЫ И ЗАВОЕВАНИЕ ИСПАНИИ КАРФАГЕНЯНАМИ

Итак, карфагеняне потеряли важнейшие из своих владений близ Италии, на которые они опирались для ведения торговли с ней. Но они нашли себе другую область для завоевания. Во второй половине III в. до Р. Х. во главе карфагенской политики выступила чрезвычайно способная и предприимчивая семья Баркидов. Они действовали самостоятельно, направив силы Карфагена в Испанию, мало-помалу завоевав эту страну.

Самую выдающуюся роль в покорении Испании сыграл Ганнибал. То, что сделали Ганнибал и его отец для своей родины, можно сравнить с тем, что впоследствии сделал Юлий Цезарь для Рима. Подобно тому, как Юлий Цезарь завоевал для римлян обширную страну Галлию, Баркиды завоевали Испанию для карфагенян. Таким образом рядом с городом Карфагеном возникло целое царство, которое завоевали стратеги. Как Юлий Цезарь впоследствии, так и Ганнибал теперь был, так сказать, монархом.

Карфагеняне совсем иначе отнеслись к новому завоеванию, чем к прежним своим приобретениям. Испания стала монархически управляемой страной, откуда брали уже не наёмников, а вербовали войска посредством конскрипции. Поэтому войско, сформированное Баркидами в Испании, имело совсем другой характер, чем прежние наёмные войска, состоявшие из людей, набранных из различных местностей и вследствие этого плохо державшихся друг за друга. И если мы видим замечательные успехи карфагенян во время второй Пунической войны, то не следует забывать, в чём заключалась причина таких успехов: в Испании карфагеняне находили отличный материал для военных сил, организованных иначе, чем наёмные войска.

Но вместе с тем появилась новая причина слабости Карфагена. Тот антагонизм, который уже прежде был между суффетами и стратегами, должен был усилиться, когда карфагенские стратеги совершенно независимо от карфагенян завоевали целое царство, во главе которого они стояли бесконтрольно. И карфагенские торговые фамилии стали со страхом смотреть на положение Гамилькара, Гасдрубала и потом особенно Ганнибала.

ЗАВОЕВАНИЕ РИМЛЯНАМИ РИВЬЕРЫ И ИЛЛИРИЙСКАЯ ВОЙНА

Пока карфагеняне утверждались в Испании, римляне не сидели сложа руки. После того как они взяли Сардинию, римляне стали стараться утвердиться на Корсике. Также им было необходимо занять так называемую Ривьеру (*giviègre*), т. е. береговую полосу, которая идёт от Этрурии до пределов Италии, до Генуи и несколько дальше. Эта береговая полоса была во владении лигурийцев, племени до тех пор независимого. Римляне, если хотели стать твёрдой ногой в Корсике, не могли позволить кому-нибудь утвердиться на итальянском берегу, и потому они должны были завоевать Ривьеру. Это произошло в 233(2) г., т. е. вскоре после первой Пунической войны²¹⁰.

В то же время римляне стали распространять своё могущество на противоположной стороне Италии. К покорению этих областей их вынудили разбойнические нападения иллирийцев, теперешних далматов²¹¹. С каждым годом всё смелее и смелее иллирийские поморцы на своих кораблях появлялись в Адриатическом море, грабя иногда прибрежное население. В 229 г. к царице Тевте* римляне отправили посольство из двух братьев Корунканиев. Царица умертвила одного из них и таким образом заставила римлян серьёзно отнестись к делу.

Все греки приветствовали римлян во время их похода в Иллирию, так как они сильно страдали от разбойнических набегов иллирийцев. Когда римские послы явились в Коринф, коринфяне предоставили им почётные места на Немейских играх. Когда послы прибыли в Афины, их торжественно повезли в Элевсин и чужестранцы были впервые посвящены в элевсинские мистерии.

ЗАВОЕВАНИЯ РИМЛЯН В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ

Но более важно было то, что римляне стали продвигаться на север не только по берегам Италии, но и по самому центру полуострова. Если одна часть римского населения (преимущественно торговцы) была заинтересована войной с Карфагеном, занятием островов, то другая, главная, часть (земледельцы) была заинтересована в том, чтобы римляне шли на север, чтобы они заняли Северную Италию, долину р. По, где были богатые земли, удобные для наделов, для ассигнаций²¹².

Опять начали волноваться в Риме, опять появился аграрный вопрос, снова появились люди, которые стали во главе этого движения; они начали проводить аграрные законы. В 232 г. народный трибун Гай Фламиний провёл аграрный закон, относительно которого мы знаем только то, что его результатом были наделы земли в Пиценуме. Это привело к столкновению с кельтами, обитавшими в долине р. По.

* Teuta, жена иллирийского царя Агрона, была после его смерти регентшей несовершеннолетнего сына Пиннеса. Л. 1360.

Римлянам пришлось выдержать довольно тяжёлую войну с кельтами. Кельты, усилившись новыми племенами, ворвались в Этрурию и дошли до г. Клузиума (Clusium близ lacus Trasimenus, к западу от него), находившегося в трёх днях пути от Рима. Но тут они попали между двумя армиями: одной, которая шла перед ними, и другой, которая высадилась с моря. Кельты были вынуждены принять сражение и потерпели поражение при Теламоне (несколько севернее Козы, при море).

Затем римляне сами продолжали войну, завоевали долину р. По, т. е. Цизальпинскую Галлию. Фламиний с большим трудом выиграл сражение при Clastidium (к северо-западу от Placentia, почти на одной параллели с этим городом). В 222 г. они взяли важный город Милан²¹³ (Mediolanum).

В 220 г. Фламиний, вождь партии, желавший завоеваний в северной Италии, получил должность цензора и провёл *via Flaminia*, т. е. широкую дорогу, которая соединяла Рим с Бононией и потом с Миланом*.

LEX CLAUDIA

Итак, мы видели, что Карфаген после первой Пунической войны отвернулся от Италии и создал себе новое царство в Испании. Римляне между тем окончили завоевание Италии, уже в теперешнем смысле слова, т. е. страны, доходящей до Альп. Но победа была ещё далеко не полной. Кельтические племена ждали избавителя, осматривались кругом и искали себе союзников против Рима. Вполне естественно, что такой союз возник между карфагенянами и кельтами, которые не хотели подчиниться владычеству Рима. Но прежде чем перейти к последствиям этого события, т. е. ко второй Пунической войне, мы рассмотрим один закон, проведённый как раз в год начала упомянутой войны. Речь идёт о *lex Claudia*, проведённом Квинтом Клавдием.

Содержание этого закона следующее: сенаторам и их семьям воспрещается иметь корабли вместимостью более 300 амфор. Значит, сенаторам разрешалось вести торговлю только на маленьких кораблях, так сказать, на барках, которые могут только идти вдоль берега, но не могут идти в открытое море**. Эти лёгкие корабли было разрешено иметь сенаторам, потому что они имели надобность перевозить плоды, полученные в своих имениях, в Рим. Для этой цели было необходимо иметь небольшие суда. Но настоящих кораблей они не должны были иметь. Одним словом, римской аристократии воспрещалось заниматься заморской торговлей. Закон принуждал её заниматься исключительно земледелием.

За проведение этого закона шла нелёгкая борьба, потому что сенаторы, конечно, неохотно отказались от заморской торговли. Очевидно,

* До Ариминума была *via Flaminia*, а дальше шла *via Aemilia*, продолжение Фламиниевой дороги.

** Liv. XXI. 63. 3—4.

в это время в Риме образовался и приобрёл значение средний торговый класс — тот класс, который впоследствии известен под названием всаднического. Но тогда этот класс не был ещё настолько силен, чтобы выиграть победу в одиночку. Он одержал победу только потому, что он имел союзника: *plebs urbana* одержал победу над аристократией с помощью *plebs rustica*. Крестьянство и торговое сословие города посредством закона Клавдия ограничили торговую деятельность сенаторов.

Конечно, этот закон Клавдия не имел такого капитального результата, которого можно было ожидать. Дело в том, что римские аристократы могли вести тайную торговлю посредством своих клиентов ивольноотпущенников. Они торговали на капиталы своих патронов. Но важно было то, что закон предоставил полный простор капиталистам среднего римского класса, уничтожив явную торговлю со стороны аристократов.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Закон Клавдия указывает на существование сильной борьбы партий накануне второй Пунической войны. Можно сказать, что знаменитый государственный человек Карфагена выбрал удачный момент для открытия войны в 218 г. до Р. Х. Полибий в своём сочинении считает виновником второй Пунической войны карфагенян. Но есть основания думать, что он здесь писал под влиянием позднейших представлений. Видимо, торговый руководящий класс Карфагена не желал войны, которой хотел Ганнибал.

Римляне незадолго перед этим, а именно, в 228 г., заключили с Гасдрубалом (зятём Гамилькара) договор, в силу которого они надеялись ограничить могущество карфагенян южной Испанией. По этому договору карфагеняне обязались не идти дальше на север от р. Эбро, не делать завоеваний севернее обозначенной реки. Понятно, почему римляне так хлопотали об этом. Во-первых, им было вообще невыгодно дать полный простор противнику. Во-вторых, если бы карфагеняне завоевали всю Испанию, то они могли бы легко перейти в Галлию и сделаться непосредственными соседями недовольных римлянами кельтов в Галлии Циспаданской. Руководствуясь такого рода соображениями, римляне заключили договор с Гасдрубалом.

ПОХОД ГАННИБАЛА ИЗ ИСПАНИИ В ИТАЛИЮ

Ганнибал не считал нужным держаться только в южной Испании, по его мнению, в 219 г. пришёл момент, когда нужно было сбить римлян с занятой ими позиции. Ганнибал разработал необыкновенную комбинацию, с которой началась вторая Пуническая война. А именно, он задумал собрать все свои силы, идти прямо на Рим и войти в Италию с той стороны, с которой он мог встретить больше сочувствия. Но для этого ему нужно было преодолеть сложнейшие препятствия... Нужно

вдуматься в положение дел, чтобы понять необыкновенное военное значение действий Ганнибала.

Он собрал армию в 100000 человек и с ней двинулся через р. Эбро, взяв предварительно город Сагунт, который был в союзе с Римом и который римляне не хотели уступить во власть карфагенян. Но прежде чем идти в Италию, нужно было завоевать Северную Испанию. Ганнибал потерял целый год и $\frac{1}{4}$ своего войска, чтобы пробраться к Пиренеям. Затем нужно было ещё пройти по Галлии, среди городов, которые не доверяли карфагенянам и Ганнибалу.

Римляне послали консула Сципиона (P. Cornelius Scipio) к городу-республике Массилии, издавна находившейся в тесном союзе с Римом. Поэтому Ганнибал не мог идти в Италию кратчайшим путём, по Ривьере. Он должен был обогнуть устье Роны и, что ещё тяжелее, пройти через Альпы.

Тут он совершил знаменитый переход через Альпы, с которым едва ли можно сравнить какой-нибудь другой переход армии через горы, если взять во внимание условия и средства. Ганнибал шёл с многочисленной кавалерией и неповоротливыми слонами, которых нужно было спускать по ледникам; каждое ущелье нужно было брать приступом... Следует прочитать у Ливия и Полибия описание этого перехода, чтобы составить себе ясное представление о трудностях, с которыми столкнулись пунийцы. Ганнибал преодолел их, причём осенью, когда на горах уже выпал снег.

При переходе через Альпы он потерял ещё $\frac{1}{4}$ своего войска, после чего спустился в долины Северной Италии с небольшим²¹⁴ отрядом оборванных и утомлённых войск: 12000 ливийцев и 8000 иберийцев; вот вся его пехота. Кавалерия была в лучшем виде: из 9000 уцелело 6000.

ПОБЕДЫ ГАННИБАЛА НАД РИМЛЯНАМИ В ЦИЗАЛЬПИЙСКОЙ ГАЛЛИИ

Римляне не имели никого в это время, кого они могли бы противопоставить Ганнибалу. Они растерялись и дали возможность карфагенянам привлечь к себе недовольных галлов, хотя сначала они не доверяли ему и не решались открыто принять его сторону. Но когда Ганнибал в первом же столкновении (218 г.) с римлянами (консул Сципион) на теперешней р. Тичино (Ticinus, левый северный приток р. По) одержал победу, галлы стали сотнями являться в его лагерь. Затем ему пришлось прочистить себе путь победой над другим консулом Семпронием (Tiberius Sempronius Longus). Семпроний знал, что на выручку шли римские легионы, но ему хотелось одержать победу без соперников. Битва произошла при р. Требии (правый приток р. По, 218 г.).

После этой победы карфагенян Цизальпинская Галлия была в руках Ганнибала, и он двинулся дальше на юг. Римляне выслали одно своё войско в Арминум, а другое — в Этрурию.

ГАННИБАЛ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

Ганнибал был в затруднении, но вышел из него необыкновенно смело и удачно. Совершенно неожиданно для римлян, когда долина р. Арно была вся залита водою, Ганнибал прошёл в Этрурию по местности, которую римляне считали непроходимой. Действительно, солдаты шли постоянно в течение трёх суток в воде, иногда по колено, иногда по пояс, должны были делать днёвки в воде, причём отдыхать можно было только на павших лошадях и волах. Благодаря этому маневру Ганнибал совершенно неожиданно появился в Этрурии и одержал победу над консулом Фламинием при Тразименском озере (217 г.), после чего его слава возросла, стала такой большой, что даже некоторые из римских союзников стали склоняться на сторону Ганнибала.

Но Центральная Италия слишком крепко держалась за Рим. Поэтому Ганнибал прошёл через Центральную Италию на юг. Там он был ближе к Карфагену и был среди племён, которые не так охотно сносили римскую гегемонию. Между тем в Риме одержала верх аристократическая партия, во главе которой находился Фабий Максим (Q. Fabius Maximus Cunctator), требовавший осторожности. Фабий указывал на крайне невыгодные результаты опрометчивости предыдущих консулов. Он, будучи диктатором,* действовал крайне осмотрительно, чем вызывал заметное недовольство, особенно со стороны демократии.

Вследствие этого римское народное собрание сделало небывалое нарушение закона, назначив начальника конницы (M. Minutius Rufus) равным с диктатором по власти, т. е. была нарушена военная дисциплина. К счастью для римлян, Минуций был неспособный человек. Как скоро он получил власть, Ганнибалу представился удобный случай выиграть победу, при которой Минуций погиб бы, если бы не пришёл на помощь Фабий и не возвратил победу. Тогда Минуций сам отказался от равенства власти. Страсти несколько успокоились.

Между тем Ганнибал стал в Апулии на р. Aufidus (ныне Ofanto, впадает в Адриатическое море), где он устроил значительные магазины²¹⁵, и отсюда начал действовать против римлян. В Риме опять разгорелись страсти. Аристократическая партия провела в консулы Эмилия Павла (L. Aemilius Paulus), а демократическая партия провела противника сената Теренция Варрона (Terentius Varro), который был homo novus. Стало быть, это был сын промышленного человека; впервые из этого класса избирается римский консул, что очень значительно.

Теренций Варрон и Эмилий Павел поспешили сразиться с Ганнибалом на р. Aufidus, и там произошло известное поражение при Каннах (216 г.), где пало 80 сенаторов из 300, 21 трибун (начальники над легионами), а число павших всадников было так велико, что Ганнибал

* Собственно, по Ливию, Фабий был продиктатором. Так как к консулу Сервилию нельзя было отправить вестника или письмо, чтоб он выбрал диктатора, то народ избрал продиктатора. (Liv. XXII. 8.)

мог послать в Карфаген как трофей целую меру золотых колец, снятых с их пальцев**²¹⁶.

216 год есть самая высшая точка, которой достиг Ганнибал в войне с Римом. Рим был в крайней опасности, все ожидали кризиса, но Рим вышел из затруднительного положения.

Лекция 25

Переходя в Италию с войском, Ганнибал, очевидно, имел целью поднять кельтов и римских союзников. Он мог рассчитывать, что среди союзников найдётся много таких, которые предпочтут свою прежнюю автономию союзу с Римом. До некоторой степени Ганнибал не ошибся. Один из наиболее важных городов Италии, Капуя, некогда соперничавшая с Римом, отложились от союза с ним. То же самое сделали и некоторые другие менее важные города. Даже из латинских колоний 12 отказались послать в Рим свои контингенты, указывая на то, что они истомлены войнами. Но та организация, которую римляне дали Италии после окончательного завоевания, была настолько сильна и прочна, что Ганнибал не мог её разрушить. В этом и заключалась первая причина его неуспеха. Когда же римляне переправили войска в Африку, им легко удалось расстроить тот союз городов с Карфагеном, который составлял его главную силу.

Вторая причина неуспеха Ганнибала заключалась в необыкновенно сильном напряжении римского народного духа. Когда государство оказалось в крайней опасности, всё сплотилось. Тогда не было никаких политических партий. Появилось общее соревнование жертвовать собой. В интересах отечества все классы спешили принести всё, что могли: плебеи с охотой платили тяжёлый *tributum*, богатые торговые классы давали займы государству большие капиталы, аристократы несли военную службу. Благодаря этим обстоятельствам дела Ганнибала более не продвигались вперёд.

НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ РИМЛЯН

В течение нескольких лет римляне ограничивались оборонительной войной. Но с 211 г. они начали действовать наступательно. 211 год является поворотным пунктом второй Пунической войны, так как в том году римляне взяли Капую, в результате чего богатая Кампания стала *ager publicus*. В том же году римляне взяли Сиракузы.

Затем римляне, несмотря на то, что Ганнибал находился ещё в Италии, перенесли войну в Испанию. Туда ещё в начале войны был послан Кней Сципион, брат консула Публия Корнелия Сципиона. Дела сначала шли неудачно, и Сципион в 212 г. погиб, но его сын, знаме-

** Liv. XXII. 49—50.

нитый Сципион, впоследствии Африканский, повёл дела весьма успешно. В 209 г. он нанёс поражение при Бекуле Гасдрубалу, брату Ганнибала. Этой победой он в известной степени обеспечил новые завоевания римлян в Испании.

Однако он не мог помешать Гасдрубалу идти в Италию на помощь брату. Гасдрубал с большим войском отправился на север Испании, чтобы тем же путём, которым шёл Ганнибал, пройти в Италию. Как известно, он смог это сделать, но в Италии он пал в битве при р. Метавре в Умбрии*. В 206 г. Сципион окончил подчинение Испании римскому владычеству.

После этого он посчитал возможным перенести войну в Африку, но это не так легко было сделать, потому что Ганнибал ещё находился в Италии и внушал многим страх. Сенат отказал Сципиону в предоставлении войска, дав ему только два легиона, которые опозорились при Каннах и были высланы в Сицилию, и позволил предпринять поход на свои средства. Средства быстро нашлись. Почти все города Этрурии старались дать ему как можно больше кораблей, для чего опустошили даже свои *silvae publicae*²¹⁷, употребив их на постройку кораблей. Другие союзные города также старались помочь Сципиону. Масса добровольцев, около 7000 человек, пришли под его знамёна. Итак, Сципион мог предпринять поход.

Как известно, в критическую минуту Ганнибал должен был оставить Италию, чтобы защищать своё отечество от Сципиона. Прибытие Ганнибала не поправило дела. После безуспешных переговоров Ганнибал против своей воли должен был вступить в битву при Заме, где потерпел поражение от Сципиона. Тогда Карфаген принял условия мира, продиктованные Сципионом. Можно сказать, что Карфаген сделался данником Рима. Он должен был отказаться от предприимчивой и смелой политики, выдать корабли и платить в течение 50 лет в римскую казну по 200 талантов.

Во время второй Пунической войны римляне окончательно завоевали Сицилию. Теперь нам надо обратиться к рассмотрению той организации, которую получил этот остров.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАВОЁВАННОЙ СИЦИЛИИ. ПРОВИНЦИИ

До сих пор присоединяемые города или инкорпорировались в Рим, или делались союзными на основании договора. Но теперь римляне стали поступать иначе. Из Сицилии был образован особый административный округ, который был назван *provincia*. Это слово употреблялось и раньше, но в значении «круг действий» магистрата. Если, например, кому-нибудь из должностных лиц поручалось заведовать морским делом, то ему давалась «*provincia maritima*». Когда один консул шёл в Этрурию, то эта область была его *provincia*. Теперь слово «*provincia*» получает особый смысл: это покорённая вне Италии об-

* Его разбили консулы Ливий Салинатор и Клавдий Нерон.

ласть, подчинённая Риму, во главе которой находится особый римский магистрат. Провинции были организованы различно.

Что касается Сицилии, то там было около 70 городов. Они потеряли право *commercium*'a, т. е. один гражданин какого-нибудь города не мог совершать купли или продажи земли в другом городе. Стало быть, жителям Сицилии нельзя было переселяться из одного города в другой. Таким образом, города острова были изолированы, и только римские граждане могли селиться в каждом из этих городов.

Однако положение различных городов Сицилии не было одинаковым. Те из них, которые во время пунической войны были на стороне римлян, были признаны союзниками, подобно италийским союзным городам. Такое положение получили *Messana*, *Taugomenium* (южнее Мессаны) и небольшой город *Mylae* (на северном берегу Сицилии, недалеко от Мессаны). Это были *civitates foederatae*.

Пять городов были *liberae et immunes*, т. е. в определённом смысле автономными; они не платили римлянам податей. Главными из этих городов были *Segesta* и *Panormus* (ныне Палермо) (оба города на северном берегу, *Segesta* западнее *Панорма*).

Остаётся ещё 60 городов, которые были устроены следующим образом. 36 городов были *decumanae civitates*, потому что должны были платить $\frac{1}{10}$ дохода со всей земли; 24 города были *civitates censoriae*, потому что подвергались более сильным поборам и находились под управлением цензора.

PUBLICANI

Как же римляне взымали *decumanae* или *decimae*²¹⁸ и другие доходы? У римлян не было государственной организации для сбора податей, не было чиновников, которые собирали бы налоги. Сборы податей и налогов отдавались на откуп так называемым *publicani*. Римские капиталисты составляли между собой, так сказать, общества на паях, которые брали на откуп часть провинции или же всю провинцию, вносили вперёд в римскую государственную казну сумму, которая была назначена, а затем старались вернуть эти деньги себе. Обычно то, что публиканы собирали с жителей провинции, далеко превышало сумму, которую они внесли в эрарий. Такие откупа были выгодны. Но аристократам заниматься ими считалось неприличным. *Publicani* были обыкновенно из римских всадников, которые впоследствии стали самым богатым классом в Риме.

Та польза, которую извлекали римские капиталисты из провинций, заставляла их поддерживать завоевательную политику и образование провинций.

Первой провинцией была Сицилия²¹⁹, второй — Сардиния и Корсика²²⁰. Когда карфагеняне были побеждены, возник вопрос, не образовать ли из Карфагена провинцию, но благодаря Сципиону этого не произошло.

В то время в Риме образовались два политических течения. Одно было воинственным, его сторонники требовали, чтобы Рим воевал, чтобы, пользуясь всяким случаем к войне, увеличивал свои владения и давал им организацию провинций. Другая партия избегала войн и стремилась к тому, чтобы вне Италии продолжить ту же систему федерации, которая существовала при завоевании Апеннинского полуострова.

ЗАВОЕВАНИЯ РИМА НА ВОСТОКЕ И ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

После того как Рим победил Карфаген, он стал лицом к лицу с государствами Востока. В это время там были два наиболее сильных государства: Македония и Сирия.

В Македонии тогда царствовал Филипп V, который сделал её могущественной. У него была мощная армия и хорошая организация финансов. Он успел подчинить Македонии Эпир, а потом и Грецию.

Греция была уже не прежней. Там образовались новые государства. Во-первых, Этолийский союз²²¹ в северной части полуострова. Этолийцы представляли собой федерацию полудиких и полуразбойничьих племён. Это были настоящие ландскнехты. Во-вторых, появился Ахейский союз²²² в Пелопоннесе, состоявший из 12 городов. Этот союз играл самую важную роль в Греции. В-третьих, остров Родос, который в то время был самой могущественной торговой державой в восточной половине Средиземного моря. Подобно венецианцам они и на материке имели две области — Ликию и Карию.

Филипп успел укрепиться в Греции благодаря тому, что занял три важных пункта. Во-первых, Деметриаду (Demetrias, в Магнезии) в Фессалии, из которой он наблюдал за этой областью, а также за всей Грецией*. Во-вторых, македонский царь подчинил Халкиду (Chalcis, на о. Эвбея), откуда он осуществлял контроль над Эвбеей и Беотией. Кроме того, он держал в своих руках Коринф. Вследствие этого Филипп занимал доминирующее положение в Греции. Более того, он вступил в союз с Антиохом III Сирийским, которому принадлежала почти вся Малая Азия (только на севере был Пергам, небольшое царство, которым правили Атталиды).

Третьей важной державой Востока был Египет. Но царство Птолемеев не могло иметь влияние на дела, потому что там умер царь и начались смуты из-за престола.

Этими неурядицами воспользовался Антиох, чтобы подчинить себе Египет. Тогда маленькие государства стали обращаться за помощью к римлянам, просить их защиты. Не только из Греции, но и из Египта в Рим отправились посольства. Таким образом, Рим был втянут в сложные отношения государств восточной половины Средиземного моря.

* Это был ключ Греции — *πύλαι Ἑλληνικαί*.

ПЕРВАЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА

Рим не мог оставить без внимания эти просьбы и отношения государств, потому что ещё во время второй Пунической войны Филипп обнаружил враждебные замыслы, войдя в сношения с Ганнибалом. Когда карфагеняне потерпели поражение, македонский царь успел отговориться перед римлянами, уверяя, что отряд македонян, который состоял при Ганнибале, был из добровольцев.

Но тем не менее войны с Македонией было не миновать. Народное собрание в Риме не желало войны, но когда во главе войска стал Тит Квинкий Фламинин, римлянам стал сопутствовать успех, и в 197 г. Филипп был наголову разбит в Фессалии в местности Киноскефалы²²³ (Κυνὸς κεφαλῇ, в южной части Пеласгиды, севернее Скотуссы), которая названа так, потому что покрыта маленькими холмиками. Эти холмики имели роковое значение для македонской фаланги, потому что они не позволяли ей оставаться плотно сомкнутой. В результате римляне ворвались в фалангу и поразили македонян.

Македония, потеряв большое сражение, была бессильна и должна была сдаться римлянам. Теперь опять встал вопрос, как поступить с Македонией: образовать ли федеративную общину или сделать из неё провинцию. Но римляне здесь поступили иначе. Они только потребовали, чтобы Филипп вывел свои гарнизоны из захваченных им городов Греции, выдал флот, заплатил контрибуцию и чтобы не начинал войны с кем-либо без согласия римлян.

Римляне старались теперь действовать на тщеславие греков, пользуясь им в своих собственных целях. Такую политику римлян по отношению к грекам часто называют теоретической.

После заключения мира победитель Филиппа явился в Грецию, в Коринф, на Истмийские игры, где торжественно объявил греков свободными: ἐλευθεροί, ἀφρουρητοί, ἀφορολόγητοι, т. е. греки становились свободными в политическом отношении, запрещалось вводить в Грецию какие-либо гарнизоны и взимать с неё дань. От этого греки пришли в восторг, но скоро оказалось, что дело заключалось вовсе не в желании римлян предоставить Греции полную свободу.

ВОЙНА С АНТИОХОМ СИРИЙСКИМ

Между тем римляне вступили в борьбу с другим врагом. В 192 г. до Р. Х. Антиох III переправился через Боспор, по просьбе Этолийского союза, и остановился во Фракии. Царь повёл с самого начала дело дурно. Он упустил удобный момент для военных действий, не повёл войны одновременно с Филиппом. Благодаря этому римляне имели возможность победить сначала одного врага, а потом другого.

Тем не менее и римляне (под началом М. Ацилия Глабриона) относительно Антиоха вели дело вяло. Антиох получил возможность переправиться на Эвбею, потом на материк, но здесь в 191 г. потерпел поражение при Фермопилах от Порция Катона, после которого бежал

в Малую Азию. Затем римскими войсками стал командовать Луций Сципион (L. Cornelius Scipio Asiaticus). Его брат, Сципион Африканский, обещал помогать, вследствие чего народное собрание и дало командование Луцию. Дела римлян пошли ещё успешнее, и в 190 г. Антиох был разбит при Магнезии (к северо-востоку от Смирны), после чего царь должен был принять условия мира. Он должен был пообещать держаться в пределах Сирии и довольствоваться Малой Азией до Тавра. Всё, что находилось севернее Тавра, было объявлено свободным. Греческим городам была возвращена автономия. Пергам и Родос, помогавшие римлянам в войне, получили в награду земли на материке.

Рим после победы над Востоком получил огромные богатства: из Сирии в период со 188 по 176 г. он получил 1000 талантов, из Карфагена в течение 50 лет «вечный город» получал по 200 талантов, из Македонии 6 лет римляне получали по 50 талантов. Благодаря этим громадным контрибуциям римляне могли возвратить *tributum* и вывести колонии в северную Италию.

ВТОРАЯ МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА

Итак, Рим думал не делать завоеваний на Востоке, потому что они влекли за собою необходимость держать там гарнизоны, а также приводили ко многим другим издержкам. Римляне хотели создать небольшие государства, распри между которыми ставили бы их в зависимость от посредника-Рима. Но удержаться в русле такой политики было трудно. Во-первых, в самом Риме была партия, желавшая завоеваний. Во-вторых, государства Востока неохотно подчинялись гегемонии Рима.

Филипп, побеждённый римлянами и помогавший им в войне с Антиохом, стал готовиться к новой войне с «вечным городом». Он обратил все свои силы на север, задумав подчинить себе весь Балканский полуостров, чтобы создать новое царство, откуда он мог бы черпать массу солдат для предстоящей борьбы с Римом.

Но в 179 г. он умер, не успев претворить в жизнь свой план. На престол вступил его сын Персей, воспитанный в ненависти к римлянам. Он сильно желал начать с Римом войну, но заметно уступал отцу в дарованиях.

Римляне, не дожидаясь нападения со стороны Персея, сами начали войну в 171 г. Опять в течение первых трёх лет война велась с незначительным успехом, и только когда был назначен полководцем Луций Эмилий Павел (L. Aemilius Paulus Macedonicus), сын Эмилия Павла, павшего при Каннах, римляне одержали решительную победу над врагом. В 168 г. при Пидне Эмилий Павел дал сражение Персею. Битва продолжалась всего один час. Персей был разбит наголову.

Римляне решили покончить с Македонским царством. Весь царский двор был перевезён в Италию, его членам было запрещено под страхом смертной казни появляться в Греции. Сам Персей был поселён в центральной Италии, где скоро и умер. Македония была разбита на

четыре области, которые получили республиканское устройство. Это было переходное положение между автономией и статусом провинции. После разделения и уничтожения Македонского царства всякое влияние Македонии на Грецию пропало.

Однако в Греции македонская партия была ещё довольно значительна, и когда греки (особенно Ахейский союз) стали проявлять недовольство, римляне стали бесцеремонно поступать и с ними. 1000 лучших ахейян было отослано в Италию²²⁴, среди которых находился Полибий, сын Ликорта, друга Филопемена. Заложники пробыли в Риме около 17 лет. Между тем и родосцы были недовольны тем, что римляне более покровительствовали Евмену пергамскому, чем им. Тогда родосцы заплатились кое-какими землями и привилегиями.

ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ПОКОРЕНИЕ ГРЕЦИИ

В середине II в. до Р. Х. настало время окончательной расплаты римлян с вековым врагом.

Сципион Африканский одержал победу над карфагенянами главным образом благодаря той розни, которая произошла между нумидийскими царями. В Нумидии было два правителя: в восточной части страны царствовал Масинисса, а в западной — Сифакс. Первый был союзником Рима, а последний — Карфагена. После окончания второй Пунической войны Масинисса получил царство Сифакса и стал могущественным правителем в Африке. Теперь он обратил взоры против Карфагена, усиленно раздувая там раздор партий. В 151 г. он напал на карфагенян, которые не должны были защищаться в силу договора с римлянами без их согласия. Нумидийский царь разбил пунийцев и заставил их платить дань в 200 талантов ежегодно.

Римляне не хотели допустить чрезмерного усиления Масиниссы. Карфаген также обратился с жалобой в Рим, и это всё послужило поводом к третьей Пунической войне.

Известно, какую роль сыграл Катон (M. Porcius Cato Censorius), как он был послан в Карфаген для расследования дела и ужаснулся, видя возродившееся богатство города, как он привёз в сенат свежие финики, чтобы наглядно показать, до какой степени силен, богат и близок их враг. Наконец, после долгой борьбы воинственная партия одержала верх, и война Карфагену была объявлена.

В 146 г. Сципион Эмилиан* взял и разрушил Карфаген.

В том же году был разрушен и Коринф Муммием, и произошло окончательное подчинение Греции и Македонии.

В 149 г. один авантюрист Андриск объявил себя сыном Персея, и к нему примкнула масса людей, недовольных римлянами. В 148 г. Андриск был разбит Метеллом (Q. Caecilius Metellus Macedonicus) и Ма-

* Scipio Aemilianus Africanus minor, сын Эмилия Павла, выигравшего битву при Пидне, был принят в род Корнелиев и усыновлён Публием, сыном Сципиона Африканского.

кедония была обращена в римскую провинцию. Тот же Метелл вёл удачную борьбу против Ахейского союза, которую в 146 г. окончил Муммий (L. Mummius). После окончательного поражения Ахейского союза и разрушения Коринфа из Греции была образована провинция.

В это время появился целый ряд новых провинций. К прежним двум (Сицилия и Сардиния с Корсикой) прибавились две провинции в Испании²²⁵, одна провинция в Африке²²⁶; одну провинцию составили Македония и Иллирия²²⁷ и одну Ахайя, т. е. Греция²²⁸.

В 133 г. пергамский царь Аттал III умирая оставил завещание, в котором делал наследником царства римлян. Из пергамского царства образовалась провинция Азия.

Таким образом, к 133 г. римляне успели подчинить своему могуществу и восточную половину Средиземного моря. Но это новое положение, новая сила, новые влияния, приток богатств не могли не изменить внутренней жизни римского государства. И теперь мы обратимся к рассмотрению изменений в администрации, духе и правах римлян, которые произошли вследствие завоеваний «вечного города» в Средиземном море.

ЧАСТЬ VI. ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЙ ВНЕ ИТАЛИИ НА ВНУТРЕННЮЮ ЖИЗНЬ РИМА

Лекция 26

Результатом римских завоеваний вне Италии было то, что римская держава на Апеннинском полуострове окружила себя целым ожерельем завоёванных царств. Этой громадной державе нужно было дать организацию. Римляне, как вы видели, в этом отношении приняли другую политику, вместо той, которой они держались при завоевании Италии. Не оставив системы союза, в которую они принуждали вступать побеждённые народы, римляне не считали возможным обезопасить своё государство исключительно федеративной системой. Народы, которых римляне победили вне Италии, стояли гораздо дальше от них по культуре, нежели итальянские народы. Поэтому нельзя было ограничиться одной лишь федеративной системой; над этими покорёнными народами нужно было царствовать.

Затем к этому примешивался ещё и другой взгляд. Когда римляне воевали в Италии, они имели в виду выгоду от военной добычи. И добыча очень часто состояла не только из личного обогащения, но и из земли, *ager publicus*. Но всё-таки в Италии римляне не смотрели на побеждённых исключительно как на источник обогащения. Совсем другой взгляд стал устанавливаться относительно заморских владений. Тут очень рано укоренился принцип, что завоёванные земли суть поместья римского народа (*praedia populi Romani*), выгодами с которых живёт владелец. В данном случае владельцем был римский народ. Заморские завоевания римлян были их *praedia*. Следовательно, им надо было дать другую организацию, чем покорённым областям Италии.

Вам уже известно, что эта организация носила название провинции. Во главе каждой провинции должен был стоять представитель римской власти, римской державы, лицо, обязанность которого заключалась в извлечении выгод из *praedia*. Понятно, что вследствие завоеваний, сделанных римлянами начиная с первой Пунической войны, та система обращения с подчинёнными, которой следовали римляне, должна была оказывать на них самих громадное влияние. Влияние римлян выразилось в завоевании. Но после завоеваний начался обратный процесс, не менее важный по своим последствиям. Завоевание новых территорий, превращение их в провинции и управление ими оказали заметное воздействие на римские учреждения и римские нравы. Это важный вопрос, которым мы теперь и будем заниматься.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ ПРЕТОРЫ

Завоевания римлян повлияли прежде всего на римскую магистратуру. Для управления провинциями понадобились новые лица. Мог ли

Древний Рим²²⁹ обеспечить себя такими лицами? Прежние римские магистратуры были образованы в соответствии с потребностями города. Это были городские должности. Как же римлянам теперь следовало поступить? Создавать ли новые магистратуры или обойтись прежними? Во всяком случае, было нужно увеличить число прежних, но не выходя из форм былых должностей, не создавая новой магистратуры. Но какую же магистратуру можно было увеличить количественно? Конечно, не консульскую, ибо сущность консульства заключалась в том, чтобы консулов было двое. Само слово *consul* указывает на это — пара высших государственных лиц, которые имеют право интерцессии на предложения и решения коллеги. Тут было немыслимо третье лицо, и консульство до конца своего существования не утратило своего характера.

Увеличена была та магистратура, которая допускала умножения своих должностных лиц. Речь идёт о претуре. Известно, как произошла претура: когда плебеи получили доступ к консульству, патриции не хотели им уступать судопроизводства. И для этого была создана особая магистратура — *praetura*. Первоначально в Риме был один претор. Но ещё задолго до завоеваний, о которых идёт речь, оказалось необходимым увеличить число преторов, потому что дела были слишком многочисленными и сложными. И вот, римляне ввели другого претора. Один был *praetor urbanus* — городской претор, стоявший во главе римского судопроизводства, вершил суд для римских граждан. Но для множества союзников, населявших Италию, нужен был особый судья, так как между ними и римлянами появилось много дел. Поэтому была создана должность *praetor peregrinus*. Таким образом, претура, которая не была ограничена определённым числом должностных лиц, дала возможность римлянам увеличить эту магистратуру.

Когда были завоёваны Сицилия, Сардиния и Корсика, римляне стали вместо двух преторов выбирать трёх или четырёх. Одного из них посылали в Сицилию, другого — на острова Сардинию и Корсику.

Затем римляне завоевали Испанию. Эта земля раньше была колонизована и покорена карфагенянами. Так как карфагеняне шли с юга, то они сперва подчинили Южную Испанию до р. Эбро. Северная Испания не была завоёвана пунийцами и оставалась страной дикой и независимой.

Римляне во время Пунических войн хотели остановить карфагенян на р. Эбро. Отсюда идёт двойственность в управлении Испанией. Для нас Испания представляет собой неделимую географическую территориальную единицу. Но для римлян в Испании было две страны. Сначала они завоевали Южную Испанию, взяли её у карфагенян, и эта земля стала испанской провинцией. Когда римляне впоследствии покорили северную Испанию, то образовалась как бы другая Испания. В результате *Hispania Citerior* стала называться территория, расположенная к северу от р. Эбро, а *Hispania Ulterior* — к югу от данной реки. Таким образом, римляне из Испании сделали две провинции, и для управления ими после второй Пунической войны

стали выбирать ещё двух преторов. В итоге стало избираться 6 преторов.

LEX BAEBIA

Но скоро такая система управления стала сопровождаться значительными неудобствами. Претор избирался на один год, срок его должности кончался как раз через год после вступления. Претор, посылавшийся в Испанию, должен был проводить в дороге очень много времени. Самый скорый переезд из Италии в Испанию занимал три недели, но претор, часто переезжая с большим войском (во всяком случае, с большим транспортом), должен был долго готовиться к переезду ещё в Италии, причём долгое время. Поэтому он мог опоздать. Если его задерживали противные ветры, то ему приходилось провести в гавани две-три недели. Соответственно, сроку на его должность приходилось в таких случаях 9 месяцев. Кроме того, претор получал в управление неведомую страну. Он только начинал знакомиться со своими обязанностями, как оканчивался срок его должности.

Поэтому в 180 г. трибун Бебий предложил законопроект, по которому власть преторов в Испании продлевалась до двух лет. Таким образом, один год выбиралось 6 преторов, а другой год — 4. Но этот закон действовал недолго. Римляне, так сказать, слишком привыкли к годовому сроку своих магистратур. Более того, римская аристократия слишком дорожила своими местами, ей хотелось занимать преторские должности как можно чаще. Поэтому разумная мера Бебия была отменена, и римляне продолжили выбирать ежегодно 6 преторов.

ПОЯВЛЕНИЕ ПРОКОНСУЛОВ И ПРОПРЕТОРОВ

Но, как вам известно, после окончательной победы над Македонией в середине II в. до Р. Х., после разорения Карфагена число провинций значительно увеличилось. Кроме названных выше четырёх провинций, к ним присоединились: Африка, Македония, Ахайя и Азия. Римляне поэтому должны были увеличить число преторов, но они решились на ту меру, которую раньше в некоторых случаях употребляли.

Когда какой-нибудь магистрат (консул или претор) не мог окончить в срок своей должности, римляне продлевали его полномочия. Такое продление полномочий называлось *prorogatio*, потому что происходило посредством *rogatio*, и нужно было издать новый *lex curiata de imperio*.

Этим способом римляне получили возможность значительно увеличивать число магистратов, не создавая новых. А именно, каждая пара консулов и все шесть преторов, если им продлить *imperium*, получали возможность ещё год оставаться в должности. Исполняя свои обязанности второй год, они носили названия проконсулов и пропреторов, которые и стали от имени римского народа управлять провинциями.

Число проконсулов было, очевидно, меньше. Их было только два. Пропреторов же было гораздо больше. Название проконсула обыкновенно употреблялось в нарицательном смысле, поэтому иногда и пропреторы (провинциальные магистраты вообще) назывались проконсулами.

ПРОКОНСУЛЬСТВО

Теперь мы рассмотрим положение магистратуры, которая по названию была старой, но по сути совершенно новой. Речь идёт о проконсульстве, которое было создано при завоевании провинций, для управления ими. Хотя проконсул был в сущности консулом и пропретор — претором, но фактически их положение было различным.

Магистратура проконсула по своей срочности отличалась от остальных римских магистратур. На практике срочность проконсульской должности не имела строгого соблюдения. Полномочия проконсула длились один год. Значит, в определённый день он должен был уступить своё место новому лицу. Но на самом деле это не всегда было возможно. Иногда в провинции приходилось воевать, причём военную кампанию нельзя было прерывать. Поэтому власть проконсулу продлевалась в результате пророгации: *donec debellatum esset*, т. е. давалась власть до окончания войны. Ещё чаще сам проконсул старался продлить данные ему полномочия. Более того, его приемник приезжал не всегда вовремя, в результате чего пропретору приходилось продолжать управление провинцией.

Но римская история не выработала гарантий против произвола проконсулов. Прежде всего, эта магистратура не была коллегиальной. Римский консул, особенно в начале республики, обладал в определённом смысле царской властью — *regium imperium*. Но рядом с ним был коллега, который препятствовал его произволу. Проконсул же обладал властью в провинции и не имел коллеги. Значит, он всецело пользовался царской властью.

В самом Риме была ещё одна гарантия против произвола должностных лиц. А именно, народные трибуны могли постоянно останавливать консула, могли арестовать его ликтора, могли принять под защиту тех, против кого оборачивалась консульская власть. В провинции же не было народных трибунов, не было вообще никого для защиты провинциалов от римского проконсула. Даже знатного римского гражданина так некому было защитить. Поэтому вполне понятны действия Верреса, знаменитого проконсула Сицилии, который приобрёл известность благодаря речам Цицерона, направленных против него. Веррес стал воплощением всех тех злоупотреблений властью, которые позволял себе римский проконсул. Из речей Цицерона мы знаем, что Веррес подвергал телесному наказанию в Сицилии римских граждан. В самом Риме он бы этого не посмел, так как по закону Валерия и Порция нельзя было сечь римского гражданина. Но в глуши провинции римляне были беззащитны.

Итак, в провинции не было организации, защищавшей римских граждан от произвола магистратов.

Кроме того, отсутствовала нравственная сдержка римской магистратуры. Цицерон с своих Верринах объяснял это. Он говорил, что в Сицилии не было трибунов, не было *forum, plenum iudiciorum*. Перед глазами Верреса не было претора и трибунов, приближающихся для суда. Именно суд мог сдерживать римского магистрата от превышения своих полномочий. Но в провинции таких условий не было. По словам того же Цицерона, отсутствовало «*existimatio populi*», т. е. общественное мнение, которое тоже могло бы ограничить произвол проконсула.

Итак, около провинциальных магистратов не было гарантий, сдерживающих их власть и не позволяющих ей превращаться в произвол. Кроме того, сама власть провинциальных должностных лиц находилась в иных условиях по сравнению с властью магистратов Рима.

Вам также известно, что римская магистратура под влиянием борьбы патрициев с плебеями не только дробилась, но и стала специализироваться в своих функциях. После царской эпохи консул был как бы царём; он был и гражданской, и военной, и судебной, и религиозной властью. Однако мало-помалу консулы утратили своё полновластие: суд отошёл к претору, военная власть осталась только за пределами города Рима.

Если в самом Риме происходило дробление функций магистратов, то в провинциях дело обстоит наоборот. Там разрозненные функции соединились в руках одного лица, которое встало во главе управления провинцией. Проконсул был главным военачальником, так как в провинции постоянно находился какой-нибудь гарнизон (римские легионы или отряды союзников), даже если и не было войны.

В то же время проконсул был и верховным судьёй, причём судил не только граждан, но и жителей городов, находившихся в провинции. Римские граждане знали законы²³⁰, и проконсул использовал их в своих целях.

Проконсул в провинции был и законодателем. Римский претор осуществлял суд на основании законов XII таблиц и других законов, принятых на народном собрании. Но количество римских законов было не очень велико. Значит, претору приходилось судить по обычаю, что очень важно. Такое положение дел давало претору возможность следить за потребностями времени. Чем сложнее общество, тем чаще появляются новые потребности в экономической жизни и в гражданских отношениях; в соответствии с ними требовались и новые нормы права.

У нас такая потребность удовлетворяется посредством издания новых законов. Сейчас выходит целая масса законов, которые или носят общегосударственный характер, идущих через Государственный Совет, или в форме министерских законов-постановлений. Масса законов ныне так велика, что только специалист может их изучать и знать.

В древности же не было такой массы законов. Тогда потребности в новых нормах, регулирующих жизнь, удовлетворялись посредством живых деятелей — преторов. Именно поэтому преторам была предостав-

лена широкая власть; опираясь на неё, претор при вступлении в должность определял те принципы, которыми он намеревался руководствоваться в своей деятельности. При обнародовании этих принципов он делал те изменения, которые он считал необходимыми. Например, если в старом римском праве не было формулы какого-нибудь иска для дела, ранее в Риме не рассматривавшегося (потому что раньше не было соответствующих гражданских отношений), тогда претор вносил свои формулы, которые он обнародовал. Оглашение этих принципов называлось преторским эдиктом (*edictum praetorium*).

Обычно один претор, вступая в должность на место другого претора, принимал эдикт своего предшественника, нередко видоизменяя его. Эдикт действовал в течение года. Отсюда происходила в известном смысле законодательная власть преторов. Однако это не была настоящая законодательная власть, потому что только народное собрание могло издавать законы. Законодательная власть претора носила характер субсидиарной или провизорной власти, как это называется сейчас.

В Риме деятельность преторов находилась под контролем. В провинции пропретор или проконсул тоже при вступлении в должность обнародовали свои эдикты, где говорили, каких правил судопроизводства они будут придерживаться. Но здесь деятельность магистратов была фактически бесконтрольной, поэтому можно сказать, что их власть принимала законодательный характер в полном смысле слова.

Кроме соединения в провинции всех функций в одних руках, власть проконсула была гораздо обширнее власти магистратов Рима по тем средствам, которыми он располагал. В Риме средства должностных лиц были очень стеснены, находились под контролем сената. Римские магистраты не могли бесконтрольно брать деньги из государственной казны.

У нас каждый министр имеет штат сотрудников своего министерства. Для этого штата казначейство даёт кредит. Если ему нужно больше денег на что-нибудь, то испрашивается новый кредит, который разрешается Государственным Советом или Государем.

Римский консул был обязан обращаться к сенату за средствами, так как не мог прямо брать деньги из казны. Кроме того, в Риме был особый сановник, квестор, который ведал денежными делами. В провинции же власть проконсула так стеснять было нельзя. Там в любое время могла появиться необходимость в деньгах, например для какого-либо военного мероприятия. Поэтому проконсул должен был всегда иметь средства наготове. Для этого из эрария ему отпускалась значительная сумма, которая приблизительно соответствовала его потребностям.

Кроме суммы, отпускавшейся проконсулу из казны, он имел целую массу различных доходов. Например, ему выделялся хлеб. Города, находившиеся в его провинции, должны были давать ему определённое количество хлеба для содержания войска. Такой порядок назывался *frumentum in cellam*. Кроме того, проконсулу отпускалась известная денежная сумма для обеспечения гарнизона продовольствием — так

называемое *frumentum emptum*; проконсулу давалась возможность покупать хлеб и другие припасы. Понятно, что он легко мог злоупотреблять выданной ему суммой. Например, он мог меньше купить, хуже содержать войско, а оставшийся излишек мог брать себе.

Кроме того, проконсул имел право делать поборы. Провинциалы должны были выносить постой римского отряда, а также содержать его в течение постоя. Была следующая формула: *tectum, lectus, ligna et foenum*; т. е. провинциал был обязан давать римскому войску, находившемуся в провинции, кровлю (*tectum*), постель (*lectus*), дрова (*ligna*) и фураж для лошади (*foenum*). Из сказанного ясно, какие громадные массы припасов переходили в руки (или переходили через руки) провинциальных магистратов. Ими было легко злоупотреблять.

Проконсулам были дозволены поборы *esculenta* и *potulenta*. Это были столовые деньги, которые шли прямо проконсулу и его свите. Но кроме этих поборов были другие, например *augur coronarium*. Когда проконсул одерживал победу, то близлежащие к театру боевых действий города обычно складывались и делали ему подарок для триумфа — золотой венок. Но на самом деле тут было гораздо больше золота, чем нужно было на венок. Таким образом подарок состоял из венка и денежной суммы.

Кроме указанных дозволенных (терпимых) доходов провинциальным магистратам можно было извлекать другие выгоды. Так, пропретор мог обогащаться, используя право вести судопроизводство. Он назначал судей в провинции по своей воле. Проконсулу неограниченная военная власть давала возможность поставить в тот или иной город отряд воинов или вместо этого взять деньги.

Таким образом, мы видим, на какой почве приходилось действовать римскому магистрату. Он был полновластным хозяином провинции, будучи поставленным в такие условия, что ежечасно был искушаем совершить очередной побор, дать волю своей власти, своему произволу. Его власть была поистине царской. Римский консул произошёл от царя, в начале республики он сохранял признаки царской власти, но затем он постепенно их лишился. Теперь на провинциальной почве, в странах, где недавно управляли цари (особенно на Востоке, в Малой Азии), римский консул снова вернулся к царской власти, снова стал царём, царём для провинциалов, но не для римлян. Конечно, возвращаясь в Рим, он переставал быть обычным римским гражданином, что сами римляне не сразу почувствовали.

ОТЧЁТНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МАГИСТРАТОВ

Какие же меры приняли римляне для обуздания произвола проконсулов? Такие меры нужно было принять в двух направлениях. Во-первых, касательно их отчёта. Во-вторых, относительно их ответственности. Что касается отчёта, который проконсул должен был предоставить о суммах, отпущенных ему казной и взятых им с провинциалов, то он существовал, но проводился слабо. Возвращаясь в Рим, про-

консул или пропретор должен был отчитаться в сенате. При проконсуле находился квестор как финансовый чиновник, который вёл его счёт.

Но на практике было трудно и исполнять это требование, и наблюдать за его исполнением. Даже в наши дни, когда письменная часть отчётов чиновников усовершенствована гораздо больше, чрезвычайно трудно подвести финансовые итоги за год. Обыкновенно за конец финансового года принимается не 1 января, а 1 марта; к этому дню каждое учреждение должно представить счёт истраченным деньгам. Если даже в настоящее время трудно предоставить финансовый отчёт, то в древнее время это было сделать ещё труднее. И такой отчёт постоянно оттягивался. Проконсул, вернувшись в Рим, под разными предложениями медлил с отчётом: то квестор заболел, то какая-нибудь другая причина мешала. Проконсул надеялся, что сенат забудет о его отчёте. Благодаря таким обстоятельствам он имел возможность скрывать свои беззакония.

Lex Iulia. Только при Юлии Цезаре в Риме были приняты решительные и строгие меры относительно отчёта провинциальных магистратов. Был издан закон, в силу которого проконсулы были обязаны ещё не выезжая из провинции составить финансовый отчёт своей деятельности в трёх экземплярах. Два из них должны были храниться в двух главных городах провинции для того, чтобы дать возможность провинциальным городам рассмотреть этот отчёт (не занижена ли сумма, взятая проконсулом для римского народа, чтобы в таком случае они могли подать жалобу на него в Рим). Третий же экземпляр отчёта проконсул должен был представить в сенат.

Итак, только в конце республиканского периода законодательством была обеспечена в теории строгая отчётность провинциальных магистратов.

Лекция 27

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МАГИСТРАТОВ

Мы остановились на вопросе: подлежали ли провинциальные магистраты ответственности за злоупотребления властью, какие меры были приняты римским государством для обеспечения благосостояния провинциалов посредством ответственности должностных лиц. Сначала следует указать на то, в каких размерах нуждались провинциалы в такой гарантии, а также на то, что характер римской магистратуры вообще заметно изменился после второй Пунической войны. С конца III в. до Р. Х. римляне вели войны далеко от самого Рима, магистратов перестала сдерживать *existimatio populi*. Так как римляне воевали в богатых странах, искушения их пограбить стали чрезвычайно велики (особенно в Малой Азии). В это время римская магистратура значительно изменила свой первоначальный характер.

ПОВЕДЕНИЕ РИМСКИХ МАГИСТРАТОВ В ПРОВИНЦИЯХ

Я приведу несколько случаев, которые указывают, до какой степени быстро развивалось своеволие римских магистратов в провинциях.

Консулу Манлий Вульсон (Сн. Manlius Vulso)²³¹ было поручено вести войну с Антиохом. Он был назначен после Луция Сципиона, который одержал победу над сирийским царём. Когда Манлий Вульсон явился на театр военных действий, он, к большому своему огорчению, узнал, что война уже окончена и мирный договор с Антиохом уже заключён. Тем не менее консул объявил, что он не признаёт этого договора, так как по его условиям Антиох слишком дёшево платится за свои провинности перед римским народом. Он стал готовиться к войне. Была составлена сенатская комиссия (при содействии Сципионов), но и ей стоило большого труда удержать Манлия Вульсона от такого явного нарушения справедливости, от нарушения мира. Консул сдался, но только потому, что он придумал другое средство обогатиться.

В северной части Малой Азии за некоторое время до описываемых событий утвердились галлы. В то время, когда галлы вторглись в Италию и на Балканский полуостров (включая Грецию), часть этого племени перешла через Боспор в Малую Азию. Там галлы осели и начали грабить богатые города и храмы. В результате они награбили много богатств. Область, которую они заняли, стала называться Галатия. Галлы очень скоро приладились к новой обстановке, перестали грабить, сделались оседлым народом, стали жить в городах и подверглись влиянию малоазийской культуры. Их нравы тоже смягчились. Поэтому галлы (или галаты, как их там называли) представляли собой очень лёгкую добычу для завоевателя. Манлий Вульсон обратил внимание на такое обстоятельство и объявил им войну. Известно, что объявлять войну могло только народное собрание Рима. Между тем консул, пользуясь отдалённостью Галатии, пользуясь тем, что до Рима не могли скоро дойти сведения о происшествиях в этой области, начал войну. Он ворвался в Галатию и стал грабить города и храмы галлов, после чего вернулся в Рим с громадной добычей.

Впрочем, не всякому римскому консулу удавалось так легко удовлетворить своё корыстолюбие. Некоторое время спустя был такой случай. Жители Аквилеи²³² (Aquileia), которая граничила с Иллирией, жаловались в сенате на то, что их беспокоят некоторые горные племена, ещё не покорённые римлянами, и просили, чтобы было послано войско для их покорения. В эту местность был отправлен консул Кассий Лонгин²³³ (С. Cassius Longinus), чтобы умиротворить край, теперешнюю Истрию. Но консул нашёл, что не стоит вести такого дела: эти племена бедны, а его прельщала Македония. Он и задумал пробраться в Македонию. Повод же к войне найти было легко. Поэтому он высадился не в Аквилее, а на противоположном берегу Адриатического моря, около нынешней Герцоговины, и стал стараться проникнуть через неведомую ещё местность в Македонию. Между

тем грабежи около Аквилеи продолжались, и опять в Рим явилось посольство с просьбой о защите. В сенате послам сказали: «мы послали вам консула», а аквилейцы ответили, что никакого консула у них нет. Тогда в сенате встал вопрос: где же консул? Никто не знал, куда отправился Кассий Лонгин со своим войском. Между тем консул частью посредством переговоров, частью насильственно пробрался через области некоторых горных племён теперешней Герцоговины. Но после он убедился, что дальше идти нельзя, так как пока он доберётся до Македонии, его войско будет истреблено, и возвратился назад ни с чем.

Если этот пример указывает на то, как римская магистратура быстро изменила свой характер при новых условиях, то можно себе представить, как действовали подобные магистраты в тех условиях (о которых говорилось в прошлой лекции), когда они стояли во главе провинций, являясь единовластными и полновластными её хозяевами. Можно представить, какой ущерб несла римская казна при таком способе действий. Какие же были гарантии против таких злоупотреблений?

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПРОТИВ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МАГИСТРАТОВ

Могла быть только одна гарантия, случайная, далеко не верная — это политический процесс в сенате или в народном собрании против магистрата, вернувшегося в Рим и подавшего повод к жалобам и обвинениям. Поэтому в Риме часто имели место политические процессы, где фигурировали политические противники. Значит, обвинители вовсе не имели в виду интересы государства. Если кто-то выступал обвинителем, то потому, что он действовал против другой политической партии, чтобы нанести удар по её выдающемуся человеку. Затем политические процессы велись в такой обстановке, которая мало гарантировала правильное и справедливое отношение к процессу.

Поясню это несколькими примерами. В своё время много шуму произвёл известный процесс, в котором были замешаны братья Публий и Луций Сципионы. Луций Сципион был отправлен на войну против Антиоха в качестве консула отчасти потому, что его брат Публий, победитель Карфагена, заявил, что он пойдёт вместе с ним в качестве легата. Значит, войной на деле распоряжался Публий. Война с Антиохом была очень быстро окончена и дала блестящие результаты для римской казны.

Сципионы занимали в Риме очень важное положение, они держались совершенно особой политики. Они были против распространения провинциального владычества, отдавая предпочтение федерации. Против них действовала другая партия, во главе которой стоял Катон. Эта партия начала процесс против братьев Сципионов в сенате. Поводом к обвинению послужило заявление, что Луций Сципи-

он передал в казну не все деньги, полученные с Антиоха и с покорённых городов, а какую-то часть их оставил себе. Сенат был в большом затруднении, как начинать обвинение против такого видного человека, особенно ввиду того, что Публий Сципион был весьма популярен в Риме; ведь процесс косвенно был направлен и против него самого.

Наконец, сенат назначил комиссию, которая должна была исследовать обвинение. Её председателем был назначен Теренций Куллеон (Q. Terentius Culleo), т. е. человек, близкий дому Сципионов. Он во время второй Пунической войны был взят карфагенянами в плен и находился в рабстве. Когда Публий Сципион победил карфагенян, то Куллеон вместе с другими людьми, находившимися в рабстве, был освобождён. В благодарность за своё освобождение он во время триумфа, полученного Сципионом Африканским, шёл за его колесницей в шляпе. Шляпа у римлян была признаком рабского состояния. Свободный римлянин никогда не покрывал головы, за исключением войны, когда он надевал шлем. Шляпу же носили только рабы. Теренций Куллеон, надев шляпу, хотел заявить, что он обязан освобождением из рабства триумфатору, что он готов относиться к нему, как раб к своему господину. Сделать такого человека председателем следственной комиссии по делу Сципиона значило направить дело к тому результату, который не может быть опасен для Сципиона. Действительно, следственная комиссия ничего не сделала.

Но противная партия перенесла дело в народное собрание. Один из трибунов обвинил Луция Сципиона перед комициями, и они признали обвинение правильным, присудив взыскать с Луция громадную сумму. В таких случаях в Риме обычно представлялся поручатель, так как нельзя было заплатить огромной суммы разом. В противном случае обвиняемого надо было вести в тюрьму.

Публий Сципион был в это время в Этрурии, но явился в Рим как раз в тот день, когда его брата хотели вести в тюрьму. Он пришёл на форум, рассчитывая на свою популярность, позволив себе толкнуть трибуна. Тогда дело ещё более осложнилось. Нужно было вести в тюрьму самого Публия Сципиона. Но тут вмешался один из трибунов, Тиберий Семпроний Гракх*, который, хотя и был политическим противником Сципионов, но тем не менее объявил, что нельзя вести в тюрьму человека, который освободил от рабства столько римлян, и наложил veto. Таким образом он спас Публия Сципиона. Луций же Сципион должен был представить всё своё имущество для того, чтобы покрыть наложенный на него штраф.

Однако противники не удовлетворились таким результатом процесса, и повели дело уже прямо против Публия Сципиона. В сенате было высказано обвинение, что Публий Сципион присвоил три тысячи талантов из доходов от войны с Антиохом. Сенат принял обвинение. Публий Сципион явился в сенат со своими счетами, но вместо того

* Отец знаменитых братьев.

чтобы оправдываться перед сенатом, он объявил, что с человека, который доставил в римскую казну военной добычи на 15 000 талантов, требовать 3000 талантов недостойно Рима, и на глазах сенаторов разорвал свои счета. Тогда дело передали в народное собрание. Назначен был день, когда народ должен был судить Сципиона. Но и относительно народного собрания Сципион точно так же вёл себя высокомерно и с таким же успехом. Его противники сделали ошибку, назначив день народного собрания и суда как раз на годовщину битвы при Заме. Этим воспользовался Сципион Африканский. Он явился в народное собрание и объявил, что тот день был великим днём для Рима — годовщина того дня, когда боги явно выразили свою любовь к Риму, когда они предали к римлянам в руки самого ожесточённого врага. Потому Сципион предложил всем истинным гражданам идти вместе с ним на Капитолий и принести благодарность богам. Затем он отправился на Капитолий, а за ним пошёл почти весь народ. В результате народное собрание опустело и было прервано.

Из этого рассказа вы видите, какую роль в политических процессах играли политические страсти. Кроме того, вы видите, какие были средства у влиятельного человека, независимо от того, прав он или нет, жертва ли он политических страстей или действительно нарушил свои обязанности. Как легко было влиятельному человеку уйти от ответственности!

Укажу ещё на один характерный политический процесс — дело Минуция Терма (Q. Minutius Thermus). Этот консул находился в стране лигуров*, бедного народа, с которого немного можно было взять. Минуцию Терму хотелось, по крайней мере, получить триумф. Для этого нужно было выиграть важную битву, в которой было бы убито не менее 5000 врагов. Консул сочинил подложный бюллетень и послал его в Рим. Но в Риме узнали о подлоге, и Катон из политических расчётов доказал фальшивость бюллетеня и лишил Терма триумфа. Следовательно, только благодаря вмешательству частного лица и партийным интересам было раскрыто такое злоупотребление.

Ещё более любопытным был процесс Ацилия Глабриона. Его также обвиняли за лихоимство и грабежи во время войны с Антиохом. Обвинение было поднято в народном собрании. Но почему это произошло? Дело в том, что Ацилий Глабрион искал цензуры, но партия его противников не хотела его допустить к этой магистратуре. И в последнюю минуту, чтобы не дать ему возможности выступить кандидатом, было возбуждено обвинение. Не будь того обстоятельства, что Ацилий Глабрион хотел выступить кандидатом на должность цензора, дело не было бы поднято вовсе. Обвинение не имело никаких последствий: народ оправдал Ацилия Глабриона.

В приведённых случаях вы видите процессы, которые вызваны как бы нарушением государственных интересов: или идёт речь о казнокрад-

* Ligures, племя, жившее в области Liguria, лежавшей по Ривьере между Массилией и Пизой.

стве, или об обмане, фальшивом бюллетене. Понятно, что в таких случаях, когда дело касалось самого государства, в Риме находились обвинители. Но и тут вы видите, с какими затруднениями приходилось бороться обвинителю, и как успех или неуспех процесса зависел от случая. Даже сами обвинения нередко возникали случайно. Можно представить, что когда не задевались интересы казны, обвинители появлялись ещё реже, и уйти от такого политического процесса было ещё легче.

Рассмотрим некоторые политические процессы, которые были вызваны заступничеством за союзников.

Как рано начались притеснения союзников, видно из процесса Племиния, относящегося ещё ко времени второй Пунической войны. Квинт Племиний (Q. Pleminius) был легатом Сципиона Африканского. Во время пребывания Сципиона в Сицилии и подготовки к переезду в Африку Племиний стоял в Южной Италии. Он воспользовался этим положением, чтобы набить себе карманы, брать контрибуции с союзников. Но этого ему было мало. Наконец, он польстился на храм в городе Локрах (греческой колонии), ограбил его и присвоил себе сокровища, которые были в нём накоплены в течение долгого времени. Но как полководец действовал, имея в виду свой карман, точно так же действовали и офицеры, и солдаты. Поэтому в Рим стали доходить жалобы, что весь легион превратился в Племиниев. Тогда сенат отправил в Южную Италию комиссию из десяти сенаторов, двух народных трибунов и одного эдила. Комиссия убедилась, какие злоупотребления позволял себе Племиний. Комиссия приказала его арестовать, заковать в цепи и отослать в Рим. Там должен был начаться процесс в народном собрании. Но Племиний, предчувствуя для себя дурной исход, лишил себя жизни.

Очень характерен процесс Попилия Ленаса (M. Popilius Laenas), который показывает, как трудно было иногда римлянам обуздать произвол магистратов, которые совершенно не хотели сдерживаться. Будучи консулом, Попилий Ленас отправился в Лигурию. Тогда она была совершенно замирена, значит, не было повода ему нажить. Тогда он без всякого повода напал на один городок лигуров, взял его приступом и продал всех жителей в рабство. Когда весть об этом дошла до Рима, там были потрясены таким слишком явным нарушением всякой справедливости, и сенат решил предать суду консула. Тогда Попилий Ленас возвратился в Рим и привлёк к ответственности претора, под председательством которого состоялось сенатское решение, засадил его в тюрьму и возвратился в Лигурию. Пока он был консулом, нельзя было ничего предпринять.

Но в следующем году одним из консулов был его брат. Сенат потребовал, чтобы первым делом новых консулов был доклад о неправильных действиях бывшего консула. Но брат Попилия Ленаса посредством *intercessio* не позволил своему товарищу представить доклад. Тогда сенат постановил, что он не будет заниматься никаким делом до тех пор, пока ему не представят доклад о действиях Попилия Ленаса.

Но и это не помогло. Наконец, вмешались трибуны и перенесли дело в народное собрание. И оно точно так же оказалось бессильным, консуляр всё же продолжал в Лигурии свои неистовства.

Тогда сенат избрал комиссию (так называемую *quaestio*) и поставил во главе её претора Лициния. Тот, однако, не хотел ссориться с такой могущественной фамилией, как Попилии, поэтому стал вести дело чрезвычайно вяло: в год его претуры произошло всего два заседания комиссии, а третье её заседание он назначил на последний день своей претуры. Между тем нужно было именно три судебных заседания, чтобы дело считалось решённым. Благодаря такому образу действий Лициния дело кончилось ничем.

Другой случай был с Сульпицием Гальбой (*Servius Sulpicius Galba*). Он был претором в Испании. Там ещё не все области были замирены, и Сульпиций Гальба поспешил воспользоваться таким положением дел на полуострове, чтобы обогатиться. Не имея против себя открытых врагов, он воспользовался тем, что один мирный народец лузитанов поднялся и явился просить римлян отвести землю им для поселения. Тогда Сульпиций Гальба велел напасть на это племя. Многих перебили, оставшихся продали в рабство. Но об этом узнали в Риме, и дело было поднято на обсуждение в народном собрании. Состоялся суд, Сульпиций Гальба должен был защищать себя.

Об этом процессе мы знаем совершенно случайно. Цицерон о нём упоминает, потому что здесь впервые обвинённый пытался разжалобить народное собрание. Сульпиций Гальба привёл с собой малых детей, и когда увидел, что дело принимает неприятный для него оборот, представил народу своих детей, прося, чтобы народ принял их, так сказать, как сирот. Потом он привёл молодого человека, опекуном которого он являлся. Заставил его хвалить опекуна, а также указать на то положение, в каком, дескать, он будет находиться, когда Гальба будет наказан. Этими средствами Сульпиций Гальба разжалобил народное собрание, потому и был оправдан.

Впрочем, не всегда политические процессы обходились так легко. После дела Сульпиция Гальбы в Рим явились послы из города Халкиды на о. Эвбея, которые жаловались, что проконсул Лукреций Галл (*C. Lucretius Gallus*), который управлял той областью, брал с совершенно мирных городов и союзников римского народа военные контрибуции, например с Халкиды. Лукрецию Галлу, однако, не посчастливилось. Когда он вернулся в Рим, ему пришлось выслушать очень резкие упрёки в сенате; потом дело перенесли в народное собрание, которое присудило его к уплате одного миллиона ассов.

Самым характерным политическим процессом по форме, который мы видим, был следующий. В Испании постоянно возникали злоупотребления пропреторов, потому что они там пользовались в целях наживы тем обстоятельством, что страна не была вполне замирена. В результате жалобы испанцев сенату стали столь частыми, что сенат был вынужден что-нибудь сделать. Он назначил *quaestio*, следственную комиссию, во главе которой был поставлен Канулей. Затем всем испанским городам было предоставлено право приносить жалобы этой ко-

миссии. Члены её назывались *rescuperatores*; оно указывает на характер трибунала. *Rescuperatores* и прежде назначались для расследования дел, преимущественно гражданских. Они были вроде третейских судей. Комиссия *rescuperatores* под председательством Канулея начала работать, и многие пропреторы Испании были привлечены к ответу. Один из них был оправдан, а двое, предвидя, что будут осуждены, добровольно ушли в изгнание. Это в Риме допускалось. Когда происходил подобный процесс, то до его окончания можно было отправиться в изгнание. Такая мера заменяла уголовное наказание, которое могло последовать. После этого Канулей приостановил деятельность комиссии *rescuperatores*, находя, что не следует тревожить остальных пропреторов.

Этот процесс интересен по форме ведения. Здесь действовала комиссия из сенаторов, которая рассматривала жалобы испанцев, как в гражданском процессе. Комиссия была должна в том случае, если кто-нибудь брал лишнее с провинциалов, заставить виновного возвратить взятые деньги.

LEX CALPURNIA

Эти политические процессы указывают нам, каково было положение дел, какие были злоупотребления и как шатки и случайны были гарантии против них. Между тем, как известно, число провинций в середине II в. до н. э. увеличилось. К этому времени относится первая серьёзная мера, направленная против злоупотреблений провинциальных магистратов.

В 149 г. до Р. Х. народный трибун Кальпурний (*L. Calpurnius Piso Frugi*) провёл закон, который получил название *lex Calpurnia de repetundis*. Кальпурний Пизон был консулом во время деятельности Гракхов; кроме того, он также известен как историк.

Суть закона, проведённого Кальпурнием, заключалась в том, что был установлен постоянный суд — *quaestio perpetua*. Этот суд должен был рассматривать обвинения относительно лихоимства, относительно присвоения проконсулами или пропреторами лишних денег с провинциалов или союзников. Незаконно присвоенные деньги можно было требовать назад после того, как магистрат сложил свои должностные обязанности. Отсюда происходит и название самого суда — *quaestio de repetundis*, а именно, *rescunius*.

Итак, нововведение заключалось в том, что теперь не предоставлялось воле случая, состоится процесс или нет. В Риме стал находиться постоянный суд, который принимал жалобы провинциалов и союзников. Теперь не стало надобности прибегать к политическим интригам; стало достаточным поехать в Рим и обратиться в суд.

Этот суд был организован следующим образом. Во главе его стоял претор (один из шести преторов, избравшихся в Риме, по жребию становился председателем *quaestio perpetua*).

Но претор не сам судил. Для суда существовали судьи, так называемые *iudices selecti*. Они были из сенаторов. Для каждого процесса из

общего списка (как это делается и у нас при назначении присяжных) по жребию выбиралось известное число сенаторов, которые и составляли *quaestio perpetua*. Претор только руководил процессом, он являлся председателем суда — *iudex*. Как велико было число присяжных судей, неизвестно. Мы знаем, что в более позднее время *album iudicum*, т. е. список кандидатов в судьи²³⁴, составлявшийся на каждый год, включал 200 имён. При этом и обвиняющая, и обвиняемая стороны имели право вычеркнуть 50 человек из списка, так что оставалось 100 кандидатов в судьи. Их них выбирались присяжные²³⁵. К более позднему времени относится известие, что эти присяжные состояли из 32 человек.

Перед этой судебной комиссией и происходили процессы по делам бывших провинциальных магистратов. Кто же их вёл? В Риме не было особого государственного обвинителя, не было прокурора, чтобы вести подобные процессы. Провинциалы, будучи peregrini, не могли сами вести такие процессы. Они должны были примкнуть к какому-нибудь римскому гражданину, так как только римские граждане могли выступать обвинителями. Провинциалы-peregrini должны были искать себе адвоката. Так, сицилийцы обратились с просьбой к Цицерону вести их процесс против Верреса. Одновременно могло быть несколько обвинителей. Тогда претор делал выбор (который назывался *divinatio*). Главный обвинитель назывался *accusator*; остальные же обвинители могли выступать его помощниками — *subscriptores*. Они были обязаны вести всё дело. Они должны были привести доказательства, найти свидетелей, произносить обвинительные речи, одним словом, делать всё то, что в наше время делает прокурор и так называемый гражданский истец (который выступает в уголовном процессе в том случае, когда он имеет вместе с тем и гражданское значение, когда идёт преследование не только за уголовное преступление).

Лекция 28

Закон Кальпурния Пизона представляет собою важный момент в истории римского законодательства. До этого времени в известных случаях сенат назначал временные комиссии для исследования различных уголовных дел. Теперь же впервые стала действовать постоянная комиссия по одному специальному делу.

Но с течением времени римляне стали увеличивать число *quaestiones perpetuae*. Таким образом, возник целый ряд судилищ, которые функционировали постоянно, но рассматривали дела только определённого рода: *de vi* (о насилии), *de sicariis* (или *inter sicarios*, об убийстве), *de veneno* (об отравлении). Особенно много *quaestiones perpetuae* было установлено Суллой*.

* Во времена Цицерона были следующие *quaestiones perpetuae*: *de repetundis*, *de maiestate*, *de ambitu*, *de vi*, *de peculati*, *inter sicarios*, *de veneficiis* и *de falso*. Л. 1138.

Какой характер имела эта древняя *quaestio perpetua*? По данному вопросу велись продолжительные споры между римскими юристами. Был спор о том, следует ли видеть в этом гражданское дело, гражданский суд, или же указанный суд имел международный характер, как некоторые предполагали, или суд имел характер суда государственного. Прежде преобладало мнение, что это был гражданский суд. Из писателей, которые исследовали данный вопрос, следует указать на Sell'я, Zumpt'a, затем на французского учёного Лабулэ, который написал: «*Essais sur les lois criminelles Romaines*».

Для историка не стоит на первом плане вопрос о том, каким характером отличалась *quaestio perpetua de repetundis*, к какой категории её следует отнести. Тем более нет надобности исследовать вопрос догматически. В данном случае вопрос решается путём истории, т. е. этот суд постепенно изменял свой характер. Можно сказать, что *quaestio perpetua de repetundis* сначала имела характер гражданского суда, но со временем она приобретала всё более характер уголовного и государственного суда. Для нас это чрезвычайно важно, ибо представляет собой характерный симптом развития римского права, пример последовательного признания прав провинциалов.

В самом начале эта комиссия вела только процессы *de pecuniis repetundis*, т. е. об истребовании назад денег, взятых неправильно. Значит, это было чисто гражданское дело. Но затем по прошествии некоторого времени обвиняемого обязывали не просто возратить ту сумму, которую с него взыскивали, а двойную сумму: одна её часть шла в пользу обвиняющего, а другая поступала как штраф в казну. Значит, тут процесс терял характер гражданского частного дела, ибо появился штраф, который шёл в пользу государства. Впоследствии наказание ещё более усилилось: обвиняемому присуждалось выплатить сумму в четыре раза большую по сравнению с неправильно присвоенной суммой. Затем к этому примешивались другие, уголовные, наказания. Так, магистрат, подвергавшийся такому суду, лишался политических прав: он не мог быть выбран в течение пяти лет (потом в течение десяти лет) на курульные должности.

Итак, мы видим, как со временем усиливалось наказание за дела, рассматриваемые в *quaestio perpetua de repetundis*.

Вместе с тем расширялись и функции суда. Первоначально речь шла только о деньгах; такой-то претор с такой-то провинции взял лишние деньги или собрал деньги на покупку хлеба, на что не имел права. Деньги, собранные таким путём, можно было взыскать. Но затем появилась возможность жаловаться не только на то, что претор взял лишние деньги, но и на *saevitia* или *crudelitas*²³⁶. Значит, провинциальные магистраты стали подвергаться суду за то, что менее подлежит точному определению. В этом направлении и развивалось законодательство. Ещё более расширились функции суда, в *quaestio perpetua de repetundis* появилось обвинение: *crimen male administrandae provinciae*, т. е. можно возбудить дело против провинциального магистрата

за то, что он дурно управлял провинцией. Тут на первом месте явно стоит не частная сторона, а государственный интерес. Это, впрочем, относится к более позднему времени, когда республика стала переходить в монархию. Окончательно ответственность провинциальных магистратов сложилась во время империи.

Но для нас важен процесс постепенного развития, которое указывает на то, как изменялось положение провинциалов. Сначала их земли были только *praediae populi Romani*, они существовали лишь для того, чтобы римские магистраты могли с них кормиться. Только в том случае, если кто-то слишком бесцеремонно кормился, с виновного требовалось вернуть назад излишнее. Но затем с нарушителя начали взыскивать и за жестокое обращение, и, наконец, за дурное управление. Следовательно, провинциалы постепенно поднимались со степени покорённых, которые должны кормить римский народ, на степень граждан, сограждан, хотя и неполноправных, но всё-таки настоящих сограждан, по отношению к которым государство имеет известные обязанности. Так что если провинция дурно управлялась, если провинциалы подвергались поборам, то это было не только их личным несчастьем, но и бедствием самого государства. Уже само государство стало взыскивать с таких магистратов.

LEGES ACILIA ET SERVILIA

За законом Кальпурния Пизона 149 г. до Р. Х. последовал целый ряд других законов, посредством которых развивалось дело об ответственности провинциальных магистратов. Но мы не можем очень подробно следить за этим развитием, наши источники не содержат достаточно сведений по данному вопросу. Мы знаем, что после закона Кальпурния Пизона появилось ещё два закона: *lex Acilia* и *lex Servilia*.

В прежнее время полагали, что *lex Servilia* был принят раньше, чем *lex Acilia*, и его относили к III в. до Р. Х. А *lex Acilia* относили к 105 г. до Р. Х. Но взгляд на время появления упомянутых законов изменился вследствие того, что были найдены обломки одной бронзовой доски, на которой был написан закон *de repetundis*. Обломки были составлены, и текст закона был восстановлен довольно полно. Теперь возникает вопрос, какой же закон сохранился на упомянутой доске? Одни полагали, что это был закон Ацилия, другие, что закон Сервилия. Наконец, было обращено внимание на то, что обломки доски исписаны с обеих сторон. Таков был обычай у римлян: когда нужно было написать закон на медной доске, то он писался на лицевой стороне. Затем если этот закон отменялся, то доску не уничтожали, так как бронза или медь были довольно дороги, а только переворачивали на другую сторону и на противоположной стороне писали новый закон. Теперь легко отличить лицевую сторону от задней, потому что задняя сторона всегда не так гладка, как передняя. Вот и оказалось, что на этих обломках на лицевой стороне — закон *de repetundis*, а на обратной стороне — более поздний закон, *lex agraria*, в котором упоминают-

ся консулы 111 г. до Р. Х. Следовательно, закон *de repetundis*, написанный на лицевой стороне, прошёл ранее 111 г. Отсюда заключили, что это *lex Acilia*, относящийся к 123 г. А после него в 111 г. был издан *lex Servilia*. После них вышел ещё целый ряд законов, которые и развивали далее ответственность магистратов.

СУДЬИ В QUAESTIO PERPETUA DE REPETUNDIS

К концу II в. до Р. Х. известная ответственность магистратов за действия в провинциях была достигнута. Уже существовал трибунал, к которому провинциалы могли обращаться с жалобами на римских магистратов. Но действия трибунала зависели не столько от инструкций, которые ему давались, от законов, сколько от людей. Потому важность факта жалобы и его значение зависели от рассмотрения состава данного трибунала. Как я уже сказал, *album iudicum* состоял из сенаторов. Перемена была произведена Каем Гракхом, который провёл закон, в силу которого уже не сенаторы, а всадники должны были заседать в этом суде. Почему же всадники? Потому что все сенаторы принадлежали к, так сказать, правительственной аристократии, все они были солидарны между собой. Следовательно, все сенаторы были заинтересованы, чтобы поддержать бывшего магистрата. Всадники не имели такой связи, они стояли вне правительства, между тем они были знакомы с провинциями, большинство из них принимало участие в компаниях, которые брали на откуп подати с провинций. Следовательно, всадники были с делом знакомы. Поэтому Кай Гракх издал закон, в силу которого судьи *quaestio perpetua de repetundis* должны были избираться из всадников. Против этого восстала партия сената, партия оптиматов, и наконец, при Ливии Друзе (М. Livius Drusus) произошёл компромисс, в силу которого дело изменилось: судьи данной комиссии стали состоять наполовину из сенаторов и наполовину из всадников.

Всё-таки *quaestio perpetua de repetundis* функционировала неудовлетворительно. А почему? Потому что правильные действия суда зависят от людей, а действия людей зависят не только от законов, но и от убеждений, от степени их нравственности. Поэтому теперь нам нужно рассмотреть вопрос, как повлияло завоевание провинций, расширение римского могущества на духовную сторону римской жизни, а именно, на нравственность римлян, на их убеждения и социальный строй.

Лекция 29

ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЙ НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РИМЛЯН

В прошлый раз мы рассматривали то влияние, которое имели завоеванные провинции на Рим. При этом было обращено внимание на

самую выдающуюся черту этих последствий — на появление новых магистратов для управления провинциями. Теперь мы будем рассматривать другие последствия римских завоеваний и прежде всего обратимся к изменениям в общественном строе Рима.

Конечно, нужно иметь в виду, что и помимо завоеваний, совершённых после второй Пунической войны, внутренний строй римского общества изменялся вследствие, так сказать, естественного развития общества. Всякий народ, всякое общество с течением времени усложняется. Так и римский народ, который изначально представлял собой несложное крестьянское общество, должен был развиваться в направлении появления более разнообразных форм общественной жизни, сословий и классов.

Итак, помимо завоеваний процесс усложнения общественного строя римлян совершился бы и помимо завоеваний, но он проистекал бы иначе. Развитие общества имело бы другие результаты, если бы завоевания не повлияли так быстро и непосредственно.

ВСАДНИЧЕСКОЕ СОСЛОВИЕ

В прошлый раз мы говорили о том, что римское правительство, видя то вредное влияние, которое имело провинциальное управление на магистратуру, стало думать о гарантиях против злоупотреблений, против власти провинциальных должностных лиц. Был учреждён особый трибунал, в котором судебная власть была передана правительственному сословию Рима, т. е. сенаторам. Но через некоторое время оказалось, что сенаторское сословие злоупотребляет своим положением на суде. Тогда стали искать других гарантий; суд над провинциальными магистратами был передан всадникам.

Итак, нам нужно остановиться на этом новом явлении римской жизни, о котором прежде не было повода говорить.

Кто такие были всадники? Всадники во второй половине II в. до Р. Х. представляли уже особое сословие — *ordo equestris*, которому был передан суд над провинциальными магистратами, отнятый у сенаторов. Всадники и прежде встречались в римской истории, и очень часто, но они имели другое значение. Сначала они имели, так сказать, буквальное значение, т. е. так обозначались те римляне, которые служили в коннице, несли военную службу на коне. Такого рода всадники встречались в самой древней римской истории. Есть предположение, что древние всадники были патрициями. Но как бы то ни было, когда было введено центуриатное устройство, тогда уже и плебеи стали служить на конях, ибо в 18 центуриях всадников, которые, согласно римскому преданию, были организованы царём Сервием Туллем, служили и плебеи. Но всадники того времени были гражданами первого класса, которые были богаче других римлян и служили на коне. Коней они получали от государства — *equi publici*, потому и назывались *equites equo publico*. Они получали особые деньги на содержание коня, на его прокорм, которые назывались *aes hordearium*. Таким образом, в

древнейшую эпоху всадники не представляли сословия. Служба на коне всегда считалась более почётной, и в Риме всадники перед пехотинцами отличались тем, что им давали более значительные награды. Например, когда войско награждалось землёй, то центурион или офицер получал вдвое больше, чем пехотинец, а всадник — втрое больше.

Но затем мало-помалу всадники, которые изначально составляли конницу, стали получать значение особого сословия. История образования этого сословия не может быть изложена совершенно ясно и достоверно ввиду недостатка данных. Есть несколько очень важных, но тёмных пунктов в истории римских всадников как сословия.

Вот те немногие данные, которые мы имеем и на основании которых должны строить историю всаднического сословия. Во время войны с вейентинцами оказалось недостаточно того количества всадников, которые имели казённую лошадь. Тогда многие богатые римские граждане из патриотизма решили за свой счёт служить на коне, т. е. обзавестись конём. Так появились всадники *equo privato*. Кроме всадников, записанных в центурии, в турмы (т. е. кроме всадников *equo publico*), в Риме стали существовать добровольные всадники, которые несли службу на своих конях. Вот это и есть собственно основной факт: появились всадники не в настоящем смысле слова, а в смысле «богатые граждане».

Затем появился особый ценз для всадников, который стал служить гранью между старыми и новыми всадниками. Существовал ли такой ценз в начале эпохи республики, мы не знаем. Но в конце изучаемого нами периода для всадников уже действовал особый ценз, который был значительно выше, чем ценз первого класса. А именно, всаднический ценз равнялся 400000 сестерций*, или 1000000 ассов.

Когда был введён этот ценз, мы не можем сказать, но с его введением всадники отделяются от первого класса римских граждан как особое сословие. Если таким образом под влиянием ценза всадники отделялись от слоя, стоявшего ниже их, то они отделялись точно так же и от того слоя, который был выше их. В древнейшую эпоху сенаторы были записаны во всадники²³⁷; ещё во вторую македонскую войну царь македонян Персей называл всадническое сословие *seminarium senatus*, рассадником, из которого выходят сенаторы. Примерно в то время сенаторское сословие отделялось от всаднического. На этот процесс большое влияние оказал закон Клавдия, о котором уже была речь. *Lex Claudia*, которая была издана в 218 г., запрещала сенаторам заниматься торговлей, иметь корабли для торговли. Сенаторы должны были заниматься исключительно государственными делами, быть правительственным сословием, которое не было бы заинтересованным в торговых предприятиях. Очевидно, что в последние века республики занятие

* *Sestertius*, или иногда просто *pummus*, — римская серебряная монета, до 217 г. = 2,5 асса, или $\frac{1}{4}$ денария, а позже = 4 асса. Само слово происходит от *semis tertius*; первоначально его обозначали *LLS*, т. е. *libra libra semis*, или *lIS*, а из этого уже образовалось *HS*. Ценность сестерция = 6 к. На древнейших сестерциях обыкновенно изображалась голова Минервы с крылатым шлемом и рядом знак *lIS*, а на другой стороне — Диоскуры верхом и надпись *Roma*.

торговлей сделалось выгодным уделом для того класса, от которого отделилось сенаторское сословие, т. е. класса наиболее богатых граждан, класса всадников. А именно, со времени второй Пунической войны всадники становятся по преимуществу представителями капитала и торговых предприятий в Риме.

Конечно, не следует думать, что все всадники в Риме занимались торговлей и были капиталистами. Так, например, мы знаем, что отец Овидия был из всаднического звания или сословия. Между тем он жил в своём скромном поместье около городка Сульмо, т. е. не был ни капиталистом, ни купцом. И в таком положении было большинство римских всадников. Но так как из числа всадников были римские капиталисты, то вообще под конец республиканского периода всадническое сословие стало являться представителем класса капиталистов в Риме. Эти капиталисты нашли чрезвычайно выгодным пускать в оборот свои средства, когда римляне завоевали окружающие страны. Если сенаторская аристократия нашла большую выгоду в завоеваниях в том отношении, что она ставила правителей провинций — проконсулов, то всадники стали извлекать другую выгоду из провинций. Они являлись откупщиками податей, т. е. *publicani*. Они брали на откуп, составляя товарищества, разные доходы провинций, прямые или косвенные, например таможенные пошлины. Римское государство не имело возможности посредством своих чиновников собирать многочисленные доходы и как к более лёгкому средству прибегло к откупу. Таким образом, сословие всадников, которое развилось вследствие, так сказать, естественного роста римского общества, очень скоро почувствовало на себе влияние римских завоеваний.

РИМСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Влиянию завоеваний подверглось в не меньшей мере и другое римское сословие — крестьянство. Постоянные войны и завоевания отразились на римском крестьянстве, прежде всего в том, что отвлекали много рук от поля и пашни.

Древнейшие римские крестьяне тоже были воинами, воевали каждый год. Но при этом они оставались крестьянами, так как уходили в поход всего лишь на 6 недель. Затем, когда войны стали продолжительными, крестьяне уходили от полей на целое лето, но попеременно возвращались к оставленному дому. Даже когда римские солдаты были вынуждены воевать и зимой, всё равно они продолжали оставаться крестьянами, так как не уходили слишком далеко от своей родины и потому скоро возвращались домой и принимались за полевые работы. Совсем иное положение дел наступило тогда, когда римляне стали вести заграничные²³⁸ войны. Им приходилось держать гарнизоны по несколько лет в Испании, Африке, Македонии, Азии. В связи с этим крестьяне всё более и более стали отрываться от земли. Римское крестьянство стало переживать то раздвоение, которое можно наблюдать в наших деревнях, особенно в прежнее время, — раздвоение в среде земледель-

цев на крестьян и, так сказать, «кавалеров», т. е. бывших солдат.

У Ливия приведён очень интересный факт, бросающий свет на такое положение дел. Он в одной из своих последних книг упоминает об одном центурионе — Спурии Лигустине, который рассказывал о своей жизни. Из речи центуриона мы узнаём, что он сын крестьянина, который оставил ему в наследство один югер земли и маленькую хату (*parvum tugurium*). Один югер земли составлял $\frac{1}{4}$ десятины — такой клочок, который с трудом мог прокормить человека, который, во всяком случае, требовал, чтобы человек постоянно сидел на земле. Между тем Спурий Лигустин рассказывал, что он совершил 22 похода, т. е. служил почти непрестанно, был и в Азии, и в Африке, и в Македонии, получил столько-то наград, имел столько-то ран. Одним словом, из его рассказа мы видим, что это был воин по промыслу. Далее Спурий Лигустин повествовал, что отец рано женил его на племяннице, которая ничего не принесла с собой в дом, но дала ему большое потомство: 6 сыновей и 2 дочерей. Их всех он должен был прокормить. Четверо из его сыновей были уже взрослыми и могли бы сами служить в легионах. Эта многочисленная семья дала возможность Лигустину удержать за собой клочок земли и обрабатывать его.

Из этого факта можно видеть, как легко было в это время римскому солдату выйти из крестьян. Если бы не было у Спурия Лигустина семьи, то зачем бы он стал держать свою землю, которую он не мог бы обрабатывать. Конечно, очень многие товарищи Спурия Лигустина бросали свои земли и оставались солдатами.

Таким образом, первое последствие постоянных войн и завоеваний заключалось в том, что многие крестьяне бросали землю и становились солдатами по промыслу. Но к этому результату вели и многие другие причины, которые неблагоприятно отражались на быте римского крестьянства. А именно, всё более и более увеличивалась конференция рабов, которая росла сообразно с развитием римского владычества над соседними странами. Это старый недуг Рима. Припомним, что ещё до законов Лициния и Секстия крестьяне жаловались на конкуренцию рабов, вследствие чего они не находили работы. И законы Лициния и Секстия обязывали землевладельцев нанимать в известной пропорции вольных работников для того, чтобы давать заработок соседним свободным крестьянам. Но когда римляне стали вести войны вне Италии, когда стали сталкиваться с варварскими народами, дикими, но крепкими и, так сказать, выгодными по своим физическим силам, тогда число рабов в Италии стало расти. Конкуренция мелких крестьян с этими рабами становилась всё более и более затруднительной. Тем более рабовладельческое или плантационное хозяйство давало всё более и более выгод.

После второй Пунической войны римский сенат поручил перевести на латинский язык одно карфагенское сочинение некоего Магона* о

* Маго, Μάγων Великий положил основание величию своего родного города около 550 — 500 гг. до Р. Х. и прославился как военными деяниями, так и сочинением о земледелии на пуническом языке в 28 книгах. Л. 814.

сельском хозяйстве. В нём было описано плантационное хозяйство, т. е. то крупное хозяйство землевладельца, которое вели карфагеняне с помощью рабов.

Если сенат велел перевести это сочинение, то, очевидно, в то время в Италии чувствовали потребность в теоретическом изучении ведения крупных хозяйств, основанных на труде рабов. Катон, представитель эпохи развития крупного хозяйства в Италии, в своём сочинении* советует не выращивать рабов дома, потому что это менее выгодно, чем покупать. Он повествует, что лучше покупать молодых рабов; когда же станут слабеть их физические силы, надо продавать их опять, потому что это выгоднее, чем стараться выращивать своих рабов в имении.

Но, кроме этого, ещё и другие процессы отражались неблагоприятно на римском крестьянстве: не только конкуренция рабов, но и конкуренция чужого хлеба была следствием войн римлян. Рим получал натурой большие массы хлеба с провинций как дань. Зерно было необходимо для содержания войск. Однако значительная часть хлеба оставалась в казённых магазинах²³⁹, и в Риме вследствие этого остававшийся хлеб продавался дешевле, чем хлеб, выращенный крестьянами Италии. Это было выгодно городским жителям, которые не занимались хлебопашеством, а получали хлеб из Сицилии, Африки, Египта. Всё большие и большие массы зерна привозились оттуда в Италию, появлялись на рынках и сбивали цену итальянского хлеба. Если это было выгодно для городских жителей, то оно было крайне невыгодным для селян, которые должны были без пользы для себя продавать свой хлеб. Этот факт можно сравнить с тем, что конкуренция хлеба, идущего из Североамериканских штатов и Индии, сбивает цену русского хлеба и уменьшает заработок крестьян.

Конкуренцию иностранного хлеба чувствовали и крупные, и мелкие землевладельцы. Но для мелких землевладельцев-крестьян такая конкуренция была тяжелее, потому что крупные землевладельцы могли переменить хозяйство. Действительно, они стали бросать земледелие и заводить сады, заниматься виноделием, посадкой оливковых деревьев и продажей масла. Если владения богатых римлян находились высоко в горах, на далёком расстоянии от Рима, то они начинали заводить крупные стада, забрасывая пашни и переходя на скотоводство. Во времена Катона это дошло до крайнего предела.

* В сочинении «De agri cultura». Marcus Porcius Cato Superior (или Priscus, или Censorius) родился в 234 г. до Р. Х. в Тускулуме, умер в 149 г. Уже на 17-м году он сражался с Ганнибалом, впоследствии, в 214 г., воевал под начальством Фабия Максима, в 209 г. — перед Тарентом также участвовал в походах Сципиона в Африку. Был квестором при Сципионе в Сицилии, претором в Сардинии в 198 г. и консулом в 195 г. В своей провинции, Испании, он счастливо воевал с неукротимыми жителями, затем вернулся в Рим. В 193 г. он действовал против Сирии и возвратился в Рим с известием о победе при Фермопилах. Наконец, в 184 г. вместе с Валерием Флакком он был избран в цензоры. Деятельностью во время отправления этой должности и в прочее время своей жизни в интересах охранения доброго старого времени он, как известно, приобрёл себе и прозвание (Censorius), и славу. Л. 1091.

В указанном сочинении Катона мы встречаем следующее: автор выводит двух земледельцев, которые рассуждают между собой о выгодах хозяйства. Один спрашивает другого, каким способом можно наиболее выгодно извлечь пользу из земли. Другой отвечает (при этом речь не идёт о садоводстве или виноделии, которое было наиболее выгодным, но которое не было применимо везде), что самый выгодный способ состоит в *bene pascere*, т. е. в скотоводстве при хороших условиях. А когда тот спросил: «а после этого?» — «*Satis bene pascere*»²⁴⁰ — скотоводство на менее выгодных условиях. Затем *male pascere*²⁴⁰, и только уже на последнем месте земледелие, которое в собственном смысле выгоднее, чем самое невыгодное скотоводство.

Когда положение дел стало таковым, тогда все крупные землевладельцы стали бросать земледелие и обзаводиться стадами, но для этого им стало нужно больше земли, больше простора. Надо было скупать земли. Тогда начали появляться громадные поместья, тянувшиеся на много вёрст, которые известны под именем *latifundia*²⁴¹. Плиний говорит: *latifundia perdidere Italiam*, т. е. латифундии разорили Италию. Если, с одной стороны, было выгодно покупать земли богачам, то, с другой стороны, крестьянам было выгодно продавать свои маленькие участки, не приносившие никакого дохода, и уходить в Рим.

ПРОЛЕТАРИАТ

В конце концов под влиянием всех указанных причин в Риме появилось особое сословие: вместо прежних мелких крестьян, крепко сидевших на своих прадедовских участках, стали появляться бездомные крестьяне, которые не находили себе занятия в легионах или которые на старости лет оставляли военную службу. Они становились бездомными людьми, наполняли римский форум, римские улицы. В Риме появилась чернь, или пролетариат, который точно так же желал извлекать выгоду из провинций, которые были *grædiae populi Romani*. Ими пользовались и магистраты из сенаторских фамилий, и *publicani*, богатые капиталисты, и в известной степени римские легионарии и центурионы. Теперь и чернь стала требовать какой-нибудь доли в пользовании провинциями. Это чрезвычайно сильно начало давить на общественный и политический механизм Рима.

ОБОГАЩЕНИЕ РИМА

Рассматривая те перемены, которые произошли в общественном строе Рима, мы имели в виду и естественное развитие римского общества и могли указать только на некоторое влияние иностранных завоеваний на внутренний рост. Но есть и такая сторона римской жизни, где гораздо более ярко и непосредственно ощущается влияние громадных иностранных завоеваний. Это обогащение Рима, обогащение более или менее всех классов посредством войн и управления провинциями.

Конечно, Рим мог богатеть и естественным способом. По мере развития культуры богатеет всякий народ; и римский народ в эпоху поздней республики должен был бы быть намного богаче, чем в начале республики. Но римский народ разбогател не этим естественным способом, а, главным образом, вследствие завоеваний. Благодаря им явился внезапный прилив золота и серебра в Рим, как в общественную казну, так и в карманы отдельных лиц.

Положение Рима после второй Пунической войны можно сравнить с положением Испании после открытия Америки: там в течение нескольких десятков лет появились большие массы металлов вследствие открытия серебряных рудников в Мексике и золотых рудников в Перу, эти массы металлов перешли в Испанию и произвели переворот в экономической жизни страны. Этот страшный прилив золота и серебра в Испанию можно сравнить с тем приливом, который имел место в Риме после второй Пунической войны.

Как вам известно, римляне воевали с Карфагеном, с Антиохом Сирийским, два раза с Македонией, одержав полную победу и привезя громадные массы золота и серебра в Рим. Ещё окончательное завоевание Италии имело непосредственным результатом обогащение Рима. Но с ним совершенно нельзя сравнить то обогащение, которое было вследствие войн с азиатскими народами. Есть факт, который, можно сказать, характеризует различия между прежним Римом и теперешним²⁴². За первую четверть II в. до Р. Х. римские полководцы получили 633 золотых венка. Эти венки были подарками, которые провинциальные города преподносили римским полководцам. Он весили обыкновенно около 12 фунтов. Одни, так сказать, случайные подарки представляют огромную массу золота, полученную римскими военачальниками.

Такое быстрое обогащение должно было различным образом отразиться на римской жизни и нравах. Прежде всего, приток богатств обусловил появление новых потребностей, новых форм жизни; появилась роскошь. Разумеется, самое яркое проявление роскоши в Риме должно отнести не к этой эпохе, а к последним десятилетиям республики, когда Восток был окончательно завоёван и разграблен. Однако уже во время между Пуническими войнами²⁴³ и годами реформ Гракхов появилась роскошь и вместе с ней борьба против излишеств. Эта борьба шла из года в год, и потому мы можем судить о том, как развивалась роскошь и как развивалось богатство, лежащее в основании роскоши.

Борьба против роскоши велась двояким путём: со стороны общества, отдельных лиц и со стороны государства и правительственной власти. Со стороны общества восставали сатирики, моралисты. Главным представителем морализирующего направления был Катон Старший.

Нельзя сказать, чтобы римляне ясно и отчётливо понимали цель борьбы с роскошью. Они действовали лишь против её симптомов. Римляне хорошо понимали, что роскошь (или та её форма, которая появилась в Риме) есть общественная болезнь. Но римляне не понимали,

что эта болезнь есть лишь симптом другого недуга, причины которого им также не были ясны. Римляне не делали настоящего и должного различия между естественным развитием общественной жизни и неестественным. Каждое богатеющее общество начинает знать другие потребности, стремиться к комфорту. Римляне очень часто самое простое развитие вкуса и естественных потребностей смешивали с роскошью. Так, например, римские моралисты находили неестественным появившийся в «вечном городе» хорошо испечённый хлеб. Они говорили: «зачем же есть хлеб лучший, чем прежний? Наши предки ели дурно испечённый хлеб, и нам следует есть такой». Они возмущались тем, что в Риме стали носить более тонкие материи. Моралисты находили гораздо лучшим носить войлок вместо сукна.

Характерным представителем подобных воззрений на роскошь может служить Плиний, известный учёный, который прочитал массу сочинений, всю свою жизнь изучал литературу и природу, был первым естествоиспытателем. Он с сожалением высказывался о том, что люди познакомились с драгоценными металлами, стали стараться их добыть из недр земли. Такое стремление Плиний называл неестественным; природа даром скрыла драгоценные металлы в недрах, чтобы люди их не знали. По мнению этого учёного, природа сама карает человека за проникновения в недра земли: примерами такого наказания являются извержение Везувия и землетрясение, которые он сам наблюдал. Но он не понял, что если человеку не следует проникать в тайны природы, то прежде всего не следовало бы проникать в её тайны даже теоретически; и самому Плинию должно было бы отказаться от всех своих исследований и научных занятий.

Мы видим, что римляне боролись с роскошью слепо. Например, Катон постоянно отстаивал различные запреты и стеснительные меры, произносил сильные речи. Но в то же время постоянно настаивал на необходимости разрушения Карфагена, постоянно повторяя «*ceterum censeo*»²⁴⁴, забывая, что чем больше Рим будет разрушать городов, тем более он будет привлекать золота и серебра из них, тем более будет развиваться роскошь и тем труднее будет бороться с ней.

Лекция 30

Когда римляне начали вести войны вне Италии, тогда они пришли в соприкосновение с народами, стоявшими выше их в культурном отношении: и относительно материального благосостояния, и относительно цивилизации. Поэтому столкновение с этими народами должно было очень сильно отразиться на римской жизни и римских нравах. Прежде всего, замечается обогащение римского народа. Уже оно повлекло за собой изменения и жизни, и нравов. Но, кроме того, и непосредственное знакомство римлян с самими греческими и восточны-

ми народами оказало сильное влияние. Римляне очень хорошо осознавали тот переворот, который произошёл у них вследствие знакомства с указанными народами, особенно с восточными. Ливий весьма метко охарактеризовал в описании истории войн с Антиохом следующий факт. Римские легионеры, т. е. простые римские крестьяне, впервые познакомившись с восточной роскошью и потребностями в Малой Азии, сразу принесли роскошь в сам Рим.

У римлян, как и у других народов (и в другие времена), нашлись моралисты и патриоты. Они не всегда верно объясняли повреждение нравов и часто видели его там, где его и не было. Но в целом римлянами руководил совершенно верный инстинкт, когда они боролись против изменения нравов и роскоши. Они понимали, сколько теряла здоровая организация римского народа в результате известных перемен. Но идеал римских моралистов и патриотов был очень недостаточным, узким, заимствованным из отдалённого прошлого. Но нельзя было римлянину, современнику разрушения Карфагена и Коринфа, нельзя было говорить и думать о добродетелях Фабриция и других римских героев, живших ранее, в более простых условиях. Таким образом, патриотический идеал моралистов был недостаточным, потому что он был устранён самой историей.

БОРЬБА ГОСУДАРСТВА ПРОТИВ УПАДКА НРАВОВ

Само римское правительство, подобно отдельным лицам, боролось против повреждения нравов, главным образом, посредством законов, воспрещавших роскошь.

Это была борьба чисто внешняя, борьба, которая велась недостаточными средствами. Для того чтобы такие законы действительно приносили пользу и исполнялись, было бы необходимо создать бюрократию, которой в Риме тогда не было. В этих целях надо было бы вторгаться ежедневно в частную жизнь римских граждан, что было совершенно несовместимо с политическим устройством Древнего Рима. Поэтому все подобного рода законы остались бессильны, нисколько не повлияв на ход дела.

Обыкновенно перемена нравов отражалась раньше всего на женщинах. Потому и в Риме первые законы против роскоши были направлены именно против женской роскоши.

Таков был закон Оппия (lex Oppia 215 г.), который запрещал женщинам носить драгоценные украшения свыше $\frac{1}{2}$ унции золота*. Тот же закон запрещал женщинам ездить в колеснице, за исключением того случая, когда им нужно было ехать, например, к себе на дачу, на виллу, или если в самом городе им нужно было проехать расстояние более 1000 шагов. Уже из этого закона видно, как мало было пользы в запрещении. Кто же был в состоянии определить, когда какая-нибудь

* Uncia = 6 золотникам и 38,1 доли. Ценность унции золота около 20 р.

римская матрона садилась в колесницу, куда она едет, на дачу или в город куда-нибудь, на расстояние в 1000 шагов или больше или меньше? Никто не мог остановить эту матрону.

Более влияния, казалось, мог бы иметь закон против наследства женщин — *lex Voconia*. Этот закон воспрещал назначать главным наследником женщину. По форме римского завещания можно было одно лицо назначить наследником. Наследство являлось как бы переходом от одной личности к другой, одна личность переносилась в другую, поэтому мог быть только один наследник. Другие наследники, с римской точки зрения, были не настоящими наследниками, а так называемыми легатариями (*legatarii*), т. е. на одного наследника возлагалась обязанность выплатить такую-то сумму или долю другим. На деле наследник был один. По закону Вокония запрещалось назначать наследником женщину. Только в том случае дозволялось отступление, если у отца не было сыновей, а была только дочь. Тогда дочь делалась наследницей, но только половины отцовского имущества. Во всех остальных случаях, когда женщина получала *legatum* по завещанию, сумма наследства не должна была превышать ту сумму, которая составляла ценз первого класса.

Но и этот закон обходился. Нельзя сказать, чтобы в жизни римского народа можно было бы указать на благие последствия этого ограничения гражданских прав женщин.

Ещё менее значение имели те законы, которые были направлены, так сказать, против роскоши в ежедневной жизни. Таковы законы Орхия и Фанния (*leges: Orchia* 183 г., *Fannia* 161 г.). Эти законы (как и подобные им законы, издававшиеся в средние века разными городами и государствами) в точности определяли дозволенную сумму расходов. Так, в одном из этих законов было указано, что никакая римская хозяйка не имеет права тратить на пищу каждый день более определённого количества (приблизительно около 20 копеек на наши деньги). Только десять раз в месяц дозволялось тратить на столь больше, но никак не более чем в три раза против обыкновенного. Затем исключение делалось в пользу больших праздников. Тогда можно было тратить в десять раз больше, чем было дозволено в будни. Эти законы устанавливали, что не следует иметь в запасе более, например, 15 фунтов копчёной говядины или свинины.

Понятно, что такого рода законы не могли приносить пользы, потому что не было людей, которые могли бы следить за их исполнением. Для этого было одно средство — донос. Но доносить могли только одни рабы. Правда, они были совершенно в руках своих господ, поэтому делать доносы им было опасно.

Один из упомянутых законов запрещал откармливать кур для стола. Я уже указывал на то, как римляне, борясь против роскоши, впали в педантичность. Они не принимали в расчёт развития своих естественных потребностей, возникавших с развитием культуры. Они восставали против хорошо испечённого хлеба, хорошо откормленной домашней птицы — курицы. Этот закон имел то последствие, что римляне откармливали петухов, тщательно храня закон до времени Пли-

ния, если и не исполняли его, то, по крайней мере, помнили, так как Плиний смог сообщить о нём нам*.

ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЙ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ

Роскошь и развитие потребностей жизни у римлян раньше всего отразились не в частной жизни, не в частных потребностях, а в общественной жизни и потребностях, политических и религиозных. Раньше, чем римляне стали украшать свои дома, они стали употреблять свои богатства на украшение храмов. Вместо маленьких тёмных храмов из простого римского камня они теперь стали возводить великолепные здания из мрамора и стали покрывать их бронзой. Появились колоннады — подражание греческим храмам. Капители колонн стали часто покрываться позолоченной бронзой. Мрамор выписывали из Греции, из Африки и из Азии, потому что мода часто требовала разноцветного мрамора.

Затем римляне стали тратить свои средства на общественные удовольствия и на театры. Театры в Риме были временными. В этом мы видим признак осторожности римского правительства, которое боялось развития роскоши, развития зрелищ. Поэтому, хотя в Риме очень часто происходили представления, постоянные театры не допускались; театры строились на короткий срок и затем сносились, подобно тому как у нас строятся и сносятся балаганы. Вследствие этого театры должны были быть построенными на скорую руку и подешевле. Но в более позднее время римские богачи тратили громадные суммы на эти временные театры. Они возводились таких больших размеров, что там помещалось по несколько тысяч человек. Затем такие театры украшались коврами, драгоценными материями, колоннами. Так что существование временных театров несколько не мешало римлянам обнаруживать большую роскошь. Первый постоянный римский каменный театр был построен Помпеем в 55 г. до Р. Х. в то время, когда он занимал положение монарха в Риме, пока Юлий Цезарь был в Галлии. Особенно прославился роскошью своего театра Эмилий Скавр (Aemilius Scaurus), зять Суллы. За несколько лет (58 г.) до построения помпеева театра он, будучи эдилом, возвёл театр, отличавшийся необыкновенным объёмом и роскошью. Для этого театра понадобилось 360 мраморных колонн, которые были почти все привезены из Греции. Театр Эмилия был в три яруса. Нижний был отделан мрамором, средний был украшен стеклянной мозаикой, а верхний был отделан позолоченными украшениями. Когда тот театр был разрушен, тогда Эмилий Скавр перевёз колонны, стоявшие в нём, к себе в дом**.

* Всё это так называемые *leges sumptuariae*.

** Театр Эмилия Скавра вмещал до 80000 зрителей. Театр Помпея, на 40000 мест, находился близ *porta Triumphalis*, к западу от Капитолия. Другой римлянин, Курион, при похоронах своего отца, как говорят, построил два театра, обращённые друг к другу спиной. Утром в них давали сценические представления, а днём, после 12 часов, оба этих театра поворачивали так, что сходились своими концами и составляли таким образом один обширный амфитеатр, где проходили гладиаторские игры.

ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЙ НА ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

Мы видим, как роскошь из храмов и театров стала переходить в римские дома и римские виллы. Но этот процесс совершался довольно медленно. Римляне долго совестились украшать свои дома в городе, так как это было на виду у граждан. Брут, когда он устроил в своём доме колоннаду, подвергся насмешкам, его называли «Палатинской Венерой», потому что он жил на Палатине. Совершенно иначе римляне относились к своим виллам, своим загородным домам, которые были вдали от глаз граждан. Поэтому там роскошь появилась очень рано и стала выражаться не только в постройке зданий, но и в приготовлении местности для их строительства. Там римляне устраивали террасы, водопроводы. Надо было планировать местность, расчищать её. Там римляне устраивали свои любимые piscinae (piscina — рыбный садок), особые помещения для рыб. Особенно они любили редкую рыбу мурену (murena). И в загородных виллах развивалась роскошь, особенно со времени Гракхов. До какой степени быстро развивалась роскошь вилл в постройке и украшениях, может свидетельствовать следующий факт. Мать Гракхов, Корнелия, продала свою виллу за 75 000 динариев. Вилла потом переходила из рук в руки, и владельцы постепенно её украшали. Лет 50 спустя после продажи Корнелии она была при Марии²⁴⁵ куплена за сумму, в 33 раза большую по сравнению с той, за которую её продала Корнелия. Значит, за это время до такой степени украсили виллу, что она стала гораздо дороже.

В древнем римском доме всё было очень просто. Вся мебель заключалась в деревянных скамейках. Теперь если и употреблялись деревянные скамейки, то они покрывались дорогими коврами. Во время второй Пунической войны римляне познакомились с восточными коврами. Известно, что и в наше время ковры с Востока («персидские ковры») ценятся очень дорого. У римлян эти ковры назывались вавилонскими. И вот, мода требовала, чтобы для украшений употреблялись такие ковры в каждом сколько-нибудь богатом доме. Появился капризный вкус в убранстве домов. Так, особенно ценились столы, которые делались из дерева citrus (это дерево из породы Tuia, оно растёт в северной Африке). Дерево это достигает большой толщины, его распиливали на кружки, из которых делали столы. Чем толще было дерево, тем толще была столовая доска и тем дороже ценился стол. Даже Цицерон, который не отличался особенным стремлением к роскоши и средства которого не были столь велики, как у аристократов, имел у себя в доме стол из цитрусовой доски, стоивший полмиллиона сестерций.

Вместе с тем развивалась роскошь и в одежде. Римляне теперь уже не довольствовались шерстяными домоткаными материями. Если они и носили шерстяную одежду, то она должна была быть крашеной, по возможности дорогой пурпуровой краской. Эта краска была так дорога (особенно её высший сорт, дававший фиолетовый оттенок), что для покраски шерсти весом в один фунт нужно было истратить денег на 30 рублей по нашим ценам.

Во время Цезаря римляне познакомились на Востоке с шёлком и, конечно, очень быстро пристрастились к нему, несмотря на то что он был весьма недёшев. Так, Юлий Цезарь покрыл один из своих театров шёлковым полотном.

Позднее римляне познакомились на Востоке с драгоценными камнями и пристрастились также и к ним. В Древнем Риме носили просто золотые кольца, которые были привилегией сенаторов, а потом и всадников. Со временем собственно золотое кольцо стало признаком всаднического сословия, так что потом, во время императоров, получить золотое кольцо или носить его означало иметь ценз всадника или поступить во всадническое сословие. Когда римляне познакомились с Востоком, они научились ценить драгоценные камни. Со времени Суллы появились даже дактилиотеки, т. е. особые хранилища для колец и драгоценных камней из них.

Затем вошёл в моду и жемчуг. Из биографии Юлия Цезаря известно, какую дорогую цену он заплатил за ту жемчужину, которую он подарил матери Брута*.

Посуда в Древнем Риме была тоже чрезвычайно простая. Как вы помните, серебряная посуда допускалась только в определённых случаях, и если верно предание, то серебряная утварь на 10 фунтов во время завоевания Италии считалась уже крайней степенью роскоши. В более поздние времена не было римского дома, в котором не было бы массы серебряной посуды. Во время проскрипций Суллы пострадали именно те дома, относительно которых было известно, что там хранится много изделий из серебра.

Римляне научились ценить работу мастеров. Так, в конце республики иная вещь ценилась в 18 раз дороже, чем стоил употреблённый на неё материал.

Кроме золота и серебра, римляне стали дорожить и хрусталём. Вазы из хрусталя *mithra* или *тигта* стоили дороже серебряных.

ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЙ НА РЕЛИГИЮ

Под влиянием притока богатств с Востока и знакомства римлян с восточными нравами римский быт изменился коренным образом. Но Рим познакомился с Востоком не только с внешней стороны восточной культуры. Он познакомился и с греческой цивилизацией, и с восточными религиями. И теперь нам приходится рассматривать влияние знакомства римлян с Востоком на религию.

По мере подчинения Римом других народов «вечный город» знакомился с их религиозными воззрениями, с их культами. Имел место двойственный процесс. По мере того как римские легионы занимали страны других народов, боги этих народов занимали Рим. Постепенно в Рим собирались все боги покорённых народов и находили среди рим-

* Полмиллиона сестерций.

лян ревностных поклонников. Конечно, сначала римляне познакомились с греческими богами. Это знакомство началось ещё в то время, когда римляне не успели выйти из пределов Италии. По-видимому, раньше всего в Риме распространился культ Цереры²⁴⁶, греческой богини²⁴⁷, с которой римляне познакомились в южной Италии. Храм Цереры был построен в Риме в очень древнюю эпоху, во время борьбы между патрициями и плебеями. Затем в Риме распространился культ Аполлона²⁴⁸. Во время победы римлян над самнитянами был построен храм Венеры²⁴⁹. В 291 г. был воздвигнут храм Эскулапа²⁵⁰ по случаю сильной моровой язвы, которая так часто посещала Рим.

Но скоро очередь дошла и до других богов, которые стояли дальше от римлян и от римских воззрений. Во время второй Пунической войны сенат отправил депутацию в Азию, чтобы привезти оттуда идола Кибелы²⁵¹ — великой матери богов. Он был встречен в Риме с большими почестями, и для празднества в память этой богини были устроены особые игры, так называемые Мегалезии (Megalesia). Великая мать, малоазийская богиня, чествовалась жрецами, которые назывались галлами (galli), причём весьма артистическим способом. Римляне перенесли к себе этот культ и, можно сказать, несколько испугались его. Например, они строго запретили самим римлянам вступать в число жрецов Кибелы.

Затем появился культ Вакха²⁵², а потом стали появляться культы египетских и восточных богов. Так, возник в Риме культ Сераписа²⁵³. Этот культ возник вследствие смешения греческих воззрений с египетскими. Когда греки завоевали Египет, Птолемеи желали найти такой культ, который мог бы соединить египтян и греков. Выражением такого соединения послужил культ Сераписа, который был перенесён в Египет с берегов Чёрного моря, который эллинизировался²⁵⁴, что видно из самого изображения божества, очень похожего на изображение Зевса.

Против Сераписа римский сенат не возражал, но он очень долго боролся против перенесённого в Рим культа Изиды²⁵⁵. Этот культ казался слишком чуждым римлянам. Между тем с ним нельзя было бороться, потому что он шёл от тех торговцев, которые поддерживали сношения между Римом и восточными берегами Средиземного моря. В результате храмы Изиды возникали неоднократно вокруг Рима. Однажды сенат приказал консулу разрушить храм, построенный без его разрешения. Но консул не мог найти ремесленника, который бы решился разломать двери храма. Он был принужден собственноручно разломать дверь и начать разрушение святыни. Храм был уничтожен, но снова возник. Ещё в начале империи Рим боролся с культом Изиды, но безуспешно.

Затем появился персидский культ Митры (Μίθρας, Mithras)²⁵⁶. Он был распространен среди морских разбойников, с которыми воевал Помпей. И легионеры Помпея, победив разбойников, переняли этот культ и перенесли его в Рим. Культ Митры вообще был чрезвычайно популярен в римских войсках. Это был военный культ, и потому воз-

де, где стояли римские легионы, по всей древней римской границе теперь находят так называемые митреи, т. е. остатки маленьких храмов Митры.

Что влекло римлян к упомянутым иноземным культам? Во-первых, сознание недостаточности римской религии. Мы знаем, из какого простого быта возникла римская религия и каким несложным потребностям, каким грубым взглядам она соответствовала. Когда изменился взгляд римлян на жизнь, когда они стали больше требовать от жизни, стало невозможно удовлетворить их чаяния первоначальными религиозными представлениями. Недовольство своей домашней религией и культами должно было их располагать к принятию иноземных культов. Но затем эти иноземные культы имели сами по себе чрезвычайно много привлекательного для римлян. Греческие культы привлекали своей эстетической стороной, благолепием обрядов. Восточные культы привлекали римлян своим религиозным экстазом, лежавшим в их основании. С помощью данных культов римляне познакомились с аскетическим отношением к жизни и, с другой стороны, с оргиастическим характером обрядов, что льстило чувственности римлян.

Разумеется, римлян привлекали и философские стороны, лежавшие в основании многих иноземных культов. С их помощью римляне познакомились с идеей бессмертия и верой в него. Идея бессмертия привлекала многих римлян в число поклонников некоторых из указанных культов. Так, в основании культа Вакха лежала главным образом идея бессмертия.

Хотя по содержанию и по форме восточные культы стояли выше римских, однако их господство в «вечном городе» не могло не содействовать повреждению нравов, о котором сейчас идёт речь. Во-первых, господство иноземных культов расшатывало веру в римских богов; вам известно, насколько религиозное верование римлян лежало в основании государственной жизни. По мере того как римляне становились равнодушными к своим богам, стали относиться к ним с пренебрежением, они освобождались и от тех уз, которые прежде налагали на них семейная жизнь и государство.

Затем в иноземных культах заключался зародыш повреждения нравов. Достаточно указать на один очень характерный факт, который показывает, как многие из римлян иногда грубо понимали те идеи, которые лежат в основании упомянутых культов. Ливий подробно описывает политический процесс, имевший место в Риме в первой четверти II в. до Р. Х., — процесс против поклонников Вакха. До нас дошёл *senatus consultum de Bacchanalibus* о запрещении и преследовании культа Вакха. Он дошёл до нас в надписи в первоначальном виде, а рассказ Ливия дополняет его. Один молодой римлянин, который был близко знаком с гетерой *Fecinia Hispalis*, как её называет Ливий, рассказал, что отчим побудил его поступить в число поклонников Вакха. Молодая женщина знала о том, что происходило в этих сборищах, и посоветовала римлянину не вступать туда. Тогда отчим стал настаивать, и, когда римлянин решительно отказался, он вынудил юношу оставить родительский дом и скрыться у тётки. Тётка и гетера сделали донос

консулу о том, что происходит в сборищах почитателей Вакха, и так спасся молодой человек. Тогда консул доложил сенату, который велел организовать следствие. От этого преследования пострадало несколько тысяч человек и в Риме, и во всей Италии. Оказалось, что в тайных сборищах для проведения мистерий Вакха совершались всякого рода преступления: составлялись подложные завещания, производились убийства, имели место извращения нравов. Так рассказывает Ливий. Сенат, стало быть, видел большую опасность в вакханалиях, так как назначил особую награду доносице, несмотря на то что она не была римской гражданкой и что она занимала такое положение в обществе, которое не влечёт за собой награды за добродетель. Но мы имеем возможность судить об этом процессе и некоторые основания усомниться относительно верности обвинений против поклонников Вакха. Тайному обществу приписывали такие преступления, обвиняли в таких стремлениях, которые им чужды. Вспомните, что рассказывает Тацит о христианах, о том, что совершалось в их тайных собраниях.

Но как бы то ни было, мистерии Вакха, в основании которых лежала идея бессмертия, тоже приводили к развращению нравов в Риме. Идея бессмертия представлялась символически, поэтому обряды совершались ночью. Толпы женщин, так называемых вакханок, ночью с горящими факелами бежали к реке Тибру и опускали их в воду, а затем вынимали их непогашенными. Те факелы делались из такого вещества, которое не гасло в воде. Это было символом того, что душа человека никогда не умирает. Таким образом, в основе культа Вакха лежала чистая, высокая идея. Но несмотря на то, эти тайные сборища ночью и роль, которую в них играли женщины, вели к таким сценам, которые побудили сенат запретить почитание Вакха.

ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЙ НА ОБРАЗОВАННОСТЬ РИМЛЯН

Религия греков и восточных народов не всегда благотворно влияла на римлян. Это же можно сказать и об образованности. Конечно, греки стояли выше римлян по образованности, и влияние эллинов было благотворно. Но греческая образованность, как и всякая другая, заключала в себе нездоровые стороны или, по крайней мере, такие моменты, которые могли вредно влиять на необразованных римлян. Углубляться в изучение этого вопроса у нас теперь нет возможности. Достаточно указать на одну его сторону.

Когда римляне познакомились с греческой религией, тогда же они познакомились и с учениями, которые подрывались под всякую религию. Например, они очень рано узнали о рационализме, распространённом среди греков. Но римляне познакомились с самой поверхностной, самой грубой формой рационализма, с теорией Эвгемера*. Энний,

* Euhenerus, Εὐήμερος вероятно из Сицилийской Мессаны, жил при дворе Кассандры и был последователем киринейской школы. Около 300 г. он написал свою *ἱερὰ ἀναγραφή*. Л. 479.

самый ранний поэт римлян*, перевёл сочинение Эвгемера, распространил таким образом его взгляды среди римлян. Конечно, представления Эвгемера не могли благотворно влиять на римлян. Те объяснения, которые он предлагал, давали пищу только самому грубому любопытству или самой грубой любознательности римлян по религиозным вопросам.

Как известно, Эвгемер объяснял происхождение богов следующим образом. Боги были людьми, которые в силу каких-то обстоятельств оставили о себе глубокую память среди остальных людей и пользовались большими почестями. Афродита, по толкованию Эвгемера, была знаменитой гетерой, которая произвела такое сильное впечатление, что после её смерти ей стали воздавать божеские почести. Кадм был поваром царя сидонского, бежал из Сидона с танцовщицей, явился к диким беотийцам и до такой степени им понравился, что после смерти его поместили в число богов.

Такого рода толкования религиозных вопросов, распространившиеся среди римлян, не могли не подорвать в значительной степени их прадедовское благочестие, которое им было так необходимо в политической жизни.

Такое же, если не худшее, влияние имело знакомство римлян с греческой литературой и особенно с театром. Римляне пристрастились к греческому театру, стали у себя устраивать драматические представления и завели у себя комедию. Однако это не отвлекало римлян от отечественных зрелищ — цирка и убийств гладиаторов. Но римляне при своих грубых нравах и из театральных зрелищ выносили совершенно не то, что выносили греки.

Что особенно тешило римлян в театральных представлениях? Какие сюжеты заключали в себе комедии? Сюжеты их были большей частью из обыденной жизни, причём неназидательные. Выставлялись, юноши, обманывавшие отцов для того, чтобы весело жить, приводились ловкие случаи, которые обманывали и отцов, и сыновей. Первую роль во всех этих комедиях играли, конечно, гетеры. Эта аттическая комедия, родившаяся в Афинах, там не имела такого вредного влияния, как в Риме, ибо жители Афин были более развиты, их привлекал в театре не только один сюжет, но и другое: и сама игра, и язык. Они требовали от своих поэтов, чтобы те хорошо владели языком. Римляне совершенно не умели ценить формы, они увлекались только фабулой, которая была большей частью такова, что не могла содействовать поддержанию добрых нравов.

Таким образом, римляне, познакомившись с греческим и восточными народами, многое от них перенесли в свою жизнь. Поэтому в жизни римлян произошёл глубокий переворот, изменение нравов. Это имело важное значение, так как одновременно сопровождалось политиче-

* Ennius Quintus, родился в 209 г. в Рудиях, осском городе в Калабрии. Умер на 70-м г. жизни. Написал сочинение *Annales* (история Рима в стихах в 18 книгах), трагедии, комедии и т. д. Он ещё не подвергся решительному влиянию эллинизма.

ским переворотом. Сообразно с тем, как происходило повреждение нравов в римском обществе, происходило и повреждение республиканских учреждений.

ВЛИЯНИЕ ЗАВОЕВАНИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РИМА

Лекция 31

Мы остановились на вопросе, как повлияли римские завоевания на политический строй Римского государства. Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно поставить другой: какой тип представляло собой Римское государство до обширных завоеваний?

Вероятно, вам известна классификация государств, сделанная Аристотелем. Это самая простая и меткая классификация, так как берёт самые выдающиеся признаки, по которым можно различать государства: состав правительственной власти и количество лиц, представляющих эту власть. Исходя из такой мысли Аристотель делил государства на три группы: монархию, где власть поручена или находится в руках одного лица; аристократию, где власть находится в руках сравнительно небольшого числа людей, выдающихся в том или ином отношении; и демократию, где власть находится в руках демоса (в греческом смысле этого слова, т. е. в руках массы граждан, куда не входили рабы и граждане, не имевшие политических прав).

Затем Аристотель сделал дальнейшие подразделения. Он принял во внимание признаки, так сказать, направления государственной власти, цель, которую она себе ставит и которой служит. С этой точки зрения монархия может иметь в виду благосостояние государства, может считаться представительницей государственных интересов, которым всецело служит. Но может быть и так, что то лицо, которому поручена государственная власть, расходится в своих интересах с интересами государства, преследуя личные цели. Таких правителей в Греции называли тиранами. Это те люди, которые получали правительственную власть посредством применения силы, при помощи узурпации, устраняя прежние правительства, большею частью олигархические (например, Дионисий в Сиракузах*). Они, конечно, имели в виду также и интересы общественные, государственные, но по большей части они имели в виду личные интересы, стремясь удержать свою власть при помощи резких мер для борьбы со своими противниками. Брожения последних часто были поводом к злоупотреблениям властью. Такова, по выражению Аристотеля, не нормальная, а искажённая форма монархии, которую он называл деспотией.

* Дионисий Старший, сын Гермократа, родился в 431 г., был тираном с 406 по 367 г. Дионисий Младший, сын Старшего, унаследовал от отца власть в 367 г. В 343 г. Тимолеонт заставил его сложить с себя власть. Дионисий со своими приверженцами удалился в Грецию, и впоследствии он жил в Коринфе в бедности и нужде. Л. 408—9.

Точно так же и другой тип власти может представляться и в нормальном, и в искажённом виде. Если власть находится в руках выдающихся людей или главенствующего сословия, то она называется аристократией. Аристократия преследует государственный интерес, служит государству, служит целому. Если же правящее сословие имеет в виду только свои частные интересы, если оно злоупотребляет властью, тогда такая власть называется олигархией, правлением не лучших аристократов, а просто немногих в ущерб многим, большинству.

То же самое и относительно третьего типа. Если демократия имеет в виду интересы целого, смотрит на себя как на представительницу государственных интересов, исполнена патриотизма и самопожертвования, то это нормальная форма демократии, как полагал Аристотель. Но если демос смотрит на государство как на средство осуществления личных целей отдельных лиц, если демократия эксплуатирует средства государства для себя (как, например, афинский демос использовал средства государства для того, чтобы иметь доходы, устраивать себе зрелища и т. д.), то тогда имело место искажение демократии. Такой искажённый вид демократии Аристотель называл охлократией, когда демос превращался в чернь.

Полибий, греческий историк, живший после Аристотеля, пребывавший долго в Риме и знавший хорошо его, рассказывал о причинах возвышения Рима над всеми другими народами. Главную причину торжества римлян он видел в преимуществе их государственного устройства. Это преимущество Полибий видел в том, что в Римском государстве смешивались все три типа власти — и монархия, и аристократия, и демократия. Монархию Полибий видел в магистратуре римлян, которая унаследовала от царей очень большую власть и представляла в государстве принцип власти. Аристократию он отождествлял с нобилитетом. А демократией он мог называть Римское государство на основании того, что главная сила была в руках народного собрания — демоса.

Такое положение Римского государства стало постепенно изменяться под влиянием завоеваний, под влиянием тех причин, которые вредно действовали на римские нравы. С завоеваниями началось искажение римского государственного строя, описанного Полибием. Это искажение шло в тройном направлении, так как вскоре после покорения соседних стран в Риме оказались неудобства, злоупотребления и недостатки всех трёх названных форм. Монархический элемент стал принимать характер деспотического, аристократия перерождалась в олигархию, а демократия преобразовывалась в охлократию.

Данное положение надо разъяснить и подкрепить фактами. Что касается первого элемента, монархического, то о нём уже шла речь. Нет надобности ещё раз подтверждать уже приведённые факты для того, чтобы вы могли убедиться в постепенном искажении монархического элемента, в превращении римской магистратуры в тиранию. Совершалось это не в самом Риме, а в провинциях. Но из провинций римские магистраты возвращались деспотами — деспотами по своим стремлениям и приёмам. Конечно, не все одинаково портились в римских про-

винциях, но дело в том, что римская провинциальная магистратура превратилась в школу деспотии в Риме. Римские республиканские магистраты в провинциях всё более и более склонялись на деспотический путь.

Что касается второго органа римского правительства, то нужно иметь в виду, что сенат долгое время стоял на высоте своего призвания. Сенат, который Пирр назвал «сонмом царей», не скоро утратил этот образ. Сенат сумел удерживать Римское государство чрезвычайным высоко, сумел с авторитетом управлять другими народами. Но он состоял из лиц, наполнялся известной корпорацией, известным сословием, которое состояло из бывших магистратов. И таким образом порча магистратов или та порча, которая отражалась на магистратуре, должна была отразиться и на аристократии.

Сенат состоял из определённого числа римских фамилий, которые все преследовали свои интересы. И нельзя им было не преследовать своих фамильных интересов. Они могли держаться на высоте римского общества, только если время от времени занимали римскую магистратуру. Поэтому всё их внимание должно было быть поглощено целью добиться магистратуры. Каждое поколение известных римских фамилий (Корнелиев или Фабиев) должно было стараться занять высшее место в государстве, которое всё более и более становилось переходной ступенью к провинциальной магистратуре, ибо только она давала большие средства. Если какая-нибудь фамилия в этой борьбе за преобладание отставала, то она быстро оттиралась на задний план, она исчезала. Поэтому совершенно понятно стремление всех римских фамилий выбиться вперёд, пробраться в провинциальную магистратуру.

Но эта заветная цель всех выдающихся людей Рима зависела от успеха не в сенате, а на форуме. Следовательно, форум становился центром всех честолюбивых притязаний. Поэтому на римской демократии должны были отразиться быстрее и ярче признаки нового положения, в которое был поставлен Рим, чем на сенате и даже на магистратуре.

Римское народное собрание уже в III в. до Р. Х. сделалось центром политической жизни. Теперь законодательная власть была совершенно в руках народного собрания. И не только законодательная власть, но и сама правительственная власть перешла, в сущности, в народное собрание. Затем в самом народном собрании всё более и более развивался демократический характер, особенно после преобразования центуриат-комиций, которое сводилось к простой формуле трибут-комиций. С другой стороны, в римском народном собрании стала замечаться другая перемена — перемена состава. Функции народного собрания всё более и более расширялись, а само оно всё более суживалось. Это происходило вследствие того, что та масса, которая жила около Рима, редела. Вместо маленьких участков земель в окрестностях города, на которых сидели римские крестьяне, стали появляться богатые роскошные виллы римских оптиматов. Римские крестьяне начали находить выгодным продавать за дорогую цену свои маленькие участки около Рима и, если нужно, покупать землю за более дешёвую цену подальше от Рима, или получать надел в северной Италии, или, наконец, пере-

селяться в город. Вследствие этого число римских крестьян, которые могли прежде участвовать в народном собрании, постепенно уменьшалось. Другим следствием этого процесса было то, что на римском форуме стали получать всё большее преобладание городские жители или городской пролетариат.

Вот таким образом изменялось народное собрание. Функции его всё более и более расширялись, власть его всё более и более увеличивалась, а состав его всё более и более изменялся в худшем смысле слова. Вот в каком положении было дело, когда римское народное собрание сделалось, так сказать, царём тогдашнего мира.

В этом отношении, можно сказать, Рим пережил три периода. Во время первого (древнейшего) периода римский народ бился за своё существование. В течение второго периода римляне соперничали с другими народами за преобладание. И вот теперь наступил третий период, когда была полная победа, полное торжество и господство Римского государства над всеми соседями. Но борьба продолжалась, борьба приняла только другой характер. Уже не римляне как единое целое боролись за власть над другими народами, а римляне в Риме, на римском форуме, боролись за эту власть, которую приобрели победами их предки. Поэтому на римском форуме всё ярче стал обнаруживаться тот политический недуг, который мы замечаем у провинциальных магистратов, и в сенате, и в римском народе. На римском форуме сосредоточивались все нити, именно там решались вопросы, кому быть правителем в провинциях, кому будет дана возможность чрезвычайно быстро обогатиться. По мере возрастания цены магистратуры стали увеличиваться старания соперников добиться этой желанной цели, стали пускаться в ход всё худшие и худшие средства: лесть, а потом и подкуп.

ИСКАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ

Кандидаты на высокую государственную должность до некоторой степени и в Древнем Риме употребляли в дело различные средства. Они тоже должны были заискивать у народа, который подавал голоса. Но в Древнем Риме лесть не могла иметь такого успеха, потому что из кого народное собрание? И кто были кандидаты? Кандидатами, искавшими эдильской, преторской или консульской должности, были высшие начальники легионов — военные трибуны. Это были, так сказать, военные люди, которые много лет были на военной службе на глазах у сограждан, или это были римляне, отличившиеся знаменитыми законами, или которые были известны тем, что давали советы крестьянам во время судебных процессов. А кто избирал? — Римские граждане, служившие в легионах, знавшие с детства каждого из кандидатов, его товарищи по оружию. Юные граждане были товарищами кандидатов, старые их помнили ещё молодыми офицерами. Следовательно, хотя и тут возможна была лесть, но только до известных пределов. Неспособный человек, бежавший с поля битвы, не был в состоянии настолько

обольстить толпу на римском форуме, чтобы оттеснить более способных соперников.

Но теперь дело изменилось. На римском форуме стали подавать голоса те люди, которые не были солдатами. И тут успех кандидата стал зависеть главным образом от городского пролетариата, вольноотпущенников, наполнивших городские трибы. Здесь лесть стала иметь совсем другой характер, стала играть более важную роль. Затем лесть приняла очень яркую реальную форму, весьма чувствительную для избирателей вследствие давно укоренившегося обычая кандидатов устраивать даровые зрелища. Этот обычай мы находим не только в Риме и Италии. Но и в Греции, где богатые люди также считали необходимым употреблять часть своих средств на интересы сограждан. Самым естественным таким способом была так называемая литургия, т. е. оплата из собственного кармана каких-либо общественных расходов, как-то: строительство кораблей, устройство торжественных процессий во время религиозных празднеств, проведение зрелищ. То же самое укоренилось и в Риме. Там очень рано утвердился обычай устройства зрелищ: это должен был сделать эдил на свой собственный счёт. Никто не мог сделаться претором или консулом, не сделавшись прежде эдилом. Должно было сначала пройти через эдильство. И тут пользовались состоятельные люди случаем обратить на себя внимание римского народа посредством устройства игр. Между тем римский народ всё более и более пристращался к играм.

В Древнем Риме были только одни игры, так называемые *ludi Romani*²⁵⁷. Это были зрелища религиозного характера. Но впоследствии они теряли такой характер, профанировались, всё более становясь обыкновенными зрелищами. Затем были заведены и другие игры — *ludi Apollinares*²⁵⁸. Во время второй Пунической войны, когда статуя Кибелы была перевезена в Рим, в честь этой богини были устроены игры *Megalesia* (*Megalensia*, *ludi Megalenses*)²⁵⁹. Во II в. до Р. Х. были учреждены *Floralia* (*ludi Florales*)²⁶⁰.

Итак, не один раз в году, а пять раз нужно было устраивать игры для народа, а затем и само число дней, в течение которых совершались игры, увеличилось. Например, прежде *ludi Romani* праздновались три дня, а потом — пять. Но кандидаты, у которых было много денег, но мало надежды на успех, имели возможность повторить игры под каким-нибудь предлогом. Например, они заявляли, что те игры, которые были даны, не угодны богам, потому что было сделано такое-то упущение, то-то не было принято во внимание, поэтому игры нужно повторить. Таким образом обычно повторялись и *ludi Romani*, и *ludi plebei*²⁶¹, и повторялись два, а иногда три раза. Словом, количество игр в году и количество дней, ими занятых, в течение II в. до Р. Х. быстро увеличивалось и достигло таких размеров, что только очень богатые кандидаты могли взять на себя расходы по устройству игр.

Но затем лесть или необходимое заискивание у народа приняло ещё другую, более вредную форму, которая обозначалась понятием *ambitus*. Самоё слово включает в себе целую историю, ибо само имеет

собственную историю, за которой скрывается продолжительный процесс, происходивший в обществе. Ambitus значит первоначально обход, т. е. обычай кандидатов обходить форум и просить подавать голоса в его пользу. Тут не было ничего противозаконного. В республиканском государстве было совершенно естественно, что кандидаты на высшие магистратуры должны были показать себя, заявить о себе и по возможности расположить к себе избирателей. Но мало-помалу ambitus принял совершенно другой характер. Тогда и само слово получило другое значение. Оно стало обозначать не совсем правильный способ искания должности, преступный способ заискивания у народа. Ambitus сделался предметом уголовных римских законов.

Меры против ambitus тянулись через весь долгий период времени и указывали на то, как быстро входила нравственная порча в римский политический строй. Уже в 433 г. мы встречаем один закон, касающийся этого. Тогда трибунами, внесшими проект упомянутого закона, было запрещено желающим быть выбранными надевать белую тогу, являться в ней на форум. Таков был обычай у кандидатов в Древнем Риме. Римляне носили тоги, сделанные из некрашеной шерсти, т. е. серого, тёмного цвета. Но был обычай, что те, которые хотели быть избранными, белили свои тоги, чтобы их можно было отличить. Они являлись на форум *in toga candida*. Указанный закон запретил этот обычай, воспрещая излишнее напрашивание на внимание народа.

Но некоторое время спустя ambitus принял другую форму. В 358 г. (359 г.) трибун Петелий внёс закон (*lex Poetelia*), по которому воспрещалось уже не только стоять на форуме в белой тоге и обращать на себя внимание только пребыванием на форуме, но и посещать *foa* и *conciliabula*, базары и деревни, и заискивать там расположение избирателей.

Но вскоре после того, ещё в том же столетии появился закон, указывавший на то, что избирательная агитация приняла ещё большие размеры. Были запрещены политические клубы с избирательными целями, т. е. то, что теперь происходит в западных государствах, что особенно развилось в Америке²⁶². Перед выборами политические партии группируются так, чтобы провести своего кандидата, и устраивают для этого особые избирательные собрания, митинги, как их называют, или клубы. Вот такого рода сборища были запрещены законом в 312 г. (*lex Maenia*).

Несколько времени спустя мы встречаем другой закон, который указывает на дальнейшее падение нравственности. Законом Корнелия Бебия (*lex Cornelia Baebia*) в 181 г. запрещены так называемые *divisores* — избирательные агенты. В чём заключалась их обязанность, вы можете видеть из самого их названия: распределение денег между членами трибы, которая подавала голоса. Это были уже агенты прямого подкупа. Теперь уже не довольствовались древним, наивным заискиванием, заключавшимся в том, что кандидат ходил по форуму и улицам Рима и всем встречающимся жал руки и просил голоса. Конечно, кандидату было трудно знать всех по имени, особенно крестьян, при-

ходивших из окрестностей. Поэтому римские аристократы держали при себе особых слуг или агентов, обязанность которых заключалась в том, чтобы знать по возможности в лицо всех избирателей. Они шли за кандидатом и нащёптывали имя того гражданина, который ему встречался. Будущий консул называл каждого по имени, и наивный крестьянин из какой-нибудь загородной трибы был очень польщён тем, что его знал по имени такой важный человек. Но во II в. до Р. Х. оказалось уже недостаточным такое заискивание. Нужен был более реальный способ заискивания расположения римского народа. И вот образовались агентуры, посредством которых кандидаты подкупали голоса.

За этим последовал целый ряд других законов. Появились строгие меры против подкупа, направленные и против тех, которые подкупали, и против тех, кто брал деньги. Таков был закон Аврелия Котты, лишивший кандидатуры уличённого в подкупе кандидата и права голоса того избирателя, который поддался подкупу. Дальнейшие законы накладывали суровую пеню на тех, кто был уличён в подкупе; такие люди лишались права гражданства сначала на 5, а потом на 10 лет и изгонялись из Рима.

Но чем более усиливали наказание римские законы против подкупа, тем чаще и бесцеремоннее подкупы происходили. Но цена римских провинциальных римских магистратур была так велика, что многие не довольствовались уже указанными средствами. Некоторые были слишком нетерпеливы и слишком мало верили в лесть и подкуп, поэтому стремились к цели насильственными средствами. Так, уже в начале II в. до Р. Х. появилось новое политическое преступление — *vis*, насилие на форуме во время выборов. Ливий описал один яркий подобный способ, употреблённый неким Аппием Клавдием. Потому такое насилие называлось *vis Claudiana*. Аппий Клавдий, не рассчитывая на успех, позаботился об обеспечении своего успеха силой. Ночью, ещё до прихода избирателей, он занял со своим отрядом форум, после чего не пустил туда тех, кого он считал своими противниками. Этот случай произвёл сильное впечатление в Риме. Но потом настало время, когда римляне перестали удивляться употреблению таких средств.

Другой случай показал бессилие сената и даже магистрата. Был избран в трибуны Фульвий Флакк, человек могущественного римского рода. Но в это самое время умер претор, ещё не вступивший в должность. Фульвий Флакк захотел воспользоваться этим обстоятельством, чтобы баллотироваться в преторы. Однако по римскому обычаю он должен был сначала отбыть свою магистратуру и только потом, пропустив один год, мог выступить кандидатом в преторы. Но Фульвий Флакк был нетерпелив и заявил себя кандидатом. Консул тогда не решился не принять кандидатуры и обратился к сенату за помощью. Но и сенат не решился идти против такого сильного человека, как Фульвий Флакк. И консул, и сенат не нашли лучшего средства помешать выбору, как отсрочить народное собрание, отложив выбор. Таким образом, совсем не было претора.

ОТНОШЕНИЕ РИМЛЯН К ОБЩЕСТВЕННОМУ НЕДУГУ

Мы видим, что в римском политическом устройстве произошла большая перемена ещё до смут, вызванных Гракхами. Она заключала в себе явные признаки политической порчи и политического недуга. Было ли среди тогдашних римлян сознание этого недуга? Понимали ли тогдашние римляне, куда шло течение политической жизни?

Лекция 32

Я поставил в прошлый раз вопрос: сознавали ли римляне тот недуг, который всё более и более развивался среди них? До известной степени сознавали. Но нужно принять в соображение, что теперь, когда этот недуг совершенно раскрыт во всех своих последствиях, о нём можно говорить гораздо яснее. Сейчас он представляется намного понятнее, чем в то время, когда он развивался в Риме.

Лучшие из римлян видели симптом, но они неясно понимали причину этих явлений. Они главным образом видели падение нравов, но не видели за ним настоящих причин, их вызывавших. Поэтому римляне не выставляли достаточных средств против недуга, который их беспокоил. Они морализировали, вместо того чтобы произвести реформу, и они предлагали идеалы совершенно не будущего, а лучшего прошлого.

Характерным представителем морализаторского направления был Катон Старший, который жил в рассматриваемый нами период (между второй и третьей Пуническими войнами). Катон всю жизнь бился против пороков своего времени. Но какие же средства он употреблял в дело? Он воевал с отдельными лицами, он не мог оставаться равнодушным к неправде, чрезвычайно смело выступал против лиц, нарушавших законы и обычаи. Поэтому в жизни Катона не было конца политическим процессам. Он смело выступал против всякого противника и приступал ко всякому политическому процессу. Но результаты длинной боевой жизни Катона были весьма незначительны: несколько суждений, которые он достиг своими обвинениями, и много врагов. Затем идеал Катона был не современным, а иным: он требовал только честного труда, суровой нравственности и патриотизма. Вместе с тем он не понимал ни времени, в котором он жил, ни его потребностей. Он презрительно относился к образованности, потому что во время его детства римляне её ещё не знали. И сам он был человеком необразованным. Впрочем, Катон поддался потребностям времени и стал учиться по-гречески. Но он всегда защищал идеал древнего римлянина, грубого, скромного в своих требованиях, невежественного. За такой идеал уже нельзя было бороться во время общественной порчи, когда греческая образованность со всех сторон проникала в Рим.

После Катона выдвинулся из римского общества другой замечательный политический человек. И любопытно на этом примере проследить, что видели настоящие римляне в указанном общественном не-

дуге, какие средства они считали возможными для борьбы с ним. Я разумею Сципиона Эмилиана, победителя Карфагена в третью Пуническую войну, внука Сципиона Африканского и сына Эмилия Павла. Сципион соединял в себе предания двух знатнейших римских родов. Он как человек стоял очень высоко и по своим способностям, и по политической честности. Он никогда не скрывал своих суждений. Однажды в сенате зашла речь о том, кого послать в Испанию. Сципион Эмилиан сказал, что никого из консулов посылать нельзя, потому что у одного из них ничего нет, а другому всего мало. Поэтому один будет в Испании наживаться, потому что у него нет ничего, и другой, хотя он и богат, будет делать то же самое, потому что не может довольствоваться нажитым. Таким образом, мы видим, что он не таил правды. Сципион Эмилиан смело высказывался и относительно народа, причём в резкой форме. Однажды он говорил на форуме, вызывая неудовольствие и ропот. Но он не испугался народного волнения и презрительно сказал толпе, что не боится тех, кого он в цепях доставил в Рим. Этим Сципион Эмилиан хотел сказать, что тогда народ римского форума состоял главным образом из вольноотпущенников, которых он некогда в качестве военнопленных привёз в Рим. Таким образом, Сципион Африканский Второй, Сципион Эмилиан, стоял чрезвычайно высоко и самостоятельно в римском обществе. И от него можно было ожидать реформы. Между тем именно в его кружке мы видим недоумение относительно положения тогдашнего Рима.

Сципион Эмилиан был очень образованным человеком. Его отец взял к себе в дом знаменитого Полибия для того, чтобы он служил воспитателем для сына. Но Полибий остался в доме Сципиона и после, как друг. Ещё одним другом этого дома был стоический философ Панетий*. Дом Сципиона стал одним из самых влиятельных в Риме. Но именно в этом кружке, к которому принадлежал известный Лелий**, заслуживший название *Sapiens*, о котором так часто упоминал Цицерон, не вполне понимали положение Рима. Это можно видеть из того, что Полибий преимущественно судил с точки зрения членов этого кружка. Он имел основания восхищаться римским государственным строем в теоретическом отношении, но он не всегда видел то зло, которое уже овладело римским политическим строем. Судя по отзыву Полибия, мы можем сделать то заключение, что кружок Сципиона Эмилиана недостаточно понимал ту опасность, которая грозила Риму. Только одно было всегда ясно: необходимость реформы. В этом отношении римляне не были слепы, и не было в Риме недостатка в людях, которые стремились к известным реформам.

* Panaetius, Παναίτιος, сын Никанора из Родоса, родился около 180 г. до Р. Х. Он распространял в Риме философию стоиков. Умер в глубокой старости в Афинах.

** C. Laelius, сын Кая Лелия, был красноречивым оратором, хорошим писателем и даже философом. Его именем называется одно из философских сочинений Цицерона «*Laelius de amicitia*».

ЧАСТЬ VII. ЭПОХА РЕФОРМ И СМУТ

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

В римской истории постоянно существовал традиционный вопрос об аграрной реформе, который шёл с самого древнейшего времени. В Риме вследствие его положения, вследствие условий, в которых он находился, аграрный вопрос был постоянно открыт, т. е. постоянно оказывалась необходимость наделять малоземельных или безземельных граждан землёй для того, чтобы поддерживать главную силу римского народа — римское крестьянство. Потребность аграрной реформы имела не только экономическое и финансовое значение. Можно сказать, что и вся политическая сила Рима зависела от удовлетворения этой потребности, ибо Рим, как вам известно, наполнял свои легионы не наёмными людьми, а гражданами, мелкими крестьянами. Поэтому вопрос о поддержке римского крестьянства был не только экономическим и финансовым, но и политическим. Это был вопрос первостепенной важности. Мы видим, что в римской истории временами аграрный вопрос оживал с новой силой и доставлял известные результаты, после чего опять в течение некоторого времени глож.

Перед второй Пунической войной аграрный вопрос в Риме восстал с новой силой. Явились реформаторы, которые преследовали цель с большим ожесточением. Таков был трибун, а впоследствии и консул Фламиний, который погиб в битве с Ганнибалом. Аграрный вопрос перед второй Пунической войной потому ожил с новой силой, что тогда появился новый объект для аграрной реформы — обширные и плодородные земли в Северной Италии, на которых жили галльские народы. Галлы ещё не были вполне преданы Риму, занимались скотоводством, и потому у них было много лишней земли. Поэтому перед второй Пунической войной и возник снова аграрный вопрос. Выход нашли в выводе многочисленных колоний в Северную Италию. По окончании второй Пунической войны римляне продолжали выводить туда колонии. Галлы приняли сторону Ганнибала, в результате чего подверглись каре со стороны римлян. Многие семейства галлов были истреблены, земли были отняты. Таким образом, стало много свободных земель. И вот, в первое десятилетие II в. до Р. Х. римляне заселили своими колониями Северную Италию.

Но мало-помалу этот богатый источник земли иссяк. Земли для наделов не было больше, и аграрный вопрос на некоторое время сошёл со сцены. Однако он не мог быть совершенно забытым, потому что с каждым годом всё увеличивалось число римских крестьян, которые не имели достаточно земли, увеличивалась городская толпа. И вот, мы видим, в кружке Сципиона Эмилиана в 151 г. стал обсуждаться аграрный вопрос. Его поставил Лелий, друг Сципиона Эмилиана, человек очень осторожный, политически зрелый. Ясно, что решение аграрного вопроса в тогдашнем Риме было необходимо. К сожалению, мы не знаем никаких подробностей о проекте Лелия. Мы знаем только, что Ле-

лий поднял аграрный вопрос, но затем оставил, не стараясь достигнуть какого-либо результата. Мы можем сделать вывод о причинах, почему он отказался от своего проекта.

Как раз в то время в Риме заметно усилилась демократическая агитация. Вопрос заключался в том, каким способом замещать места понтификов. Главный понтифик, *pontifex maximus*, избирался народным собранием по трибам, но члены коллегии не избирались, а по древнему обычаю кооптировались (т. е. коллегия сама назначала необходимых ей членов). Между тем коллегия понтификов в Риме имела важное политическое значение, потому что во время борьбы сената и народного собрания она была очень удобным орудием для сената при обуздании форума. Римляне постоянно, до конца своей истории, всегда придавали большое значение религиозным формам и в политической жизни. Если коллегия понтификов заявляла, что такое-то голосование было неправильным, что такое-то народное собрание не должно состояться из-за неблагоприятных знамений, то римский демос обычно не оспаривал решений коллегии. Таким образом сенат имел возможность через понтификов сдерживать форум. Теперь появилась агитация против таких порядков, форум желал отнять у сената это орудие, и потому предлагали, чтобы впредь понтифики не кооптировались, а избирались народным собранием.

Сильная агитация в пользу такого закона испугала Лелия. Он не хотел усилить агитацию ещё и аграрным вопросом. Потому он отказался от проекта. За этот «мудрый» поступок он будто бы заслужил прозвание *Sapiens*. Но в настоящее время едва ли можно поддерживать это суждение римских политиков, едва ли можно к нему присоединиться ввиду того, что результат такой «мудрости» Лелия был совершенно не тот, какой могли ожидать сенаторы того времени.

ТИБЕРИЙ ГРАКХ

Аграрный вопрос не сошёл со сцены, но только его решение перешло в другие руки — в руки человека, который горячо принялся за дело. Но это был не зрелый человек, подобно Лелию, а молодой трибун, принявшийся за разрешение аграрного вопроса со всей страстностью своей натуры. Речь идёт о Тиберии Гракхе.

Тиберий Гракх был сыном Тиберия Семпрония Гракха, который сыграл важную роль в процессе Сципиона Африканского. Вы помните, что когда Сципиона хотели вести в темницу за то, что он нарушил права трибуна, то один из трибунов, Тиберий Семпроний Гракх, вмешался и наложил своё *veto*, сказав, что он не может допустить, чтобы такого заслуженного человека подвергли оскорблению. Вероятно, этот великодушный поступок послужил поводом к сближению двух фамилий. После этого Тиберий женился на дочери Сципиона Африканского, на Корнелии. От этого брака родились Тиберий и Кай Гракхи. У них была сестра, которая была супругой Сципиона Африканского младшего. Таким образом, Сципион Эмилиан был зятем Гракхов.

Вы видите, что Гракхи выросли, так сказать, в самой лучшей семье, в самом выдающемся из политических кружков Рима. Тиберий Гракх рано потерял отца и едва ли находился под его влиянием. Но он, несомненно, находился под влиянием своей матери, знаменитой Корнелии. Она пользовалась всегда большим уважением среди римлян. Её римляне считали образцом почтенной матери семейства. Однако мы в ней замечаем одну очень индивидуальную черту, которая была распространена среди римлян, — сильное честолюбие. Очевидно, Корнелия была проникнута мыслью, что её сыновья должны играть важную политическую роль. Они были ещё молоды, ещё ничем не обращали внимания на себя, когда дочь Корнелии была замужем за первым римлянином того времени. Корнелию называли матерью или тёщей Сципиона Африканского²⁶³, она обижалась этим названием и однажды высказала: когда же меня будут звать матерью Гракхов? Из этих слов ясно, что она жила материнским честолюбием за своих сыновей.

Кроме материнского влияния, Тиберий Гракх испытал и влияние воспитателей. В числе их был, во-первых, грек Диофан*, стоический философ, и Блоссий**, философ той же школы, из Южной Италии. Мы встречаем любопытную струю философского элемента в политической жизни знаменитого римского трибуна. И перед нами возникает интересный вопрос: не имел ли он влияния на жизнь Тиберия Гракха? Не позаимствовал ли он из стоической философии свои идеалы? Нужно иметь в виду, что философия стоиков имела преимущественно морализирующее направление, а не практическое. Поэтому можно сказать, что влияние учителей отразилось более на характере Тиберия Гракха, чем на его политических идеалах и стремлениях. Однако есть другое обстоятельство, притом весьма важное. Через своих учителей Тиберий Гракх познакомился с деятельностью Агиса²⁶⁴ и Клеомена²⁶⁵, которые были реформаторами в Спарте и реформа которых имела очень много общих точек с делом, задуманным Тиберием. Они, по-видимому, точно так же из философского мира заимствовали свои практические идеалы.

К указанному влиянию присоединился образ жизни Тиберия Гракха. Из рассказа Кая Гракха мы знаем, что когда старший брат отправился служить в Испанию в качестве квестора сухим путём через Этрурию, Северную Италию и Южную Галлию, был изумлён печальным видом Этрурии. Это была страна аристократии. Это объясняется, вероятно, тем, что этруски, народ пришлый, подчинили себе туземных жителей. Как бы то ни было, во II в. до Р. Х. почти вся Этрурия была в руках крупных землевладельцев, которые вели хозяйство плантаторским способом, посредством рабов. И так как рабы были большею ча-

* Diophanes, Διοφάνης, греческий оратор из Митилены, названный Цицероном Graeciae disertissimus, был убит вместе с Тиберием Гракхом. Л. 413.

** Gaius Blossius из Кум. После смерти Тиберия отправился в Азию, где и лишил себя жизни.

стью недавно купленными, то им нельзя было давать свободы, они работали в длинных вереницах, скованные друг с другом. Это печальное зрелище поразило Тиберия Гракха, когда он проезжал через Этрурию. И тогда он дал себе зарок изменить положение дела и снова покрыть Этрурию цветущими полями.

В Испании его тоже ожидал горький опыт. Римляне в то время воевали с Нуманцией²⁶⁶, небольшим городом в стране кельтиберов (Тарраконская Испания), который храбро отстаивал свою самостоятельность. Римская дисциплина уже успела в значительной степени расшататься, и особенно в Испании были заметны проблески распушенности солдат. А как скоро в римских легионеров вкралась распушенность, они стали смотреть на себя как на правителей, а не как на солдат, их полководцы стали мало достигать успехов. И этим объясняется, почему римляне долго боролись с нумантинцами и не имели быстрого успеха, послав в Испанию главного полководца Сципиона Эмилиана.

Сперва туда был послан консул Кай Гостилий Манцин (С. Hostilius Mancinus), при котором был квестор Тиберий Гракх. Гостилий был со своим товарищем. Но так как нумантинцы получали свежие силы из других частей страны, преимущественно из северо-западных, Манцин, оставшись осаждать Нуманцию, отправил товарища в устье реки Дуэро для покорения тамошних народов, чтобы помешать им помогать нумантинцам. Между тем его осада не продвигалась вперёд. И вдруг он увидел, что с северо-запада надвигалось сильное войско на выручку нумантинцам. Он из этого заключил, что, должно быть, его товарищ потерпел поражение от врагов и стал отступать. Тогда нумантинцы начали его преследовать и окружили в гористой местности. Римское войско должно было капитулировать. Но нумантинцы сначала не хотели этого слышать и уступили, наконец, просьбам римлян только потому, что переговоры были поручены молодому Тиберию Гракху. Его отец был в Испании и оставил по себе хорошую память. Поэтому нумантинцы приняли посредничество Тиберия Гракха и согласились на довольно льготные условия для римлян. А именно, двадцатитысячное войско было отпущено на свободу с тем условием, что оно должно положить оружие, а консул обязался заключить мир с нумантинцами.

Римляне были крайне недовольны этим договором. Сенат нашёл несовместимыми с величием римского народа такие уступки и такой позор и сделал то, что было некогда сделано после поражения при Кавдинских фурулах. А именно, сенат кассировал сделку консула, а для умиловливания богов решил выдать консула и всех офицеров нумантинцам. Решение этого вопроса было предоставлено народному собранию, которое утвердило постановление сената, сделав только одну прибавку: квестор Тиберий Гракх не был выдан нумантинцам. Тиберий Гракх, конечно, делал всё от него зависящее, чтобы помешать народу решить дело так, но он не мог оказать достаточного влияния, чтобы консул Манцин не был передан врагам, раздетый и связанный по рукам и ногам, как искупительная жертва. Нумантинцы,

впрочем, поступили благороднее, чем римляне, отпустив консула на волю*.

Этот случай стал поводом к раздору Тиберия Гракха с римскими оптиматами. Тиберий Гракх, конечно, после этого не мог уже рассчитывать на то, что ему удастся провести свои проекты с их помощью. Поэтому он добился звания трибуна и в 133 г. выступил со своим аграрным законом.

АГРАРНЫЙ ЗАКОН ТИБЕРИЯ ГРАКХА

Известно, что с выведением колоний в северную Италию источник земельных богатств для римлян был закрыт. После этого негде было устраивать колонии и делать ассигнации. Однако оставался ещё один источник, который давно не трогали, но который можно было использовать, — римская общественная земля, *ager publicus*.

И вот, за эту землю взялся Тиберий Гракх. В своём аграрном законе он воспроизвёл давнишний аграрный закон, изданный стараниями Лициния и Секстия. По нему право пользования общественной землёй ограничивалось 500 югерами. Впоследствии на практике римляне не исполняли этот закон, в результате чего многие граждане завладели большими пространствами общественной земли. Теперь Тиберий Гракх в своём законе снова поставил требование, чтобы никто не владел более чем 500 югерами. Исключение было сделано для многочисленных семейств: тем семействам, где было два сына, дозволялось иметь ещё 250 югеров, а тем семьям, где было четыре сына, — ещё 250 югеров. Но никакой семье не разрешалось иметь более 1000 югеров общественной земли. Весь громадный излишек, который должен был остаться в результате принятия закона, Тиберий Гракх планировал пустить в наделы для мелких собственников или для крестьян, вовсе не имевших собственных наделов. Надел должен был составлять 30 югеров, при этом участок не должен был отчуждаться. Римский крестьянин прикреплялся к новому участку. Тиберий Гракх опасался того, что крестьяне станут продавать свои наделы в 30 югеров. Поэтому он сделал их участки неотчуждаемыми. Для приведения в исполнение этого серьёзного и трудного дела, которое в сущности охватывало всю Италию, должна была быть избрана комиссия из трёх человек, *tres viri*, которые были бы облечены очень большими полномочиями.

Вот главные черты проекта реформы Тиберия Гракха. Тут есть несколько тёмных пунктов, например вопрос о вознаграждении. Есть из-

* Нуманция была взята Сципионом Эмилианом в 133 г. только после двухлетней осады, несмотря на то что у полководца было 60000 войска. Нуманцию победил голод, когда под конец пришлось питаться её жителям и человеческим мясом. Когда нумантинцы обессилили, они умертвили своих жён и детей, а затем самих себя. Сципион праздновал в Риме триумф, не влача за собой ни пленных, ни добычи, потому что из всех жителей Нуманции в живых остался только один человек, денег и золота они никогда не имели, а оружие своё уничтожили перед смертью. Сенат дал победителю прозвище Нумантинско-го. Шлоссер. Т. I. 674.

вестие, что Тиберий Гракх хотел вознаградить крупных землевладельцев, у которых должны были отнять часть земли. Такое вознаграждение заключалось в следующем. Во-первых, оставшийся у землевладельца участок поступал в полную собственность. Во-вторых, они должны были получить ещё и денежное вознаграждение. Но затем будто бы во время ожесточённой борьбы с оптиматами Тиберий Гракх взял назад постановление относительно вознаграждения.

Лекция 33

Деятельность Тиберия Гракха представляет собой один из самых важных моментов римской истории, настолько важный, что можно назвать её поворотным пунктом истории Рима. Тем более мы должны сожалеть, что наши сведения о деятельности Тиберия Гракха недостаточно полны для того, чтобы мы могли правильно судить об этом событии. Правильно, т. е., по крайней мере, в том смысле, что не имеется достаточно данных для такого суждения. Современные сведения о Тиберии Гракхе до нас не дошли.

Самые ранние данные о реформаторе принадлежат Цицерону, который в разных своих речах касался этого вопроса. Цицерон в детстве ещё мог знать людей, которые стояли близко к делу, и потому мог иметь довольно полные сведения о деятельности Тиберия Гракха. Но, во-первых, Цицерон говорит о Тиберии Гракхе случайно (иногда в речах, сказанных под влиянием определённого настроения и с известными целями), а не с исторической целью. Затем Цицерон принадлежал к партии оптиматов. Оптиматы в его время пережили тяжёлые времена: несколько проскрипций, деморализацию римского демоса. Поэтому понятно их раздражение и даже пристрастие относительно тех людей, которых они считали виновниками падения римских учреждений. А первым виновником того они представляли Тиберия Гракха, так как именно с него началось расстройство римских учреждений. Поэтому в суждениях Цицерона нельзя искать беспристрастности, нельзя искать и полноты.

Далее, мы имеем в распоряжении биографии Плутарха о Тиберии и Кае Гракхах, написанные в конце I — начале II в. по Р. Х. Они написаны с большим участием, как биографии других лиц, созданные Плутархом. Плутарх был велик как моралист, но мал как историк. Его не интересовал исторический процесс, он никогда не имел в виду целого, политические вопросы для него были всегда на втором плане. Потому политическая деятельность реформатора у Плутарха описана недостаточно, а ведь именно она всего важнее для нас.

Затем мы имеем сведения, которые черпаем из сочинения Аппиана, греческого писателя, который жил несколько позднее²⁶⁷. Но и эти сведения очень скудны. Кроме того, Аппиан недостаточно знал римские источники, и у него потому есть некоторые недоразумения.

Не говоря о том, что исторические сведения, находящиеся в нашем распоряжении, недостаточно полны, у нас недостаёт и статистических

сведений, без которых трудно судить о реформе Тиберия Гракха. Например, мы не знаем, как велико было количество земель, отобранных у римских оптиматов вследствие закона Тиберия Гракха, не знаем, в каком отношении находились отобранные земли к землям оставленным, сколько зажиточных римских семейств было разорено. Мы также не знаем, какую пользу принесла реформа, сколько людей было наделено землёй. И современные историки расходятся между собой по этим вопросам.

Лишь один источник даёт цифры — римский ценз. Он указывает, что число граждан возросло до 70000. Один из современных историков делает отсюда вывод, что такое увеличение граждан было следствием того, что большое число безземельных получило наделы в результате реформы Тиберия Гракха. Многие безземельные граждане были внесены в списки. А в цензорские списки входили только те граждане, которые имели землю, — *locupletes*. Но не все согласны с таким взглядом. Некоторые полагают, что в цензорские списки входили все граждане, поэтому их число не могло увеличиться лишь в результате выделения Гракхом наделов. Те, кто придерживается такой точки зрения, объясняют увеличение числа граждан тем, что после восстания Фрегелл* многие союзники, многие латинские города получили права римского гражданства. Таким образом, число граждан увеличилось. Из этого вы видите, как недостаточны наши сведения и как осторожно мы должны обсуждать события, касающиеся Тиберия Гракха.

Проект, который Тиберий Гракх представил в народное собрание, вам известен. Он заключался главным образом в том, что должен был быть восстановлен закон Лициния и Секстия, вследствие чего количество *ager publicus*, которое находилось во владениях частных лиц, превышавших 500 югеров, должно было быть отобрано.

Прежде всего, надо решить вопрос юридический: имели ли право Тиберий Гракх и народное собрание делать такое постановление? Иными словами, не нарушало ли постановление частных прав, прав собственности? Римляне, как вам известно, делали строгое различие между частной землёй (*ager privatus*) и общественной (*ager publicus*). Частным лицам дозволялось занимать *ager publicus*. Частный человек мог занять определённое число югеров из общественной земли. Эту землю он мог передавать по наследству, продавать, т. е. обращаться с ней как с полной частной собственностью. Но государство никогда не утрачивало права на эту землю, и потому в Риме существовала разница между полной собственностью (*dominium*) и владением (*possessio*). Земли, находившиеся в *ager publicus*, были *possessio*, «владением». И в гражданском праве, в тяжбах совершенно иное судопроизводство применялось к тем землям, которые являлись *possessio*.

Вследствие этого, по-видимому, можно было легко различать земли частные от земель, находившихся в частном владении. И так как государство никогда не отказывалось от права на общественную землю,

* Восставшие в 125 г. Фрегеллы были разрушены Л. Оппием.

то может показаться, что государство могло потребовать её назад, не нарушая права теоретического, формального. Оно и не нарушало здесь никакого права. Но дело было в том, что сама жизнь настолько изменилась, что формальное, теоретическое право во время Тиберия Гракха далеко не соответствовало действительному праву. Эти земли, о которых идёт речь, по 100 и более лет принадлежали римлянам как полная собственность. Когда римлянин делил свою землю между сыновьями, он не делал различия между *dominium* и *possessio*. Если у него было два участка (один — *dominium* в одной стороне Италии и второй — *possessio* в другой части страны), то он, видя практические удобства, не делил *dominium* и *possessio* пополам каждое. Одному сыну он оставлял имение, которое было *dominium*, а другому имение, которое имело характер *possessio*. Подобным образом, без различия, земли давались и в приданое. Кроме того, очень многие земли вследствие продажи переходили из рук в руки. Затем эти имения были включены в долговые обязательства. Одним словом, практическая жизнь почти что стёрла различия между *dominium* и *possessio*. Потому требование возврата назад всей посессионной земли (когда владения римлян превышали 500 югеров общественной земли, а в известных случаях — 750 и даже 1000 югеров) представлялось действительно нарушением частного права, частной собственности.

Затем нужно рассмотреть другую сторону дела. Те земли, которые должны были быть отобраны, предполагались для надела малоземельным римлянам по 30 югеров в полную собственность. Но к этому Тиберий Гракх прибавил то, что эти земли должны быть неотчуждаемыми. Таким образом, римский крестьянин прикреплялся к земле, полученной им в надел. Этого прежде в Риме не бывало. Когда гражданин получал надел, то он становился его собственником, мог его продавать и делить по своему усмотрению. Теперь от него требовалось, чтобы его земля была неотчуждаемой. Таким образом, Тиберий Гракх внёс новый принцип в земельное право римлян, который представлял несколько практических затруднений.

На русском языке есть исследование покойного Леонтьева*, написанное в начале 60-х годов, которое касается этой стороны дела. В то время был издан Манифест об освобождении крестьян и на первом плане стоял вопрос о наделе землёй и о способе наделения. Исследование, о котором я говорю, было написано в форме речи, произнесённой на акте 12 января. Оно представляет собой точку зрения тогдашнего общества на аграрный вопрос.

Профессор Леонтьев встал на экономическую точку зрения, считал всякое стеснение свободы в экономическом плане неправильным и практически вредным. Поэтому в его исследовании очень метко показаны все затруднения, которые должен был повлечь за собой принцип, принятый Тиберием Гракхом.

* Павел Михайлович Леонтьев (1822—1875). С 1847 по 1870 г. — профессор римской словесности и древностей в Московском университете. Издал 5 томов «Пропилеев».

Первое затруднение заключалось в том, что нельзя было делить землю между сыновьями. В истории нередко встречаются примеры того, что крестьянский надел переходил только к одному сыну. Можно сказать, что в странах Северной Германии крестьяне в течение многих веков держались обычая не делить участков, а передавать их целиком одному из сыновей (старшему или младшему в разных местностях). Но в Германии этот порядок вызывался и освящался обычаем. В Риме этого не было, и римский крестьянин не привык к такому способу владения, находил его для себя стеснительным, не примирялся с прикреплением к земле. Это можно видеть из того факта, что очень скоро после Тиберия Гракха его аграрный закон был отменён²⁶⁸.

Затем прикрепление владельца к земле вызывало и многие практические неудобства. Оно мешало крестьянину пользоваться кредитом, который ему также был необходим, как и крупному землевладельцу: когда в государстве случался неурожай, когда представлялась выгодная для земледельца затрата, когда было надо провести канал, одним словом, во многих случаях сельской жизни. Крестьянин легко мог взять в кредит, когда его земля служила обеспечением для кредитора. Но когда крестьянин лишился права продавать свою землю, тогда кредит для него стал закрытым, или же ему приходилось платить непосильные проценты.

Затем в исследовании Леонтьева указывается и на то, что не все крестьяне были одинаково способны к земледелию. Хорошему хозяину, может быть, было мало 30 югеров, он мог бы обработать и больше земли. Плохому хозяину, может быть, было выгодно продать часть своей земли. Между тем мера, проведённая Тиберием Гракхом, сковывала свободное распоряжение крестьянина своим участком.

Можно указать ещё и на некоторые местные условия, затруднявшие римского крестьянина. О них уже шла речь прежде. Это конкуренция римских и итальянских крестьян с сицилийскими или египетскими земледельцами, которые сбивали цены на хлеб. Такое искусственное понижение цен на зерно происходило в Риме вследствие необходимости кормить массу народа. Эту ситуацию можно сравнить с тем, что происходило во Франции в XVIII веке. Там правительство держалось подобной политики относительно Парижа. Оно тратило очень много денег для того, чтобы хлеб в Париже был дешевле, чтобы народ не волновался. Во время революции также тратили огромные суммы для достижения этой цели. И остальная Франция должна была принять на себя большие расходы для того, чтобы парижские горожане могли покупать дешёвый хлеб. Нечто подобное имело место и в Риме. Дело заключалось в том, что нужно было, чтобы хлеб в Риме был по возможности дешевле. Для этого хлеб привозился из Сицилии и Египта, что сбивало цены на итальянский хлеб, и местные крестьяне теряли выгоды от земледелия.

Таким образом, новый принцип, введённый Тиберием Гракхом в римское законодательство, представлял на практике большие затруднения. Нужно ещё указать на одно затруднение. Многие части *ager publicus* римлян находились во временном владении союзников, ла-

тинских городов и других итальянских городов. Все союзники, которым римляне уступили во временное пользование часть своей общественной земли, теперь встревожились. Им представилось, что у них отнимут эту землю, и число людей, взволновавшихся вследствие предполагаемой меры Тиберия Гракха, быстро увеличивалось по всей Италии.

Рассмотрим главную меру, о которой шла речь. Нужно определить общую идею, общую цель деятельности Тиберия Гракха. В прежние времена было распространено очень много ложных представлений, особенно до конца XVIII в., до Нибура. До этого обыкновенно представляли, что Тиберий Гракх имел в виду социалистическую меру, т. е. он якобы стремился к уравниванию имущества, думал отнять часть имущества у богатых и разделить его между бедными. Вследствие такого взгляда французский социалист Бабёф (Babeuf), который хотел в конце XVIII в. во время директории произвести социальный переворот, назвал себя Гракхом Бабёфом. Но такой взгляд был основан на неправильном понимании сущности *ager publicus*. В прежнее время не делали различий между *ager publicus* и *ager privatus* и полагали, что меры Тиберия Гракха касались и частных земель. Но благодаря исследованию филолога Гейне* и затем работам Нибура стало совершенно ясно, что реформа Тиберия Гракха вовсе не касалась частной собственности, а касалась только общественной земли, находившейся в частном владении. Таким образом, нельзя в его мерах видеть нечто социалистическое в обыкновенном смысле слова.

Его задача или идея не представляла ничего демагогического. Тиберий Гракх не был демагогом, т. е. он не становился во главе известной части народа, не льстил её интересам и стремлениям для преследования своих личных политических целей. Он не облегчил положение одной части народа за счёт ухудшения положения другой его части, всего целого. Поэтому его планы и его меры не имели ничего демагогического.

Тиберий Гракх был прежде всего государственным человеком. Он сознавал затруднения, но в то же время понимал, что величие и сила римского народа обуславливались благосостоянием римского крестьянства. И он желал поднять крестьянство, увеличив число поземельных крестьян в интересах всего римского народа. Эти лица должны были получить, по мнению Тиберия Гракха, наделы ради блага всего народа. Это видно из отрывков речей Тиберия Гракха, которые были сохранены Плутархом. Тиберий Гракх говорил без лести стремлениям своих соотечественников. Когда он выступал с речью в пользу своих мер, он говорил, что римский народ в борьбе с другими народами окончательно их победил, после чего стало необходимо удерживать власть над римскими владениями. Для Гракха это был вопрос о жизни и смерти. «Удержать то, что наши предки нам приобрели, — говорил Тиберий Гракх, — можно только тогда, когда будут сильны крес-

* Heyne: *Leges agrariae pestiferae ac exetabiles*, конец XVIII в.

тьяне. Римский полководец теперь не может говорить, как прежние полководцы. Одушевляя своих солдат, он не может требовать от них, чтобы они защищали алтари своих богов, свои очаги и могилы предков. У них теперь нет ни алтарей своих богов, ни очагов, ни могил предков, так как у них нет своей земли. Римский народ теперь властвует над всеми другими народами, но римские граждане, как звери, не имеют приюта, не имеют своего дома и должны скитаться по свету». Так вот, что занимало Тиберия Гракха, мысль о социальном перевороте, который бы сохранил силу римлян и главное условие этой силы.

Таким образом, если мы рассмотрим, каковы собственно те меры, которые предлагал Тиберий Гракх, и примем во внимание его общую идею, то никак нельзя согласиться с Цицероном, нельзя признать Тиберия Гракха революционером (т. е. человеком, который стремится разрушить существующее положение дел насильственным способом). Но сама жизнь и борьба за проект, который был всего дороже Тиберию Гракху, привели его к таким шагам, которые могут быть названы революционными.

БОРЬБА ЗА ЗАКОН

Тиберий Гракх встретил сильное сопротивление не только со стороны тех, интересы которых страдали от предполагавшейся реформы, но и вообще со стороны римских оптиматов. Они боялись, что Тиберий Гракх мог сделаться опасным демагогом, что он отнимет власть у сената и захватит её в свои руки, опираясь на народное собрание. Поэтому они стали тормозить дело. Самый лёгкий и обычный способ останавливать предложение трибуна в Древнем Риме заключался в обращении к его товарищам, другим трибунам, с просьбой наложить veto на его рогацию. Противникам Тиберия Гракха удалось привлечь на свою сторону одного из трибунов, Октавия, который был лично расположен к реформатору, но не желал претворения его планов в жизнь. Октавий владел громадными участками общественной земли, которые он должен был бы утратить в случае принятия закона Тиберия Гракха народным собранием. Поэтому Октавий и наложил veto на предложение трибуна Гракха. В Древнем Риме не было силы, которая могла бы снять трибунское veto. Тиберий Гракх, зная это, обратился к Октавию с просьбами, мольбами, но напрасно. Октавий был твёрд и не снимал своё veto. Тогда Тиберий Гракх в пылу страстной политической борьбы заявил, что они оба не могут оставаться народными трибунами, один из них должен оставить своё место. И он предложил Октавию сложить с себя звание трибуна, так как он злоупотреблял своей должностью в ущерб римскому народу. Октавий не согласился оставить своё место. Тогда Тиберий Гракх созвал народное собрание для решения вопроса, может ли оставаться в должности трибун, который явно нарушает интересы римского народа. Гракх, конечно, не хотел доводить дело до крайности, он предвидел последствия, которые могло иметь решение

комиций. Он неоднократно (и в начале народного собрания, и потом, когда *tribus praerogativa* (*centuria praerogativa*) высказалась благоприятно, и когда 17 триб поддерживали реформатора) просил Октавия добровольно отказаться от сопротивления. Но он не уступал. Тогда Тиберий Гракх спросил 18-ю трибу, которая также дала согласие. Таким образом, Тиберий Гракх получил согласие народа на предложение об отстранении Октавия от должности трибуна.

В результате Октавий был лишён должности. Такого ещё римская история не знала. Магистратура всегда предоставлялась на определённый срок безусловно. Лишь по прошествии срока римский народ мог привлекать магистрата к ответственности, но не раньше.

Моммзен в сочинении о государственном праве Рима попытался оправдать Тиберия Гракха в этом отношении, доказывая, что римское государственное право позволяло лишать должности магистрата. Моммзен находит, что Тиберий Гракх не вводил никакого нового принципа, лишая трибуна Октавия должности. Аргументы этого учёного следующие. Консул Коллатин был отстранён от должности до истечения срока. Существовал закон Кассия*, в котором было сказано, что кого римский народ осудил (*quem populus damnasset*) или у кого римский народ отнимет власть, тот не может быть сенатором. Но дело в том, что закон Кассия был издан после Тиберия Гракха, т. е. после того, как принцип, введённый Тиберием Гракхом, пустил корни. Конечно, в данном случае нельзя приводить как аргумент закон, изданный после времени Гракха. Что же касается консула Коллатина, то сам Моммзен доказывает несколько раз, что в древних политических легендах римлян отражается не то политическое право, которое существовало в то время, к которому относится легенда, а то политическое право, которое существовало в то время, когда она сложилась. Таково предание о Спурии Кассии, о Спурии Мелии, о Манлии. Они, как объясняет Моммзен, возникли в позднейшие времена, а именно в период политической борьбы в Риме. Поэтому эти легенды отражают точки зрения, господствовавшие в последнее время республики. Тем более это относится к преданию о Коллатине, который был доисторической личностью.

Но можно указать ещё на то, что сам Тиберий Гракх не смотрел на свою меру как на обычную. Насколько мы можем судить, он никогда не оправдывал свержение трибуна Октавия тем, что римское государственное право позволяло лишать магистрата должности. Он приводил доказательства из области сравнения, прибегал к аналогии. Он говорил, что римский народ избирает магистрата для того, чтобы он служил народу. Если кто-нибудь из избранных магистратов вместо того, чтобы служить народу, вредит ему, то этим лишается права занимать свою должность. Тиберий Гракх рассуждал: «Если какой-нибудь трибун зажёг бы римский Капитолий, разве его можно было бы

* Плебисцит 104 г. до Р. Х.: «*ut quem populus damnasset cuive imperium abrogasset, in senatu non esset*». Lex Cassia.

оставить трибуном? Но если был бы такой случай, то такой трибун был бы назван безумным. Между тем Октавий поступил гораздо хуже, чем если бы зажёг Капитолий. Он подрывает само величие (*maiestas*) римского народа. Следовательно, тем более он достоин лишения должности. А что это возможно, видно из примеров. Ведь если трибун может арестовать консула и заключить его в тюрьму, то тем более трибун может быть лишён должности, если он злоупотребляет своей властью». Тиберий Гракх указывал на священные предметы, хранившиеся в храмах и принадлежащие богам, которыми римский народ может, однако, пользоваться. Подобным же образом римский народ распоряжался, по мнению Гракха, и должностями римских магистратов.

Конечно, от аналогии нельзя требовать, чтобы она равнялась рациональным доказательствам. Сила аналогии заключается именно в том впечатлении, которое она производит в данную минуту на слушателей. Поэтому ей нельзя отказывать в известной силе. Но всё-таки за приведённой аналогией прослеживается сознание Тиберием Гракхом слабости своего аргумента. Дело в том, что реформатор проводил в жизнь новый принцип, заключающийся в том, что власть римского народного собрания возводилась во власть абсолютную. До Тиберия Гракха комиции имели власть обширную и чрезвычайно сложную, но она не была абсолютной. Это была власть, ограниченная магистратами и законами. Теперь Тиберий Гракх провёл принцип абсолютизма власти римского народного собрания: то, что народное собрание в данную минуту желает, то должно быть законом, какие бы легальные и другие препятствия ни мешали бы этому. Тиберий Гракх не имел в виду того, что римское народное собрание, как и всякое другое сборище людей, была величина случайная: сперва оно состояло из таких людей, а через месяц оно могло совершенно измениться в своём составе, если прибывали граждане из других триб. То народное собрание, которое так случайно в составе, в своём настроении, нуждалось в определённых ограничениях и задержках. Теперь Тиберий Гракх, нетерпеливо желая прочистить дорогу к осуществлению реформы, уничтожил все бывшие ограничения и возвёл власть римского народного собрания в абсолютную власть.

Он достиг своей цели, его законы были приняты, но очень скоро он почувствовал на деле опасность введённого им в жизнь римского народа нового принципа — абсолютизма народного собрания.

Лекция 34

В прошлый раз мы познакомились с аграрным законом Тиберия Гракха и увидели, с помощью каких средств ему удалось провести этот закон. Для того чтобы его осуществить, он предложил учредить особую комиссию из трёх лиц, которые должны были заведовать всем делом. В комиссию были выбраны сам Тиберий Гракх, его тесть Аппий

Клавдий и младший брат Кай Гракх. Из состава комиссии можно сделать вывод, что партия Тиберия Гракха была весьма незначительна, что среди римских оптиматов, влиятельных государственных людей Рима, было мало лиц, на которых реформатор мог рассчитывать. Ему пришлось окружить себя самыми близкими людьми. Но с другой стороны, такой состав не мог не внушить оптиматам недоверия и должен был дать им повод говорить: теперь в Риме утвердилось правление или тирания одной известной фамилии.

Затем сами действия комиссии также не могли не возбудить большого ропота. Я уже указал на то, что на практике часто было трудно отличить земли посессионные от земель доменных. Поэтому сначала комиссия вызывала всех желавших указать, какие земли находились в их собственности, а какие в частном владении. Но почти никто не явился указать, какие у него были земли. Тогда комиссии самой пришлось разыскивать посессионные земли по всей Италии, что очень тормозило дело. Комиссия прибегла к средству, игравшему весьма видную роль в римской истории, особенно в позднейшей римской истории, — к так называемым *delatores*, т. е. к доносчикам. Каждый желающий мог указать комиссии, что у такого-то гражданина была посессионная земля. И такие люди должны были получать вознаграждение за свою деятельность. Приступила ли комиссия к наделению и сколько она успела сделать в первый год, нам неизвестно.

Что касается дальнейших мер Тиберия Гракха, то мы имеем следующие сведения. Как раз в то время в Азии умер пергамский царь Аттал III. Он не имел наследников и назначил своим наследником римский народ. Как и у всех восточных царей, у него была довольно полная казна. Конечно, она должна была поступить в римскую казну, в эрарий, который находился в распоряжении сената. Тиберий Гракх предложил народному собранию, чтобы деньги, оставшиеся после царя Атталы, не поступили бы в эрарий, а были бы переданы комиссии. Это Гракх предложил для того, чтобы комиссия брала средства для снабжения нужным земледельческим инвентарём тех крестьян, которые должны были получить надел из общественной земли. Эта мера была очень практична. Действительно, какая же польза могла быть крестьянину, если он получал землю совершенно незастроенную, не снабжённую никаким инвентарём и если он сам не имел денег для покупки всего нужного?

Итак, в практическом отношении названная мера была целесообразная. Но она имела и политический характер. Она опять расширяла полномочия народного собрания за счёт уменьшения круга обязанностей сената, так как народному собранию предоставлялось право вмешиваться в финансовые вопросы, заведовать казной и в издание законов, касавшихся денежных отношений.

Подобный характер имела и другая мера. Когда римляне приобретали новую провинцию, они обычно выбирали комиссию сенаторов, которая должна была дать новой провинции организацию. При этой организации особое значение имел вопрос, каким способом собирать подати. Было два таких способа: или города должны были платить в рим-

скую казну определённую сумму, которую они между собой распределяли, или предоставление податей на откуп. Тиберий Гракх предложил народному собранию, чтобы подати новой провинции были отданы на откуп, причём откуп давался бы в самом Риме на глазах народного собрания. Относительно целесообразности данной меры мы можем говорить вполне уверенно. На первый взгляд может даже показаться, что для провинции была хуже система откупа, чем система выплат в римскую казну установленных сумм самими городами. Во всяком случае названная мера имела политический характер. Она расширяла полномочия народного собрания за счёт сената.

Тиберию Гракху приписывали ещё некоторые проекты законов. Например, дать италийцам права римского гражданства. Но очень может быть, что он всего лишь разрабатывал этот проект. Или же это недоумение со стороны позднейших историков, которые приписали Тиберию Гракху то, что собственно было делом Кая Гракха. По крайней мере, нет никаких данных, чтобы говорить об этой мере и о других мерах, приписываемых ему.

СМЕРТЬ ТИБЕРИЯ ГРАКХА

Между тем год трибуната Тиберия Гракха подходил к концу. Продолжение задуманной им реформы зависело в значительной степени от того, станет ли он трибуном на другой год, сохранит ли он за собой неприкосновенность и авторитет трибуна. Но в Риме был закон (или обычай, имевший силу закона), согласно которому нельзя было одному и тому же человеку занимать должность трибуна два года подряд. Таким образом, Тиберию Гракху для того, чтобы остаться трибуном, пришлось во второй раз нарушить римский закон. Можно было предвидеть, что второе нарушение закона вызовет не меньшую смуту, чем удаление Октавия. К тому же и обстоятельства для Тиберия Гракха складывались неблагоприятно. Выборы в трибуны производились в Риме летом, в самую горячую пору, когда крестьяне были заняты на полях. Поэтому Тиберию Гракху было нелегко заручиться большим количеством приверженцев из крестьян. А городская толпа не была заинтересована в аграрной реформе или гораздо менее в ней заинтересована и держала сторону оптиматов. На неё Гракху было рассчитывать невозможно.

Поэтому первое народное собрание для выбора трибунов не состоялось, так как число приверженцев Тиберия Гракха, прибывших на комиции, было незначительным. Потому назначили второе собрание.

Рассказы о том, что произошло во втором собрании, в наших источниках сбивчивы. Понятно, что в таком деле обе партии старались выглядеть невинными и выставить политических противников как зачинщиков несправедливости и насилия. Поэтому в Риме после времени Тиберия Гракха было две версии о том, что произошло в упомянутом народном собрании. Это отражается и в наших источниках. Так, Алпиан представлял дело в неблагоприятном виде для сторонников Тиберия Гракха. Плутарх же оправдывал реформатора.

Аппиан рассказывал, что Тиберий Гракх, опасаясь за себя и за успех своего дела, ещё накануне собрал толпу приверженцев и с ней занял Капитолий, возвышавшийся над форумом. По словам этого автора, Тиберий Гракх заранее условился со своими приверженцами, что он им даст знак, когда надо будет прибегнуть к насилию, чтобы изгнать из собрания противников. Но рассказ Аппиана, очевидно, восходит к мнению оптиматов, содержит некоторые данные, которые позволяют думать, что дело было не так. Но есть много оснований придерживаться версии Плутарха. Из его рассказа выходит то, что партия сената, партия оптиматов, была раздражена и видела в кампании Тиберия Гракха второй раз избираться в трибуны нарушение законов, поэтому и посчитала необходимым прибегнуть к насилию.

Когда уже две трибы подали голоса за Тиберия Гракха, председатель комиций, трибун Рубрий (Rubrius), не решился брать на себя ответственность, потому что в римском народном собрании именно от председателя зависел подсчёт голосов и остановка подачи голосов. Тогда Мумий, другой трибун, выбранный на место Октавия, просил Рубрия предоставить председательство ему, но другие трибуны сочли нужным воспрепятствовать этому. Они заявили, что так как ставший председателем по жребию Рубрий отказывается, то должно опять прибегнуть к жребию. Пререкания между трибунами привели к смуте в толпе. В это время сенат заседал в храме Fides²⁶⁹, расположенном близко к форуму. Сенатское собрание протекало бурно, руководил им консул Публий Муций Сцевола (P. Mucius Scaevola), известный юрист своего времени, которого Цицерон хвалил и как юриста, и как политического человека. Консул первоначально принадлежал к друзьям Тиберия Гракха, но затем, находя, вероятно, что Тиберий Гракх зашёл слишком далеко, стал к нему равнодушным. Однако Сцевола был человеком, желавшим оставаться на почве законности, и когда сенаторы потребовали, чтобы он вмешался в народное собрание, он заявил, что, пока не совершилось ничего противозаконного, не нужно вмешиваться. Тогда один из сенаторов, Сципион Назика (P. Cornelius Scipio Nasica Serapio), pontifex maximus, один из самых влиятельных противников Тиберия Гракха, заявил в сенате, что те, которым дорого отечество, пусть следуют за ним, и бросился на форум. За ним последовала большая толпа сенаторов, к которым присоединились их слуги, в числе которых были и вооружённые люди. Когда толпа появилась на форуме, народ почтительно расступился, и разъярённые сенаторы смогли близко подойти к тому месту, где находился Тиберий Гракх. Тут будто бы Тиберий Гракх дал тот условный знак, о котором говорил Аппиан, побудив приверженцев к борьбе. Но как бы то ни было, произошла свалка, во время которой Тиберия Гракха сшибли с ног и нанесли ему смертельный удар, прежде чем он успел подняться*. Вместе с ним были убиты и многие его сторонники. Затем сенат, восторжество-

* Он жил перед дверьми Капитолийского храма. Ночью его труп был брошен в Тибр. Л. 1228.

вав над Тиберием Гракхом, назначил особую комиссию для расследования дела и главным образом для преследования приверженцев Гракха. В результате значительное число граждан было либо предано смерти, либо изгнано.

Так сошёл с исторической сцены первый римский реформатор. Но дело, начатое им, не погибло хотя бы потому, что у него был младший брат, который был его помощником во время трибуната. На нём лежала обязанность продолжать дело старшего брата (или будучи членом упоминавшейся комиссии триумвиров, или став трибуном), продолжить семейное дело Гракхов.

КАЙ ГРАКХ

Кай Гракх был на десять лет моложе своего старшего брата. И он, как все римляне, прошёл годы воинской службы. Как и Тиберию, ему пришлось воевать в Испании под Нуманцией, но уже не под знамёнами несчастливой Манцины, а под знамёнами своего славного родственника Сципиона Эмилиана. После десятилетней военной службы Кай Гракх стал квестором. Пробыв квестором в Риме, он должен был отправиться в провинцию. Сенат, который, разумеется, не был к нему благосклонен, назначил его квестором в Сардинию к проконсулу Оресту. Сардиния была одной из худших провинций, её местность была нездоровой. Римские войска стояли в приморских городах острова и там часто страдали от перемежающейся лихорадки. Вследствие этого римляне обыкновенно не оставляли гарнизонов в Сардинии более одного года.

Но по прошествии года пребывания Кая Гракха и проконсула Ореста в Сардинии сенат оставил их там и на следующий год, вероятно, для того, чтобы удалить Кая из Рима. Оресту приходилось воевать с горцами, которые жили во внутренних областях острова. При этом Оресту недоставало самых необходимых для войска вещей: тёплой одежды, запасов хлеба. Хотя он и обращался к сенату, сенат его не поддерживал. И тут видно нерасположение сенаторов к квестору, на котором лежала обязанность заботиться о снабжении войска. Но Кай Гракх обратился к городам провинции, которые добровольно доставили то количество тёплой одежды, которое сенат не хотел давать. Затем, один из нумидийских царей прислал несколько кораблей с хлебом и заявил, что сделал это в угоду Каю Гракху, которого считает достойнейшим римлянином. Так прошёл второй год. Видны были очень натянутые отношения между квестором и сенатом.

На третий год римский сенат опять оставил Кая Гракха на острове. Тогда Кай Гракх самовольно оставил Сардинию и явился в Рим. Вероятно, в Риме именно этого и ждали, чтобы отдать его под суд за самовольное оставление провинции. Кай Гракх должен был оправдываться. До нас дошли очень интересные фрагменты той речи, которую он говорил на суде. Он объяснил судьям, что обыкновенно римские магистраты отправляются в провинции с амфорами, наполненными вином,

а возвращаются оттуда с амфорами, наполненными драгоценностями. Он же отправился в провинцию с полным кошельком и вернулся с пустым. Кай Гракх был оправдан и выступил кандидатом на должность трибуна. Его хотели три года удержать в Сардинии для того, чтобы помешать ему сделаться трибуном, ибо был обычай, что через два года после квестуры следовало искать трибуната, а через три года доступ к этой должности как бы прекращался.

Кай Гракх был избран в трибуны. Тогда ему открылась возможность продолжать дело брата.

Между двумя братьями существовала значительная разница в характерах. Как известно, Тиберий Гракх был человеком более спокойным и уверенным. О нём рассказывали, что он, когда говорил с народным собранием, старался склонить его к себе доводами, аргументами, разумными убеждениями. Кай Гракх прибегал к другому средству. Он старался возбуждать страсти, увлекать народное собрание. Отсюда делается вывод, что у Кая Гракха была натура чрезвычайно пылкая и страстная. И из других сведений, какие мы имеем о Кая Гракхе, следует сделать тот же вывод. Цицерон, который высоко оценивал Кая Гракха как оратора, говорил, что он ввёл важное новшество — употребление ораторских приёмов. До него люди, говорившие в народном собрании, обычно стояли неподвижно и руки держали под тогой для того, чтобы не делать жестов. Напротив, Кай Гракх, когда говорил, приходил в движение, сбрасывал тогу с одного плеча, возводил руками, одним словом, употреблял ораторские приёмы. Итак, по всей видимости, Кай Гракх был человеком страстным. Его страстностью многие историки считают возможным объяснить и его деятельность. Так, Моммзен придаёт излишнее значение характеру Кая Гракха, которого он называет первым итальянцем, указывая на разницу между римлянином и теперешним итальянцем. Вопрос этот был довольно важный, потому что бросает свет на деятельность Кая Гракха как государственного человека. Если считать мстительность и страстность за выдающуюся черту, тогда вся его деятельность является в известном смысле односторонней. От такой односторонности нужно уберечься, чтобы рассмотреть деятельность Кая Гракха беспристрастно. Его деятельность была более серьёзной, чем просто страстность или увлечение.

На Кая Гракхе лежала печать трагического величия. Он ясно понимал и предвидел окончательный исход своего дела, те затруднения, которые ему придётся преодолевать. Нельзя считать просто ораторским приёмом частые выступления в народном собрании. Однажды он сказал в комициях, что перед тем, как он начал искать магистратуры, к нему во сне явился Тиберий и обратился со словами: «Что ты медлишь? Разве ты не видишь, что и тебе грозит такой же конец, как и мне? Так поспеши же приняться за дело!» Кай Гракх не раз просил народное собрание позволить ему бросить начатое дело, если оно не хочет его поддерживать, ибо он уже достаточно принёс жертв и ещё ему придётся принести большие жертвы. Кай Гракх напоминал народному собранию, какому плачевному концу подвергся его брат, и говорил: «Остаётся теперь из Гракхов только этот мальчик» (т. е. его сын). Он

имел в виду, что и ему, и этому мальчику (последнему представителю Гракхов) грозит скорая смерть. Поэтому деятельность Кая Гракха нельзя объяснять только одной жаждой мщения, одной страстностью. В его деятельности нужно видеть зрело обдуманный план, имевший целью серьёзную реформу римского социального строя и римских политических учреждений.

Кай Гракх был трибуном два года подряд. Каким образом ему это удалось, причём избежав за это гибели, которой не миновал Тиберий? Было ли отменено особым законом запрещение занимать должность трибуна два года подряд или просто народное собрание выбрало Кая решительным большинством голосов, так что противники ничего не смогли сделать, об этом мы не знаем. Кай Гракх хотел даже выбираться на третий год. Во время двухлетнего трибуната он провёл целый ряд мер. Сведения наши, в каком порядке он проводил эти меры, сбивчивы. Ни Аппиан, ни Плутарх не дали хронологических указаний, так что нужно законы Кая Гракха расположить по содержанию. С этой точки зрения их можно распределить на четыре группы.

ЗАКОНЫ КАЯ ГРАКХА

Первую группу законов Кая Гракха составляли те законы, которые имели характер орудий для борьбы с противниками, законы, с помощью которых Кай Гракх хотел прочистить дорогу для реформ, запугать врагов. Вторая группа законов содержала законы, касавшиеся народного собрания. Третья — сената. Четвёртая — общегосударственного значения.

Относительно первой группы можно указать на два проекта (в известном смысле закона). Это так называемые *lex de abactis*, т. е. закон, по которому магистраты, отлучённые от должности, не должны были избираться ни на какие другие должности. Этот закон, по-видимому, был направлен против Октавия, имел характер личной мести за Тиберия. Такой характер закон получил вследствие того, что, как гласят наши источники, мать Кая Гракха, Корнелия, упростила сына, чтобы он взял назад проект этого закона. Но нельзя думать, что *lex de abactis* имела исключительно характер личной мести. Каю Гракху не только было нужно наказать Октавия. Для него было гораздо важнее застрашать своих противников, чтобы не повторилось то же, что было при Тиберии Гракхе, чтобы другие трибуны, устрашённые участием Октавия, теперь бы не решились на такое явное и резкое сопротивление его планам.

Подобный характер имел другой закон, который не остался проектом, но получил силу закона — *ne quis iudicio civem Romanum circumveniret*. Этот закон был направлен против того юридического избиения, которое устроил сенат после катастрофы Тиберия Гракха. Тогда сенат предоставил консулу Попилию Ленасу (*P. Popilius Laenas*) право привлекать к ответственности приверженцев Тиберия Гракха, и под формой суда многие были казнены или изгнаны. Но по старому

римскому закону только народному собранию было предоставлено право казнить римского гражданина. Нечто подобное повторилось потом, во время Цицерона, когда консул также был облечён полною властью. Он казнил арестованных катилинариев. И лишь потом консул был привлечён к ответственности перед народным собранием за то, что вопреки законам лишил римских граждан жизни. Закон Кая Гракха имел такое же значение. Попилий Ленас должен был быть привлечён к суду за то, что он, опираясь не на настоящие, а на мнимые права, полученные им от сената, казнил и изгонял римских граждан без разрешения народного собрания. Эта мера была направлена не столько против Попилия Ленаса, сколько вообще имела в виду устроить противников и проложить дорогу дальнейшим мероприятиям.

Лекция 35

Мы остановились на второй группе законов, проведённых и частью только предложенных Каем Гракхом. Эта группа имеет отношение к римскому демосу, была направлена на предоставления ему новых прав и преимуществ.

Сюда относился *lex agraria* Кая Гракха, о котором, кроме названия, мы ничего не знаем. Поэтому возможно, что аграрный закон был нечем иным, как возобновлением или подтверждением закона его брата. Может быть, этот закон имел некоторое специальное значение, т. е. предполагал раздачу некоторых общественных земель, которые до тех пор ещё были в ведении сената. Так, например, некоторые части *ager publicus* были отданы в аренду (особенно плодородные земли в Кампании). За аренду сенат получал большие деньги. Поэтому-то сенаторы и не желали отдавать указанные земли в наделы. Может быть, именно поэтому Кай Гракх хотел их раздать.

Другой закон, находившийся в тесной связи с аграрным законом, был *lex de coloniis deducendis*. Этот закон, вытекавший из первого, имел в виду наделить малоземельных римских граждан землёй вне Италии. Если в самой Италии более не было свободной земли, то её оставалось искать за пределами страны. К этому, видимо, клонился закон Кая Гракха о колониях. Две колонии он предполагал вывести ещё и в Южную Италию, где ещё оставалась свободная земля. Остальные же колонии он хотел основать в завоёванных странах, в провинциях. Точных сведений об этом мы не имеем. Мы знаем, что предполагалось вывести колонию на почву древнего Карфагена. Вероятно, имелось в виду устроить и несколько других колоний. Эта мера чрезвычайно важна по своей новизне. Впервые предлагалось колонизовать области вне Италии. В императорскую эпоху эта мысль была осуществлена в самых широких размерах, её результатом была романизация западных римских провинций. Она поэтому имела большое значение, самое принципиальное значение для римского владычества. Но этот закон не был осуществлён в тех размерах, в каких предполагал Кай Гракх.

Далее, ко второй группе относился и *lex de re militari* — мера, которая имела специальное назначение. Римские солдаты уже давно получали жалование, но из него делался вычет на амуницию и на оружие, которые им давала казна. Закон Гракха имел целью уничтожить такой вычет, т. е. казна должна была полностью содержать солдат, и жалование, которое они получали, должно было целиком поступать в их пользу. Так как в то время военная служба была одним из главных занятий римского народа и так как римский народ вообще жил за счёт завоёванных провинций, то эта мера клонилась к тому, чтобы доставить некоторое облегчение тем гражданам, которые несли военную службу.

Наконец, сюда относилась самая выдающаяся мера, предпринятая в этом направлении, — *lex frumentaria*. Как известно, этот закон имел целью доставить гражданам Рима более дешёвый хлеб. До тех пор цена на хлеб в Риме была обыкновенно ниже его естественной цены вследствие притока более дешёвого зерна. Хотя этот приток и был вызван искусственно, но всё-таки без прямого вмешательства правительства. По *lex frumentaria* все римские граждане стали иметь возможность покупать хлеб в казённых магазинах по определённой цене (по 6 и 1/3 ассов за римский модий). Количество хлеба, которое каждый гражданин мог получать по удешевлённой цене, соразмерялось с составом его семьи. Можно сказать, что за половинную цену римский гражданин теперь смог приобретать хлеб, таким образом, живя наполовину за счёт государственной казны.

Эта мера вызвала большое недовольство аристократов. Возражения заключались в следующем. Во-первых, такая мера должна была содействовать беспечности и лени массы римского народа, которая уже могла рассчитывать прокормиться за казённый счёт. Говорили, что державный Рим превратится в известном смысле в большую богадельню. Другая точка зрения заключалась в том, что эта жертва непосильна для римской казны, что римское государство не будет тратить такие громадные суммы на приобретение дешёвого или дарового хлеба, что казна будет иметь ежегодный дефицит. Таковы были возражения римлян. Они имели в виду только ущерб римской казне. К этому нужно прибавить: откуда же приходилось пополнять казну? Она пополнялась только с провинций. Итак, можно прибавить, что подобная привилегия римских граждан должна была значительно увеличить бремя, лежавшее на провинциях.

Отношение к этой мере современников Кая Гракха видно из следующего характерного случая. Когда началась продажа удешевлённого хлеба, в числе прочих римских граждан, явившихся за получением, оказался и Кальпурний Пизон *Frugi*, известный по своей деятельности трибун 149 г. (он предложил известный закон *de repetundis*) и потом бывший консулом. Он же известен и как римский историк. Кальпурний Пизон чрезвычайно резко говорил сначала против закона, пока он не был принят. И теперь, когда он явился за получением хлеба, Кай Гракх сказал ему: «вот теперь ты пользуешься законом, и сам пришёл за хлебом». Кальпурний Пизон ответил ему: «если ты разорешь моё

достояние, то надо по крайней мере воспользоваться этим правом». Конечно, Кальпурний Пизон не нуждался в таком количестве хлеба, за которым он пришёл. Он хотел сделать демонстрацию и заявить, что он смотрит на эту меру Кая Гракха как на расходование общественного римского достояния.

Фрументарный закон имел чрезвычайно вредные последствия главным образом потому, что после Кая Гракха нашлись люди, которые пошли дальше по этому пути и которые дошли до крайности. Но, с точки зрения Кая Гракха, нельзя не сказать многого и в защиту этой меры. Во-первых, с точки зрения общегосударственной справедливости, понимаемой в римском смысле слова, упомянутый закон можно было оправдывать. Результатом римской истории было завоевание многих стран, которые превратились в *praedia populi Romani*. Многие римские граждане пользовались доходами с этих «поместий»: прежде всего оптиматы, затем римские купцы и капиталисты, в некоторой степени и солдаты, но менее всего простой римский народ. И с римской точки зрения справедливым было, чтобы и все простые римские граждане, которые никогда не выходили из Рима и не имели возможности жить и наживаться за счёт провинций, имели бы некоторую долю в общей добыче. Итак, как римлянин, с римской точки зрения Кай Гракх мог находить фрументарный закон справедливым. Но преобладала политическая сторона. Тиберий Гракх пал, потому что на его стороне был только *plebs rustica*, городская толпа была равнодушна к аграрному закону. Но от городской толпы зависело дело реформы, а её можно было привлечь на свою сторону только подобной мерой. Кроме того, ещё до этого времени римские богатые граждане, которые добывались магистратуры, доставляли римскому народу различными способами дешёвый хлеб или другие материальные выгоды. Таким образом, римский пролетариат находился в материальной зависимости от аристократов, от оптиматов, т. е. от той политической силы, с которой боролся Кай Гракх. Её-то он и хотел ослабить для успешного проведения реформы. С его точки зрения можно было сказать, что лучше уж римскому пролетариату получать дешёвый хлеб из казённых магазинов, чем получать подачку от какого-нибудь оптимата, которому эти граждане должны будут продавать свои голоса.

Третью группу законов составляли те, которые касались сената.

Сюда относился, во-первых, закон о провинциях (*de provinciis consularibus*). Провинции, как вам известно, весьма различались между собой. Были такие провинции, как Сардиния, которую все избегали, а были и такие, куда все стремились. Распределение провинций зависело от сената. Это давало сенату большую власть и большой авторитет. Магистраты, и не только они, но даже кандидаты на магистратуру должны были служить сенатскому большинству, оптиматам, если они хотели обеспечить себе какую-нибудь выгодную провинцию. Чтобы ослабить сенат в этом отношении, Кай Гракх предложил, чтобы впредь сенат ещё до выборов назначал, какие провинции будут управляться проконсулами и какие пропреторами, смотря по обстоятельствам. Если, например, в какой-нибудь провинции нужна была военная сила, ес-

ли там предстояла война, то туда должны были послать консула. И только после выборов преторы и консулы должны были бросать жребий: консулы между собой и преторы между собой, кому куда идти. Это, конечно, делало магистратов независимыми от сенатского большинства. Кай Гракх в этом случае имел в виду не усиление своей личной власти. Это видно из того, что *intercessio* трибуна в таком случае было устранено. Было устранено трибунское *veto* относительно распределения провинций, которое принадлежало ему во всех случаях, которое могло заставить сенат пересмотреть или хотя бы приостановить своё решение. Итак, не по искательству, не по произволу сената, а по жребию пропреторы и проконсулы должны были теперь получать провинции.

Затем сюда относилась очень важная мера, о которой речь шла уже прежде. Она касалась преобразования состава политического суда в Риме, которому поручалось разбирать дела *de pecuniis repetundis*. До тех пор верховный суд над провинциальными магистратами был в руках сената. Кай Гракх предложил передать этот суд всадникам. И относительно данного закона наши сведения сбивчивы. Одно свидетельство указывает, что Кай Гракх как будто не хотел совсем отнять у сената этот суд, но имел в виду увеличить число сенаторов определённым количеством всадников и уже из этой общей массы выбирать судей. Поэтому очень правдоподобна догадка Ланге о том, что это был первоначальный проект Кая Гракха; но когда проект не встретил никакого сопротивления со стороны сената, тогда он выступил с другим проектом, по которому суд уже совершенно отнимался у сенаторов и переходил к всадникам.

Эта мера была вполне политическая. Сенат настолько злоупотреблял правом судить провинциальных магистратов, что надо было искать других гарантий, и можно было думать, что всадники станут беспристрастно относиться к своим обязанностям. Кай Гракх не мог предвидеть тех последствий, что суд в руках всадников станет не лучше, чем когда он был в руках сенаторов, что и всадникам не хватало известных качеств. Не было у них и условий, чтобы быть беспристрастными судьями. Но этот закон имел и прямо политическую сторону. Вследствие передачи суда всадникам это сословие откупщиков, капиталистов, так сказать, эмансипировалось от сената. Римская аристократия распалась на две части: на сенатскую партию, на оптиматов и на всадников, которые теперь получили возможность соперничать с сенатом. И Кай Гракх мог рассчитывать, что ему можно будет опереться на новую политическую силу в лице всадников.

Последнюю группу составляли законы, которые имели, так сказать, более общегосударственное значение. Сюда относился закон о дорогах — *lex viaria*. Имелось в виду провести по определённому плану целую сеть дорог по Италии и по провинциям. И в этом отношении Кай Гракх, как и в деле относительно колоний, является предшественником политики империи. Закон о дорогах, вероятно, предполагал и то, чтобы доставить заработок рабочему населению Рима и Италии. Кай Гракх сам встал во главе этого дела. Он был членом триумвиральной комис-

сии, которой было поручено сооружение сети дорог. Вследствие этого масса дел сосредоточилась в его руках, и он имел громадное влияние, потому что располагал большими средствами. Дело было не только в том, чтобы провести дороги, но также в том, что было необходимо строить и фига около них. И тут Кай Грахх имел возможность произвести новые наделы.

Наконец, сюда относилась самая важная мера Кая Грахха, которая осталась проектом, не получив силы закона. Речь идёт о предложении дать право римского гражданства всем италикам.

Со времени второй Пунической войны положение италиков коренным образом изменилось. Тогда ещё некоторые союзники более дорожили своей автономией, чем правами римского гражданства. Теперь это совершенно изменилось. Материальные выгоды, которые давало римское гражданство, всё более и более увеличивались. Достаточно указать на деятельность Кая Грахха, на право каждого римлянина получать хлеб по удешевлённой цене. С другой стороны, повинности, которые налагались на союзников, становились всё более и более тяжкими.

Затем римские магистраты были крайне стеснены относительно римских граждан, они не могли их даже в армии подвергать телесному наказанию. Правда, тут римляне обходили закон, они считали невозможным без розог сохранять дисциплину. Центурион имел палку (*baculum*), и ему не возбранялось бить ей провинившихся. Но телесные наказания, которые повлекли бы за собой серьёзные последствия для наказуемого, уже не допускались. Что же касается союзников, служивших во вспомогательных войсках, то тут римские офицеры могли наказывать по своему произволу. Затем, кроме указанных причин, были ещё другие, которые делали теперь право римского гражданства весьма желательным для городов Италии. Не только римские офицеры и солдаты обращались жестоко с италиками, но и римские магистраты, которые в провинциях привыкли к неограниченной власти. Они теперь стали и в самой Италии прибегать к большой жестокости.

Кай Грахх в своих речах, произносимых им в Риме, убеждал римских граждан принять его проект, указывая на печальное положение италиков и приводя соответствующие примеры.

Так, однажды римский консул путешествовал по Италии. Он между прочим остановился в городке *Teanum Sidicinum*. И там, как и во всех других городах тогдашней Италии, были термы — городские бани. Жена консула пожелала воспользоваться термами и отправилась туда. Но когда она пришла, то увидела термы, наполненные народом. И стало нужным народ из терм выгнать. Но это было сделано не так быстро, как хотелось важной римской даме. Затем, когда она вошла в бани, её поразила грязь и нечистота. Понятно, в Риме она привыкла к совершенно другой обстановке. Вернувшись домой совсем не в духе, она нажаловалась своему мужу на магистратов маленького города. И консул приказал привязать к позорному столбу главного магистрата и высечь его.

Но не только римские магистраты позволяли себе так обращаться с италийскими магистратами, но и простые римские граждане чрезвычайно высокомерно обращались с италиками. Кай Гракх привёл в пример следующий случай.

Один молодой римлянин путешествовал по Италии в носилках (что было в то время в обычае), которые представляли собою нечто вроде маленькой коляски, но не на колёсах, а на плечах людей. Ему пришлось пересекать поле и луг, где паслось стадо. Там был пастух, который, может быть, и не видал таких щёгольских носилок. Желая поострить, он, когда несли мимо него этого римлянина, спросил носильщиков: «Что вы несёте? Мёртвое тело?» Молодому римлянину не понравилась такая острота. Он велел арестовать беднягу и бить его теми ремнями, на которых несли носилки. И его били так жестоко, что положили на месте.

Вот те материальные и нравственные причины, которые могли, с одной стороны, побуждать италиков искать римского гражданства, а с другой стороны, побуждать выдающихся римских государственных людей требовать дарования всем италикам римского гражданства. Это и сделал Кай Гракх.

Эта мера более, чем все остальные меры Кая Гракха, вызывалась самым ходом римской истории. Она была неминуема. Подобно тому, как некогда патриции слились с плебеями, так теперь должны были слиться римские граждане с италиками, с помощью которых они завоевали все свои провинции. Италийские союзники уже настолько романизировались, что не было никакого повода не делать их римскими гражданами. Рано или поздно должен был наступить момент полного слияния, и чем ранее он бы наступил, тем было бы лучше для обеих сторон.

Тем не менее, именно эта мера встретила наиболее резкий отпор не только со стороны римских оптиматов, которые держались за существовавшее и не желали никаких преобразований, но и со стороны римского демоса и даже друзей самого Гракха. В числе последних был Фанний (С. Fannius), который был в Риме консулом. Он стал произносить на римском форуме страстные речи для того, чтобы возбудить народ против предлагавшейся Каем Гракхом меры. Здесь Кай Гракх встретился с традиционным эгоизмом римского народа. Эгоизм существует в каждом народе, но наиболее развит он был у римлян, что обусловлено всем ходом римской истории. Римляне слишком привыкли считать себя избранным политическим народом, слишком привыкли свысока смотреть на все другие народы, чтобы для них признание покорённых людей равными себе было лёгкой жертвой. К этому присоединялась ещё и разность интересов, на чём и стоял Фанний, когда говорил в своих речах, что если дать права италикам, то римлянам не будет первых мест в театре, так как пришельцы займут лучшие места в театре и съедят хлеб римлян.

Этот проект Кая Гракха настолько сделал его непопулярным, что когда кончился второй год его трибуната и когда он стал добиваться этой же должности на третий срок, то его не выбрали.

СМЕРТЬ КАЯ ГРАКХА

Закон Кая Гракха не прошёл. Однако его противники не удовлетворались этим поражением реформатора и выставили против него другого трибуна, Ливия Друза (M. Livius Drusus). Через Друза они стали переманивать народ на свою сторону. Кай Гракх предлагал вывести колонии вне Италии, а Ливий Друз предложил основать колонии, более выгодные для римлян. Он предложил не выводить поселения за море, а основать их в самой Италии. Он предлагал устроить 12 колоний, но он не сообщал, откуда возьмёт земли для них. И те римские граждане, которые желали записаться в переселенцы, но не хотели выезжать из Италии, жадно слушали его заманчивые речи и, конечно, не спрашивали себя: где же можно устроить такие колонии, в какой же части Италии найдётся такое громадное количество югеров?

Между тем наступало время, когда нужно было приступить к устройству колонии в Карфагене (Кай Гракх был членом комиссии, занимавшейся устройством колонии). Вследствие этого Кай уехал в Африку на 70 дней. За время его отсутствия противникам удалось совершенно заманить римский демос на свою сторону. Когда Кай Гракх возвратился в Рим, он не узнал своих сограждан, которые стали к нему относиться холодно. Уже зашла речь об отмене постановлений, проведённых Каем Гракхом. При этом случились знамения: волки набросились на межевые столбы, которые были поставлены на границах новой колонии на месте Карфагена. Очевидно, в данном случае выражался гнев богов. Вспомним, что земля, на которой стоял Карфаген, была проклятой победителями и на ней запрещалось селиться римским гражданам. Римляне были суеверны и в данном случае опасались гнева богов.

Было назначено народное собрание для решения вопроса, выводить ли колонию в Карфаген. Кай Гракх желал спасти проведённую меру и решил явиться туда, чтобы противостоять плану противников. Но страсти уже так разгорались, что можно было предвидеть недоброе, и накануне народного собрания Кай Гракх и один из его друзей Фульвий Флакк (M. Fulvius Flaccus) нашли нужным искать убежище на Авентине. На другое утро собрался сенат, и консулу Опимию (L. Opimius) было предложено принять меры против заговорщиков, укрывавшихся на Авентине. Кай Гракх не хотел борьбы и послал маленького сына в сенат как заложника, чтобы показать свои самые мирные намерения и нежелание вести борьбу. Но Опимий послал мальчика назад, чтобы он пришёл вместе с отцом. Явиться в сенат для Кая Гракха означало, что он должен отдаться живым в руки врагов. Вместе с тем консул послал вооружённый отряд для взятия Авентина. Там произошла свалка. Но Кай Гракх ещё ранее оставил Авентин. Преданные друзья хотели помочь Каю Гракху скрыться. Один из них стал у porta Triumphales, чтобы задержать врагов, другой, P. Laetarius, на мосту через Тибр, решившись пожертвовать жизнью. Им только на некоторое время удалось спасти Кая, который, однако, был найден мёртвым на противоположном берегу Тибра в роще Фурины (Furina) вместе со своим рабом. Ве-

роятно, Кай Гракх приказал рабу нанести себе смертельный удар, и умер вместе с ним. Таким образом, пал и второй из Гракхов.

Обсудим те меры, которые он частично провёл, а частично лишь имел в виду провести. Нужно сказать, что в их основании лежали два принципа. Во-первых, принцип ослабления сената, ограничения его власти. В прежнее время, когда между сенатом и народным собранием господствовала, так сказать, полная гармония, не было надобности в таких мерах. Но теперь, когда сенат забрал в свои руки всю власть римского государства, когда он произвольно пользовался и злоупотреблял этой властью, такой принцип ограничения сенатской власти был необходим. Ещё более рациональным можно назвать второй принцип, проводимый Каем Гракхом, — принцип расширения римского гражданства, расширения Рима на всю Италию. И это была мера целесообразная и подготовленная всей предшествующей римской историей.

Итак, несомненно, что основные принципы, из которых исходил Кай Гракх в своих законах, были совершенно позволительны. Но способы их проведения имели слабые стороны. Что касается ограничения сенатской власти, то оно было необходимо и целесообразно. Но кто должен был ограничить сенат? Кому должна была перейти та доля власти, которая отнималась у сената? Мы видим, что Кай Гракх отчасти имел в виду поднять плутократию, римское сословие капиталистов, по крайней мере, эмансипировать это сословие от сената. Но с другой стороны он имел в виду увеличить и права народного собрания, привлечь на свою сторону римский пролетариат. Но слабая сторона реформы Гракхов заключалась в том, что римские комиции находились в упадке, и демос, составлявший думу народного собрания, уже представлял собой элемент весьма шаткий и непостоянный. И судьба Тиберия, и судьба Кая Гракха показали, что опора в лице римского демоса II в. до Р. Х. была ненадёжной. Она подломилась и под Тиберием, и под Каем, хотя он на время и сумел привлечь на свою сторону не только *plebs rustica*, но и *plebs urbana*.

Что касается второго принципа, расширения римского гражданства на всю Италию, то и он имел слабую сторону. Предположим, что Кай Гракх достиг бы своей цели, италики получили бы права римского гражданства. Какие же фактические последствия имела бы такая мера? Мы знаем, что римские граждане могли пользоваться своими полными правами только на римском форуме, так как только там совершались выборы, только там издавались законы. При прежнем устройстве римского государства приобретение права гражданства не имело никакого политического влияния. В подобных случаях италики много выигрывали с гражданской точки зрения: приобретали защиту от произвола со стороны римлян, получали возможность приобретать почти даровой хлеб и т. д. Но политической власти приобретение римского гражданства италикам не давало и не могло давать. Фактически правами римского гражданства могли бы пользоваться только те италики, которые бросили бы свою область и переселились бы в Рим. Таким образом, это самая рациональная и необходимая мера несколько

не могла обновить римского народного собрания, в несоответствии которого с властью римлян над другими народами и с их притязаниями и заключался главный недуг тогдашнего Рима.

ПОЛОЖЕНИЕ РИМА В КОНЦЕ II – НАЧАЛЕ I В. ДО Р. Х.

Лекция 36

Реформа Кая Гракха ярко обнаружила несоответствие политической организации Рима с его политическим и международным положением. Рим, оставаясь городом, подчинял себе другие города и целые царства. Рим не был столицей обширной империи, но он был державным городом. Его положение было такое же, как положение Парижа, если бы Франция производила бы выборы только в Париже, если бы только выборные Парижа управляли бы Францией. Поэтому и главная мера Кая Гракха, предоставление права римского гражданства италикам, не могла изменить дела к лучшему, но ещё более обнаружила несостоятельность римского городского строя, который должен был перейти в государственный. Но для этого перехода не было пути, не было ясного сознания необходимости данного шага. Вследствие этого дальнейшие результаты преобразований Кая Гракха были для Рима неблагоприятны. Можно сказать, что Рим после реформы Кая Гракха был в худшем положении, чем до неё. До реформы было очень натянутое положение дел, общее возбуждение. После мы видим, с одной стороны, озлобленную аристократию, которая несколько раз победила посредством нарушения законов, которая теперь уже не знала другого средства борьбы, кроме насильственных мер. С другой стороны, мы наблюдаем толпу, живущую за счёт средств государства, которая была готовым орудием для всякого политического проекта. Затем мы видим сословие капиталистов, эмансипированное и тоже ищущее удовлетворение своих интересов.

Пример, который дал Кай Гракх, не остался без влияния. Кай Гракх в течение двух лет занимал, можно сказать, монархическое положение. Он сосредоточивал в своих руках не только все средства римской казны, но и авторитет монархии. Его власть была чисто личной, объяснялась его личными качествами. Но история его власти всё-таки служила примером для потомков. Пример Кая Гракха заключался в том, что можно было добиваться трибуната; рассчитывая на средства, которые Кай Гракх пускал в ход для достижения цели, можно было надеяться занять подобное же положение. Но судьба Кая Гракха обнаружила и слабые стороны его положения. Оба брата Гракха пали от того, что народное собрание их недостаточно поддержало. Они сделались жертвами нападения, открытого насилия: вооружённые люди напали на них и их приверженцев, избили их на форуме и на Авентине. Очевидно, чтобы рассчитывать на успех, должно было пускать в ход только подобные средства. Ни Тиберий Гракх, ни Кай не имели в виду насилия, но

после них было ясно, что всякий желающий идти по этому пути, искать такого же личного положения, которое имел Кай Гракх, должен был искать поддержки со стороны вооружённой силы. Было ясно, что демагогия могла в Риме восторжествовать только с помощью союза с военным элементом. В этом заключался главный урок, который поколение, жившее после Кая Гракха, вынесло из его истории.

В течение двадцати с лишним лет после Кая Гракха союз между демагогией и легионами осуществился. Но возможен ли был такой союз? И почему он был возможен? В Риме (в этом заключалась сила Рима) гражданский и военный элементы были тождественны. Легионы и народное собрание были в сущности то же самое. Но это было только в начале римской истории. Позднее эти два элемента стали расходиться. В конце II в. до Р. Х. военная часть римского народа уже довольно значительно отошла от гражданского элемента.

Но тут совершилось событие, которое чрезвычайно ускорило отторжение военного элемента от гражданского; оно создало армию, отделённую от граждан, и вызвало существование вождя, который был императором, т. е. полководцем. Такой вождь уже не думал о своих гражданских обязанностях и связях. Речь идёт о таком событии, как нашествие кимбров и тевтонов²⁷⁰ — авангарда многочисленных полудиких племён, которые в течение нескольких веков последовательно разбивались о римские границы, пока, наконец, не преодолели их и не захватили римские провинции. Этот авангард был очень страшен для римлян, которые в то время не имели постоянного войска. Кроме того, этот натиск воинственных, хотя и недисциплинированных варваров был так быстр, так единодушен, подобно лавине, что римские войска, которые были посланы против них, были не в состоянии их выдержать. Сами полководцы были между собой в раздоре. Результатом было то, что несколько римских войск было истреблено, и путь в Италию для кимбров и тевтонов был открыт.

КАЙ МАРИЙ

Против кимбров и тевтонов пришлось выставить самого надёжного из римских генералов. Это был сын простого крестьянина из Арпинума — Марий (С. Marius). Он был заурядным представителем римского крестьянства: храбрый, скупой, жадный, который постепенно пробил себе дорогу. Во время Югуртинской войны (112—106 гг.) Марий настолько выдвинулся, что был избран в консулы (и занимал консульское кресло в течение шести лет подряд, несмотря на существование закона, запрещавшего избирать одного и того же человека консулом даже два года подряд). Нарушить закон заставили обстоятельства. Мария избрали консулом во второй раз и послали спасать Италию от кимбров и тевтонов.

В то время римское войско подверглось коренным преобразованиям. Мы, к сожалению, не имеем возможности следить за их ходом в деталях. Скажу лишь, что к тому времени благодаря деятельности Ма-

рия преобразования римской армии представляются уже законченными. Главная черта этих преобразований заключалась в том, что изменилась не только тактика и вооружение римлян, но и сам характер римских военных отрядов. Легион становился цельной единицей, становился, так сказать, индивидуальностью. Легион стал иметь свой дух, свою душу, которая олицетворялась серебряным орлом. Вследствие этого появилась совершенно иная связь между полководцем и солдатами, нежели прежде²⁷¹. Кроме того, состав легиона стал другим. Прежде в Риме на военной службе были только оседлые граждане, только земледельцы. Пролетариат, т. е. те, которые не имели земли, были избавлены от военной службы. Но теперь уже нельзя было вести большие войны, не прибегая к помощи этого класса. И Марий навербовал людей, которых было легко оторвать от гражданской почвы. Он из римских пролетариев сделал солдат по промыслу.

Ему пришлось долго воевать с кимврами и тевтонами, несколько лет, и один раз за другим его вновь избирали консулом. В продолжение трёх лет он таким образом руководил войной против кимвров и тевтонов. В это время он имел возможность сформировать армию как совершенно отдельную силу, знающую только своего полководца, своего императора, которая всегда ждёт только от него. И Марий тогда успел проникнуться военным духом. Ему это было тем более свойственно, что у него были совершенно неразвиты те способности, которые были необходимы в гражданской политической жизни римлян. Этот храбрый полководец робел, когда имел дело не с врагом, а с народным собранием, сенатом, не находя слов. Он должен был чуждаться форума, но он не хотел играть роль перед комициями.

Наконец, Марий одержал полную победу над кимврами и тевтонами. Уже не было повода оставаться Марию во главе армии. Но что же было ему делать? Если он снова приступил бы к гражданской жизни, сделавшись простым гражданином, то он бы потерял всё то, к чему так привык. Ему оставалось искать консульства в шестой раз. Кроме того, консульство нужно было Марию для того, чтобы исполнить обещания, данные им своим солдатам, — наделить их землёй и наградить деньгами. И он не мог рассчитывать на шестое консульство, потому что это слишком противоречило обычаю, это слишком возмущало римлян. Но он стал искать союзников, которые могли бы помочь ему достигнуть консульства в шестой раз.

АПУЛЕЙ САТУРНИН И СЕРВИЛИЙ ГЛАВЦИЯ

Марий нашёл себе союзника в лице человека, который был одним из первых римских демагогов. Это был Апулей Сатурнин (Apuleius Saturninus). Он являлся как бы последователем Гракхов. Но он был совершенно другим человеком и по своим нравственным качествам, и по своим политическим идеям. И Тиберий, и особенно Кай Гракхи были политическими реформаторами, людьми, глубоко преданными своему отечеству, не искавшими личных интересов, понимавшими поло-

жение дел и ищущими выход и новые формы. Апулей Сатурнин был политическим авантюристом, который желал играть роль и который прибегал к тем средствам, которые у него находились под рукой. Самым лёгким из них была агитация на форуме. Апулей Сатурнин окружил себя лицами, похожими на него. Одним из самых близких к нему людей был Сервилий Главция²⁷² (С. Servilius Glaucia), который назывался в своё время (он был сенатором) *stercus curiae*. Правда, в Риме не церемонились с политическими противниками, и во время Цицерона многие назывались весьма нелестными прозвищами, не всегда их заслуживая. Но о Сервилии Главции можно сказать, что это название было ему к лицу.

Сам Апулей Сатурнин ещё до той роли, о которой сейчас пойдёт речь, какой был человек? Когда цензор Метелл Нумидик (Q. Caecilius Metellus Numidicus), пользуясь цензорской властью, вычеркнул его из списка сенаторов, Апулей Сатурнин собрал толпу и с ней бросился на дом обидчика. Тот должен был бежать и спастись на Капитолии.

Около этого времени в Риме был посол царя Митридата. Этот царь, как и другие восточные цари, был в полузависимом положении от Рима, нуждался в поддержке Рима и держал там посла. Чтобы заручаться поддержкой римлян, Митридат должен был через своего посла давать некоторые субсидии известным лицам. Вероятно, Апулей Сатурнин или совсем ничего не получил, или же не получил того, что желал. Но так или иначе он, совершенно пренебрегая нормами международного права, оскорбил Митридатова посла в Риме, так что имелось в виду даже выдать его Митридату. Затем, когда у него был соперник во время выборов в трибуны, Ноний (A. Nonius), Апулей Сатурнин велел его убить, чтобы никто ему не мешал.

В 100 г. до Р. Х. Апулей Сатурнин добился трибуната. В то же самое время его товарищ Сервилий Главция был претором. И с помощью этих людей Марию удалось получить шестое консульство. Вот тут и сложился союз между римскими демагогами и первым римским императором, т. е. полководцем, который имел личные цели и желал путём насилия или законно достигнуть своей цели.

Апулею Сатурнину удалось провести несколько так называемых *leges Apuleiae*. Один из них был фрументарным: вместо 6 и 1/3 ассов, которые римский гражданин должен был платить за модий хлеба, стало достаточно платить всего лишь 5/6 асса, т. е. хлеб стал доставаться римлянам почти что даром. Это была мера бессмысленная, потому что теперь римской казне пришлось кормить почти даром громадную, бессчётную массу людей, ибо всякий теперь мог из провинции, из отдалённой трибы прибыть в Рим и потребовать дарового хлеба.

Другой закон назывался *de maiestate minuta populi Romani*²⁷³. Согласно этому закону можно было привлечь к суду и подвергнуть тяжкому наказанию всякого, кто оскорбит римский народ. Крайне неясным и неопределённым было понятие, отражавшее суть состава преступления — оскорбление величества римского народа. Цицерон объяснял его так: *dignitas imperii et nominis*; значит, не только проступок, который уменьшал величие римского народа, но и всё, что наносило

ущерб его величию. Это было просто политическим орудием для преследования противников. Закон *de maiestate* играл весьма видную и печальную роль во время империи. Тогда *maiestas populi Romani* сосредоточивалась в лице императора, и понятие об оскорблении величия расширялось до крайних пределов, о чём свидетельствовал Тацит.

Третий закон Апулея, *lex agraria*, имел прямое отношение к Марию и к наградам его солдат. По этому закону имелось в виду вывести колонии, между прочим, в Африку и в Галлию. Но тут каждый колонист должен был получить по 100 югеров. С римской точки зрения это было уже целое поместье. В Италии рабочему человеку по силам было 7 югеров; такой надел считался нормальным для крестьянской семьи. Когда Тиберий Гракх назначил норму надела 30 югеров, то это был очень значительный надел, с которым нельзя было справиться без чужих рук. Но 100 югеров превосходили более чем в три раза наделы Гракха. Очевидно, это было сделано для того, чтобы удовлетворить солдат Мария, чтобы примирить их с мыслью об оставлении Италии. Затем Марию было поручено привести в исполнение эту меру. Следовательно, по этому закону Марий получал чрезвычайную власть, и кроме этого ему предоставлялось право вывести в каждую колонию и несколько людей из числа союзников, не являвшихся римскими гражданами, но деятельно помогавшими Марию при отражении натиска кимвров и тевтонов. По нашим источникам, Марию дозволено было вывести в каждую колонию трёх италиков. Но, по-видимому, здесь ошибка. Очень может быть, что вместо трёх должно читать 300. Но как бы то ни было, Марий получил возможность удовлетворить не только своих солдат из римских граждан, но и солдат из италиков.

Затем к этому была прибавка, так называемая *clausula*, заключающаяся в том, что на всех сенаторов налагались обязанности в течение 5 дней дать присягу, что они обязуются содействовать исполнению этого закона и никогда не станут ему противиться, и на сенатора, который отказывался дать присягу, налагались штраф и изгнание из Рима. Это была, очевидно, террористическая мера, имевшая целью запугать сенаторов. Марий взялся поддержать этот закон в сенате, но когда он пришёл в сенат и начал слушать речи сенаторов против закона, он оробел и согласился, что такая клятва незаконна и что нет надобности давать требуемую присягу. Но когда Марий вышел из сената и попал в среду своих друзей-демагогов, он изменил свой взгляд на дело. Наконец, далее он стал советовать сенаторам дать присягу, но с оговоркой, что сенаторы будут исполнять её лишь насколько это позволит закон. Сенат остался недоволен этой оговоркой, имевшей слишком неопределённый характер. Но сам Марий в этой форме присягнул. Тогда сенаторы не решились отказаться от своей присяги, и сенат впервые обнаружил ту шаткость, ту трусость, которую он так часто обнаруживал в междоусобных войнах и особенно во времена империи. Отказался присягать только Метелл Нумидик, который и должен был отправиться в изгнание в Азию.

Марий, вступив в союз с демагогами, не мог знать, что будет дальше. Он предполагал, что этот союз будет кратковременным, что, как

только он получит то, что ему нужно, удовлетворив свои войска и обеспечив себе почётное положение в Риме, он опять будет вне союза с ними. Но демагоги не хотели выпускать его из рук, им хотелось идти дальше, да и нельзя было останавливаться, чтобы не подвергнуться ответственности за то, что было ими сделано. Не прошло и года, как Апулей Сатурнин выступил вторично кандидатом на трибунат. Чтобы обеспечить успех, он прибегнул к насилию. Кандидат на консульство, стоявший у него на пути, был Меммий (С. Memmius). Его убили, как и Нония. По-видимому, в Риме стал устанавливаться обычай насильно устранять соперников.

Если прежде демагоги добились своего, то и теперь они надеялись провести выборы таким же насильственным путём, с помощью Мария. Но тут Марием опять овладела робость, он был всё-таки военным, привык к дисциплине, не мог примириться с анархией. Ему стали противны политические друзья, от которых он и отказался. Тогда катастрофа быстро совершилась. Апулей Сатурнин, видя, что Марий не поддерживал его более, занял Капитолий насильственным образом. Марий получил от сената приказание очистить Капитолий от бунтовщиков. И тогда он пошёл на своих прежних единомышленников и помощников. Он разрушил водопровод, который снабжал Капитолий водой, для того, чтобы заставить засевших там людей уйти. Бунтовщики были принуждены покинуть Капитолий и занять один из храмов на его склоне. Но там их окружила толпа, возбуждённая против них политическими противниками. Отличились, главным образом, римские всадники. Толпа окружила храм, сняла со здания кровлю и сверху избила камнями Апулея Сатурнина и его сторонников, находившихся в храме. Таким образом, мятеж был подавлен.

Для Мария, однако, результаты были неблагоприятны: он, побив своих союзников и единомышленников, остался изолированным в Риме. Здесь ему теперь незачем было оставаться. И он выехал из Рима. Этим кончился первый союз демагогии с военным элементом. В первый раз в римской истории выступил эмансипированный от государства военный элемент. Легионы впервые, под предводительством Мария, совершили, так сказать, покушение на захват государственной власти.

Что касается Апулея Сатурнина, то его никак нельзя ставить на одну доску с Гракхами. Гракхи, как уже говорилось, были реформаторами, а Апулей Сатурнин был политическим авантюристом. Закон Апулея Сатурнина не имел ничего общего с мерой, проведённой Каем Гракхом, ибо братья Гракхи проводили аграрный закон для того, чтобы увеличить число римских крестьян и соответственно число римских воинов для поддержания силы римского народа. Мера Апулея Сатурнина имела совершенно обратный смысл. Она имела целью удовлетворение солдат, которые хотели получить земельный надел как награду за военную службу. И этой мерой Апулей Сатурнин предначертал дальнейший путь, по которому стали идти римские демагоги, с одной стороны, а с другой стороны — полководцы, которые подобно Марию стали занимать изолированное положение в государстве.

Лекция 37

В прошлый раз мы видели, как произошла и как окончилась первая коалиция между римским форумом и римскими легионами. После неудачи, которую потерпел Марий (отчасти вследствие собственной нерешительности), он отправился на Восток, где пробыл несколько лет. В его отсутствие партия форума была слишком бессильна, чтобы что-нибудь предпринять. Она не представляла для противников никакой опасности.

Но были два других вопроса, которые очень волновали тогдашнее римское общество. Первый вопрос о суде всадников. Всадники всё более и более стали злоупотреблять предоставленным им правом вершить суд над провинциальными магистратами в интересах своего сословия. Особенно возмущил Рим один процесс, который вёлся против Рутилия Руфа (Р. Rutilius Rufus). Рутилий Руф был одним из лучших представителей римской магистратуры, являлся во многих отношениях выдающимся человеком, и как полководец, и как оратор, и как правитель провинции. Вследствие того, что он бескорыстно и честно управлял провинцией, ему пришлось столкнуться с публиканами, откупщиками, которые потом и отомстили ему за неговорчивость. Они начали против Рутилия Руфа процесс. Он был осуждён и ушёл в изгнание в Азию. Этот поступок был так возмутителен, имел такой партийный смысл, что противники всадников, оптиматы, имели полное право требовать возвращения суда сенаторам, основывая свои доводы на примере этого процесса. Другой вопрос, волновавший Рим ещё со времён Гракхов, заключался в даровании италикам прав римского гражданства.

ЛИВИЙ ДРУЗ

В 91 г. до Р. Х., 9 лет после агитации Апулея Сатурнина, в Риме попытались разрешить оба указанных вопроса и таким путём успокоить внутреннюю смуту, которая разделяла Рим и Италию. Такую попытку предпринял трибун Ливий Друз (М. Livius Drusus), сын того Ливия Друза, который некогда был выставлен оптиматами для борьбы с Каем Гракхом. Эта попытка важна по своим последствиям. Она особенно интересна потому, что представляла собой попытку компромисса, попытку реформировать, преобразовать римские учреждения, дав удовлетворение законным требованиям.

Но, к сожалению, наши сведения особенно скудны относительно Ливия Друза. Мы имеем только две главы труда²⁷⁴ Аппиана о Ливии Друзе. Затем мы имеем несколько случайных отзывов о нём как о человеке, которые рассеяны по разным сочинениям, например, у Цицерона. Далее, о Ливии Друзе имеются сжатые сведения у брeвиаторов²⁷⁵ т. е. у писателей, которые сокращали более подробные исторические сочинения. Вследствие этого сведения о Ливии Друзе чрезвычайно разноречивы, и под влиянием такого рода сведений все картины, которые

изображаются современными историками, тоже весьма различны и противоречивы. Одни историки представляют дело в более благоприятном для Ливия Друза смысле, другие же — в неблагоприятном. Прежде всего для нас неясен характер Ливия Друза по тем сведениям, которые до нас дошли, а это очень важно для освещения дела. Если бы мы знали в точности, какова была эта личность, то с большим основанием освещалось бы и задуманное им дело. Мы могли бы знать, какими мотивами он руководствовался в соответствии со своим характером: личными или общественными. По имеющимся кратким сведениям о Ливии Друзе трудно составить себе ясное представление о нём.

Некоторые из дошедших до нас сведений могут быть истолкованы различно. Так, например, рассказывали, что он когда-то сказал, что желал бы жить под стеклом для того, чтобы всякий гражданин мог ежедневно видеть его образ жизни и судить о нём. Одни понимали это как признак большого самолюбия и самоуверенности Ливия Друза. Другие же толковали эти слова совершенно иначе. Они видят выражение чистого сердца и чистоты намерений. Приводились также разные рассказы о его раздражительности и гордости. И эти рассказы далеко не всегда имеют определённое значение.

Например, рассказывали, что во время своей квестуры в Азии Ливий Друз не придерживался тех обыкновенных внешних форм (инсигний), с помощью которых римские магистраты старались внушить провинциалам благоговение по отношению к себе. И Ливий Друз будто бы сказал, что провинциалы должны благоговеть перед ним не потому, что он имел известные атрибуты римского магистрата, но ради его собственной личности.

Ещё о нём говорили, что однажды его приглашали по какому-то делу явиться в сенат. Но он в это время был занят на форуме и ответил посланцам сената, что если сенаторам что-нибудь от него нужно, то пусть сами к нему приходят.

У Плиния, который собирал различные рассказы и много читал, есть известие, что Ливий Друз был очень дружен с Сервилием Цепионом (Q. Servilius Caepio). Но однажды они поссорились на одном аукционе из-за какого-то предмета, который они оба хотели приобрести. Ливий Друз сделался врагом Цепиона и даже принял какое-то лекарство, чтобы быть бледным и худым для того, чтобы обвинить бывшего друга в причинении вреда его здоровью и в намерении его извести. Но этот рассказ имеет апокрифический характер, поэтому мы можем оставить его в стороне.

В общем можно сказать, что Ливий Друз был не только человеком нервным и раздражительным, но, по-видимому, ещё и больным. Он страдал эпилепсией и лечился от неё на одном острове. Есть основания думать, что тогдашняя медицина (которая и в настоящее время выгоняет клин клином, ослабляя одну болезнь, вызывает другую) также не принесла ему особой пользы. Этим объясняется его резкий образ действий и борьбы, которую он должен был вести.

Когда он сделался трибуном, провёл ряд мер. Прежде всего он принял шаги, которые уже становились обычными для всякого трибу-

на, желавшего получить власть или провести какую-либо реформу. Провести реформу против желания сената можно было только опираясь на городскую толпу, на форум. Этим объясняется проведение Ливием Друзом *lex agraria*, *lex frumentaria* и *lex de coloniis*. Относительно *lex frumentaria* можно сказать, что этот закон был вызван отменой закона Апулея Сатурнина, по которому давался даровой хлеб. Поэтому Ливий Друз имел возможность опять настаивать на удешевлении хлеба для жителей Рима. О законе, касавшемся колоний, мы ничего не знаем. Целью аграрного закона, вероятно, было наделение нуждавшихся из тех участков общественной земли, которые ещё сохранялись в римском государстве, которые пережили агитацию Апулея Сатурнина. Ливий Друз после проведения им аграрного закона будто бы говорил, что теперь уже ничего не оставалось для раздела в римском государстве *praeter caelum et coenum* (кроме неба и грязи). Не совсем ясно, в каком смысле это было сказано, и потому эти слова истолковываются различно: иногда в пользу для Ливия Друза, иногда в неблагоприятном для него свете. Очевидно, этот закон был средством политической борьбы.

Другие меры, которые хотел осуществить Ливий Друз, заключались в разрешении вопроса о суде всадников и вопроса об италиках. Что касается первой меры, то мы имеем целых два известия, которые хотя и очень близки друг к другу, но всё-таки представляют дело в различном свете. Одно из них говорит, что Ливий Друз хотел разделить суд между всадниками и сенаторами. Друз предполагал, чтобы список судей (*album iudicum*) составлялся так, чтобы часть судей выбиралась из 300 всадников особым, нам не известным способом; а остальная часть судей выбиралась бы из сенаторов по жребию. Таким образом, и сенаторы и всадники должны были входить в состав присяжных судей. По другой версии Ливий Друз будто бы предполагал этих 300 всадников возвести в сенаторы, т. е. увеличить сенат на 300 человек, и этим новым сенаторам предоставить суд.

Попытка Ливия Друза примирить два важнейших в тогдашнем Риме сословия была многими лучшими сенаторами принята сочувственно. На это указывает известие о том, что на стороне Друза были такие выдающиеся лица, как лучший из ораторов того времени Лициний Красс (*L. Licinius Crassus*), *princeps senatus* тех лет Эмилий Скавр (*M. Aemilius Scaurus*), другой известный оратор Марк Антоний (*M. Antonius Orator*). Противником Ливия Друза был консул Марций Филипп (*L. Marcius Philippus*), который поклялся не допустить закона, который хотел провести трибун. Борьба приняла очень ожесточённый характер, настолько ожесточённый, что консул однажды сказал: с этим сенатом я не могу управлять, пора подумать о том, чтобы составить другой сенат. Однажды трибун и консул столкнулись не только в аллегорическом смысле слова, но и в буквальном смысле: между ликторами консула и виариями трибуна произошла рукопашная схватка, во время которой ликторы консула были устранены, а сам консул был ранен. При этом (когда у консула из раны хлынула кровь) Ливий Друз будто бы произнёс необдуманные слова, что не стоит об-

ращать на случившееся внимание: видна не кровь, а соус, которым консул объелся. А Марций Филипп был известен как человек, очень преданный удовольствиям стола. Такого рода глумление и обиду консул простить не мог. Вследствие сильного озлобления партии оптиматов против Ливия Друза, несмотря на поддержку лучших сенаторов (Лициний Красс говорил в защиту Друза в сенате так долго, что заболел и через некоторое время умер), трибуну не удалось провести предлагаемые им меры. Кажется, что главная причина недовольства Друзом со стороны противников заключалась в том, что ему приписывалось намерение дать италикам право латинского гражданства. Именно из-за этого оптиматы не хотели пропускать другие меры Ливия Друза.

Ливий Друз не мог быть трибуном второй год подряд. При этом выборы трибунов были составлены так, что только одни враги Ливия Друза заняли трибунские места. Но Друз ещё оставался полгода трибуном. Выборы происходили летом, а трибуны вступали в должность в начале декабря. Эти последние месяцы пребывания в должности у Ливия Друза были заняты агитацией, причём не столько законной, сколько незаконной. Очевидно, Ливий Друз сносился с вождями италиков. Вероятно, был составлен заговор и тайное общество, которое вскоре покрыло всю Италию. Целью этого общества было проведение законным путём или насильственно закона о даровании прав гражданства всем италикам.

До нас частично дошла присяга, которую давали все члены тайного общества. Её отрывки сохранились у Диодора. Присяга была составлена таким образом: «клянусь Юпитером Капитолийским, Римской Вестой и родным Марсом (это выражение указывает на то, что, вероятно, общество было распространено среди марсов), клянусь плодотворным светом солнца и матерью землёй и другими богами, основавшими и умножившими Рим, что я буду верен во всём Ливию Друзу. Клянусь, что я не буду щадить ни себя, ни своей жизни для того, чтобы поддерживать Ливия Друза и делать всё, что полезно ему и тому обществу, членом которого я сделался. И клянусь, что если я благодаря Ливию Друзу получу право римского гражданства, то я буду Рим считать своим отечеством и Ливия Друза своим благодетелем». Если таковы были слова присяги, то она могла подать повод к сильному обвинению Ливия Друза со стороны римлян. Они могли видеть в этой присяге ясный признак честолюбия Ливия Друза, что он будто бы желал дать право гражданства италикам для того, чтобы в Риме самому занять положение монарха, ибо это была присяга на верность Ливию Друзу. Основываясь на верности и силах италиков, Ливий Друз мог бы занять в Риме такое положение, которое было бы несовместимо с положением римского гражданина в республике. Но вопрос состоял в том, насколько точно нам переданы слова присяги и что подразумевалось под словами «верность Ливию Друзу».

Какие намерения были у самого Ливия Друза, для нас остаётся неизвестным, потому что, незадолго до того как поставить вопрос о гражданстве в народном собрании, Ливий Друз был убит в своём жилище.

Кто был убийца, кто руководил устранением трибуна, неизвестно. До нас дошли только последние слова Ливия Друза: *equando (ne) similem mei civem habebit respublica*. Из этих слов, а также из некоторых других сохранившихся слов Ливия Друза можно прийти к заключению, что Ливий Друз хотя и был самолюбивым человеком, раздражительным, необузданным и годным для роли политического вождя, но намерения его были чисты.

И это была, так сказать, последняя попытка разрешить мирным путём трудный вопрос между римлянами и италиками. Эта попытка не удалась частью вследствие близорукости римских оптиматов, не всех, а тех, кто были на стороне консула Марция Филиппа, частью вследствие ошибок самого Ливия Друза и нетерпеливости италиков.

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Неудача попытки Ливия Друза разрешить мирно противоречия между римлянами и италиками послужила поворотом к кровавому столкновению между двумя силами, которое стало причиной разорения Италии, оставившего самые глубокие следы в дальнейшей истории этой страны. Италики взяли за оружие. Ещё ранее, когда они узнали о болезни Ливия Друза, во всех городах молились в храмах, делали обеты. Когда же они узнали о его убийстве, тогда взяли за оружие. Началась Союзническая война²⁷⁶, т. е. война римлян со своими италийскими союзниками. Война эта была кратковременной, но опустошительной для Италии. С этого времени началось обеднение, падение Италии. Впрочем, не все союзники восстали против Рима. Не поднялись северные союзники Рима — этруски и умбры. Должно быть, эти области не восстали потому, что там преобладал аристократический элемент. Провинциальная (т. е. областная) аристократия держалась римской аристократии и ждала от неё удовлетворения своих потребностей. Римляне поняли своё положение, и в самом начале Союзнической войны тогдашний консул Юлий Цезарь (*Lucius Iulius Caesar*) провёл закон, *lex Iulia*, по которому все союзники, ещё не взявшиеся за оружие, получали право римского гражданства. Этим образом римляне отвлекли значительную часть союзников. Но и несмотря на это, римляне составляли меньшинство. Римляне и их сторонники относились к италикам, взявшимся за оружие, как 2:3. Но в римлянах пробудился прежний патриотизм, воинственный дух. Хотя консулы и не были военными людьми, но все лучшие римские воины стали в строй, и Марий, и Сулла. Благодаря искусству последнего полководца римляне одержали верх над своими противниками. Враги же сосредоточились главным образом в Средней и Южной Италии. Тут были сабинские и самнитские племена, которые хотели с оружием в руках пробиться в Рим.

Интересна организация восставших. Она представляла собой копию римской, только с тем различием, что не Рим должен был стоять во главе Италии, а новый город, который они выбрали. Таким городом

был Корфиниум*, небольшой областной городок, который должен был стать столицей Италии и потому был переименован в *Italica* или *Vitellica* на местном наречии. В этом городе, так как он должен был стать столицей Италии, был устроен большой форум, потому что там должны были проходить общие для италиков народные собрания. Там был образован сенат из 500 человек, в который вступили представители различных италийских городов. Были избраны два консула: один из самнитов, другой из сабинян. В помощь им дано было 8 преторов. Эта организация была совершенно такой, как и в Риме. Ежегодно должны были избираться консулы и преторы на форуме в Корфиниуме. Это очень любопытно. Это показывает, насколько городская организация была, так сказать, неизбежна, тогда не знали другой организации. Даже восставшие против Рима италики ничего лучшего не умели придумать, как создать тот же Рим, ввести то же несоответствие политической организации положению дел, так как массы италиков могли пользоваться политическими правами, участвовать в выборах только на форуме в Корфиниуме.

Несмотря на храбрость самнитов и их союзников, римляне победили. Впрочем, они одержали победу не одной силой оружия, но и политическим благоразумием, ибо на второй год войны был проведён закон — *lex Plautia et Papiria*, в силу которого все союзники, которые в течение 60 дней положат оружие (будь то целые общины или отряды, или отдельные граждане), будут зачислены в римские трибы и получают права римского гражданства. Это, конечно, ослабило противников, внесло раздор в их ряды. Многие отложились от союзников, так что остались почти одни самнитяне. И ещё в течение 8 лет самнитяне отбивались от римлян, пользуясь теми междоусобицами, которые начались в Риме после Союзнической войны**.

Итак, посредством кровопролития и разорения Италии был разрешён италийский вопрос. Теперь вся Италия вошла в стены Рима. Вся Италия стала представляться в политическом отношении не чем иным, как одним городом: городом Римом. Римский форум сделался средоточием политической жизни всех италиков. Но явился новый вопрос: как разместить италиков по римским трибам? Естественнее всего казалось распределить их по всем 35 трибам. Но этого не желали те римляне, которые вообще противились дарованию италикам прав римского гражданства. Италиков было больше, чем римлян. Если бы их распределили по всем 35 трибам, они имели бы перевес в народном собрании. Чтобы они не могли иметь преобладающего значения, бы-

* Corfinium в области пелигнов, близ реки Атерна; ныне развалины S. Pollino близ Пентимы. Л. 343.

** *Bellum sociale* (*bellum marsicum*), 90—88 гг. до Р. Х. Лучшими полководцами италиков были: марс Кв. Помпедий Силон, луканец Марк Лампонийц и самниты Понций Телезин, Марк Эгнаций, Веттий Катон. Первоначально римляне потерпели поражение при Ацеррах в Кампании, при р. Лирис (2 раза). Сулла нанёс решительное поражение врагам в 89 г. при Ноле. При Ауфиде было покончено с остальными союзниками, кроме самнитов. Шлоссер и Любкер. По Шлоссеру (и Любкеру) преторов у союзников было 12.

ло решено разместить их в 15 трибах. Тогда римляне стали иметь перевес в тех вопросах, в которых они расходились с италиками, потому что 20 голосов, 20 триб оставались исключительно за римскими гражданами. Разрешение вопроса о распределении италиков по трибам послужило поводом не только к недовольству со стороны италиков, но и к политическому раздору и к междоусобной войне в самом Риме.

СУЛЛА

Из числа римских полководцев, которые отличились в Союзнической войне, особенно выдвинулся Сулла (L. Cornelius Sulla Felix), которому сопутствовали счастье и успех.

Вам, конечно, известно, что Сулла выдвинулся ещё во время Югуртинской войны и затмил славу Мария, так как именно ему удалось захватить в плен Югурту. Сулла был во многих отношениях противоположен Марию. Марий был суровый крестьянин, привыкший к простой жизни, но вместе с тем желавший стать богачом и аристократом. Сулла, наоборот, был рождён аристократом, был доволен своим рождением, и ему нечего было искать. Он рано предался удовольствиям и провёл молодость так, как её проводили молодые римляне, не думавшие о политическом честолюбии. Но Сулла не был простым эпикурейцем, он был способен понимать значение искусства. Например, когда Афины были разграблены римлянами, Сулла заботился о том, чтобы были спасены драгоценные рукописи. Он оставил даже свои мемуары. Он был способен вести эпикурейский образ жизни, но также и оторваться от этого образа и сделаться солдатом, который не уступал никому другому воину в храбрости и способности переносить лишения.

Этим Сулла и успел отличиться в Союзнической войне более всех. Это произошло отчасти потому, что Марию приходилось воевать на севере, где очень скоро война кончилась; Марию не пришлось там одержать блистательных побед. А Сулле пришлось бороться с самыми храбрыми противниками, с самнитянами. Поэтому его успехи гораздо более бросались в глаза. Кроме того, Марий был уже человеком, покрытым сединами, Сулла же был ещё молодой, ему консульство ещё предстояло.

Благодаря популярности, которая была приобретена во время войны, Сулла достиг консульства на 88 год. Но это консульство находилось в особом положении. С ним была связана война на Востоке, которая обещала громадный успех, можно сказать, лёгкий успех военный и гражданский. Предстояла война с понтийским царём Митридатом²⁷⁷, который так усилился во время Союзнической войны, что подчинил себе не только Малую Азию, вытеснив оттуда римлян, но и Грецию. И у Митридата были планы явиться с войсками в Италию, принять участие в Союзнической войне, подавить Рим. Против Митридата и было послано римское войско. Сулла как консул желал повести войско к лёгкой победе и обогащению.

В этом-то ему и завидовал Марий. Вернувшись в Рим после Союзнической войны, Марий стал выдвигаться кандидатом в консулы. Для этого он каждый день стал являться на Марсово поле, чтобы заниматься обычными воинскими упражнениями римлян, стараясь этим показать, что он ещё никому не уступал в физической силе и способен переносить утомление. Одним словом, он всем доказывал, что он ищет первого места в государстве, что он выступит соперником Суллы.

И у Мария снова появился союзник, как и 13 лет назад. Теперь им стал трибун Сульпиций Руф, который тоже хотел одолеть Суллу. О Сульпиции Руфе нам известно следующее. Это был человек, принадлежавший к партии оптиматов. Во время деятельности Ливия Друза он принадлежал к той части сенаторов, которая поддерживала меры трибуна. Но мы также знаем, что Сульпиций Руф, известный оратор, имел характер неустойчивый и был мотом. По-видимому, Марий вовремя явился к нему на помощь, заплатил за него долги и таким образом привлёк трибуна на свою сторону. Между трибуном и искавшим консульства Марием установилась тесная связь: трибун стремился, опираясь на Мария, провести свои планы на форму, а Марий с помощью трибуна надеялся вытеснить Суллу с места командующего в войне против Митридата.

Лекция 38

Во второй раз в римской истории тот же самый честолюбивый полководец нарушил мирное течение гражданской жизни и законы своей родины. Консулы, особенно Сулла, старались всеми законными средствами остановить агитацию Сульпиция Руфа и прибегли к одному из средств, который тогда предоставляла римская жизнь. Он назначил *ферии* (*feriae*) на целое лето, т. е. объявил, что все дни будут *feriae*, когда не могут происходить народные собрания. Тогда Сульпиций Руф, не обращая внимания на этот эдикт консулов, стал агитировать, так что дело дошло до столкновений. Во время одного из столкновений толпа стала преследовать консулов, и Сулла должен был искать убежища в доме Мария. После этого Сулла выехал из Рима. Он отправился к своему войску, стоявшему в Южной Италии и готовившемуся переправиться на Восток.

Сулла хотел предоставить римские дела своему собственному течению. Его противники только и ждали, когда он удалится. Без него Сульпиций Руф внёс то предложение, которое и было главной целью агитации, а именно — назначить Мария начальником войска, готовившегося отправиться на войну с Митридатом, отняв начальство у Суллы. Народное собрание приняло это предложение, и было приказано отправить к войску Суллы сказать, чтобы оно ждало нового командира — Мария.

Вот теперь наступил момент, который тоже в известном смысле можно назвать поворотным пунктом римской истории. Рим уже имел

перед собой один пример давления военного элемента на политическую власть. Но тогда видели только полководца, только Мария, который опирался на войско. Теперь же самостоятельным элементом в жизни Рима выступило само войско, легионы, а не один полководец. И оказалось, что сила в римской жизни теперь уже стала находиться не на форуме, а в римском лагере.

Лагерь в Южной Италии, получив известие о произошедшем в Риме, взволновался. Почти все офицеры решили повиноваться законной власти, хотя её решение и было проведено незаконным путём. Но солдаты, которые любили Суллу за его щедрость, не хотели с ним расставаться и объявили Сулле своё требование, чтобы именно он их вёл на войну. Тогда, видя, что обстоятельства благоприятны, Сулла стал во главе римского войска и пошёл не на Митридата, а сначала на Рим. Марий не успел ещё собрать значительное число приверженцев, и потому Сулла взял город, хотя он и был приведён в оборонительное положение. Итак, римское войско взяло приступом сам Рим, пролилась кровь между римскими гражданами. Вся власть оказалась в руках Суллы. Сульпиций Руф, главный виновник смуты, погиб ещё во время взятия Рима. Остальных вождей противной партии Сулла подверг проскрипции. Но он был умерен, в число проскрибированных было включено не более 12 человек, среди которых, конечно, был Марий. Но никто из них не погиб. Известно, как бежал Марий, как ему удалось, несмотря на различные опасности, выбраться из Италии и спастись в Африке.

Сулла недолго оставался в Риме. Митридат всё более и более укреплялся, и нужно было спешить на Восток. Были проведены новые выборы, в результате которых консулами стали Цинна (L. Cornelius Cippa) и Октавий (M. Octavius). Сулла предоставил им держать Рим в порядке, а сам отправился на Восток. Оба консула принадлежали к партии оптиматов. Цинна принадлежал к умеренной партии, а Октавий — к консерваторам, в полном смысле этого слова, т. е. к людям, для которых не только дух древнеримский был святым, но и вся обрядная сторона древнеримской жизни. Между консулами, однако, скоро произошёл раздор. Сульпиций Руф начал свою агитацию, основываясь на недовольстве италиков. Он предложил, несмотря на *lex Plautia et Papiria*, распределить италиков по всем 35 трибам. Ему удалось провести свой закон. Сулла же отменил его, но не мог окончательно решить вопрос. Вопрос возобновился, и между консулами произошло разногласие.

Этим воспользовались бежавшие из Рима марианцы, как стали называть приверженцев той партии, где главным лицом был Марий. Они вернулись в Рим, и им удалось привлечь на свою сторону Цинну. Явился и сам Марий. Тогда Марий стал во главе этой партии. Между Цинной и Октавием дело дошло до открытой войны. Цинна взял верх, и тогда в Риме произошла первая проскрипция, т. е. первое систематическое избивание сторонников одной партии сторонниками другой. Марий был чрезвычайно озлоблен тем, что ему не удалось достигнуть своей цели, и тем, что он претерпел во время бегст-

ва и изгнания. Он набрал толпу, состоявшую из самых дурных элементов общества, которая очень скоро стала господствовать в Риме, производить бесчинства и жестокости, которые, может быть, превышали жажду мести самого Мария. Эта толпа бесчинствовала до такой степени, что, наконец, сами приверженцы Мария возмутились. Тогда Цинна приказал Серторию (Quintus Sertorius) изрубить этих разбойников. Марий достиг своей цели. Ещё давно ему было предсказано, что он будет 7 раз консулом. Но он был только 6 раз консулом, и ему хотелось стать высшим должностным лицом Рима в седьмой раз. Он стал консулом, но на семнадцатый день после вступления в должность умер (на 71-м году жизни), как одни говорят, под влиянием неумеренного пьянства, но может быть, не только под воздействием напитков, а просто вследствие потрясений, которым он подвергся в последние годы жизни.

Итак, Мария не стало. Но партия марианцев владела государством и распоряжалась Римом. Цинна из года в год сам назначал себя консулом. Сулла между тем воевал с Митридатом, имея большой успех, и не спешил возвращаться в Рим, потому что ему хотелось одержать полное торжество на Востоке, вполне замирить Восток. Наконец, такой момент настал, и Сулла со своим войском возвратился в Италию. Марианцы между тем вошли в связь с восставшими союзниками. Таким образом, Сулле пришлось выступить как бы избавителем Рима от восставших италиков. Вступив в Италию, он пригласил к себе вождей оптиматов, стал во главе этой партии. И тогда произошла кровавая война в Италии, которая оставила не менее глубокий след в римской истории, чем Союзническая война.

Наконец, одолев врагов, Сулла вступил в Рим, где отомстил своим политическим противникам. Тут произошла вторая проскрипция, ещё более жестокая, чем проскрипция Мария. Сулланская проскрипция произошла не только из одной жестокости, но и из политического расчёта. Сулла стоял во главе стотысячной армии, и ему было нужно её отблагодарить, распустив воинов и предоставив им донатив. И сколько бы много ни было сокровищ, которые он взял на Востоке, ему нужна была земля для наделов. Её Сулла решил получить при помощи проскрипций (само название «проскрипция» (proscriptio) восходит именно к этому времени).

Вследствие неопределённости и влияния на ход дел личной мести и злобы число жертв проскрипции вначале было велико. Многие из умеренных людей стали просить Суллу, чтобы он точно обозначил, кто именно принадлежит к его политическим врагам, чтобы не погибли и друзья и чтобы знать, кто должен подвергнуться политической каре. Тогда был составлен и вывешен на форуме список жертв — первый проскрипционный лист. На нём было обозначено только 80 граждан. Но затем был вывешен другой список, в котором значилось 250 граждан; тут личная злоба играла большую роль. Но позже был вывешен и третий список, с большим количеством жертв. В итоге число выдающихся граждан, погибших во время проскрипций Суллы, было более 2000 человек. Искоренив противную партию таким жестоким образом,

Сулла успокоил Рим и Италию. Италия была усмирена посредством громадных жертв: целые города были истреблены и истреблялись систематически для того, чтобы их землями можно было воспользоваться для наделов солдатам Суллы.

Но Сулла не хотел только внешним способом успокоить Рим. Он решил дать Риму прочную организацию, которая избавила бы государство от смут, подобных той, которую пришлось подавить с таким трудом. Сулла был избран диктатором *rei publicae constituendae causa*²⁷⁸. Таким образом, он получил в свои руки полновластие, которым он воспользовался для воплощения в жизнь задуманной им организации.

В Риме было два органа власти: народное собрание и сенат. Теоретически народное собрание имело верховную власть. Фактически же государством управлял сенат. Пока между сенатом и народным собранием существовала известная гармония, дела Рима шли хорошо. Правда, масса народа обладала верховной властью, но, конечно, применение самой власти не могло быть делом массы. Политика внутренняя и внешняя, администрация могли быть делом только людей, специально с этим знакомых, магистратов, из которых и состоял сенат. Но попытка преобразовать Рим после того, как между народным собранием и сенатом произошёл разлад, привела к увеличению прав народного собрания. Комиции со времени Тиберия Гракха всё более и более захватывали фактически государственную власть, вмешивались в администрацию и политику. И такое постоянное вмешательство в политику народного собрания, которое представляло собой шаткую организацию, подверженную влиянию разных течений и даже случайных людей, было главной причиной последних смут. Поэтому Сулла представлял себе, что единственным средством обеспечения власти римского государства было возвращение к прежним порядкам, т. е. ограничение власти народного собрания и предоставление ему только номинальной власти. Действительную власть Сулла предполагал сосредоточить в руках сената. Этот принцип и лёг в основание организации Суллы.

Главными виновниками смут последнего времени должны были казаться трибуны. Между трибунами были разные люди: и реформаторы, подобно Тиберию и Каю Гракхам, Ливию Друзу, и политические авантюристы, как Апулей Сатурнин. Но как бы то ни было, все смуты за последние 50 лет исходили от трибунов. Поэтому трибуна́т казался тем учреждением, которое нужно было преобразовать. И Сулла решил вернуть трибуна́ту его первоначальное назначение, которое он имел в начале своего существования. Тогда трибунов избирали как магистратов, которые должны были *auxilium ferre* — оказывать помощь отдельным гражданам в тех случаях, если они подвергались несправедливости со стороны других магистратов и суда. Трибуны изначально не предназначались для первой роли в государстве, которую они получили лишь впоследствии. Её-то и хотел отнять Сулла.

У трибунов была отнята законодательная инициатива: они были лишены права от себя вносить предложения в народное собрание. По организации Суллы они могли вносить какие-либо предложения в коми-

ции только после утверждения сената. Но для того чтобы отвлечь честолюбивых людей от трибуната, было сделано постановление, что бывший трибун не может занимать никакие высшие должности в государстве. Очевидно, имелось в виду отвлечь от трибуната именно политических честолюбцев, сделав для них трибунат невыгодным, ибо прежде через эту магистратуру было легче всего достигнуть популярности и пробиться к претуре и консулату. Теперь же трибуны были лишены права становиться преторами и консулами.

Уже через такое умаление власти трибунов коренным образом изменилось положение народного собрания. Но оно изменилось ещё и вследствие других мер, принятых Суллою. Законодательная сила теперь была перенесена в сенат, а народному собранию было предоставлено право только говорить «да» или «нет» на предложения сената. Сама законодательная деятельность у народного собрания по организации Суллы была отнята. Уменьшены были и избирательные права. Хотя в народном собрании по-прежнему должны были избираться магистраты, но жрецы перестали быть избираемыми в комициях, стали, как и прежде, кооптироваться. Вследствие этого, по мысли Суллы, жреческие коллегии должны были быть орудием сената во внутренней политике, вместо того чтобы быть орудием трибунов в народном собрании.

Затем и судебная деятельность комиций была уменьшена. Для многих преступлений были назначены особые суды. С 149 г. существовала *quaestio perpetua* только для разбора дел по обвинению провинциальных магистратов. Теперь, по организации Суллы, возник целый ряд особых судебных трибуналов, в которых должны были рассматриваться главные уголовные дела: *quaestio perpetua de ambitu, de vi* (о насилии, которое так часто практиковалось в Риме), *de veneno* (об отравлении). Все перечисленные дела были отняты из ведения народного собрания, которое ранее выносило верховное решение по ним, и переданы особым судам.

Законы Суллы коснулись и магистратов. Во-первых, число магистратов было увеличено. Теперь должно было ежегодно избирать 20 квесторов; и число преторов было увеличено с 6 на 8. Провинций у Рима в то время было 10, и потому было увеличено число преторов. Затем было установлено, что никто из магистратов, будь то консул или претор, не должен отправляться в провинции. Почему же? Сулла хотел устранить возможность такой смуты, какой он сам сделался жертвой. Он был консулом и как консул хотел вести войну с Митридатом. Но его отсутствием воспользовался Марий. Теперь же было установлено, что никакой консул или претор не должен во время годовичного пребывания в должности находиться в провинции, вести там какую-либо войну. Консулы и преторы должны были оставаться в Риме, в Италии, а затем, на следующий год, все они должны были идти в провинции. Поэтому и было увеличено число преторов соответственно числу провинций.

Этот закон, по-видимому, был не очень существенным, не вносил чего-то особенно нового в римскую жизнь. Между тем он был очень

важен по своим последствиям. Ведь до тех пор консул был, так сказать, преемником царя, он имел *impegium*, являвшийся в сущности военной властью. Теперь же консул становился гражданским губернатором, у него не осталось никакой военной власти, так как он не мог больше стоять во главе войска. Ни в Риме, ни в Италии не должно было быть войск, все войска стояли в провинциях. Когда только консул делался проконсулом, тогда только он получал войско. В самом же Риме, будучи консулом, он не был военным человеком. Да, он имел *impegium*, но его *impegium* теперь утратил военное значение. Такое преобразование консульской магистратуры было самым слабым местом организации римского государства Суллою. И это слабое очень скоро обнаружилось.

Самым главным учреждением, по организации Суллы, стал, конечно, сенат. То, что потеряли другие, приобрёл сенат. Его власть и компетенция особенно расширились за счёт народного собрания. Теперь в законодательных делах инициатива стала принадлежать исключительно сенату. Сам сенат пополнился. Он сильно пострадал во время междоусобных войн, поредел вследствие проскрипций. Его надо было пополнить. Сулла наполнил его всадниками и довёл число сенаторов до 600. Новому сенату и было предоставлено заведование судами. Все *quaestiones perpetuae* теперь должны были состоять из сенаторов.

Политический девиз римского народа *senatus populusque Romanus*²⁷⁹ хотя и сохранился, но получил другой смысл. Теперь сенат стал во главе громадного римского государства, которое после победы Суллы над Митридатом простиралось до Армении и Парфии. А народное собрание сделалось второстепенным органом власти. Теоретически (отчасти даже практически) его права нисколько не были уничтожены, потому что сенат пополнился магистратами. Все бывшие магистраты становились сенаторами, но они избирались в народном собрании. Таким образом, сенат по своему личному составу зависел от народного собрания.

По-видимому, организация Суллы должна была достигнуть своей цели, потому что реальная сила тогдашнего Рима была на стороне оптиматов, в руках сената, который теперь и стал представлять собой главную власть. Но слабая сторона организации Суллы заключалась в том положении, которое заняла магистратура. С одной стороны, мы видим, что трибуны начинают агитацию против сената. С другой стороны, теперь даже провинциальные²⁸⁰ полководцы стали добиваться, подобно Марию, верховной власти и идти против сената. Чтобы пресечь такие стремления, была ослаблена власть магистратов. Но в то же время военная власть всецело перешла к провинциальным магистратам. Итак, непосредственным результатом организации Суллы было то, что военная сила отхлынула от Рима в провинции. Там римскими легионами командовали провинциальные магистраты, а верховная магистратура, консульство, которое давало единство Риму, стала бесильной. В распоряжении консула уже не было войска, поэтому консулы сошли на степень гражданских сановников. Очевидно, что такая

организация была пригодна только для мирного времени, она устраняла опасность со стороны трибунов, со стороны честолюбивых консулов. И слабое место организации Суллы обнаружилось тотчас же после того, как диктатор сошёл с исторической сцены.

ОТНОШЕНИЕ К СУЛЛЕ. ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Лекция 39

В прошлый раз мы остановились на организации Суллы. Память Суллы подвергалась в истории очень резкому осуждению, и понятно почему. Всего более в памяти держались его кровавые проскрипции. В XVIII в. на Суллу смотрели исключительно как на кровожадного тирана. Монтескьё в своих *Considérations** говорил о Сулле: «il confondit la tyrannie, l'anarchie et la liberté» (он перемешал в одно тиранию, анархию и свободу). В другом месте он говорит, что Сулла «ne fit dérèglements que pour avoir le moyen de faire des crimes» (издавал постановления, дал свою организацию исключительно для того, чтобы иметь средство производить преступления). Но Суллу нельзя подводить под понятие тирана, потому что главная черта тирании — захват власти и её удержание. Этой главной черты в действиях Суллы нет. Он, если не против воли, то, во всяком случае, не по своей воле захватил власть. Это было делом обстоятельств; и он недолго пользовался властью. Он вскоре её сложил, сделавшись простым гражданином, хотя и был окружён врагами. Следовательно, главной черты тирании в его деятельности не было. В ней было только то, что проступало в его проскрипциях: жестокость, хладнокровие и ожесточённость против политических противников.

Затем в нынешнем веке Суллу выставляли как реставратора, видели в его организации попытку восстановить старые римские учреждения. Но это понимание не совсем соответствует характеру деятельности Суллы. Это была непростая реставрация, непростое возвращение к старому порядку. В организации Суллы было много совершенно нового. Новое заключалось в том, что почти вся власть должна была сосредоточиться в руках сената. Как это произошло, вам известно.

Два элемента, из которых состояла власть Рима, были народное собрание и сенат. Они находились уже в течение многих лет в борьбе. Народное собрание после агитации Апулея Сатурнина и Сульпиция Руфа оказалось совершенно не в состоянии, чтобы играть главную роль в государстве. Римский народ не имел соответствующего органа власти для своей деятельности, ибо римский форум не мог служить таковым, ибо римский народ уже занимал всю Италию. На римском фору-

* *Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence.*

ме, где помещалось несколько тысяч граждан, не мог уже собираться римский народ, который состоял из нескольких миллионов.

Так как римляне не знали представительства, то форум и не мог быть настоящим органом народности. Поэтому из двух органов римского народа, форума и курии, большей живучестью обладала курия, и именно ей было естественно предоставить решающее слово и главную власть. Эту цель и имел Сулла.

Итак, главная цель Суллы совершенно соответствовала положению дел, но это была не реставрация.

Однако, как я уже указывал в прошлый раз, организация Суллы носила в себе корни своего разложения. Она не могла долго держаться и быть прочной по следующим причинам. Во-первых, оставалось широкое поле деятельности для демагогии, которая могла опираться на форум и стремиться к восстановлению прежнего порядка вещей. Сенат, несмотря на уменьшение значения трибуната, всё-таки не мог зажать рот честолюбивым трибунам. Кроме того, ещё большая опасность грозила со стороны проконсулов. Наконец, сама власть сената была предоставлена олигархии, большинство членов которой в нравственном отношении было несостоятельным. Римская аристократия времени Суллы и после Суллы была совершенно не той, какой мы её знаем из ранней римской истории, хотя и среди олигархии сулланского времени мы встречаем много замечательных людей, патриотов, способных на служение государственным интересам. Но не они задавали главный тон, не они направляли римскую олигархию.

Во-вторых, недостаток организации Суллы заключался в том, что главная опасность, которая могла грозить республиканскому строю Рима, не была устранена, а была только замаскирована. Между сенатом и форумом выросла новая сила — войско. Эта новая сила уже успела проявить свои притязания не раз ещё до организации Суллы. В самой же организации Суллы мы не видим, чтобы эта сила была устранена на будущее время. В Италии не стало войска, но оно оставалось в провинциях. И провинциальные войска могли в любое время под предводительством честолюбивых вождей влиять на ход дел в Риме.

Затем организации Суллы недоставало собственно центральной власти. Рим представлял собою громадную державу, а между тем в нём не было сильной центральной власти, ибо нельзя сказать, что таковой обладал сенат. Власть сената была только тогда сильна, когда была сила, чтобы приводить в исполнение его постановления.

Поэтому тотчас после смерти Суллы (78 г. до Р. Х.) обнаружили недостатки и несостоятельность его организации. Сразу после похорон Суллы на Марсовом поле один из консулов, Эмилий Лепид (M. Aemilius Lepidus), заявил в народном собрании (в так называемом *comicio*, т. е. в предварительном народном собрании), что он потребует возвратить изгнанных проскрипциями Суллы лиц и возвратить им отнятое диктатором имущество. Снова началась в Риме смута. При вести о том, что в Риме заговорили об устранении организации Суллы, об отмене его законов и земельных наделов, в Этрурии, которая всего бо-

лее пострадала от проскрипций Суллы и от его земельных раздач, начался мятеж. Там Сулла разграбил несколько городов, земли которых раздал своим ветеранам. Теперь же бывшие владельцы тех земель стали сгонять с них этих ветеранов. Надо было посылать в Этрурию войско. Сенат туда послал обоих консулов, взяв с них слово, что они не будут воевать между собой. Из этого факта уже видно, в каком безвыходном положении находился Рим в то время в политическом отношении. Сенат должен был упрашивать консулов не воевать друг с другом. Но это было совершенно напрасно, потому что Лепид, когда прибыл в Этрурию, вместо того чтобы подавлять мятеж, возглавил его, т. е. стал во главе мятежной партии, которая задумала устранить законы Суллы. Во главе мятежного войска консул подступил к Риму. Однако на Марсовом поле он был разбит, а его сподвижник Брут* был разбит в Северной Италии молодым Помпеем.

Таким образом, первая попытка упразднить организацию Суллы не удалась. Но она дала повод выдвинуться молодому Помпею, о котором теперь придётся постоянно говорить.

* М. Iunius Brutus, отец убийцы Цезаря.

ЧАСТЬ VIII. ЗАРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Эпоха, которую мы сейчас рассматриваем, была наиболее богата событиями и лицами в римской истории, представляет самый захватывающий интерес²⁸¹; происходило зарождение империи и распад республики.

К сожалению, об этой эпохе мы не имеем исторического памятника, который соответствовал бы богатством своего содержания важности событий. До нас не дошли соответствующие книги Ливия. Главным источником по этой эпохе являются многочисленные речи и письма Цицерона. Гастон Буассье (Boissier) написал книгу «Cicéron et ses amis», которая сжато, но с большим талантом характеризует Цицерона и его ближайших друзей. Но по недостатку времени мы не будем останавливаться на Цицероне и вообще на событиях этой эпохи. Нам приходится их сгруппировать по возможности отчётливо, указать общую нить исторической жизни Рима за это время. Это можно сделать двумя путями. Можно сгруппировать факты данной эпохи около главных её лиц. Таких лиц было всего два — Помпей и Юлий Цезарь. Можно избрать другой путь — сгруппировать факты эпохи около главной идеи, которая служит выражением всей эпохи. Эта идея есть зарождающаяся империя. В событиях, которые совершились между смертью Суллы и гибелью Цезаря, окончательно выяснилось будущее направление римской истории. Собственно указанные два пути совпадают друг с другом, ибо Помпей и Цезарь являлись носителями и выразителями идеи зарождающейся империи в её двух различных фазах. Помпей представляет тот момент в развитии императорской идеи, когда она ещё не достигла, так сказать, полного сознания. Помпей своим характером совершенно соответствует такому моменту. Он был нерешительным, колебался между двумя силами тогдашнего Рима: сенатом и народным собранием. Он искал для себя единого положения в государстве, но он не имел в виду изменить учреждений своего отечества, дать ему новый строй. Цезарь представляет собою дальнейший момент развития императорской идеи, когда она уже вполне создалась, когда ясно начерталась цель и когда представитель этой идеи с ясной мыслью и с твёрдой волей идёт к исполнению того, что он считал нужным.

ПОМПЕЙ

Прежде всего нам приходится говорить о Помпее (Сп. Pompeius Magnus). Нужно сделать оговорку, что современные историки иногда бывают очень несправедливы по отношению к Помпею. Ему, можно сказать, и тут помешал Юлий Цезарь. Цезарь его победил, сбил с первоначального положения, которое он занимал, омрачил его славу. И то же самое отношение к нему продолжается и до сих пор.

Увлечение со стороны учёных Цезарем есть главная причина несправедливости по отношению к Помпею. Увлечение Цезарем есть дело сравнительно новое. В прежнее время, когда в изучении древности преобладал литературный интерес, так сказать, литературное понимание, главным и любимым лицом этого времени был Цицерон. И именно его глазами смотрели на все события последней эпохи Римской республики. Только в XIX в. литературное изучение римской истории уступило место политическому. Политическое изучение событий римской истории привело к иному взгляду на происхождение и значение империи, к иному взгляду на Юлия Цезаря, основателя империи. К такому пониманию этой эпохи истории Рима примешалось ещё и ослепительное влияние Наполеона I, которое он имел на поколения, жившие после него. Увлечение Наполеоном было исторической подготовкой для увлечения Цезарем, а увлечение Цезарем ведёт часто к несправедливому отношению к Помпею.

Помпей уже с самого начала своей жизни занял, так сказать, ненормальное положение в римском государственном строе. Об был сыном Кнея Помпея (Сп. Pompeius Strabo), который командовал легионами во время Союзнической войны.

Уже в деятельности Помпея-отца можно видеть, как изменились римские учреждения. Сенат назначил другого начальника над легионами, которыми командовал Помпей-отец. Его звали Помпей Руф (Q. Pompeius Rufus). Когда Помпей Руф прибыл в лагерь, над которым он должен был принять начальство, солдаты Кнея Помпея, недовольные новым начальником, его убили. Теперь солдаты знали не сенат, а своего начальника. Именно ему они были преданы, от него ждали донатива, раздачи земель. Они не хотели нового. И солдаты, чтобы иметь возможность остаться при старом начальнике, убили присланного к ним из Рима Помпея Руфа. Это был совершенно новый момент в истории римского войска. Характерно поступил и сам начальник. Кней Помпей вместо того, чтобы наказать убийц и восстановить дисциплину в войске, остался во главе этих легионов вопреки приказанию сената. Кней Помпей сыграл такую же роль, как и итальянские кондотьеры в средние века. Он смотрел на войско как на своё достояние, как на своё орудие. Это было войско римского полководца, римского императора. С ним Помпей придвинулся к стенам Рима в то время, когда там началась борьба между марианцами и Суллой. Он колебался, не знал, к какой партии выгоднее примкнуть. Но прежде чем решиться на это, он был убит молнией.

Его сын был ещё молодым человеком и не мог занять место отца, приняв начальство над его войском. Так как его заподозрили в склонности к партии Суллы, то марианцы, одержав верх, стали его преследовать. Он бежал в Пиценум, где было имении его отца. Сулла в это время был ещё на Востоке. Когда Сулла вернулся в Италию, высадившись в Брундизиуме, Помпей одним из первых примкнул к нему. Он собрал на землях, принадлежавших лично ему, и во всём Пиценуме, где пользовался большим авторитетом, три легиона и, став во главе их, пришёл с ними к Сулле. Конечно, Сулла был очень доволен такой по-

мощью и приветствовал молодого Помпея титулом императора (imperator), т. е. полководца, командующего собственной властью. Вы опять видите перед собой необыкновенный случай: частный человек Рима собрал войско, возглавил его и стал им самовластно распоряжаться, причём его признали императором.

Таким образом, Помпей примкнул к Сулле. Но он, однако, занимал довольно самостоятельное положение. Несмотря на свою молодость, он умел играть такую самостоятельную роль, что будто бы Сулла предсказывал ему великое будущее и будто бы сам Помпей назвал Суллу заходящим солнцем, а себя восходящим.

После смерти Суллы Помпей остался на стороне сената. Благодаря его помощи восстание Лепида было подавлено. Но Помпей не примкнул всецело к сенату. Он не был сенатором и не хотел вступать в сенат. Он занимал положение римского всадника вплоть до самого своего консульства. Помпей ждал и искал деятельности обширной. И такая деятельность ему представилась в Испании.

Во время борьбы между Марием и его противниками один из марианцев, Серторий, бежал в Испанию, захватил там власть и организовал страну как самостоятельное государство. Сенат сначала отправил против него Метелла (Q. Caecilius Metellus Pius), но Серторий успешно сражался против него. Испания была готова отложиться от Рима. Провинциалы, которые романизировались лишь отчасти, только внешним образом, возвратились к национальному самосознанию, к национальному существованию. Они видели в Сертории человека, который мог вернуть им их особое существование.

Помпей был назначен вместо Метелла в Испанию для ведения войны с Серторием. Он воевал там несколько лет вместе с сенатским войском, но в то же время как бы отдельно от него. И отношения между ним и сенатом сделались натянутыми уже во время этого испанского похода. Рассказывают, что однажды, когда сенат не удовлетворил требования Помпея, он воскликнул: пусть же сенат бережётся какого-нибудь войска, чтобы оно не подступило к стенам Рима, или сам Помпей, победив Сертория, может прийти.

Риму в то время грозила другая опасность — восстание гладиаторов или рабов²⁸², которое успело так быстро распространиться, что под знамёнами его вождя Спартака собралось более 100000 человек. Несколько римских полководцев было разбито восставшими. Наконец, для их подавления был назначен претор Марк Лициний Красс (M. Licinius Crassus Divus), которому и удалось нанести поражение Спартаку. Остатки разбитого войска Спартака двинулись на север: фракийцы, желавшие пробраться на свою родину, галлы, хотевшие пройти в Галлию, и т. д. Помпей, возвращаясь из Испании, натолкнулся на эти остатки и разбил их, успев таким образом принять участие ещё в одной войне. Он затмил славу Красса и явился в Рим с двойным триумфом: с победой над Серторием в Испании и над восставшими рабами в Италии.

Следствием этого было избрание Помпея вместо Красса консулом в 70 г. Из-за натянутых отношений с сенатом Помпей стал теперь за-

искивать у противоположной партии, у партии форума. Он видел, что форум ему мог дать больше, нежели сенат, который начал его бояться. Потому Помпей подал руку к восстановлению прав трибунов и народного собрания, одним словом, к устранению политической организации, данной Суллой. Итак, менее чем через 10 лет после смерти Суллы устранились главные черты его организации.

В это время на Востоке произошла война между римлянами и Митридатом²⁸³. Понтийский царь ранее был побеждён Суллою, но он не был сокрушён окончательно. И потому, как только умер Сулла, Митридат начал опять действия против римлян с большим успехом²⁸⁴. На его стороне был армянский царь Тигран. С ним вместе Митридат подчинил Малую Азию. Против Митридата было послано римское войско во главе с Лукуллом (L. Licinius Lucullus). Римляне сначала действовали успешно, но затем Лукулл не сумел сдерживать дисциплины. Войско отказалось следовать за ним, говоря, что лучше было бы вести их к богатым городам и храмам Малой Азии, чем в трудный поход через пустыни Месопотамии (против парфян). Дело было в том, что Лукулл и ближайшие его сподвижники, его офицеры, также были слишком заняты вопросом об обогащении и подавали дурной пример своим подчинённым. Таким образом, Лукулл не мог восстановить в войске дисциплину.

В то время когда Лукулл старался выбить Митридата с выгодных позиций, в Римской державе появился новый бич — морские разбойники. Собственно морские разбойники существовали всегда, но никогда зло, исходившее от них, не принимало таких больших размеров, как в то время, о котором идёт речь. Этот факт указывает, как была необходима в то время в Риме центральная власть. Пираты появлялись то в одной провинции, то в другой. Между тем римский проконсул был начальником только в своей провинции, вне её он был частным лицом, он не мог вне своей провинции командовать войском и делать распоряжений.

Разбойники стали так смелы, что грабили не только Грецию, но даже высадились в Сицилии и взяли Сиракузы, после чего появились на западном берегу Италии, т. е. на небольшом расстоянии от самого Рима. В Риме вздорожал хлеб, и народ стал громко роптать против сената, который не мог подавить морских разбойников. Тогда трибун Габиний (A. Gabinius) внёс в 67 г. до Р. Х. рогацію, в силу которой должен был быть назначен особый военачальник для подавления пиратов. Имени такого военачальника рогація не называла, но предусматривала, что он должен был получить чрезвычайную власть над всем Средиземным морем и над всем побережьем на 70 миль внутрь страны. Такая власть, данная на три года, сопровождалась полным правом производить наборы и отдавать распоряжения во всех примыкавших к Средиземному морю провинциях. Все знали, что речь шла о Помпее. И положение было таково, что сенат, который вовсе не хотел сосредоточения сильной власти в руках одного гражданина, почти не воспротивился рогації Габиния. Она прошла, после чего на другой день пала цена на хлеб. Купцы, которые прежде боялись, что их запасы ис-

сякнут, теперь предвидели, что Помпей скоро покончит с морскими разбойниками, начнётся подвоз хлеба и цена на него будет падать, поэтому и они опустили цену. Народ тотчас признал Помпея своим благодетелем и первым человеком в Римском государстве.

Помпей действительно обнаружил необыкновенный организаторский талант при подавлении пиратов. Он разделил весь бассейн Средиземного моря на 13 отделов, назначив для каждого из них своего начальника. В течение 40 дней он очистил западную часть Средиземного моря от морских разбойников и затем стал их повсюду преследовать. Теперь уже они не могли перебегать из одной провинции в другую, потому что везде они встречали силы Помпея, который действовал по общему плану. Поэтому морские разбойники были подавлены очень быстро, тем более что Помпей оказывался снисходительным к военнопленным. Не прошло и года, как пираты исчезли во всём Средиземном море.

Между тем положение Лукулла сделалось ещё более критическим. Тогда другой трибун, Манилий (С. Manilius), предложил передать власть над войском, которым командовал Лукулл, Помпею. Это была *lex Manilia de imperio Sp. Pompeii*. За этот закон, как и за рогацию Габиния, говорил лучший оратор тогдашнего Рима — Цицерон. По закону Манилия отнималась власть у одного полководца и передавалась другому.

Помпей и тут совершенно удовлетворил ожидания. Он быстро окончил войну с Митридатом и армянским царём Тиграном. Он не ограничился завоеванием Малой Азии, но также завоевал Сирию, взял приступом Иерусалим, в результате чего Риму стала принадлежать Азия до Евфрата. Война с Митридатом и завоевание Сирии, а также организация края потребовали несколько лет.

Между тем у Помпея должен был возникнуть вопрос, что будет после. Он на Востоке занимал совершенно выдающееся положение. Восточные люди называли его, простого римского гражданина, обычным для них титулом «царь царей». Но что стало бы с ним, когда бы он возвратился в Рим? Помпей послал в Рим преданного офицера Метелла Непота (Q. Caecilius Metellus Nepos) с тем, чтобы он принял на себя трибунат и поддержал в Риме требования Помпея, который в свою очередь хотел стать консулом, чтобы после своих блестящих побед и успехов не снизойти на степень бессильного и невлиятельного. Для этого кандидат на консульство должен был быть в Риме. У римлян был закон, по которому желающий стать консулом должен был сам быть в Риме, а Помпей там быть не мог и не хотел становиться простым гражданином. Он хотел, во всяком случае, иметь триумф, взойти триумфальным шествием на Капитолий. Поэтому поручение Метелла Непота заключалось в том, чтобы он выхлопотал бы для Помпея права искать консульства, не сложив с себя военного *imperium*. Но этого, конечно, не хотел допустить сенат, потому что это означало бы прямое признание Помпея главой государства.

Наконец, Помпей со своим войском прибыл в Италию. Все с нетерпением ожидали, что будет. По римскому закону Помпей должен

был распустить своих солдат, ибо в Италии не должно было быть войска. Обычно победоносный полководец распускал войско, ступив на почву Италии, являлся в Рим частным лицом и только для триумфа вызывал часть своих бывших подчинённых, но уже в качестве стражи. Для Помпея наступила одна из самых важных минут его жизни. Он мог предвидеть, что в случае роспуска войска противники его могли бы преодолеть. В конце концов частью по нерешительности, частью потому, что он был слишком предан легальности, Помпей распустил войско, прибыл в Рим как частное лицо для того, чтобы просить сенат признать все его распоряжения в Азии, вознаградить его солдат, как он им обещал. Но когда он явился в Рим без войска, его противники считали дело выигранным. Особенно против Помпея агитировал Лукулл, который был глубоко оскорблён тем, что Помпей, по словам того же Лукулла, выхватил у него из рук лёгкую победу. Это было неправдой, потому что Лукулл не мог окончить войны. Сенат не хотел слишком облегчать доступ Помпея к власти, был глух и нем ко всем его требованиям, считая его больше неопасным.

Тогда Помпей, как и в 70 г., обратился к противной сенату партии, к форуму и авторитетным на форуме лицам. Самым влиятельным из таких людей был кандидат на консульство 59 г. молодой Юлий Цезарь. С этим будущим консулом Помпей вступил в тесный союз, который должен был обеспечить и тому и другому цель их желаний.

Лекция 40

ПОМПЕЙ И ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ ЦЕЗАРЬ

В изложении событий римской истории мы остановились на 59 г. до Р. Х., на годе консульства Юлия Цезаря.

Ещё задолго до 59 г. Юлий Цезарь (С. Iulius Caesar) обратил на себя всеобщее внимание. Уже по своему происхождению он занимал выдающееся место в Римском государстве. Фамилия Юлиев (Iulii) не играла в римской истории особенно важной роли. Только в самый последний век республики эта фамилия пробилась в нобилитет. Но она носила древнее имя, которое особенно в эту минуту имело великое значение в Риме. Юлии производили свой род от альбанских царей и через них от богини Венеры. По римскому преданию, которое сложилось вместе с легендой об Энее, Юлии занимали царственное положение. Предание было неоднозначным. Одно предание утверждало, что Юлии прямо занимали место царей. Другое предание говорило, что Юлии были верховными жрецами. Поэтому замечательно, что Юлий Цезарь с такими усилиями добивался в Риме звания pontifex maximus. Этого звания он всё-таки добился. В этом шаге можно было видеть шаг к другому, царственному положению, которое, по преданию, его род из-

давня занимал. Но по семейным связям он стоял не на стороне сената, а на стороне форума вследствие брака между фамилиями Юлиев и Мариев. Марий был женат на тётке Юлия Цезаря. Потому первоначальная карьера Юлия Цезаря была предопределена его семейными отношениями.

Он, так сказать, родился среди форума; он с малолетства был одним из выдающихся членов демагогической партии. Форуму он обязан и первыми успехами. Вследствие всего сказанного между Цезарем и оптиматами изначально существовал антагонизм. О его жизни до получения консульства мы имеем немного сведений. Мы знаем, что Юлий Цезарь обладал теми же чертами, которые мы встречаем вообще в жизни молодых аристократов. Он отличался щедростью. Свою безрасчётную щедрость он имел возможность проявить особенно при устройстве игр для римского народа; Цезарь пользовался для этого всяким удобным случаем. Он отличался и своими долгами. Юлий Цезарь имел гораздо больше долгов, чем было его состояние. Наконец, он делался знаменитым благодаря политическим процессам, которые он вёл. Он как оратор выступал обвинителем, выступая, будучи марианцем, против членов сенатской партии, управлявших провинциями.

О его квестуре (69 или 68 г.) мы почти ничего не знаем. Трибунат ему был недоступен как патрицию. И затем мы уже встречаем претором. Описание Саллюстием заговора Катилины²⁸⁵ довольно широко освещает историю этого времени. Но всё-таки остаётся недостаточно ясным, какую роль играл в этом заговоре Юлий Цезарь.

После претуры, которая была насильственно прервана вследствие тех отношений, которые Юлий Цезарь имел к Катилине, он отправился в Испанию, и, как гласят наши источники, ему и там не пришлось много сделать. Но в одном Юлий Цезарь успел — в оплате значительной части своих долгов. Кстати замечу, что вообще денежные дела в жизни Цезаря представляют для нас один из самых тёмных пунктов. Мы постоянно слышим о его долгах, о его громадных тратах на игры, потом на подкупы. Но для нас остаётся совершенно неясным, откуда у Цезаря брались на это деньги. Конечно, Галльская война могла ему предоставить средства, но даже и в этом случае представляется несоизмеримость между тратами, которые приписываются Цезарю, и доставляемыми войной средствами.

ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ

Возвратившись из Испании, Юлий Цезарь жил в Риме, дожидаясь консульства. Конечно, он предвидел сильное сопротивление со стороны аристократии, так как уже достаточно ясно обозначился его политический характер. Поэтому нам понятна его коалиция с Помпеем, который в то время также находился в Риме в выжидательном положении.

Юлий Цезарь привлёк к политической коалиции Лициния Красса, который стоял во главе римских капиталистов. Лициний Красс нажил

себе большое состояние вследствие экономического переворота, совершившегося из-за проскрипций Суллы. Тогда в Риме множество домов продавали за бесценок, и Красс, располагавший деньгами, многие из них скупил, тем самым положив начало своему небывалому обогащению. Всадники в то время были до некоторой степени разорены. Те всадники, которые имели на откуп подати Азии, вследствие войн с Митридатом понесли значительные убытки. Поэтому они стали просить простить им громадные недоимки, числившиеся за ними. Красс был также заинтересован в этой просьбе капиталистов. Это обстоятельство и привело его к союзу с Цезарем и Помпеем.

Следствием союза трёх видных в Риме людей была поддержка Красса и Помпея Цезаря во время консульских выборов. Цезарь победил. Впрочем, римской аристократии удалось дать ему в товарищи Бибула (М. Calpurnius Bibulus), человека, чрезвычайно преданного сенату. Итак, аристократ Цезарь стал во главе форума, а плебей Бибул был в 59 г. самым яростным поборником сенатской власти.

Юлий Цезарь выступил с целым рядом предложений, относительно которых мы не имеем достаточно полных сведений. Часть его предложений клонилась к удовлетворению желаний членов триумvirата. Другая часть предложений Цезаря имела целью определённые реформы. Юлий Цезарь ввиду оппозиционности сената и Бибула проводил свои законы только путём насилия. Сенат имел два средства борьбы с форумом. И оба средства были пущены в ход. Одним из них была религия: консул и коллегия авгуров могли объявить, что небесные знамения не позволяют состояться народному собранию. И Бибул постоянно прибегал к такому средству, объявляя так называемые ферии, когда народное собрание было нельзя собирать. Другое средство борьбы сената с Цезарем заключалось в трибунате. Трибуном в то время был Катон, который также делал всё возможное, чтобы тормозить деятельность Цезаря в народном собрании. Таким образом, Юлию Цезарю удалось провести свои *leges Iuliae* только посредством явного насилия.

Главным результатом законов Юлия Цезаря было упрочение положения триумvirов. Были удовлетворены Красс и всадники. Помпей удовлетворялся тем, что сенат принял все его распоряжения в Азии, а также был принят аграрный закон, цель которого заключалась в наделении землёй ветеранов этого полководца. Конечно, Цезарь не позабыл и себя, доставив себе проконсульство в Галлии на необычных условиях. Проконсульская власть с соответствующим количеством войска и денег была ему предоставлена не на один год, а на пять лет. Кроме того, он получил не одну провинцию, а две, а в сущности три. Сначала сенат имел в виду дать ему Галлию Цизальпинскую (*Gallia Cisalpina*), которую просил Цезарь. Но затем ему была дана Иллирия (*Illiricum*) и Нарбоннская Галлия (*Gallia Narbonensis*), которая обнимала только самую южную часть теперешней Франции. И сегодня сохранилось давнее название области — *Provence* (от *Provincia*). Остальные *leges Iuliae* для нас недостаточно ясны, чтобы на них останавливаться.

Итак, Юлий Цезарь оставил Рим, и из блестящего оратора и светского человека обнаружился первый полководец не только своего времени, но и всей римской истории. Вам известно, что результатом сначала пятилетней, а потом десятилетней деятельности Цезаря в Галлии было полное завоевание этой страны, обеспечение римских границ по отношению к Германии и попытка подчинить римскому оружию и римской культуре Британию. Ещё Юлий Цезарь провёл те границы, которые теперь обозначают, так сказать, пределы римского элемента в Европе. Подчинив Галлию Риму, он создал самый крепкий оплот для римского народа и для римской культуры на севере. Впоследствии оказалось, что когда сила римского оружия и римского духа ослабела в самой Италии, она сохранилась в Галлии, сделавшейся впоследствии главным проводником римского духа в европейские страны.

Между тем в самом Риме всё более и более обнаруживалась анархия. Насильственные средства, употреблённые Юлием Цезарем во время своего консульства, явно обнаружили несостоятельность тогдашних римских учреждений. Во время консульства Цезаря имело место необыкновенное пренебрежение к старинным римским учреждениям, к трибунату, к авгурству. Это должно было служить последним толчком для Рима по пути к анархии, особенно развившейся в то время вследствие того, что в Риме выступил человек, как будто бы созданный для олицетворения анархического элемента. Это был Клодий (P. Clodius Pulcher)²⁸⁶, который, принадлежа к патрициям, к фамилии Клавдиев, перешёл в плебеи под именем Клодия. Анархия выразилась в том, что передовой человек сенатской партии, Цицерон, подвергся опале. Клодий вовсе не был мстителем за Катилину и за его сообщников. Опала на Цицерона была предпринята для того, чтобы нанести удар сенату. Цицерон должен был уйти в изгнание, его имущество и дом в Риме были конфискованы. И Клодий для того, чтобы навсегда помешать возвращению Цицерона, построил на его земле храм Свободы, как бы в насмешку над ней, и дом для себя.

Но анархия, во главе которой стоял Клодий, развивалась так сильно, что побудила Помпея, находившегося в антагонизме с сенатом, сблизиться с ним. Следствием этого было возвращение Цицерона и восстановление его в прежнем положении. Следствием сближения Помпея с сенатом был и закон Мессия (lex Messia), который имел целью, как и аналогичные законы Габиния и Манилия, дать Помпею выдающееся положение, удовлетворяющее его самолюбие и тщеславие. В то время в Риме чувствовали голод, что и подало повод предоставить Помпею первое место в государстве. По предложению Мессия Помпею должна была быть поручена *cura rei frumentariae*, заведование хлебным вопросом. Он некогда уже явился в роли спасителя римского государства. И теперь ему была поручена забота о хлебе на пять лет. Для того чтобы Помпей мог привести в исполнение задуманное дело, ему было предоставлено право распоряжаться римской казной, иметь множество легатов. Итак, Помпей предстал перед сенатом в совершенно нереспубликанском положении. Сенату, несмотря на то, что ему пришлось заискивать перед Помпеем, требование Мессия показа-

лось столь преувеличенным, что он их несколько сузил, уменьшив права знаменитого полководца.

Другой вопрос, возникший в то время, был связан с Египтом (он тоже послужил причиной нового раздора Помпея с сенатом). Египет в то время был единственной страной в мире²⁸⁷, которая ещё не была ограблена римлянами, где ещё находились громадные сокровища, скопленные частью в казне египетских царей, частью в египетских храмах. Между тем в Египте давно происходили смуты, и вопрос о престолонаследии находился в шатком положении. Помпей хотел воспользоваться египетским вопросом для того, чтобы, получив поручение от сената, распорядиться египетскими делами и создать себе новое положение на Востоке. Но сенат боялся дать ему такое поручение и тормозил египетские дела.

Этим обстоятельством чрезвычайно искусно воспользовался Юлий Цезарь. Он убедился, что, несмотря на необыкновенный успех и победы, покорение Галлии или, вернее сказать, замирение Галлии не может быть окончено в продолжение пяти лет. Поэтому ему нужно было остаться в Галлии подольше, продлить свою проконсульскую власть. И он воспользовался охлаждением отношений между Помпеем и сенатом и предложил Помпею и Крассу свидеться с ним, переговорить о римских делах.

В 56 г. в городе Лука (Luca, ныне Лукка), который в то время ещё не находился в Италии, но располагался в Цизальпинской Галлии, снова свиделись триумвиры и возобновили триумвират. Кроме них туда же поспешила масса сенаторов, причём сенат, собравшийся у триумвиров в Луке, был многочисленнее и более блестящим, чем римский сенат. Но толпа сенаторов, многие из которых явились для получения с Цезаря денег, не была посвящена в тайны триумвиров. Основанием новой сделки между триумвирами был следующий раздел власти между ними. Цезарю было обеспечено продолжение проконсульской власти в Галлии ещё на пять лет. Помпей и Красс должны были выступить кандидатами на консульство, а затем по прошествии консульского года должны были сделаться проконсулами и получить: Красс — Восток, Сирию, где ему предстояла возможность воевать с парфянами, а Помпей — обе испанские провинции с правом не выезжать из Рима и заведовать Испанией посредством наместников.

Помпей и Красс, два консула, на время положили конец анархии. Помпею удалось провести несколько законов, которые имели целью помешать дальнейшему развитию анархии (а она развивалась ещё сильнее, чем прежде). Теперь не один Клодий производил смуту, но и его противники, среди которых особенно выделялся Милон (T. Appius Milo Parianus). И они теперь, подобно Клодию, стали вербовать вооружённые шайки, которые производили насилия и давали на форуме друг другу сражения. Римское народное собрание превратилось в поле брани, где боролись не римские граждане своими мнениями, а гладиаторы мечами. Такое развитие анархии, наконец, побудило сенат искать опоры у Помпея, который и был избран единовластным консулом в 52 г. до Р. Х. Впервые в римской истории в консулы было избрано

одно лицо. А сущность консульской власти заключалась в коллегиальности. Такой поворот событий произошёл, вероятно, оттого, что Помпея не хотели сделать диктатором, так как ещё были свежи воспоминания о диктатуре Суллы. Помпей согласился быть единовластным консулом. Сенат рассчитывал, что Помпей не долго будет находиться в таком положении, что он подавит беспорядки и выберет себе товарища. Но Помпею так нравилось такое состояние дел, что он целый год был единовластным консулом, явно обнаружив свои честолюбивые стремления (с одной стороны, перед сенатом, а с другой — перед Цезарем).

С этого времени постепенно стала вызревать размолвка между двумя важнейшими и наиболее влиятельными гражданами Рима — между Помпеем и Цезарем. Возможность их размолвки была вызвана смертью Красса, который, как вам известно, погиб во время похода против парфян. В результате не стало умиротворяющего элемента между Цезарем и Помпеем. К этому прибавился и целый ряд случайных обстоятельств. Например, смерть дочери Юлия Цезаря и жены Помпея, которую он очень любил. Смерть Юлии разорвала связь между Цезарем и Помпеем, а брак Помпея на дочери Метелла Сципиона (Q. Caecilius Metellus Pius Scipio), одного из главных представителей сенатской партии, ещё более сблизил Помпея с сенатом. Во время своего единовластия Помпей успокоил Рим, заставил Милона, который незадолго перед тем открыто убил Клодия на Аппиевой дороге, уйти в изгнание, употреблял строгие меры против беспорядков. Но он также провёл несколько постановлений, которые были как будто бы направлены против Юлия Цезаря. По крайней мере, эти постановления могли сделаться опорой для враждебных действий сената против Цезаря.

Таким образом, всё больше и больше обнаруживалась размолвка Помпея и Цезаря. Выдвигался вопрос, в каком положении окажется Юлий Цезарь после окончания срока его проконсульства в Галлии. Этот вопрос был одним из самых важных, но сведения о нём неясны. Поэтому в каждом из сочинений современников той эпохи дело представлялось особым образом. Одни совершенно оправдывали Юлия Цезаря и представляли дело так, как будто сенат и Помпей были наступающей стороной. Другие (отчасти Светоний) приписывали Цезарю главную роль в разрыве между ним и сенатом. Нужно было бы подробно касаться мелочей, чтобы разъяснить вопрос и в том, и в другом смысле. Но я не буду входить в рассмотрение этого дела, укажу лишь на два его пункта. Во-первых, речь шла о сроке окончания проконсульства Юлия Цезаря. Сенат настаивал, чтобы этот срок окончился 1 марта 49 г. до Р. Х., а Цезарь — 1 января 48 г. до Р. Х. Во-вторых, стоял вопрос о праве Юлия Цезаря выступить кандидатом на консульство на 48 год, не сложив с себя проконсульской власти и не оставив команды над войском. Юлий Цезарь, очевидно, не хотел повторить ошибок и промахов Помпея, которые он допустил после победы над Митридатом. Он не хотел явиться в Рим простым гражданином, которого всякий мог привлечь к ответственности. А в

жизни Юлия Цезаря было много моментов, за которые его можно было привлечь к ответственности. Например, за насилие, совершённые во время его консульства, с помощью которых были проведены *leges Iuliae*.

Затем нам совершенно не ясен ход столкновения Цезаря с сенатом.

В общем можно только сказать, что в 51 г. до Р. Х. указанные вопросы настолько назрели, что сделались предметом прений в сенате. Но сенат сам долго колебался разрешить эти вопросы, тем более что Юлий Цезарь умел тормозить их решение, привлекая на свою сторону то одного из консулов, то какого-либо трибуна. Так дело шло до сентября 51 г., до того времени, когда сенатская партия взяла верх и провела постановление, в силу которого консулам следующего года было поручено приискать преемника на должность проконсула Галлии. Наступил 50 г. Опять консулами стали сторонники сенатской партии. Но на стороне Юлия Цезаря был трибун Курион (*C. Scribonius Curius*) потому, что, как думали одни, он был подкуплен Цезарем или по своим политическим убеждениям, как полагали другие. Курион выступил с предложением, чтобы оба лица, между которыми предстояла борьба (Юлий Цезарь и Помпей), сложили с себя полномочия. Сенат принял его предложение большинством в 370 голосов против 22, что указывает на то, что этот орган власти твёрдо не стоял на стороне Помпея, боялся Помпея. В сущности, сенат желал избавиться и от Помпея, и от Цезаря. Это указывает нам на слабые стороны в лагере противников Цезаря. Помпей в силу своего характера вовсе не желал быть оружием сената. Вследствие этого он не был в состоянии действовать согласно с сенатом. С другой стороны, сенат опасался и Цезаря, и Помпея.

Наконец окончился 50 год. 7 января 49 г., почти за 2 месяца до 1 марта 49 г., когда Юлий Цезарь должен был уже, по толкованию сената, оставить Галлию, сенат сделал крайний шаг: он издал *senatus consultum ultimum*, в силу которого Порций Катон (*M. Porcius Cato Uticensis*) назначался преемником Цезаря, а сам Цезарь должен был оставить Галлию и войско. Трибун Марк Антоний (*M. Antonius Triumvir*) протестовал против такого постановления. Затем Антоний вместе с Курионом оставил Рим и отправился к Цезарю, который в то время стоял с одним легионом на Рубиконе, на пограничной речке между Цизальпинской Галлией и Италией. Когда Юлий Цезарь получил известие о том, что сенат открыто проявил по отношению к нему враждебность и что преданные ему трибуны были вынуждены оставить Рим, то он обратился к своему войску как бы за защитой. Он призвал своих солдат к защите порядка в Риме, к защите священных прав трибунов. Цезарь перешёл Рубикон и начал междоусобную войну. Её главные факты вам известны. Результатом этой войны была полная победа Юлия Цезаря над Помпеем и над сенатом.

Война заняла столько времени у Юлия Цезаря, что ему оставалось ещё немного, несколько месяцев, для того чтобы проявить себя в качестве политического преобразователя Рима. Поэтому нужно иметь в виду, что преобразовательская политика Цезаря была, так сказать,

фрагментарная, представляла собой, так сказать, только торс. Историкам же приходится дополнять этот торс собственными толкованиями. Такая работа учёных относительно изображения Юлия Цезаря как победителя приводит к чрезвычайному разнообразию мнений.

Я уже говорил о том, что в наше время памятью Юлия Цезаря гораздо более дорожат, чем когда-либо ранее, указывая на то, что причиной того отчасти является особое течение политической жизни в некоторых государствах, а отчасти и культ гения. В последнее время в литературе каждого из западных народов можно встретить сочинение, которое служит выражением необыкновенного поклонения Юлию Цезарю. Всего более это поклонение встречается во Франции. Одним из наиболее замечательных представителей этого поклонения был основатель позитивистской философии Огюст Конт. Почему же Огюст Конт так увлекался личностью Цезаря и его преобразованиями? По мысли философа, Юлий Цезарь был одним из благодетелей человечества, потому что ввёл свой календарь, который должен был заменить христианский календарь. Огюст Конт отводил Юлию Цезарю первое место, посвящал его памяти много времени. Но и, так сказать, трезвые историки Франции поддерживают культ Цезаря. К их числу принадлежит и министр образования времени Наполеона III Дюруи. В Германии культ Цезаря особенно заметен у Моммзена. Для него Юлий Цезарь не только гениальный человек, но и, можно выразиться, бог-человек. Ещё более странно, что и в английской литературе последнего времени тоже проявилось поклонение Цезарю. Его выразителем, между прочим, явился Фрауд, автор «Истории Англии XVI в.». Он был последователем Карлейля, который возвёл культ гения в принцип. Вероятно, под влиянием Карлейля Фрауд усвоил преувеличенный взгляд на Юлия Цезаря. И у него мы находим совершенно независимо от Моммзена взгляд, в силу которого Юлий Цезарь изображался в сверхъестественных формах и образах.

Лекция 41

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Самый существенный, самый интересный вопрос в истории Юлия Цезаря, конечно, есть вопрос о том, как он сам понимал свою историческую роль. Этот вопрос распадается ещё на два. Во-первых, насколько ясно он сознавал цель своих политических стремлений или, другими словами, насколько сознательно он стремился к политической революции в Риме, насколько ясно он имел в виду необходимость устранения прежнего республиканского строя, одним словом, насколько сознательно Цезарь стремился к царской власти. Во-вторых, как он сам смотрел на своё положение, когда он достиг полной победы, и какую окончательную форму он имел в виду дать римским учреждениям и собственному положению.

Что касается первого вопроса, то понятно, что при увлечении Юлием Цезарем так естественно представить делом одного Цезаря то, что было целью либо результатом известной римской жизни, было в самом основании римской жизни. Действительно, мы очень часто видим у историков желание представить дело так, как будто Юлий Цезарь с самого малолетства совершенно ясно понимал, какое служение ему предстояло. Слишком часто Юлия Цезаря отождествляют с молодым Геркулесом, который, ещё будучи младенцем, собственными ручонками задушил чудовище. Дело в том, что это было в мифологии, но так не было в жизни. Вместе с ростом человека растут и расширяются его представления и замыслы. К сожалению, в жизни Юлия Цезаря ввиду недостатка материала мы не имеем возможности проследить постепенного расширения его политического кругозора, вызревания у него политической мысли. Но мы имеем полное основание утверждать, что нельзя видеть намеренности в деятельности Юлия Цезаря с самого начала его жизни. Спорным является вопрос о том, имел ли в виду Юлий Цезарь, что он будет вынужден ниспровергнуть республиканский строй в Риме.

Обратимся теперь к другому вопросу: как Цезарь воспользовался своим положением. Если Цезарь не с самого начала стремился к положению, которое можно назвать царственным, то несомненно, что после его победы над Помпеем и сенатом он занял в Риме царское положение фактически. Это выражалось в предоставленных ему правах.

ПРАВА ЦЕЗАРЯ

Вам известно, что Юлий Цезарь сосредоточил в своих руках все республиканские магистратуры. Вся римская история, порождая появление одной магистратуры за другой, как будто вела к тому результату, чтобы все отдельные магистратуры, наконец, сосредоточились в одних руках. Цезарь был избран диктатором, был назначен бессмертным диктатором — *dictator perpetuus*. Цезарь был избран консулом на 10 лет. Он сам не хотел быть постоянным консулом, потому что консульская власть по римскому преданию слишком была связана с представлением о срочной, годичной власти. Сам римский год получал название от имени консулов.

Кроме того, Цезарю была предоставлена цензорская власть под названием *praefectura morum*, а также трибунская власть. Он не мог быть трибуном, но было объявлено, что он обладает *tribunicia potestas*. Как вам известно, он был ещё и *pontifex maximus*, который играл важную роль в политической и религиозной жизни римского народа.

Но кроме названных магистратур Юлию Цезарю были предоставлены и обширные права, которые прямо не вытекали из занимаемых им должностей. Во-первых, ему было предоставлено командование над всеми римскими войсками. Он получил такую власть под именем императора (*imperator*). Императорство он получил не как особую долж-

ность, а как личное имя, которое, так сказать, было вставлено в его имена и должно было принадлежать его наследникам.

Затем ему было предоставлено право распоряжаться римской казной, право распоряжаться провинциями, т. е. назначать помимо сената провинциальных магистратов. Он также мог назначать должностных лиц и в самом Риме. Цезарь, однако, не вполне пользовался этим правом. Он увеличил число магистратур: так, количество квесторов возросло с 20 до 40. Цезарь только половину этих магистратов назначал сам, остальные же выбирались в народном собрании. Но и это было только номинальным. Вся власть на деле сосредоточилась в руках Цезаря.

ПОЧЕСТИ ЦЕЗАРЯ

Положение Цезаря будет ещё яснее, если мы обратим внимание на те почести, которые ему были предоставлены сенатом. Их можно разделить на две категории: почести человеческие, не выходившие, так сказать, за пределы представлений о человеке, и почести, выходившие за таковые. К первому разряду принадлежали следующие. Цезарю было предоставлено почётное место в сенате между двумя консулами. Кроме того, он мог всегда говорить первым, руководить сенатскими заседаниями.

Ему было предоставлено право давать сигнал, знак к началу игр и зрелищ. Раньше такое право принадлежало консулу, а теперь перешло к Цезарю.

Юлий Цезарь мог обвивать свои фасции (*fascies*) лаврами и носить постоянно лавровый венок. Этим последним правом Цезарь особенно дорожил, причём дорожил более из личных соображений, чем из политических. Лавровый венок просто скрывал его лысину.

Ему было дано имя *pater patriae*²⁸⁸, и пятый месяц в римском календаре был назван его именем, которое он носит и ныне — июль (*Iulius*).

К «человеческим» почестям присоединялись и те почести, которые выходили за пределы понятий о людях. Может быть, римский сенат наделил ими Цезаря не только из одного раболепства перед победителем, но и из некоторого коварства.

Сюда относилось воздвижение статуи Юлия Цезаря на виду, вместе с семью статуями римских царей, на римском форуме, а также включение его имени в молебствие, которое совершалось в храмах. Конечно, такой обычай был заимствован из жизни восточных монархий.

Далее, Цезарю было предоставлено право устроить на своём доме *fastigium*, т. е. остроконечный верх, что в Риме допускалось только на храмах, а не на частных постройках.

Затем Юлий Цезарь был, можно сказать, прямо при жизни возведён в божество. Ему была поставлена в храме Квирина статуя с надписью. Подобно тому, как каждое главное римское божество имело фламину, был фламин и у Юлия Цезаря.

Царственное положение Юлия Цезаря выражалось и в его образе действий, прежде всего в необыкновенной снисходительности и милосердии по отношению к побеждённым. Ещё даже до окончания войны он был необыкновенно великодушен, более великодушен, чем кто-нибудь в римской истории. По окончании войны он отступил от обычая римлян: если он был вынужден проводить конфискацию имущества римских сенаторов, павших в борьбе с ним, то он делал оговорку, что имущество их жён не должно было отбираться.

Он возвращал сенаторов в сенат, которые на это соглашались, после Фарсальской битвы²⁸⁹, старался вообще по возможности своим великодушием привлечь на свою сторону противников.

Царственное положение Цезаря выражалось и в целом ряде мер, проведённых им. При этом нужно иметь в виду, что Юлий Цезарь почти всё время с момента перехода его войска через Рубикон проводил вне Рима. Всего лишь за несколько месяцев до его убийства Цезарь возвратился из Испании, где воевал с последними сторонниками сенатской партии. Во всех мерах, которые Юлий Цезарь успел принять, он обнаружил впервые истинно царскую заботу о римских провинциалах и о целом римском государстве. Существенное различие между римской политикой до Цезаря и политикой самого Цезаря, насколько оно обрисовывается в немногих мерах, до нас дошедших, заключается в отношении к самому Риму.

Благодаря щедрости Юлия Цезаря Рим действительно сделался столицей тогдашнего мира. Ещё прежде, чем Цезарь стал во главе римских дел, он тратил громадные суммы на переустройство Рима, на украшение города зданиями, которые соответствовали бы его величию. Он также заботился и о всех городах Италии и империи. Есть целый ряд законов Юлия Цезаря, которые относились к организации городской жизни и городского благосостояния в муниципиях, в Италии и в провинциях.

Затем был целый ряд мер, которые имели в виду целое. Юлий Цезарь положил основание кадастру в Римском государстве, который должен был быть исходным пунктом для правильного распределения прямых податей.

Юлий Цезарь ввёл новый календарь, с помощью которого он устранил те замешательства, повод к которым давал прежний римский календарь. Это был общий календарь для всего образованного мира.

Юлий Цезарь ввёл в Риме золотую монету, золотую валюту. Когда Рим окончил завоевание Италии, как вы знаете, в Риме перешли от медной монеты к серебряной. Теперь, когда окончился период республики, Рим перешёл от серебряной валюты к золотой.

Цезарь дал право римского гражданства тем провинциалам, которые до этого дозрели. Другим областям или отдельным странам он дал так называемое латинское право, которое должно было служить переходом к положению римских граждан. Можно думать, что если бы Юлию Цезарю была бы суждена дальнейшая деятельность, то всего

более именно в этом отношении он бы предпринял, чтобы сблизить римлян с провинциалами, чтобы слить элементы в одну среду.

Юлий Цезарь имел мысль о кодификации римского права для того, чтобы оно сделалось общим правом всей римской державы. Его мысль, как известно, была осуществлена только пятью веками спустя, во время падения Римской империи, при Юстиниане.

Такой же царственный характер Юлий Цезарь проявлял по отношению к старым римским учреждениям. Цезарь достиг своего положения с помощью римского форума, он хорошо для себя воспользовался недугами Римской республики, пользовался форумом для своего личного честолюбия. Когда Юлий Цезарь достиг своей цели, тогда он отнёсся к республиканским учреждениям сообразно со своим положением. Во-первых, он положил конец демагогии, которая всё более и более развивалась в последние годы республики. Появлялись новые демагоги, вроде Долабеллы (P. Cornelius Dolabella), которые, рассчитывая на близкие отношения с Цезарем, пользовались его отсутствием для демагогической агитации. Тогда Цезарь резко и круто положил ей конец.

Междоусобные войны ещё более увеличили число бесприютного народа в Риме. Цезарь и тут поступил очень решительно. Он понимал, что невозможно содержать всех римских граждан за счёт государства. И он уменьшил наполовину число тех граждан, которые могли получать даровой хлеб. Он установил тахитум тех, кто мог это делать, и на место умерших могли поступать только новые лица. Таким образом Юлий Цезарь превратил римский пролетариат в пенсионеров Римской империи.

Относительно сената Юлий Цезарь также действовал, имея в виду не прежнюю политическую вражду с ним, а общие интересы государства. Он понимал, какое значение имел сенат и какую пользу могло принести это учреждение при новых условиях. Поэтому он прежде всего постарался пополнить сенат. Цезарь довёл его до 900 человек. Конечно, большинство новых сенаторов было из новых людей, образовалось из офицеров армии Цезаря. Этим путём в римский сенат прошло много провинциалов. Юлий Цезарь старался управлять государством от имени сената. Цицерон сообщает, что Цезарь иногда получал благодарственные письма от разных городов, от династов с Востока за какие-нибудь постановления сената. Сам Цицерон ничего не знал о том, что Юлий Цезарь распоряжался от имени сената для того, чтобы сохранить до некоторой степени ореол, связанный с именем этого учреждения.

Но нельзя не сказать, что в некоторых мерах Юлия Цезаря проявлялась, так сказать, излишняя раздражительность и пренебрежение к старым римским учреждениям. Конечно, не всё, что сохранилось в этом отношении до нашего времени, можно принимать на веру. Многое, что сохранилось в источниках, имеет вид шутки, вызванной желанием поострить. Таковы, например, насмешки, которым подвергались новые сенаторы Цезаря, и надпись, появившаяся на улицах, в которой вызывались римские граждане для того, чтобы показать новым сенаторам дорогу в курию как варварам, её не знавшим. Здесь можно видеть или

просто желание поострить, или оскорблённую гордость старых римских сенаторов, которые не желали видеть в сенате провинциалов. Или же это другая острота, что *Galli braccas deposuerunt, clavum latum sumpserunt*.

Но есть факты, указывающие на излишнее пренебрежение Цезаря по отношению к сенату и римским учреждениям. Например, довольно достоверен факт, что Цезарь однажды принял сенаторов сидя, не вставая со своего места. Затем есть известие о том, как он поступил с трибунами, хотевшими противодействовать культу Цезаря в Риме и приказавшими снять венки со статуй Цезаря. Поэтому можно думать, что некоторыми своими мерами Юлий Цезарь содействовал тому раздражению, которое всё более и более накалялось против него в Римской державе.

УБИЙСТВО ЦЕЗАРЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Главная причина раздражения жителей Римского государства против Цезаря заключалась не в некоторых возможных его ошибках, а в самом его положении. Перед ним стояла великая проблема: какую форму дать римским учреждениям. Его собственное положение не было нормальным, оно было не чем иным, как аккумуляцией разных римских магистратур. Такая аккумуляция городских и чисто римских должностей не содействовала прочности его действительного положения и тем обязанностям, которые лежали на нём. Самым естественным выходом из такого положения было бы принятие царской власти, чего желали одни и боялись другие. Царская власть имела совершенно различное, диаметрально противоположное значение для восточной половины Римской державы и для западной. Для восточной половины это была самая естественная форма. Если бы Цезарь принял царскую власть, то этим он указал бы восточным провинциям средство сделаться равными римским гражданам. Но царская власть имела совершенно другое значение для римлян. Им она напоминала только прежнее рабство, стоявшее за пределами их истории, и его восстановления они вовсе не желали. Из этого положения и вышла та коллизия, которая была причиной смерти Юлия Цезаря.

Но убийство Юлия Цезаря не дало ожидаемых плодов, не осуществило мечты заговорщиков и их главных вождей Брута (*M. Iunius Brutus*) и Кассия (*C. Cassius Longinus*). Убийство Цезаря привело к совершенно противоположным результатам, которые были самыми плачевными для Рима и в узком, и в широком смысле. Непосредственным результатом убийства Юлия Цезаря была 14-летняя междоусобная война, разорвавшая Рим, Италию и провинции. И всё-таки мысль Цезаря в общем осуществилась: племянник, которого он готовил себе в преемники, овладел верховной властью в Риме, хотя не в форме царской²⁹⁰ власти, а в форме принципата, т. е. в форме, более прилаженной к римским учреждениям. Принципат был, так сказать, компромиссом между Римом и Востоком.

Принципат относится собственно к истории империи, и здесь я не стану касаться этого очень сложного вопроса*. Принципат — это переходная форма между указанными двумя положениями. Таким образом, Юлия Цезаря можно назвать основателем Римской империи и к нему отнести те блага, которые Римская империя принесла за всю её историю.

Можно сказать, что установление империи было необходимым и естественным результатом всей предшествовавшей римской истории. Дуализм, который был следствием римских завоеваний, дуализм между Римом и греческим Востоком, мог разрешиться только в форме новой власти, а именно в форме царской власти. Подобно тому как первый дуализм (между патрициями и плебеями) вызвал к жизни новую магистратуру — трибунат, так и теперь дуализм между римлянами и провинциалами вызвал к жизни принципат, императорскую власть. И подобно тому как трибунат представлял собою движущее начало в истории, так и теперь новая власть, царская власть в период Римской империи являлась движущим началом и исторической силой.

Но императорская власть была не только естественным продуктом прошлого. Она послужила основанием и для далёкого будущего. На значение императорской власти можно указать в трёх направлениях.

Во-первых, императорская власть в Риме имела политическое, государственное значение. Рим всё ещё был городом, и, хотя он давно достиг объёма государства, но он никак не мог отделаться от своих пелёнок, от муниципальных форм. При императорской власти Рим от городских форм перешёл к формам государственным.

Во-вторых, можно указать на культурное значение императорской власти. Под её руководством и охраной произошла ассимиляция Востока и Запада. Греческая культура, эллинизм²⁹¹, получили возможность оплодотворить римский Запад, а посредством римских учреждений, выработанных на Западе, оказалось возможным поддержать дальнейшую жизнь и дальнейшее развитие греко-восточной культуры, эллинизма.

Третье историческое значение императорской власти заключалось в том, что она охраняла античную культуру, защищала её от северных варваров и передала её другим народам, народам европейским. А потом, когда защита стала невозможной, именно в идее императорской власти античная культура перешла к западным народам через Рим-Византию.

* С этим вопросом вы можете ознакомиться по моим статьям об Августе в «Вестнике Европы» за 1877 г. В. И. Герье.

УКАЗАТЕЛЬ

А

Август 181, 327
Авентин 43—44, 282
Агис 259
Адриа (Adria, Hadria) 141
Аквиля (Aquila) 153, 223
Александр Македонский 109, 144
Алкивиад 189
Аллоброги 173
Альба (Alba) 140, 151
Альба-Лонга (Alba Longa) 43, 45, 129
Амитернум (Amiternum) 155
Анагния (Anagnia) 155
Андриск 213
Анкона (Ancona) 158
Антиох 210—211, 225, 240, 242
Антоний Оратор (M. Antonius Orator) 295
Антоний-триумвир (M. Antonius Triumvir) 320
Аполлон 167, 247
Аппиан 275, 278, 293
Аппий Клавдий децемвир (Appius Claudius decemvir) 100—104
Аппий Клавдий Младший; vis Claudiana 257
Аппий Клавдий Сабин (Appius Claudius Sabinus) 46—47
Аппий Клавдий Сабин Секунд (Appius Claudius Sabinus Secundus) 85
Аппий Клавдий Слепой (Appius Claudius Caecus) 104, 136, 143, 171, 180, 187, 189—191, 194
Апулей Сатурнин (L. Apuleius Saturninus) 289—293, 295, 303, 306
Ардея (Ardea) 137, 149
Ариминум (Ariminum) 152, 205
Аристотель 48, 251—252
Ариция (Aricia) 137
Армения 305
Арминий 39
Арно 158
Арпинум (Arpinum) 155, 288
Аррециум (Arretium) 158
Аскулум (Auscum) 158
Ассирия 39
Аттал 214
Атина (Atina) 155
Аускулум (Auscum) 141, 145
Афины 106, 159, 202, 250
Афродита 250
Ахайдя 214, 217
Ацилий Глабрион (M. Acilius Glabrio) 211, 226

Б

Бабеф 269
Барнум (Barium) 159
Беллох 148
Беневентум (Beneventum) 146, 152
Блоссий 262
Бовиан (Bovianum) 159
Бойи (boii) 133
Бонония (Bononia) 133, 153
Брундициум (Brundisium) 152
Брут-отец (M. Iunius Brutus) 308
Брут-сын (M. Iunius Brutus) 326
Буасье 309
Буксентум (Buxentum) 148

В

Вавилония 39
Вагитан (Vagitanus) 168
Вахх 247—249
Валерий Максим (Valerius Maximus) 173, 181
Вальтер 88—89
Варрон (M. Terrentius Varro) 72, 206
Ватикан 39
Вейи (Veii) 43, 120, 127—128, 130—132, 149, 170
Великая Греция 141
Венера 245, 247, 314
Венузия (Venusia) 141, 145, 151
Вестины 135
Вибо (Vibo) 153
Виллемс 193
Виминал 44
Виргиния 100—102, 181
Волатерры (Volaterrae) 158
Вольски 129—130
Вольтурнум (Vulturum) 148

Г

Габи (Gabii) 43
Габиний (A. Gabinius) 312
Гай 106—107, 110—111
Галлы-сеноны (Galli Senones) 142
Гальбхер 109
Гамилькар 201, 204
Ганнибал 152, 154, 161, 183, 201, 204—208, 211, 238, 260
Гасдрубал 201, 204, 208
Гелиос 167
Геллий Авл (Aulus Gellius) 67, 111

Гераклея (Heraclaea) 145
Гермодор 105, 108
Герники 136, 140
Герцоговина 223
Тиерон 195
Гостилий Манцин (С. Hostilius Mancinus) 263
Готофред 111
Грахх, Кай (С. Sempronius Gracchus) 100, 233, 261–262, 265, 273, 276–288, 289, 303
Грахх, Тиберий (отец) (Ti. Sempronius Gracchus) 225, 261
Грахх, Тиберий (сын) (Ti. Sempronius Gracchus) 81, 261–278, 281, 286–287, 289–291, 303

Д

Деметриада 210
Децемвират 84, 94, 98–105, 116
Деций Мус (Р. Decius Mus) 136, 140–141, 146, 185
Диана 45
Диоген Лаерций 108
Диодор 137, 296
Дион Кассий 95
Дионисий Галикарнасский 59, 95, 98–99, 101–102, 137, 140
Диофан 262
Дрепанум (Drepanum) 171, 198
Дуэро 263
Дюруи 321

Е

Египет 39, 145, 210

З

Зама 208, 226
Зонара 76

И

Игувиум (Iguvium) 158
Изида 247
Илиада 164
Иллирия 214, 223, 316
Ине 64
Интерамна (Interamna) 151
Итердука (Iterduca) 168

К

Кавдинское ущелье 139
Казилинум (Casilinum) 161

Кальпурний Бибул (М. Calpurnius Bibulus) 316
Кальпурний Пизон (L. Calpurnius Piso Frugi) 229–230, 232, 280–281
Камеринум (Camerinum) 158
Камилл 123, 170
Канны (Cannae) 206
Капитолий 37–38, 44, 110, 226, 272, 275, 292, 313
Капуя (Capua) 135, 183, 207
Кария 210
Карлейль 321
Кассий Лонгин (С. Cassius Longinus) 223–224, 226
Катилина 315
Катон Младший Утический (М. Porcius Cato Uticensis) 320
Катон Старший (М. Porcius Cato Sensorius) 178–179, 211, 213, 226, 238–240, 258
Квиринал 39, 44
Кельты 132–133, 140, 203
Кибела 247, 255
Кимвры 288
Киноскефалы 211
Клавдий Пульхр 171
Клеомен 262
Клодий Пульхр (Р. Clodius Pulcher) 317–319
Клузиум (Clusium) 158
Коза (Cosa) 151
Колонии 80, 146–153
Конт 321
Коринф 202, 210–211, 214, 242
Кориолан (Coriolanus) 85, 181
Корнелий Долабелла (Р. Cornelius Dolabella) 325
Корнелий Непот (Cornelius Nepos) 182
Корнелий Руфин (Cornelius Rufinus) 187, 193
Корункании 202
Корфиниум (Corfinium) 158, 298
Кремона (Cremona) 152
Крымская война 131
Крюгер 73
Крюков 45, 73
Куллеон (Q. Terentius Culleo) 225
Курий Дентат (Ман. Curius Dentatus) 146, 185
Курия 37, 53, 76

Л

Лабулэ 231
Ланге 69, 89–90
Ланувииум (Lanuvium) 137
Лациум 45, 130, 136–137, 139, 149, 196
Лаурентум (Laurentum) 137
Левана (Levana) 168

Лелий (С. Laelius) 260–261
 Лельевер 105
 Леонтьев 267–268
 Ливий (Т. Livius Patavianus) 59, 63–64, 66, 70, 73, 82, 95, 101–102, 112, 117, 130, 136, 139–140, 170, 191, 205, 237, 242, 248, 257, 309
 Ливий Друз-отец (М. Livius Drusus) 233, 285
 Ливий Друз-сын (М. Livius Drusus) 293–297, 303
 Ликия 210
 Лилибей (Lilybaeum) 146, 200
 Лириис (Liris) 137, 148, 151
 Литернум (Liternum) 148
 Лициний Красс, Л. (L. Licinius Crassus) 295–296
 Лициний Красс, М. (М. Licinius Crassus) 311, 315–316, 318–319
 Лициний Столон (С. Licinius Calvus Stolo) 41, 120–121, 266
 Лонгула (Longula) 140
 Лука (Luca) 318
 Лукреций Галл (С. Lucretius Gallus) 228
 Лукреция 181
 Лукулл (L. Licinius Lucullus) 312–314
 Лутаций 200
 Лютер 39
 Люцерия (Luceria) 139–140

М

Магнезия 212
 Мадвиг 151
 Македония 141, 145, 210–213, 217, 223, 236, 240
 Малевентум (Maleventum) 146
 Манилий (Manilius) 313
 Манлий Вульсон (Сн. Manlius Vulso) 223
 Манлий Капитолийский (М. Manlius Capitolinus) 46, 100, 271
 Манлий Торкват (Т. Manlius Torquatus) 136, 174–175
 Марий (С. Marius) 155, 244, 288–293, 299–302, 305, 311, 315
 Марруцины 135
 Марсы 135
 Марций Рутил (С. Marcius Rutilus) 125
 Марций Филипп (L. Marcius Philippus) 295
 Масинисса 213
 Мевания (Mevania) 140
 Медиоланум (Mediolanum), Милан 203
 Меммий 292
 Мессана (Messana) 197, 209
 Метелл Нумидик (Q. Caecilius Metellus Numidicus) 290, 291
 Метелл Непот (Q. Caecilius Metellus Nepos) 313

Метелл Пий (Q. Caecilius Metellus Pius) 311
 Метелл Пий Сципион (Q. Caecilius Metellus Pius Scipio) 319
 Милон 146
 Милон Папиан (Т. Annius Milo Papianus) 318–319
 Милы (Mylae) 209
 Минуций Руф (М. Minutius Rufus) 206
 Минуций Терм (Q. Minutius Thermus) 226
 Минтурны (Minturnae) 147, 150
 Митридат VI Евпатор 72, 290, 299–302, 304–305, 312–313, 316, 319
 Митра 247–248
 Моммзен 45, 89–90, 140, 271, 277, 321
 Монтескье 49–50, 306
 Москва 43, 57, 66
 Муммий 213, 275
 Мутина (Mutina) 148
 Муций Сцевола (Р. Mucius Scaevola) 275

Н

Наполеон I 310
 Наполеон III 321
 Нарния (Narnia) 151
 Непете (Nepete) 149
 Нибур 45, 47, 53, 62, 73, 81–82, 84, 88–90, 95–100, 140, 192, 269
 Нич 63–64
 Номентум (Nomentum) 137
 Ноний 290
 Норба (Norba) 149
 Нуманция 196, 263
 Нумидия 213

О

Одиссея 164
 Оккупация (occupatio) 62
 Оккатор (Occator) 168
 Октавий 270–271, 274, 278
 Олимп 169
 Опимий 266, 285
 Орест 276
 Остия (Ostia) 43, 137, 147

П

Палатин 43–44
 Палес (Pales) 165
 Панеций 259
 Пантагата 192
 Панорм (Panormus) 209
 Папирий Курсор 138–140, 185–187
 Париж 287
 Парма (Parma) 148

Парфия 305
 Патриции 45–47, 53, 56, 59–60, 62, 67,
 72–73, 76–81, 83, 89, 94–98, 102–103,
 104, 115–119, 121–127, 163, 193, 194
 Пелигны 135, 159
 Пергам 210
 Персей 212
 Перузия (Perusia) 158
 Пестум (Paestum) 140, 151–152
 Пидна 212
 Пиза (Pisa) 153, 158
 Пирр 144–146, 152, 169, 185, 196–197,
 253
 Пифагор 189
 Пиценум 153, 202, 310
 Плацентия (Placentia) 152, 203
 Плебен 47–48, 53, 56, 59–60, 62, 63,
 66–67, 73, 75–76, 78–79, 83, 87, 94–99,
 102–104, 115–118, 119, 121–127, 163,
 193, 194, 316–317
 Племиний (Q. Pleminius) 227
 Плиний Старший 81–82, 108, 111, 239,
 241, 243–244, 294
 Плутарх 265, 269, 274–275, 278
 Полибий 48, 136, 162, 169, 204–205,
 213, 252, 259
 Помпей Великий (Cn. Pompeius
 Magnus) 244, 247, 308–314, 316–320
 Помпей Руф (Q. Pompeius Rufus) 310
 Помпей Страбон (Cn. Pompeius Strabo)
 310
 Попилий Ленас М. (M. Popilius Laenas)
 227
 Попилий Ленас П. (P. Popilius Laenas)
 278–279
 Порсена 82, 108
 Потенция (Potentia) 159
 Потина (Potina) 168
 Пренесте (Praeneste) 158
 Принципат 326–327
 Публилий Филон (Publilius Philo) 125,
 196

Р

Рабулей 99
 Реате (Reate) 155
 Региум (Rhegium) 146, 159, 190, 197
 Родос 210, 212
 Рубино 45
 Рубрий 275
 Румина (Rumina) 168
 Рутилий Руф (P. Rutilius Rufus) 293

С

Сабиняне 129, 162
 Сагунт 205

Салернум (Salernum) 148
 Саллюстий 155, 169, 315
 Самнитяне 135, 138–141, 162, 298
 Сарритор (Sarritor) 168
 Сатикула (Saticula) 151
 Сатурн 165
 Светоний 319
 Сереста (Segesta) 209
 Секстий Латеран (L. Sextius Lateranus)
 41, 120–121, 266
 Сена Галльская (Sena Gallica) 148
 Сентинум (Sentinum) 140–141
 Серапис 247
 Сервий Туллий 43, 54, 234
 Сервилий Главция (C. Servilius Glaucia)
 290
 Сервилий Цепион (Q. Servilius Caepio)
 294
 Серторий 302, 311
 Сеция (Setia) 149
 Сигния (Signia) 149
 Синуэсса (Sinuessas) 148
 Сипонт (Sipontum) 148
 Сиракузы 197, 207, 251
 Сирия 145, 210, 212, 240, 313, 318
 Сифакс 213
 Скрибоний Курион (C. Scribonius Curio)
 320
 Солон 105–108
 Сора (Sora) 151, 155
 Соракте (Soracte) 129
 Спарта 262
 Спартак 311
 Сполето (Spolegium) 152
 Спурий Кальвин 181
 Спурий Кассий 100, 271
 Спурий Лиустин 237
 Спурий Мелий 100, 271
 Сулла 230, 244, 246, 296–312, 316
 Сульмо 158, 236
 Сульпиций Гальба (S. Sulpicius Galba)
 228
 Сульпиций Руф (P. Sulpicius Rufus)
 300–301
 Сутриум (Sutrium) 149
 Суффеты 199, 201
 Сципион Азиатский (L. Cornelius Scipio
 Asiaticus) 212, 223
 Сципион Африканский (P. Cornelius
 Scipio Africanus) 109, 208, 212,
 224–226, 259, 261–262
 Сципион Кней (Cn. Cornelius Scipio) 207
 Сципион Назика (P. Cornelius Scipio
 Nasica) 275
 Сципион Публий (P. Cornelius Scipio)
 205, 207
 Сципион Эмилиан (P. Cornelius Scipio
 Aemilianus) 213, 259–264, 276

Т

Тавроменнум (Tauromenium) 209
Тарент 127, 142—146, 187, 197
Тарквинии (Tarquiniae) 155
Тарквиний Гордый 47, 72
Тацит 249, 291
Тeanум Сидицинский (Tea-num Sidicinum) 135, 283
Тевтоны 288—289
Тибур (Tibur) 158
Тицин (Ticinus) 205
Турии (Thuriae) 142, 153, 183
Тускуланум (Tusculanum) 133
Тускулум (Tusculum) 133—134, 156

У

Умбрия 140, 162, 208

Ф

Фабий Максим Аллоброгик (Q. Fabius Maximus Allobrogicus) 173
Фабий Максим Кунктатор (Q. Fabius Maximus Cunctator) 183—185, 206
Фабий Максим Руллиан (Q. Fabius Maximus Rullianus) 138, 140, 188, 191
Фабий Пиктор (Q. Fabius Pictor) 103
Фабриций (C. Fabricius) 142, 169, 183, 185—188, 242
Фабрициус 109
Фалерин (Falerii) 155
Фанний (C. Fannius) 284
Фермопилы 211
Фециния Гиспала (Fecinia Hispalis) 248
Фидены (Fidenae) 128
Филипп V 210—211
Фламиний 200—201, 206, 260
Фraud 321
Фрегеллы (Fregellae) 150, 266
Фрегены (Fregennae) 151
Фульвий Флакк 257, 285
Фунды (Fundi) 155
Фюстель де Куланж 165

Ц

Целий (Целийский холм) 43
Цере (Cere) 134—135
Церера 247
Циминский лес 140

Цинна (L. Cornelius Cinna) 301—302
Цирцеи (Circei) 149
Цицерон (M. Tullius Cicero) 49—50, 95, 107—108, 110—111, 133, 155, 189, 218, 228, 230, 245, 259, 265, 270, 275, 277, 279, 290, 293, 309—310, 313, 317, 325

Ш

Швеглер 45, 106, 108
Швейцария 62, 93
Шейлок 68
Шёлль 111

Э

Эбро 204, 218
Эвгемер 249—250
Эдуза (Edusa) 168
Эквы 130
Элевсин 202
Эмилий Лепид (M. Aemilius Lepidus) 307, 311
Эмилий Павел-отец (L. Aemilius Paulus) 206
Эмилий Павел-сын (L. Aemilius Paulus Macedonicus) 212, 259
Эмилий Скавр (Aemilius Scaurus) 244, 295
Эней 196, 314
Энний 249
Эпир 144—146, 197, 210
Эсис (Aesis) 140, 159
Эскивилин 44
Этрурия 82, 128, 134, 140, 151, 155, 158, 162, 202, 205—206, 208, 222, 225, 262—263, 308

Ю

Югурта 299
Юлий Цезарь Г. (G. Iulius Caesar) 46, 65, 72, 201, 222, 244, 246, 309—310, 314—327
Юлий Цезарь Л. (L. Iulius Caesar) 297
Юпитер Капитолийский 37, 44, 296
Юстиниан 111

Я

Яникул 128
Япиги 162

A

Aediles curules 122
Aediles plebis 122
Aerarius 119
Ager compascus 61
Ager privatus 265–266
Ager publicus 61–63, 121, 160, 215, 264, 266, 269, 279
Ager Romanus 83, 93, 148, 153–154, 158
Ager Servius 44
Ambarvalia 42
Aqua Appia 104, 189
Arx 37
Assertor libertatis 101
Assertor servitutis 101

C

Censura 118
Centuria praerogativa 192, 271
Cives sine suffragio 134–135, 162
Civitates censoriae 209
Civitates foederatae 209
Cloaca Maxima 44
Coemptio 97, 113
Comitia centuriata 41, 54
Comitia curiata 45, 53
Comitia tributa 41, 80, 83, 90, 93
Conciliabula 155
Confarreatio 96, 114
Connubium 116–117
Cunina 168

D

Dea Dia 42
Domiduca 168
Dominium 62, 266–267
Donativum 160, 187
Duoviri navales 143

E

Esculenta 221

F

Fas 174
Forum Appium 155
Fossa Cluilia 43
Fratres arvalis 42

G

Gens 46

H

Hastati 131–132
Hispania Citerior 216
Hispania Ulterior 216
Homines novi 195, 206

I

Ingenuus 177
Interrex 52

L

Lacus Albanus 133, 137
Legatarii 243
Legatum 243
Leges Licinia-Sextiae 120, 237
Leges Ogulniae 126
Leges Valeriae-Horatiae 87, 114–115
Lex Acilia 232–233
Lex Aternia Tarpeia 86
Lex Calpurnia 229
Lex Canuleia 116
Lex Claudia 203–204, 235
Lex Cornelia Baebia 256
Lex curiata de imperio 53, 217
Lex Hortensia 88, 89–90
Lex Iulia 219, 297
Lex Maenia 53–54, 256
Lex Manilia de imperio Cn. Pompeii 313
Lex Messia 317
Lex Oppia 242
Lex Ovinia 91
Lex Plautia et Papiria 299, 301
Lex Poetelia 100, 256
Lex Poetelia Papiria 71
Lex Publilia Philonis 53, 87, 125
Lex Servilia 232–233
Lex Valeria-Horatia 87
Lex Voconia 243
Libertinus 177
Libertus 177, 179
Luceres 80
Ludi Apollinares (ludi Apollinei) 92, 255
Ludi Florales 255
Lustratio 118, 178
Lustrum 118

M

Medix tuticus 156
Megalesia 247, 255
Mons Algidus 130
Monte Caro 129
Mos 174
Municipia ceretana 156
Municipia foederata 156

N

Nexum и nexus 69
Nobiles 78, 107, 193–194
Nomen Latinum 156, 161

O

Ordo equestris 234

P

Pater familias 172, 175
Patria potestas 112
Patrum auctoritas 53, 88
Plebiscitum 87–88
Plebs rustica 204, 286
Plebs urbana 204, 286
Pontifex maximus 126, 314
Populus и plebs 48
Possessio 62, 266–267
Potulenta 221
Praefecti iure dicundo 156
Praefecturae 156
Praetor peregrinus 216
Praetor urbanus 216
Principes 131–132
Publicani 209, 236
Pullarius 171

R

Ramnes 80
Rex sacrificulus 50, 52

S

Sella curulis 51
Socii 157

T

Titius 80
Toga praetexta 51, 118
Triarii 131–132
Tribuni militum 72, 117
Tribuni militum consulari potestate 99, 118
Tribuni plebis 72
Tribus praerogativa 271
Trinodium 114, 180

U

Usus 114

V

Ver sacrum 129
Vexillum rubrum 129
Via Appia 13, 104, 189
Via Aurelia 155
Via Cassia 149
Via Flaminia 201
Via Latina 137
Via Sacra 37
Vindicatio 101

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ I

¹ Юпитер — верховный бог древних римлян; бог грома и молнии (неба в целом). Функции Юпитера были разнообразными: он посылал на землю дождь, чем помогал вырастить урожай, даровал победу, следил за соблюдением обещаний, клятв и договоров. Жрецы Юпитера (а также Марса и Квирина) назывались флами́нами (дословно «возжигатели»).

Храм Юпитера Капитолийского был главной святыней Римского государства. Сооружение этого храма было начато во время царствования Тарквиния Древнего (616—578 гг. до н. э.), завершено при последнем римском царе Тарквинии Гордом (534—509 гг. до н. э.). (Liv. I. 55. 1.)

² Агх — крепость (укрепление, находившееся на Капитолии).

³ Via sacra — «священная дорога», соединявшая Капитолий с форумом.

⁴ Речь идёт прежде всего о получении солдатами прав римского гражданства после службы в римских легионах. Такой порядок существовал в Риме со времени военной реформы Гая Мария (107 г. до н. э.).

⁵ Римский папа — глава католической церкви. Слово «папа» означает «отец»; в эпоху раннего христианства верующие так называли своих духовных руководителей. На рубеже II—III вв. титул «папа» стали носить Александрийские патриархи, епископы Карфагена и Рима. Начиная с раннего средневековья титул «папа» является общепринятым обозначением епископа Рима, а в 1073 г. папа Григорий VII провозгласил, что только римский епископ имеет право называться папой.

⁶ Речь идёт о католических священнослужителях, подчиняющихся римскому папе.

⁷ Рясa — повседневная верхняя одежда монахов и духовных лиц с длинными рукавами, обычно чёрного цвета.

⁸ Имеется в виду деятельность Мартина Лютера и его последователей — реформация. Реформацией называется социально-идеологическое движение XVI в., осуществлявшее пересмотр догматов и культов христианской церкви, тем самым подрывая прочность позиций католического духовенства в Западной Европе.

⁹ Герье имеет в виду противостояние властей Итальянского королевства и римского папы, который потерял почти всю территорию бывшей Папской области после её присоединения к Италии в сентябре 1870 г. За римским папой остался только Ватиканский холм.

¹⁰ «Рим высказался» (пословица).

¹¹ Согласно античной традиции, Рим был основан 21 апреля 753 г. до н. э. (е. g. Plut. Rom. 12.) Этот день считался у римлян праздником (ibid).

¹² «Город» и «мир».

¹³ Концепция дуализма в объяснении исторического развития римского общества от его появления до гибели была разработана немецким историком Нибуром. Этот исследователь полагал, что в Риме существовал дуализм населения, выражавшийся в противостоянии патрициев и плебеев, дуализм хозяйства, заключавшийся в том, что земля была и собственностью народа, и собственностью отдельных римских родов. В отечественной науке концепцию дуализма римской религии разработал Д. Л. Крюков. По мнению этого учёного, дуализм «римской жизни» проявлялся и в разнородных религиозных верованиях и обрядах патрициев и плебеев. Данная концепция получила заметное развитие в творчестве В. И. Герье. Концепция дуализма наиболее полно и целостно отражена в его работе «Август и установление Римской империи», опубликованной в журнале «Вестник Европы» за 1877 г. в № 6, 7, 8. Как полагал В. И. Герье, дуализм римской истории проявлялся прежде всего в следующем:

- 1) в существовании двойных «юридических обрядов», в параллельных исках (очевидно, имеются в виду иски по защите квири́тской собственности и иски по защите бонитарной собственности. — А. Ю.);

- 2) в существовании *Iuris Civilis* и *Iuris Gentium* — права римских граждан и «права народов»;
 - 3) в разделении римского гражданского населения на патрициев и плебеев;
 - 4) в существовании власти консулов и власти трибунов. Консулы представляли принцип «государственной власти», а трибуны — принцип «народовластия»;
 - 5) в делении населения Италии на римлян и италийцев (по терминологии Герье — «италиков»);
 - 6) в делении населения разросшегося Римского государства на римских граждан и провинциалов;
 - 7) в сосуществовании в течение трёх веков (с конца I в. до н. э. по первую половину III в. н. э.) норм, обычаев, правил, восходящих к республиканской эпохе, и обычаев и учреждений, возникших с появлением империи (дуализм между республикой и империей).
- ¹⁴ В работе В. И. Герье «Август и установление Римской империи» говорится и о дуализме в императорскую эпоху, между греческой и латинской половинами государства.
- ¹⁵ Коллегия арвальских братьев, согласно преданию, была основана Ромулом, однако она существовала и в более древние времена. Об этом свидетельствует слово «*fratres*» («братья») — термин, обозначающий родственные связи. Аналогичные коллегии существовали и у других народов Древней Италии.
- ¹⁶ Протоколы коллегии арвальских братьев были записаны в эпоху Принципата и включают древние священные гимны. Гимны арвальских братьев изданы в Корпусе латинских надписей (CIL.VI. p. 159, 2023—2119), а также в издании Henzen G. *Acta fratrum Arvalium*. Berlin, 1874. В настоящее время существует более полное издание гимнов: Pasoli A. *Acta fratrum Arvalium*. Bologna, 1950.
- ¹⁷ Начало республиканского периода датируется 509 г. до н. э., когда последний (седьмой) римский царь Тарквиний Гордый был изгнан из Рима.
- ¹⁸ Согласно сведениям Ливия, Альба Лонга была взята и разрушена ещё при третьем римском царе Тулле Гостилии в 655 г. до н. э. (Liv. I. 29—30; см. также Flor. I. 1. 3.)
- ¹⁹ Взятие Габий относится ко временам правления Тарквиния Гордого. (Liv. I. 53—54; Flor. I. 1.7.)
- ²⁰ Согласно античной традиции, Остия была римской колонией, основанной в устье Тибра во время правления четвёртого римского царя Анка Марция (640—616 гг. до н. э.) (Cic. De re publ. II. III. 5; II. XVIII. 33; Strabo. V. 3. 5; Liv. I. 33. 9; Plin. NH. III. V. 56 — 57; Eutr. Brev. I. 5; Aur. Vict. De virt. ill. V. 3). Колония Остия в течение ряда столетий римской истории играла важную экономическую роль, прикрывая устье Тибра — реки, которая была важной «соляной магистралью». Остия также имела большое стратегическое значение, её колонисты находились под защитой Рима и сами неоднократно помогали метрополии, пополняя ряды её вооружённых сил.
- ²¹ Сервий Туллий — шестой царь Рима (правил с 587 по 534 г. до н. э.). Он разделил римское население на классы в соответствии с имущественным цензом, а римскую территорию — на трибы (территориальные округа).
- ²² Сооружение первого водопровода в Риме относится к 312 г. до н. э., ко времени цензорства Аппия Клавдия. (Liv. IX. 29. 6.)
- ²³ *Circus Maximus* — Большой цирк — одно из главных мест проведения зрелищ в Древнем Риме. Там организовывались состязания колесниц, кулачные бои и другие игры. Сооружение Большого цирка приписывается четвёртому римскому царю Анку Марцию. (Liv. I. 35. 8—9.)
- ²⁴ Подобная точка зрения восходит к античной традиции. Так, Ливий сообщает, что патрициями назывались потомки первых жителей Рима. (Liv. I. 8. 7.)
- ²⁵ Данная точка зрения основана на свидетельствах Плутарха, который различал среди древнейшего населения Рима «лучших граждан» и простой народ. «Лучшие граждане» назывались патрициями, так как могли сами указать своих отцов (*patres*). (Plut. Rom. 13.)
- ²⁶ Очевидно, границами рода являлась седьмая степень родства (ребёнок троюродного брата /или сестры/. Его дети уже не будут в одном роде с данным человеком, от ко-

- торого ведётся счёт родства). Вполне вероятно, таким путём образовывались ветви римского рода. (Ср. русск. поговорка «седьмая вода на киселе».)
- 27 Римляне полагали, что добрые духи умерших предков — маны — помогали живущим, защищали их. Они, как и живые люди, нуждались в пище и питье. Но если не умиловливать духов предков, то они могли стать злыми духами (лемурами, ларвами) и причинить вред живым потомкам. В приносимых жертвах важную роль играли бобы — растение, связанное с подземным миром. В Риме существовали праздники, посвящённые умершим предкам. Основными среди них были Паренталии (проводились с 12 по 21 февраля) и Лемурии (9, 11 и 13 мая). (Ovid. Fasti. II. 533, V. 485.)
- 28 Плутарх объясняет происхождение термина «патрон» от имени некоего Патрона, одного из спутников Эвандра (который возглавлял греков, переселившихся на Палатинский холм незадолго до прибытия Энея и его спутников в Италию /ок. 1200 г. до н. э./), который был покровителем и помощником нуждающихся. (Plut. Rom. 13.) Существует также этимология данного термина от слова «pater» («отец»).
- 29 Ауспиции — гадания по поведению птиц (по их полёту, клёву зерна). Эти гадания проводились жрецами-авгурами, притом лишь в особо установленных ими самими местах — templum. Слово «templum» переводится и как храм, и как брус, поперечно проложенный в его здании. (Vitruv. IV. 2. 5; 7. 5.) Одним из главных предметов птицегаданий был lituus — священная палка без сучьев с загнутым концом, которой авгур осуществлял ритуальное деление неба на четыре части.
- 30 Старшие и младшие роды.
- 31 Так излагает события Ливий. (Liv. II. 10—11.) Цицерон при описании этих лиц употребляет термин «pater conscriptus». (Cic. Phillip. XIII. 28.)
- 32 Ливий разделяет сенаторов на patres («отцы») и conscripti («приписанные»). (Liv. II. 1. 11.) Данному делению следует и Фест. (Fest. 6. 23—24 L.; 36. 16 L.; 304. 24 L.)
- 33 По мнению Полибия, существует шесть форм государственного устройства. «Правильными» формами являются «царство», «аристократия» и «демократия». В «царстве» власть принадлежит одному человеку, которому управляемые уступают власть по доброй воле, где властвует не столько сила, сколько рассудок. Аристократией называется такое правление меньшинства, при котором правят люди самые справедливые и рассудительные. Под демократией понимается такое государство, где решающая сила принадлежит большинству народа, но властвует закон, сильны обычаи предков. Когда же появляется не ограниченное никакими нормами и преградами единовластие, тогда царство вырождается в монархию (или тиранию). В случае беспредела в правлении немногих образуется олигархия, а когда буйство толпы не знает пределов, тогда соответственно демократия вырождается в охлократию. (Polyb. VI. 3—4.)
- В Римском государстве, как считал Полибий, было сочетание царской власти, аристократии и демократии. Эти три власти были распределены по отдельным государственным органам и магистратурам. Так, консулы обладали царской властью, сенат — аристократической, а народное собрание — демократической. Все эти три власти находятся во взаимной зависимости. Поэтому Римское государство и достигло значительного могущества. (Polyb. VI. 12—18.)
- 34 Два консула — высшие должностные лица в Риме. Они были обязаны советоваться друг с другом в государственных делах. Название этой магистратуры происходит, очевидно, от латинского глагола consulere — советовать. Согласно Плутарху, название данной магистратуры происходит от имени бога благих советов — Конса (его имя созвучно с глаголом «consulere»). (Plut. Rom. 14.)
- 35 Rex sacrificulus (или rex sacrorum) — «царь священнодействий». Эта жреческая должность учреждена в 509 г. до н. э. после изгнания царя из Рима. Обязанности «царя-жреца» состояли из тех богослужений, которые ранее проводились царями. Rex sacrificulus поднимался понтифику. (Liv. II. 2. 1.) Иногда по имени царя-жертвователя в Риме обозначался год. (Plin. NH. XI. 186.) С деятельностью царя священнодействий связан обряд regifugium («бег царя»). Rex sacrorum после совершения жертвоприношений на комиции (часть римского форума) бегом покидал его. Regifugium восходит к первобытному времени. По всей видимости, этот обряд имеет своими истоками представления о том, что плодородие в природе связано с физической силой вождя пле-

мени. Вождь, чтобы подтвердить в глазах соплеменников то, что он достаточно силен, быстро бегал после совершения священнодействий. В противном случае, когда обнаруживалась физическая слабость вождя, его убивали. (Этот обряд встречается у ряда современных племён, находящихся на стадии первобытности. Он служит аналогией для выявления назначения *regifugium* в Древнем Риме.)

³⁶ Царю-жрецу запрещалось занимать государственные должности и обращаться к народу. (Plut. Quaest. Rom. 63.)

³⁷ Право проведения птицегаданий.

³⁸ Ликторы — свита, сопровождавшая высших магистратов. Свиту ликторов учредил Ромул в составе 12 человек. Ливий объясняет число 12 количеством птиц, пролетавших по небу во время основания Рима. Их полёт был знаменем, предвещавшим Ромулу царскую власть в Риме. Число 12 объясняется также заимствованием у соседей-этрусков, которые сообщали избирали царя, и каждый из 12 городов (Тосканского двенадцатиградия этрусков. — А. Ю.) посылал по одному ликтору. (Liv. I. 8. 3.) В эпоху республики консула окружали 12 ликторов, диктатора — 24, а претора — 6.

Слово «ликтор» происходит от глагола «*ligare/alligare*», означавшего «вязать/связывать». Возможно, ликторы связывали непокорных ремнями, которые они носили за пазухой. (Plut. Quaest. Rom. 67; Gell. XII. 3.) Или же их название происходит от того, что они носили связанные в пучки фасции. (Verrius. 115. *lictors*.)

³⁹ *Sella curulis* — курульное кресло, предназначавшееся для высших должностных лиц, находилось на форуме.

⁴⁰ Должность, аналогичная римскому диктатору, существовала и в общинах этрусков (называлась «пуртна»).

⁴¹ *Lex Publilia* принят в 339 г. до н. э. Согласно данному закону, проведённому диктатором Квинтом Публилием Филоном, постановления, принятые голосованием плебеев, становились обязательными для всех римских граждан.

⁴² См. Liv. I. 43. 1 и далее.

⁴³ В. И. Герье имеет в виду труд римского историка I в. н. э. Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии». Тацит описывает построение германцев в сражении в соответствии с принципом родственных связей. (Tac. Germ. 7.)

⁴⁴ Согласно Ливию, гибель Фабиев при Кремере произошла в 478 г. до н. э. (Liv. II. 48–51.)

⁴⁵ Книги с I по X.

⁴⁶ Объяснение В. И. Герье тенденциозно. На самом деле Ливий понимал, что борьба патрициев и плебеев в разные периоды имела различные оттенки.

ЧАСТЬ II

⁴⁷ Относительно периода республики слово «историк» в Риме имело по крайней мере два значения — «анналист» (тот, кто вёл записи по принципу краткого погодного /по годам/ описания событий) и «антиквар» (тот, кто описывал не столько былые события, сколько бытовые и филологические древности). Первые анналисты появились в Риме в конце III в. до н. э. (Квинт Энний /239 — 169 гг. до н. э./, написавший «Анналы» из 18 книг, Марк Порций Катон Старший /234–149 гг. до н. э./, создавший труд «Начала»). Первые антиквары появляются в Риме во II в. до н. э. Наиболее знаменитым из них были Луций Элий Стилон Преконин /ок. 154–74 гг. до н. э./ (написавший ряд исследований, до нас не дошедших) и Марк Теренций Варрон /116–28 гг. до н. э./ (ему принадлежат сочинения «О латинском языке (6 из 25 книг сохранились), «О жизни римского народа», «О происхождении римского народа», «Древности в делах людских и божественных» /из трёх последних работ Варрона сохранились лишь цитаты/).

⁴⁸ Тот факт, что в жизни древнейших римлян скотоводство играло большую роль, доказывается и свидетельствами античных авторов, и данными науки. Ещё Варрон писал:

«Кто скажет, что римский народ пошёл не от пастухов? Кто не сообразит, что раз город основали они как раз в Парилии, то и сами были пастухами?» (Varro. R. r. II. praef. 4; I. 9.) /Парилии — праздник римских пастухов, посвящённый божеству скота Палес. / Доказательством того, что скотоводство в хозяйстве играло немалую роль, является обозначение собственности в Законах XII таблиц словом «rescupia», которое происходит от слова «recus», что значит «скот». Позднее термин «rescupia» будет обозначать деньги. Другим доказательством является происхождение многих родовых и личных имён от названий крупного и мелкого скота. (Порции /porca — свинья/, Овинии /oves — овца/, Каприлии /capra — коза/, Эквины /equus — конь/, Таврии /taurus — бык/, Азинии /asinus — осёл/ и т. д.)

⁴⁹ Столь категоричное утверждение Герье не совсем справедливо. Ко времени прихода Цезаря в Галлию у местного населения было хорошо развито как скотоводство, так и земледелие. Галлы уже знали плуг, косу, жнейку и получали высокие урожаи (на которые рассчитывал Цезарь во время своих походов). (Caes. B. G. I. 16; I. 39; II. 2. etc.) Большое количество селений в Галлии описываемого времени также свидетельствует о высоком развитии земледелия.

⁵⁰ Законы двенадцати таблиц. III. 5, 6.

⁵¹ Законы двенадцати таблиц (Leges duodecim tabularum) — один из древнейших памятников римского права. До нас они дошли только в цитатах позднейших авторов. Согласно античной традиции, эти законы были составлены в 451 и 450 гг. до н. э. Выдержки из законов двенадцати таблиц сохранились прежде всего в речах Цицерона, жившего в I в. до н. э., в «Естественной истории» Плиния Старшего, учёного I в. н. э., в «Институциях» римского юриста II в. н. э. Гая, в «Аттических ночах» писателя II в. н. э. Авла Геллия, в сочинениях юриста Доминиана Ульпиана /конец II — начало III вв. н. э./. В законах двенадцати таблиц устанавливаются защита частной собственности, нормы судопроизводства, оговариваются права наследования, регулируются семейные отношения, отношения должников и кредиторов, некоторые правила межевания земли; в этом памятнике нашли отражение и религиозные воззрения древних римлян.

⁵² Точка зрения Брунса не является общепринятой. Доводы В. И. Герье, приведённые ниже, вполне убедительны и обоснованны.

⁵³ Долг и должник.

⁵⁴ В 495 г. до н. э., когда Риму угрожали вольски, плебеи не желали воевать. Консул Публий Сервий в целях привлечения в войско плебеев распустил сенат и провёл закон о запрете держать римского гражданина в оковах или в неволе и о запрете отчуждения имущества и задержания детей и внуков должника, пока тот находился в войске. Такой мерой консул Сервий, как повествует Ливий, убедил плебеев записаться в войско. (Liv. II. 24. 1—8.)

⁵⁵ Фециалы — коллегия жрецов, занимавшаяся обрядами объявления войны и заключения договора. Коллегия фециалов появилась в царскую эпоху. Согласно Плутарху, эту коллессию учредил Нума Помпилий (Plut. Numa. 12), а по мнению Тита Ливия, фециалы появились в результате заимствования Анком Марцием фециального права (права совершения ритуалов объявления войны и заключения договоров) у соседнего племени эквинолов. (Liv. I. 32. 5.) Ритуал объявления войны состоял из нескольких этапов. Сначала противнику предъявлялись претензии, удовлетворение которых ожидалось в течение 30 дней. После этого (если требования римлян не удовлетворялись) жрецы призывали в свидетели богов и в завершение бросали копьё на землю противника. Когда границы римской civitas расширились, фециалы стали бросать копьё на участок земли около храма богини Беллоны. Этот участок находился вне черты поме́рия и символизировал территорию противника.

⁵⁶ Вместе с завоеваниями увеличивалось не только количество римских плебеев, но также и римских патрициев. Ещё в царскую эпоху знать покорённых общин переселялась в Рим, пополняя ряды римских патрициев.

⁵⁷ Третье сословие /фр./.

⁵⁸ II в. до н. э. В это время влияние плебейских трибунов на политическую жизнь Римского государства достигает апогея.

⁵⁹ Согласно античной традиции, названия трёх древнейших римских триб (Ramnes, Tities и Luceres) связаны с именем Ромула (Рамны), его соправителя Тита Тация (Тиции) и

- с названия роцци (*lucus*), где люди находили убежище. (Plut. Rom. 20.) Этим трём трибам соответствовали три одноимённые центурии всадников, созданные Ромулом. (Liv. I. 13. 8.)
- ⁶⁰ Здесь очевидная описка. Следовало написать «300 человек». Именно такое количество колонистов римляне обычно выводили в учреждаемые колонии. Сам В. И. Герье в курсе лекций по истории Древнего Рима (в Московском университете за 1903–1904 учебный год) в аналогичном месте указывает число 300. Такое же количество колонистов в сходном контексте указано в работе В. И. Герье «Основы римской истории» (1899).
- ⁶¹ Первая Самнитская война — 343–341 гг. до н. э., вторая Самнитская война — 327–304 гг. до н. э., третья Самнитская война — 298–290 гг. до н. э.
- ⁶² Закон о провокации. В 449 г. до н. э. консулы Луций Валерий и Марк Гораций предложили законопроект о запрете избрания римских должностных лиц без права обжалования их действий. Данный законопроект был принят на центуриатных комициях. (Liv. III. 55. 1–5.)
- ⁶³ Закон Атерния Тарпея. В консульство Авла Атерния и Спурия Тарпея (454 г. до н. э.) плебейский трибун Гай Кальвий Цицерон и плебейский эдил Луций Алиен привлекли к суду консулов прошлого года Тита Рамилия и Гая Ветурия, приговорив их к уплате пени. (Liv. III. 31. 5–6.)
- ⁶⁴ По постановлению собрания рода Манлиев в 384 г. до н. э. (когда защитник Капитолия Марк Манлий был приговорён на центуриатных комициях к смерти за сближение с лидерами плебеев и за стремление к власти) было решено, чтобы впредь никто из рода Манлиев не носил имени Марк. (Liv. VI. 20. 14.)
- ⁶⁵ В. И. Герье имеет в виду недостаточную степень сохранности источников (сочинений античных авторов), сообщающих о борьбе патрициев и плебеев.
- ⁶⁶ Игры в честь Аполлона были учреждены по постановлению сената (а не плебейских трибунов) в 212 г. до н. э., когда в Риме во время войны с Карфагеном разразилась эпидемия чумы. Игры устраивал претор, разбиравший тяжбы патрициев и плебеев. (Liv. XXV. 12. 3–14.)
- ⁶⁷ Слово «високосный» происходит от словосочетания *bis sextus* (дважды шестой), так как в Риме периодически вводилось в один из месяцев два шестых дня, чтобы сократить отставание календаря от астрономического года.
- ⁶⁸ Абберрация — здесь отклонение календарного счёта времени от астрономического года.
- ⁶⁹ Одними из первых законов об облегчении положения должников были законы, проведённые плебейскими трибунами Лицинием и Секстием в 367 г. до н. э. (Liv. VI. 39–42.)
- ⁷⁰ Плебейские трибуны стали предлагать законопроекты о наделении нуждавшихся землёй вскоре после появления их должности в 493 г. до н. э. (Liv. II. 33. 1.) Уже в 484 и 483 гг. до н. э. аграрные законопроекты плебейских трибунов вызвали серьёзные волнения сената. (Liv. II. 42. 6, 8.) К концу V в. до н. э. патриции сами стали упреждать инициативу плебейских трибунов, предлагая земельные законы до того, как трибуны станут беспокоить плебс. Так было, например, при основании колонии в Лабиках в 418 г. до н. э. (Liv. IV. 47. 6–7.)
- ⁷¹ В 362 г. до н. э. (Liv. VII. 5. 9.)
- ⁷² В 449 г. до н. э. (Liv. III. 37. 4.)
- ⁷³ В 452 г. до н. э. в Риме было решено на период составления законов избрать только децемвиров (а консулов не избирать). Их действия не подлежали обжалованию. (Liv. III. 32. 6.)
- ⁷⁴ Законы двенадцати таблиц. Тит Ливий называет эти законы истоком всего государственного и гражданского права римлян. (Liv. III. 34. 6.)
- ⁷⁵ Liv. III. 32. 6.
- ⁷⁶ В данном месте лекций В. И. Герье интерпретирует текст Ливия более тенденциозно, чем это делал несколько выше. Сам же Тит Ливий прямо не говорит о том, что целью деятельности децемвиров было создание законов о власти консулов.
- ⁷⁷ В. И. Герье имеет в виду тот факт, что во II в. до н. э. роль плебейских трибунов в политической жизни Римского государства достигает наивысшего развития.

- ⁷⁸ Фламины (досл. «возжигатели») — жрецы Юпитера, Марса и Квирина. Согласно античной традиции, должность этих жрецов учредил второй царь Рима Нума Помпилий. (Liv. I. 20. 1—2.) Жрец Юпитера назывался *flamen Dialis*. На фламинов накладывался ряд ритуальных запретов: делать умашения под открытым небом, занимать данную жреческую должность после смерти жены, прикасаться к муке, закваске, сырому мясу, плющу, собаке и козлу, а также произносить их названия. (Plut. Quaest. Rom. 40, 44, 50, 109—112.)
- ⁷⁹ Должность военных трибунов с консульской властью учреждена в 444 г. до н. э. в количестве 3 человек для более эффективного ведения войны с соседями. (Liv. IV. 7. 1—2.) Плебеи получили доступ к данной магистратуре в 400 г. до н. э. (Liv. V. 13. 2.)
- ⁸⁰ *Virgīnia* — лат. «дева», «девушка».
- ⁸¹ Патриции были недовольны допуском плебеев к магистратуре консулов в 367 г. до н. э. Один консул продолжал избираться из патрицианской среды. (Liv. Vi. 42. 9.)
- ⁸² Законы Ромула.
- ⁸³ «Пусть [на похоронах] женщины щёк не царапают и по умершим не причитают».
- ⁸⁴ Диоген Лаэртский жил в первой половине III в. н. э., происходил из карийского города Лаэрти. Его сочинение «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» состоит из 10 книг по истории древнегреческой философии и охватывает время от Фалеса до Хрисиппа (конец VII — конец III в. до н. э.).
- ⁸⁵ *Familia* — римская семья, изначально являвшаяся частью рода (*gens*). Несколько семей (фамилий) могли происходить из одного рода, поэтому в Древнем Риме у многих людей из разных семей были одинаковые *nomina* (Корнелии, Семпронии и др.), а иногда и *cognomina* (Сципионы). (Cfr. Ampel. 24.)
- ⁸⁶ 390 г. до н. э.
- ⁸⁷ Написание Гаем труда «6 книг комментариев к закону XII таблиц» (*Libri VI ad legem duodecim tabularum*) относится, по-видимому, ко второй половине правления императора Антонина Пия (середина II в. н. э.). От этого труда сохранилось 29 небольших фрагментов. Во введении Гай давал очерк истории римского права от Ромула до появления законов XII таблиц, а затем, очевидно, делал последовательный разбор отдельных норм данных законов.
- ⁸⁸ Авл Геллий — римский писатель II в. н. э., автор труда «Аттические ночи», в котором собраны многочисленные цитаты из произведений греческих и римских историков, ораторов, правоведов, мыслителей, поэтов.
- ⁸⁹ Плиний Старший (23/24—79 гг. н. э.) — римский автор, написавший энциклопедический труд «Естественная история», где имеются данные по многим вопросам античной науки, искусства, древней истории и права.
- ⁹⁰ Очевидно, В. И. Герье здесь имеет в виду тот вариант латинского языка, который в современной науке называется архаической латынью (язык римлян и остальных обитателей Лация VI—II вв. до н. э.).
- ⁹¹ С точкой зрения В. И. Герье по вопросу о календарном характере XI таблицы согласиться трудно. Исходя из текста сохранившихся фрагментов этой таблицы нельзя делать окончательных выводов о том, что она являлась «расписанием» благоприятных и неблагоприятных дней.
- ⁹² Букв. «на месте дочери», т. е. в положении дочери, которая находилась в полной зависимости от власти отца.
- ⁹³ Консулы 449 г. до н. э. (Liv. III. 55. 3.)
- ⁹⁴ *Sacrosanctitas* — здесь: «святость» и неприкосновенность личности плебейского трибуна.
- ⁹⁵ *Ius connubium* — право заключать брак, охраняемый римскими законами, одно из важнейших прав римского гражданина.
- ⁹⁶ Зд. священные узы.
- ⁹⁷ В 444 г. до н. э. в Риме было избрано три военных трибуна с консульской властью, которые находились у власти 3 месяца. (Liv. IV. 7. 1—3.)
- ⁹⁸ Тем самым.

- ⁹⁹ Должность цензоров была введена в 443 г. до н. э. (Liv. IV. 8. 2.)
- ¹⁰⁰ Зд. детали одежды.
- ¹⁰¹ Зд. контроль за состоянием нравов.
- ¹⁰² Очевидно, В. И. Герье имеет в виду тот факт, что с 396 по 379 г. до н. э. плебеи не занимали должностей военных трибунов с консульской властью.
- ¹⁰³ Досл. «стряхивание бремени». Таким словом называли одно из мероприятий Солона, заключавшееся в отмене долговых обязательств афинян в 590 г. до н. э.
- ¹⁰⁴ Принятие закона плебейского трибуна Петелия относится к 326 г. до н. э., а законы Лициния и Секстия были приняты в 367 г. до н. э.
- ¹⁰⁵ Assignatio — наделение римских граждан участками земли.
- ¹⁰⁶ Зд. вместе с патрициями.
- ¹⁰⁷ В 300 г. до н. э. плебейские трибуны Квинт и Гней Огульнии предложили законопроект о допуске плебеев в коллегии понтификов и авгуров. Этот законопроект был принят в 299 г. до н. э. В результате число понтификов увеличилось с 4 до 8, а авгуров — с 4 до 9. (Liv. X. 6. 3–7, 9. 1–2.)

ЧАСТЬ III

- ¹⁰⁸ Покорение Римом Италии завершается в 264 г. до н. э. установлением римского господства над этруским городом Вольсинии в результате обращения местной знати за помощью к римлянам против восставшего населения. (Flor. I. XVI; Val. Max. IX. 11. 2.)
- ¹⁰⁹ Этрусские общины были объединены в непрочные конфедерации (лиги, союзы) — Тосканскую, Паданскую и Кампанскую. Первая из них изучена лучше остальных конфедераций. Известно, что постоянного политического центра она не имела, но был религиозный центр — Вольсинии (город, который сохранял независимость дольше остальных общин Италии). Там ежегодно собирались главы (или представители) этруских городов Тосканской конфедерации для избрания главы союза (*zilaθ meχl gasnal*), обсуждения политических вопросов, совершения жертвоприношений. Глава конфедерации исполнял в основном культовые обязанности, был главным жрецом богини Вольтумены. Слабость политического объединения этруских городов проявлялась в том, что при столкновении той или иной этруской общины с Римом остальные города Этрурии её не поддерживали (как, например, во время войн Рима с Вейями, Тарквиниями и Цере).
- ¹¹⁰ Досл. «красное знамя» — сигнал опасности, принятый в Древнем Риме.
- ¹¹¹ Досл. «священная весна» — обычай, существовавший у итальянских народов. Обычай «священной весны» восходит к эпохе первобытности, когда в неурожайные годы после зимы молодёжь покидала родные семьи и уходила искать новое место жительства. При этом совершались определённые жертвоприношения, при которых закалывался молодой домашних животных.
- ¹¹² Очевидно, В. И. Герье под словом «ополчение» в данном случае имеет в виду необученное военному делу войско. Сам же принцип ополчения при комплектовании римской армии сохранялся до 106 г. до н. э., когда Гай Марий реорганизует армию, введя профессиональное вольнонаёмное комплектование римских легионов.
- ¹¹³ В данном случае имеется в виду многолетняя осада римлянами Вей.
- ¹¹⁴ Метательное копье.
- ¹¹⁵ Альбанское озеро.
- ¹¹⁶ Военный трибун 343 г. до н. э. Публий Деций прославился тем, что с небольшим отрядом занял труднодоступную вершину, в результате чего сковал действия самнитов и позволил основному римскому войску избежать больших потерь. Кроме того, Деций в ходе ночного прорыва с вершины к основным римским силам прошёл через позиции самнитов, нанеся урон противнику. (Liv. VII. 34–36.)
- ¹¹⁷ В 338 г. до н. э.

- ¹¹⁸ Посредством договора.
- ¹¹⁹ *Ius commercium* — право совершения законных сделок.
- ¹²⁰ Колония Интерамна основана в 312 г. до н. э. (Liv. IX. 28. 8.; Vell. I. 14. 4.) на земле самнитов.
- ¹²¹ Колония Калес выведена в 334 г. до н. э. в землю авзонгов. (Liv. VIII. 16. 13—14.; Vell. I. 14. 3.)
- ¹²² Во Фрегеллы, владения сигнийцев, а потом вольсков, была выведена колония в 328 г. до н. э. (Liv. VIII. 22. 1—2.)
- ¹²³ Луций Папирий Курсор был диктатором в 325 г. до н. э. (Liv. VIII. 29. 9.)
- ¹²⁴ Квинт Фабий Максим Руллиан был начальником конницы (*magister equitum*) при диктаторе Луции Паприи Курсоре в 325 г. до н. э. (Liv. VIII. 29. 9.) *Magister equitum* — чрезвычайная магистратура в Древнем Риме. Человек, занимавший эту должность, был ближайшим помощником диктатора.
- ¹²⁵ В 319 г. до н. э. Луций Папирий Курсор был начальником конницы (Liv. IX. 15. 9.)
- ¹²⁶ На самом деле крупные антиримские выступления самнитов продолжались и после окончания третьей Самнитской войны (290 г. до н. э.) Одни из последних восстаний самнитов против Рима следует отнести ко времени Союзнической войны (91—88 гг. до н. э.) (App. Bel. Civ. I. 39.) и Гражданской войны 83—82 гг. до н. э. (Plut. Sulla. 29.; App. Bel. Civ. I. 87.)
- ¹²⁷ Колония Везувия была основана в 291 г. до н. э. в земле луканов (Vell. I. 14. 6.)
- ¹²⁸ Колония Адрия в промежутке между 292 и 287 г. до н. э. (Liv. Per. 11.)
- ¹²⁹ См. прим. 1 данного раздела.
- ¹³⁰ Основание большинства греческих городов в Южной Италии относится к концу VIII—VII вв. до н. э.
- ¹³¹ Имеется в виду договор 348 г. до н. э. (Polyb. III. 24—25.)
- ¹³² Досл. «корабельные дуумвиры». (Liv. IX. 30. 4.)
- ¹³³ Колоний, выведенных в царский период и в эпоху республики по постановлению римского народного собрания и с разрешения сената было, по крайней мере, не 70, а 76. Если же принять во внимание поселения, основанные в период деятельности Гая Гракха по инициативе самого плебейского трибуна и его сторонников, но без разрешения сената (таковых было 24), то число колоний, основанных римлянами на Апеннинском полуострове в VIII—II вв. до н. э., будет составлять 100.
- ¹³⁴ Досл. «вывести колонию».
- ¹³⁵ В данном случае В. И. Герье имеет в виду первую колонию римских граждан. О правовом статусе колоний, основанных римлянами до времени Анка Марция (при котором вывели поселение в Остию (Liv. I. 33. 9; Strabo. V. 3. 5; Aur. Vict. V. 3; Eutr. I. 5.), определённых и ясных данных нет.
- ¹³⁶ Колония в Антий была выведена в 467 г. до н. э. (Liv. I. 6—7.; VI. 9. 1.)
- ¹³⁷ Повторное выведение колонии в Антий относится к 338 г. до н. э. (Liv. VIII. 14. 8.)
- ¹³⁸ Римские поселения в Минтурнах и Синуссе были учреждены в 296 г. до н. э. (Liv. X. 21. 7—9.; Vell. I. 14. 6.)
- ¹³⁹ 283 г. до н. э. (Polyb. II. 19. 12—13.)
- ¹⁴⁰ Досл. «гражданская война». В I в. до н. э. римское общество потрясли несколько гражданских войн, наиболее кровопролитными из которых были противостояние маррианцев и сулланцев (83—82 гг. до н. э.) и борьба сторонников и противников Юлия Цезаря (49—45 гг. до н. э.).
- ¹⁴¹ Имеется в виду не этническая принадлежность, а правовой статус поселенцев. Словами «латинские колонии» обозначаются поселения людей, обладавших *ius Latinum*, т. е. латинским правом. Большинство жителей таких колоний были выходцами из самого Рима.
- ¹⁴² Здесь под словом «гражданин» следует понимать «житель», «выходец».

- ¹⁴³ Колония Сигния была основана ещё при Тарквинии Гордом, т. е. до 510 г. до н. э. (Liv. I. 56. 3.). В 495 г. до н. э. туда были посланы новые жители. (Liv. II. 21. 6.)
- ¹⁴⁴ 492 г. до н. э. (Liv. II. 34. 6.)
- ¹⁴⁵ Хронологическая неточность: первая сецессия плебеев относится к 494 г. до н. э., основание колонии Сигнии — к 495 г. до н. э., римского поселения в Норбе — к 492 г. до н. э.
- ¹⁴⁶ 442 г. до н. э. (Liv. IV. 11. 3–5.)
- ¹⁴⁷ Имеется в виду 395 г. до н. э. (Liv. V. 24. 4.) Колонисты посылались сюда ещё раньше: во время правления Тарквиния Гордого (Liv. I. 56. 3.) и в 495 г. до н. э. (Liv. II. 39. 2.)
- ¹⁴⁸ 383 г. до н. э. (Vell. I. 14. 2.)
- ¹⁴⁹ 383 г. до н. э. (Liv. VI. 21. 4.; Vell. I. 14. 2.)
- ¹⁵⁰ 382 г. до н. э. по хронологии Веллея (Vell. I. 14. 2.) или 379 г. до н. э. по хронологии Ливия. (Liv. VI. 30. 9.)
- ¹⁵¹ Здесь В. И. Герье имеет в виду существовавшую в России практику передела земли в крестьянской общине вплоть до первых десятилетий XX века.
- ¹⁵² Мнение о том, что надел колониста в 2 югера не обеспечивал поселенца зерном и не был пахотным, а представлял собой приусадебный участок, отстаивал Т. Моммзен (а вслед за ним и В. И. Герье). Иного мнения придерживался В. И. Синайский, видный дореволюционный учёный, который полагал, что такой надел давал колонисту достаточно зерна для пропитания.
- ¹⁵³ 320 г. до н. э. (Vell. I. 14. 4.)
- ¹⁵⁴ 312 г. до н. э. (Liv. IX. 28. 8.; Vell. I. 14. 4.)
- ¹⁵⁵ 320 г. до н. э. (Vell. I. 14. 4.) или 313 г. до н. э. (Liv. IX. 28. 7.)
- ¹⁵⁶ 320 г. до н. э. (Vell. I. 14. 2.) или 314 г. до н. э. (Liv. IX. 28. 8.)
- ¹⁵⁷ В первый раз колония Сора была основана в 315 г. до н. э. (Liv. IX. 23. 3.), а во второй раз — в 303 г. до н. э. (Liv. X. 1. 1–2.; Vell. I. 14. 5.)
- ¹⁵⁸ 291 г. до н. э. (Vell. I. 14. 6.)
- ¹⁵⁹ Между 292 и 287 г. до н. э. (Liv. Per. 11.)
- ¹⁶⁰ 273 г. до н. э. (Vell. I. 14. 7.)
- ¹⁶¹ 273 г. до н. э. (Vell. I. 14. 7.)
- ¹⁶² 268 г. до н. э. (Vell. I. 14. 7., Eutr. Brev. II. 16.)
- ¹⁶³ 268 г. до н. э. (Vell. I. 14. 7., Eutr. Brev. II. 16.)
- ¹⁶⁴ Liv. Per. 20.; Vell. I. 14. 8.
- ¹⁶⁵ Правильно Vibo Valentia. Колония в этом месте основана в 192 г. до н. э. (Liv. XXXV. 40. 5–6.)
- ¹⁶⁶ 194 г. до н. э. (Liv. XXXIV. 53. 1–2.)
- ¹⁶⁷ 189 г. до н. э. (Liv. XXXVII. 57. 7–8.)
- ¹⁶⁸ 181 г. до н. э. (Liv. XL. 34. 2.; Vell. I. 15. 2.)
- ¹⁶⁹ 177 г. до н. э. (Liv. XLI. 13/ 4–5.; Vell. I. 15. 2.)
- ¹⁷⁰ 312 г. до н. э. (Liv. IX. 29. 6.)
- ¹⁷¹ Муниципии не могли осуществлять самостоятельную внешнюю политику.
- ¹⁷² Такие общины назывались префектурами, потому что ими управляли специальные префекты, назначаемые в Риме, а не местные органы самоуправления.
- ¹⁷³ Досл. «разделяй и властвуй».
- ¹⁷⁴ Досл. «союзные общины».
- ¹⁷⁵ В годы Союзнической войны (91–88 гг. до н. э.) Корфиний был центром борьбы италийцев с Римом.
- ¹⁷⁶ Досл. «договоры».
- ¹⁷⁷ Здесь явное риторическое преувеличение лектора.
- ¹⁷⁸ 269 г. до н. э. (Liv. Per. 15.)

- ¹⁷⁹ Здесь В. И. Герье излагает идиллическую картину взаимоотношений Рима и союзников. По мере завоевания Римом Италии возрастали выгоды, которыми обладали римские граждане, поэтому росло стремление итальянцев уравнивать своё положение со статусом римлян.
- ¹⁸⁰ Polyb. VI. 26–31 и далее.

ЧАСТЬ IV

- ¹⁸¹ Имеется в виду время с III в. до н. э.
- ¹⁸² В. И. Герье имеет в виду отсутствие устойчивых связей римлян с народами, которые не населяли Апеннинский полуостров, до III в. до н. э.
- ¹⁸³ Античная традиция приписывает установление замены человеческих голов на луковичи при принесении жертв богам второму римскому царю Нуме Помпилию. (Plut. Numa. 15.)
- ¹⁸⁴ То есть использование фикций в ритуалах.
- ¹⁸⁵ Множество божеств римской религии по сравнению с греческой обуславливается тем, что римско-италийское общество дольше, чем греческое, сохраняло пережитки первобытности. Именно сознанию первобытных людей свойственно наличие множества сверхъестественных существ, а с развитием общества происходит объединение нескольких функционально схожих божеств в одно.
- ¹⁸⁶ На самом деле причиной сохранения большого числа божеств в римской религии являлся её консерватизм, а подчинение Римом других народов Италии способствовало включению в римский пантеон божеств покорённых племён и общин.
- ¹⁸⁷ Cic. De resp. har. IX. 19.
- ¹⁸⁸ Plut. Рут. 20.
- ¹⁸⁹ Liv. V. 51–54.
- ¹⁹⁰ Досл. «нрав», «обычай».
- ¹⁹¹ Досл. «дом», «кров».
- ¹⁹² Досл. «вещь».
- ¹⁹³ Lustratio — обряд очищения.
- ¹⁹⁴ Досл. «в положении сына».
- ¹⁹⁵ Trinoctium — проведение трёх ночей за пределами дома мужа.
- ¹⁹⁶ Liv. II. 33–40.
- ¹⁹⁷ Гинекей — женская половина древнегреческого дома.
- ¹⁹⁸ Эрарий — римская государственная казна, находившаяся в храме Сатурна на форуме.
- ¹⁹⁹ Алкивиад — афинский полководец времён Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.)
- ²⁰⁰ Пифагор (580/570–500/496 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и математик, уроженец о. Самос. Учился в Египте, создал свою школу в г. Кротоне в Южной Италии.
- ²⁰¹ Fasti и nefasti — благоприятные и неблагоприятные дни для ведения как государственных, так и частных дел в Древнем Риме. Эти дни устанавливались в календаре.
- ²⁰² В. И. Герье имеет в виду время завершения завоевания Римом Италии, т. е. конец IV — начала III вв. до н. э.
- ²⁰³ Городские и сельские трибы.
- ²⁰⁴ Досл. «оседлые».
- ²⁰⁵ В этом предложении в оригинале автор сознательно допускает некоторую терминологическую путаницу, употребляя слово «gens» применительно к плебейам, хотя плебеи и не имели родовой организации.

ЧАСТЬ V

- ²⁰⁶ В оригинале употреблено устаревшее даже для конца XIX века слово «гелленизм».
- ²⁰⁷ Некоторые современные исследователи видят в предании об Энее отголоски памяти жителей Лация о переселении греков с Балканского полуострова на Апеннинский в конце II тыс. до н. э. (что также подтверждается и археологическими находками, и лингвистическими данными).
- ²⁰⁸ Тетрера — корабль с четырьмя рядами вёсел.
- ²⁰⁹ Пентера — корабль с пятью рядами вёсел.
- ²¹⁰ Датировка приближительна. См. Flor. I. XIX.
- ²¹¹ Налицо модернизация этнонимов.
- ²¹² Assignatio (adsignatio) — выделение земельных наделов римским гражданам на отобранных у врагов землях.
- ²¹³ Точнее Медиолан.
- ²¹⁴ Явное преувеличение.
- ²¹⁵ В XIX в. слово «магазин» означало «склад». Здесь имеются в виду склады продовольствия.
- ²¹⁶ Золотое кольцо на безымянном пальце было признаком принадлежности к слою всадников.
- ²¹⁷ Общественные леса.
- ²¹⁸ Десятины.
- ²¹⁹ 227 г. до н. э.
- ²²⁰ 227 г. до н. э.
- ²²¹ Основан около 367 г. до н. э. с центром в городе Ферм.
- ²²² Образован около 280 г. до н. э. Один из главнейших городов союза — Мегалополь.
- ²²³ Досл. «собачьи головы».
- ²²⁴ 146 г. до н. э.
- ²²⁵ 197 г. до н. э.
- ²²⁶ 146 г. до н. э.
- ²²⁷ 148 г. до н. э.
- ²²⁸ Точнее в 146 г. до н. э. в полисах Греции установились проримские режимы, а Афины и Спарта формально сохранили независимость. Провинцией Ахайя стала лишь в 27 г. до н. э.

ЧАСТЬ VI

- ²²⁹ В. И. Герье имеет в виду политическое устройство раннереспубликанского Рима.
- ²³⁰ В Риме существовало правило, согласно которому все мужчины с 25 лет были обязаны знать законы, так как незнание законов не освобождало их от ответственности. Законы в Риме выставлялись на всеобщее обозрение, поэтому ознакомиться с ними мог каждый.
- ²³¹ 189 г. до н. э.
- ²³² Колония латинского права, основанная в 181 г. до н. э. (Liv. XL. 34. 2; Vell. I. 15. 2.)
- ²³³ 171 г. до н. э. (Liv. XLIII. 1. 5—6, 17. 13.)
- ²³⁴ Термин «кандидаты в судьи» введён редакцией исходя из контекста для ясного понимания содержания лекций В. И. Герье. В оригинале данное словосочетание отсутствует.
- ²³⁵ Имеются в виду присяжные судьи (а не все лица, имена которых были в списках кандидатов в судьи).

- 236 Досл. «жестокость».
- 237 Если говорить точнее, всадниками считались сыновья сенаторов, которые не входили в состав *ordo senatorum* сразу с момента рождения. Сенаторами становились высшие римские магистраты после исполнения своих должностных обязанностей.
- 238 В. И. Герье имеет в виду войны со странами и народами, жившими за пределами Италии.
- 239 См. примечание 215.
- 240 Скотоводство на невыгодных условиях.
- 241 Расцвет латифундий относится к I в. до н. э. — I в. н. э. Во времена же Катона (II в. до н. э.) и Варрона (I в. до н. э.) активно развивались рабовладельческие виллы.
- 242 В. И. Герье подразумевает различие уровня богатства Рима до II в. до н. э. и Рима II—I вв. до н. э.
- 243 Имеется в виду вторая (218—201 гг. до н. э.) и третья (149—146 гг. до н. э.) Пунические войны.
- 244 Выражение «*Ceterum censeo Carthaginem delenda esse*», принадлежащее Марку Порцию Катону Старшему, стало крылатой фразой, обозначающей упорство отстаивания кем-либо своего мнения.
- 245 Гай Марий (156—82 гг. до н. э.) — римский полководец, реформировавший армию по принципу добровольного найма воинов.
- 246 Церера — римско-италийская богиня роста и созревания зерновых культур; также была связана с подземным миром, покровительствовала деторождению.
- 247 В III в. до н. э. культ Цереры подвергся влиянию культа греческой богини Деметры, приобретя некоторые мистические черты, рассмотрение Цереры как «греческой богини» является преувеличением.
- 248 Аполлон — один из главных олимпийских богов, сын Зевса и Лето, покровитель дорог, мореходов, музыкантов и певцов, врачевания. Аполлон также считался богом солнечного света.
- 249 Венера — италийская богиня плодовых деревьев, садов. Отождествлённая с греческой Афродитой, Венера стала богиней красоты.
- 250 Эскулап — италийский бог врачевания.
- 251 Кибела — фригийская богиня, Великая Мать богов и всего живого.
- 252 Вах — бог растительности, плодородия, виноградарства и виноделия.
- 253 Серапис (Осорapis, Сарапис) — божество, возникшее в результате искусственного соединения культов Осириса (бог, олицетворявший умирание и возрождение сил природы) и Аписа (египетский бог плодородия) по указанию Птолемея Лага (324—283 гг. до н. э.). Его культ был разработан гелиопольским жрецом Манефоном и элевсинским жрецом Тимофеем. Культ Сераписа включал в себя элементы культов Зевса, Плутона и Диониса. Серапис был объявлен верховным божеством и греко-македонского населения, и египтян.
- 254 В оригинале употреблено слово «гелленизировался».
- 255 Исида — египетская богиня плодородия и материнства, а также мореплавания, супруга и сестра Осириса. В Риме праздник почитания Исиды приходился на 5 марта, когда торжественно спускали на воду «корабль Исиды», сделанный в египетском стиле.
- 256 Митра — индоиранский бог огня, солнца и света, дружбы и верности клятв и договоров.
- 257 Римские игры, проводились в честь трёх главнейших римских божеств, Юпитера, Юноны и Минервы, с 4 по 19 сентября.
- 258 Игры в честь Аполлона, проводились с 212 г. до н. э. с 6 по 13 июля.
- 259 Игры в честь Великой Матери богов, проводились с 294 г. до н. э. с 3 по 10 апреля.
- 260 Игры в честь Флоры, римско-италийской богини цветения культурных растений, проводились с 28 апреля по 3 мая.

- ²⁶¹ Плебейские игры, проводились в честь Юпитера с 216 г. до н. э. с 4 по 17 ноября.
²⁶² Налицо явная модернизация. В Древнем Риме не было «политических клубов», подобных политическим организациям буржуазного общества XIX века.

ЧАСТЬ VII

- ²⁶³ Имеется в виду Сципион Эмилиан.
²⁶⁴ Агис IV — спартанский царь (245—241 гг. до н. э.), желавший возродить былое могущество Спарты при помощи следующих реформ: возрождения суровых нравов предков, кассации долгов и передела земли (эти меры должны были привести к усилению духа единства спартанцев и к увеличению числа воинов-землевладельцев).
²⁶⁵ Клеомен III — спартанский царь (235—222 гг. до н. э.), продолживший дело Агиса, соединил его идеи с мыслью об усилении царской власти путём создания её надёжной опоры в лице воинов-земледельцев.
²⁶⁶ 138—133 гг. до н. э.
²⁶⁷ II в. н. э.
²⁶⁸ III в. до н. э.
²⁶⁹ Фидес — римская богиня, являвшаяся олицетворением верности клятвам и договорам.
²⁷⁰ Нашествие германских племён кимбров и тевтонов приходилось на период со 113 по 101 г. до н. э.
²⁷¹ Очевидно, В. И. Герье подразумевает появление боевого братства в легионах, основанного на вольнонаёмном принципе, особой привязанности солдат к своим командирам, которые могли рассчитывать на поддержку легионеров не только на поле боя, но и в политических интригах.
²⁷² В оригинале текста данных лекций написано «Главк», правильное написание «Glaucia» исправлено на не совсем верное «Glaucus».
²⁷³ Досл. «об уменьшении величия римского народа».
²⁷⁴ В оригинале написано «в истории Аппиана о Ливии Друзе». Очевидно, в этом месте рукописи имелись в виду «Гражданские войны» Аппиана.
²⁷⁵ В. И. Герье имеет в виду прежде всего главу LXVI труда Аврелия Виктора «О знаменитых людях», посвящённую Марку Ливию Друзу.
²⁷⁶ 91—88 гг. до н. э.
²⁷⁷ Первая война с Митридатом (89—84 гг. до н. э.)
²⁷⁸ Досл. «для устройства республики».
²⁷⁹ Досл. «сенат и римский народ».
²⁸⁰ В. И. Герье в данном случае под словом «провинциальные» имеет в виду выходцев не из самого Рима, а из областей Италии.

ЧАСТЬ VIII

- ²⁸¹ Здесь проявляется особый интерес В. И. Герье к проблематике падения республики и установления принципата в Риме, которой учёный посвятил специальное исследование — «Август и установление Римской империи».
²⁸² В восстании Спартака (74—71 гг. до н. э.) принимали участие не только гладиаторы и рабы из окрестных имений, но и люди, не находившиеся в рабском состоянии.
²⁸³ Третья война с Митридатом (74—63 гг. до н. э.)
²⁸⁴ Понтийский царь начал удачно действовать против Рима ещё до смерти Суллы во время второй войны римлян с Митридатом (83—82 гг. до н. э.), когда вторжение

отряда римского наместника Мурены на территорию Понта было успешно отражено.

²⁸⁵ Деятельность последователя Суллы Луция Сергия Катилины и его сторонников развернулась в Италии в 63—62 гг. до н. э. Главным лозунгом катилинариев была отмена долгов, для осуществления которой Катилина стремился силой захватить консульскую власть.

²⁸⁶ Движение Клодия развернулось в 54—52 гг. до н. э. Тогда магистратами становились те люди, которые имели больше денег для подкупа толпы и преуспели в интригах. Недовольные таким положением вещей подвергались преследованиям и убийствам.

²⁸⁷ Риторическое преувеличение. Следует понимать «в Средиземноморье».

²⁸⁸ Досл. «отец отечества».

²⁸⁹ Битва на полях под г. Фарсалом в Фессалии в 48 г. до н. э. принесла победу Цезарю и его сторонникам над приверженцами Помпея и сената.

²⁹⁰ В оригинале написано «императорской», но, надо полагать, имела место явная описка курсистки, что подтверждается смыслом текста, следующего ниже.

²⁹¹ В оригинале употреблено слово «гелленизм».

Учебное издание

Герье Владимир Иванович

ИСТОРИЯ РИМСКОГО НАРОДА

**Курс лекций, читанных ординарным профессором В.И. Герье
на Московских высших женских курсах в 1887 году**

Зав. редакцией *Л. А. Соколова*

Редактор *В. В. Артемов*

Художественный редактор *О. П. Богомолова*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Н. А. Разворотневой*

Корректоры *Л. А. Ермолина, О. Н. Леонова, И. Н. Панкова*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных в издательстве «Просвещение».

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано к печати 19.04.02. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Усл. кр.-отт. 22,5. Уч.-изд. л. 26,22. Тираж 5000 экз. Заказ № 5095 (Кр).

Федеральное государственное унитарное предприятие ордена Трудового Красного Знамени «Издательство «Просвещение» Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Федеральное государственное унитарное предприятие Смоленский полиграфический комбинат Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.